

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ И ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В КАРЕЛИИ от Средних веков до наших дней

Карелия с давних времен является поликультурным регионом. Здесь шли сложные процессы этногенеза саамов, карелов и вепсов, сюда устремлялись потоки русских переселенцев, привнесшие славянский компонент в этническую карту края.

В условиях социально-политических катаклизмов и модернизационных преобразований XX века, повлекших за собой небывалый рост миграционной активности, в дополнение к коренным народам сформировались крупные этнические группы финнов, белорусов, украинцев.

Специфика культурно-сложного края, многоязычье его населения, близость к внешнему миру на протяжении столетий создавали определенные трудности как для светской, так и для духовной власти в выборе тактики, средств и методов управления, требовали нестандартных решений.

В книге представлены результаты исследований по этнической истории Карелии в диапазоне от Средневековья до современности. В поле зрения авторов – разнообразные вопросы, раскрывающие ход этнокультурных и этнополитических процессов в крае.

STUDIA NORDICA III

Федеральный исследовательский центр
«Карельский научный центр Российской академии наук»
Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН

**ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ
И ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ
В КАРЕЛИИ ОТ СРЕДНИХ ВЕКОВ
ДО НАШИХ ДНЕЙ**

STUDIA NORDICA

III

Петрозаводск
2019

УДК 94+32:39(470.22)
ББК 63.5(2Рос.Кар)
Э91

Рецензенты:

к. и. н. А. Ф. Кривоноженко, к. и. н. И. М. Соломеш

*Издано по Программе фундаментальных научных исследований РАН
«Социально-гуманитарные аспекты устойчивого развития и обеспечения
стратегического прорыва России», подпрограмма «Культурно-сложные
общества: понимание и управление»*

**Этнокультурные и этнополитические процессы в Карелии
Э91 от Средних веков до наших дней** / Науч. ред. О. П. Илюха. – Петро-
заводск: КарНЦ РАН, 2019. – 339 с. – (Studia Nordica III.)

ISBN 978-5-9274-0864-1

В сборнике представлены новые результаты исследований по этнической истории Карелии в диапазоне от Средневековья до современности. В поле зрения авторов – разнообразные вопросы, раскрывающие ход и специфику этнокультурных и этнополитических процессов в регионе.

Книга адресована исследователям, студентам, работникам сферы управления, образования, культуры.

УДК 94+32:39(470.22)
ББК 63.5(2Рос.Кар)

doi: 10.17076/ethno2019_0 © Коллектив авторов, 2019
© ФИЦ «Карельский научный центр РАН», 2019
ISBN 978-5-9274-0864-1 © Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, 2019

ПРЕДИСЛОВИЕ

Карелия с давних времен является поликультурным регионом. Здесь шли сложные процессы этногенеза саамов, карелов и вепсов, сюда устремлялись потоки русских переселенцев, привнесшие славянский компонент в этническую карту края. В условиях исторически длительных межэтнических взаимодействий формировались культурные ареалы с ярко выраженными локальными чертами.

Близость государственного рубежа, создававшая условия для торговых отношений в мирное время и несшая угрозу опустошений в периоды войн, добавляла своеобразия ходу этнических процессов. Граница восточной и западной цивилизаций, православия и католичества (лютеранства), кириллицы и латиницы стала важной составляющей в культурной самоидентификации жителей Карелии, повлияла на процесс оформления гражданской, этнической, религиозной, региональной и локальных идентичностей. Специфика культурно-сложного края, многоязычие его населения, близость к внешнему миру на протяжении столетий создавали определенные трудности как для светской, так и для церковной власти в выборе тактики, средств и методов управления, требовали нестандартных подходов.

Этнокультурное разнообразие отразилось в итогах Первой всероссийской переписи населения 1897 г., впервые статистически зафиксировавшей состав жителей края по родному языку. В Олонецкой губернии русский назвали родным 78,2% опрошенных, карельский – 16,3, вепский (чудской) – 4,4, финский – 0,7%¹. XX в. резко расширил этническую палитру Карелии. В условиях социально-политических катаклизмов и модернизационных преобразований, повлекших за собой небывалый рост миграционной активности, здесь, в дополнение к коренным народам, сформировались крупные этнические группы финнов, белорусов, украинцев. Уже к 1933 г. около трети населения Карелии составляли люди, родившиеся за ее пределами². По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. в Республике Карелия проживали представители более 150 национальностей.

В данном контексте безусловного внимания заслуживает история формирования этнической карты Карелии, этнокультурная динамика, исторический опыт осуществления этнонациональной политики и ее

¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897. Олонецкая губерния. Тетр. 3. СПб., 1904. С. IV–XI.

² *Покровская И. П.* Население Карелии. Петрозаводск: Карелия, 1978. С. 47.

последствий на различных отрезках времени. Обращение к опыту прошлого в поликультурном и пограничном регионе, каким является Карелия, может быть полезным для выработки оптимальных путей решения важнейших проблем межэтнических взаимодействий современности. Избранная проблематика представляется актуальной для современной ситуации в России, когда не уменьшается число конфликтов, имеющих в своей основе этнокультурные и конфессиональные различия, а поиск компромиссов, понимание процессов и закономерностей формирования и функционирования культурно-сложных сообществ становится серьезным политическим ресурсом.

Этническая история Карелии в последние десятилетия стала предметом устойчивого интереса историков Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН. Произошли значимые изменения в подходах к освещению этой проблематики. Если прежде подобные исследования концентрировались вокруг темы осуществления национальной политики, то теперь авторы все чаще настраивают фокус исследований на человека, его взаимоотношения с властью, повседневную жизнь в историко-культурном контексте, пытаются оценить последствия политических решений для судеб людей. В работе по данному направлению полидисциплинарный характер института предоставляет возможности для продуктивного взаимодействия историков, этнологов, языковедов, археологов и других специалистов гуманитарного профиля. Результатом такого сотрудничества стало успешное осуществление ряда комплексных проектов, завершившихся выходом книг³. В предлагаемом читателю издании представлены также статьи наших коллег из Петрозаводского государственного университета и Университета Хельсинки.

Хронологически сборник охватывает период от Средневековья до наших дней. Спектр вопросов, выбранных исследователями для обсуждения, довольно широк. С. И. Кочуркина определяет формировавшиеся этнокультурные зоны средневековой Карелии. В ее статье на основе комплекса археологических памятников, с привлечением исторических документов

³ Карельская семья во второй половине XIX – начале XXI в.: этнокультурная традиция в контексте социальных трансформаций: Сб. ст. и материалов / Сост. и ред. О. П. Илюха. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2013; Белорусы в Карелии: Исследования и материалы / Науч. ред. Л. И. Вавулинская, О. П. Илюха. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2016; Вепсы, карелы и русские Карелии и сопредельных областей: исследования и материалы к комплексному описанию этносов / Науч. ред. И. Ю. Винокурова. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2016; История и традиционная культура народов Карелии и сопредельных областей в свете новых источников, методов и подходов (памяти Р. Ф. Никольской) / Науч. ред. И. Ю. Винокурова. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2018; и др.

и материалов топонимии характеризуется процесс формирования трех крупных ареалов: Северо-Западного Приладожья – территории летописной корелы; Юго-Восточного Приладожья и южной Карелии – земель древних вепсов, а также бассейна Онежского озера, заселенного различными по своему происхождению охотниками, рыболовами и промысловиками.

Работа А. Ю. Жукова интересна с точки зрения потенциала использования данных, полученных языковедами, в историко-этнографическом исследовании. Автор приходит к выводу о том, что крестьянская самоорганизация опережала действия государственных властей и церкви в административно-территориальной организации крестьянского мира, универсальными формами которой были складывавшиеся на местах волости и приходы. На примере Ребольского погоста XVI–XVIII вв. исследователь показывает, что именно волости и приходы создавали своеобразные мини-ареалы, в которых шло вызревание и развитие большинства говоров и диалектов собственно карельского наречия.

Статьи В. В. Ефимовой и М. В. Пулькина, перекликаясь в их отдельных аспектах, раскрывают этноконфессиональную сторону жизни карелов в контексте имперской национальной политики. Обращаясь к эксперименту Александра I, в ходе которого реализовывался принцип «самой широкой веротерпимости», В. В. Ефимова затрагивает историю подготовки в 1820 г. перевода одного из Евангелий на карельский язык и показывает постепенный процесс перехода к политике жесткого регулирования конфессиональных проблем, осуществлявшейся уже Николаем I. Эта политика имела серьезные последствия для старообрядцев Олонецкой губернии, включая карелов, поскольку важным средством борьбы со староверами было признано скорейшее выведение из употребления карельского языка как «языка раскола». Исследовательница приходит к выводу, что из пяти черт этноконфессиональной политики Российской империи, признаваемых большинством современных исследователей, в Олонецкой губернии в 1820-х гг. проявились только три: этатизм, патернализм и принятие решений по принципу «ad hoc».

М. В. Пулькин рассматривает особенности взаимодействия духовенства карельских приходов с прихожанами. Он показывает, как в процессе становления церковного образования в Олонецкой епархии актуализируется задача издания богословской литературы на языках жителей края. Как считает автор, в первой половине XIX в. **важным стимулом для решения** указанной проблемы была борьба против старообрядческого влияния, тогда как в начале XX в. на повестку дня выходит противостояние лютеранской пропаганде.

Е. А. Калинина развивает, в частности, поднятую в статьях В. В. Ефимовой и М. В. Пулькина проблему переводов богословских текстов на карельский язык. Она концентрирует свое внимание на вопросе преподавания карельского языка в Олонецкой духовной семинарии, опираясь на уже известные данные и на результаты собственных архивных находок, – прежде всего, на отчеты ревизоров. Автор считает, что отсутствие учебных пособий и мизерное жалование преподавателей стали существенными факторами, препятствовавшими успеху этой работы.

Этноконфессиональную проблематику в данном сборнике расширяет статья Е. Ю. Дубровской, одним из источников которой стали православные издания начала XX в., выходившие по обе стороны российско-финляндской границы. Анализируя материалы «Олонецких епархиальных ведомостей», «Олонецкой недели» (Петрозаводск), «Карельских известий» (Салми), «Православного финляндского сборника» (Выборг), автор пытается проследить, как с помощью периодической печати начала XX в. складывались определенные представления читательской аудитории Карелии и Финляндии об экономическом и социально-культурном состоянии российско-финляндского приграничья, о населении приграничных территорий, его быте, верованиях, о ходе просветительской работы в крае. Хронологически статья охватывает периоды военных лихолетий: Первой мировой и Гражданской войн. Второй из этих периодов характеризуется сквозь призму публицистических текстов Тоймикунты – Временного правительства Архангельской Карелии. Интересен вывод о том, что *«листовки Тоймикунты, как и материалы православной публицистики времен Первой мировой войны, но „с обратным знаком“, напоминали жителям карельской глубинки об исторических фактах, репрезентация которых должна была определить их групповую идентичность»* и, добавим, – этническую историческую память. В статье раскрываются основные мифы, идеи и лексемы, которые в чрезвычайных обстоятельствах мировой и гражданской войн использовались для создания этнических и этнополитических образов, позволявших выстраивать коллективную идентичность.

Тему Гражданской войны в карельских регионах Северо-Запада России подхватывает в своей статье М. А. Витухновская-Кауппала. Автор проследживает, как в ходе гражданского противостояния карелы оказались в эпицентре политического и военного конфликта и вынуждены были выбирать линию политического поведения. По мнению исследовательницы, карельское население не было консолидировано, и выбор политических стратегий шел в диапазоне от присоединения к большевикам до попыток формирования независимого национального государства или вхождения в качестве

протектората в Финляндскую Республику. В результате «...основная часть населения Беломорской Карелии избрала стратегию самоизоляции и создания национального квазигосударства, которое, однако, не было жизнеспособным и было сметено большевистскими силами в 1920 г.».

Межвоенный период представлен в сборнике двумя статьями. Деятельность организованной в 1926 г. Карельской ассоциации пролетарских писателей, делившейся на секции по национальному признаку (финская, карельская и русская), а также созданного в 1934 г. Союза советских писателей Карелии рассматривает в своей публикации С. Н. Филимончик. Автор показывает формы взаимодействия властных институтов с творческой интеллигенцией с целью формирования механизмов управления общественным сознанием в условиях зигзагов в языковой политике. В тесной связи с изменениями в национальной политике и государственной идеологии раскрываются в статье основные направления деятельности писательских организаций Карелии 1920–1930-х гг., включая работу с народными сказителями. С. Н. Филимончик затрагивает тему сталинских репрессий, которые нанесли непоправимый ущерб писательской организации Карелии.

Тема политических репрессий находится в центре внимания И. Р. Такала. Рассматривая этническую составляющую репрессий, исследовательница приходит к выводу, что эта компонента, являясь важной частью политики большевиков, не была определяющей при проведении массовых репрессивных акций, так же как она не была центральной в выборе методов управления обществом в целом. Статья раскрывает специфику политических практик власти в полиэтничном пограничном регионе. В частности, в ней показано, что в приграничье превентивность террора, обозначившаяся еще в конце 1920-х гг., просматривается наиболее отчетливо. Проведенное исследование позволило также заключить, что в репрессивной политике советской власти в карельском приграничье превалировал финский шпионский дискурс, а размах «антишпионских» акций органов безопасности, практиковавшихся задолго до Большого террора, был направлен в первую очередь на карельское население. По мнению автора, в период массовых репрессий «этнизацию террора, точнее создание впечатления об усилении репрессий по национальному принципу, можно приписать скорее деятельности местных властей, старавшихся истово выполнять указания центра».

Особенностям этнически ориентированной газетной пропаганды периода финской оккупации посвящена статья А. Н. Тананы. Автор показывает, что материалы, публиковавшиеся в газетах, были направлены не только

на формирование пиетета к новой власти, но и на создание представлений о историческом и культурном единстве «национального» населения (карелов и вепсов) Восточной Карелии и Финляндии. При этом исследовательница раскрывает психологические приемы, клише и стереотипы, использовавшиеся газетной пропагандой. Результатом пропагандистско-просветительской деятельности совместно с прочими мероприятиями оккупационных властей должно было стать воспитание из представителей «родственных народов» истинных граждан Великой Финляндии.

З. И. Строгальщикова характеризует период «национального возрождения» 1990-х гг. и обращается к его историческим истокам. Автор видит их в «финском периоде» истории Карелии и политике коренизации, эхом отозвавшихся в условиях перестройки и в постсоветский период. С. В. Нагурная открывает перспективную тему «электронной письменности» на карельском языке, показывая разнообразие ситуаций и особенности функционирования языка в сети Интернет.

Сборник завершается статьей С. Э. Яловицкой, в которой характеризуются изменения миграционных процессов на территории Республики Карелия в 1990–2015 гг. Внимание сосредоточено на демографических, социально-экономических и социокультурных явлениях рассматриваемого периода. Для этнокультурной ситуации в Карелии начала XXI в. принципиальное значение, наряду с изменениями этнического самосознания проживающего здесь населения, имеют перемены в национальном составе мигрантов. За период между переписями 2002 и 2010 гг. увеличилось число приезжих, родившихся в Кыргызстане и Таджикистане. Одновременно сократилось число лиц, родившихся в Беларуси, странах Балтии, в Грузии и Украине. Очевидно, что этническая карта Карелии вновь меняет свои контуры.

Таким образом, сборник охватывает значительный круг тем и сюжетов, раскрывающих исторически изменчивую этнокультурную ситуацию и этнополитические процессы в Карелии. Некоторые статьи сюжетно перекликаются, объемно высвечивая тот или иной вопрос и образуя проблемно-тематические связки, что может стать предпосылкой появления в ближайшем будущем новых монографических исследований.

Светлана Ивановна Кочкуркина

*Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН,
г. Петрозаводск*

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ АРЕАЛЫ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КАРЕЛИИ¹

В статье на основе археологических материалов, письменных источников, данных топонимики, этнографии, антропологии определяются этнокультурные зоны средневековой Карелии. Характеризуется процесс формирования трех крупных ареалов: Северо-Западного Приладожья – территории летописной карелы; Юго-Восточного Приладожья и южной Карелии – земля древних вепсов – и бассейна Онежского озера, заселенного разноэтничными по происхождению охотниками, рыболовами и промысловиками.

Ключевые слова: этногенез, археология Карелии, история Средних веков, карелы, вепсы, русские в Карелии.

Древнейшая история народов Карелии, начиная с первоначального заселения ее территории и до второй половины I тыс. н. э. **включительно, реконструируется** в основном по археологическим источникам. Эпоха Средневековья рассматривается на более широкой информационной базе, включающей не только археологические материалы, но и богатые по содержанию как отечественные, так и западноевропейские письменные источники, данные лингвистики и топонимики, этнографии, антропологии. Это позволяет исследователям приблизиться к пониманию исторических процессов во всей их сложности, многообразии и мозаичности деталей. Естественные научные методы дают возможность извлекать из археологических материалов такие сведения, которые традиционным археологическим анализом, в силу их специфики, получить невозможно. Историю Карелии нельзя рассматривать изолированно от общерусских событий, так как внешнеполитические и экономические связи, этнокультурные контакты с ближними и дальними соседями оказывали существенное влияние на развитие политического статуса, духовной и материальной культуры народов Карелии. Территория, на которой происходило формирование народов Карелии, выходила за пределы современных административных границ и включала Северо-Западное (Карельский перешеек), Юго-Западное Приладожье (в основном бассейн реки Ояти).

¹ Исследование велось по госзаданию КарНЦ РАН.

Антропологическое освоение Карелии произошло примерно (даты уточняются) около 8000 лет тому назад. Археологическое наследие представлено памятниками эпохи мезолита, неолита, энеолита, бронзового и железного веков. Наличие различных природно-климатических зон сказалось на выборе мест обитания древним человеком, находившимся в сложной зависимости от экосистемы. Выявлены разнообразные модели адаптации населения к природным условиям Карелии, а также традиционные особенности материальной культуры населения на протяжении всего дописьменного периода истории [Адаптация культуры 2009].

Хронологические рамки Средневековья определялись по-разному. Российские и зарубежные исследователи полагают, что началом Средневековья следует считать крушение Западной Римской империи, т. е. конец V в. (ранее началом этого периода считали эпоху Великого переселения народов – IV в.). Относительно завершения эпохи у историков нет единого мнения. В последнее время отечественные медиевисты датируют окончание Средневековья концом XV – началом XVI в. Однако надо помнить, что периодизация вообще носит условный характер, так как зависит от конкретного содержания археологического наследия определенной территории. Известные к настоящему времени археологические древности раннего Средневековья народов Карелии и их соседей датируются VI–IX вв., эпохи развитого Средневековья – X–XV вв. Раннее Средневековье – это время возникновения Древнерусского государства и формирования этносов на Северо-Западе России. Именно в этот период древнерусские письменные источники называют их по именам: корела, весь, ижора, воль и др. Длительный процесс становления народов происходил в период формирования, укрепления и расцвета Древнерусского государства, конкретнее, Новгородской феодальной республики.

Летописная корела

Эпоха Средневековья Северо-Западного Приладожья ярко освещается не только археологическими памятниками, включающими могильники, поселения, городища, клады, но и письменными источниками, раскрывающими важные события в жизни народа, оставившего эти памятники. Исследование топонимии позволило сделать важные выводы относительно территории расселения древнекарельского народа, путей его передвижения, особенностей хозяйственной деятельности, этнокультурных контактов на протяжении нескольких сотен лет.

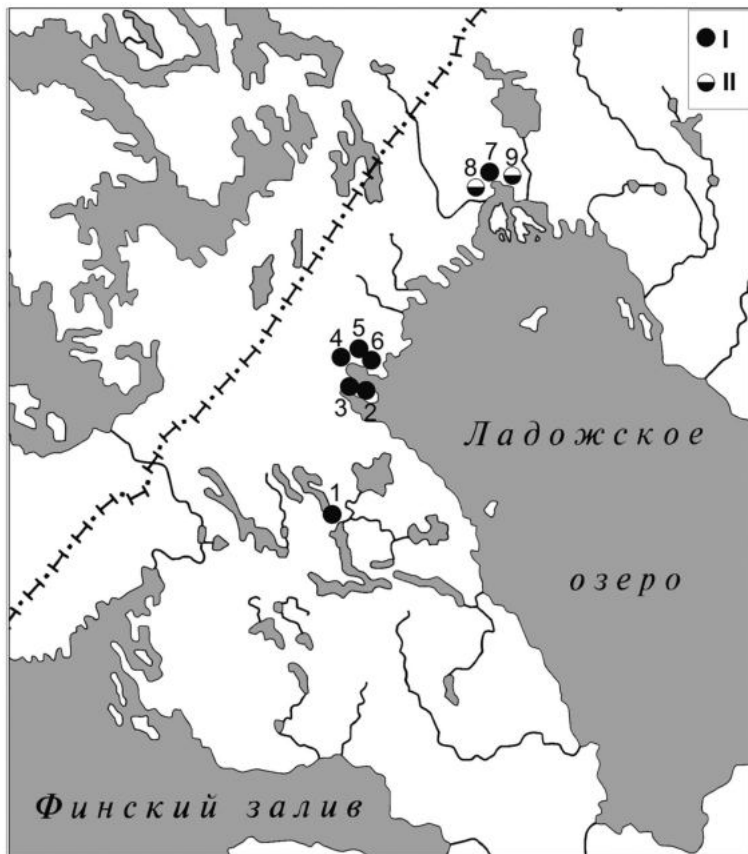
Благоприятные природно-климатические условия Северо-Западного Приладожья предопределили пути заселения края, формы адаптации

человека к естественно-географической среде, оптимальные способы природопользования, виды хозяйствования и т. д. В Приладожье много покрытых мелкозернистыми породами территорий, пригодных для земледелия, и, в первую очередь, на берегах Ладожского озера, в долинах рек. Суглинистые почвы характерны для районов Хийтола и Куркиёки, северной части Сортавальской округи и берегов Янисйоки. Доминантой ландшафта, особенно на фоне озерных шхер, являются горы, к примеру, Лопотти в Куркиёки, Мякисало, Паасонвуори, на которых в начале II тыс. н. э. размещались древнекарельские городища. У подножия гор располагаются удобные для земледелия участки. Благоприятные природно-климатические условия способствовали тому, что во все времена развитая поселенческая структура и активная хозяйственная деятельность населения сосредоточивались в прибрежной полосе Ладожского озера [Культурное окружение 1998: 26–48].

Городища находятся на берегу Ладожского озера вблизи пос. Куркиёки – Хямеенлахти, Ранталиннамяки, на островах р. Вуоксы и Ладожского озера – Тиверск, Корела, Терву-Линнасаари; городища Соскуа, Паасо и Лопотти – на берегах рек, в 1–2 км от их устья (рис. 1). Непосредственно на побережье Ладожского озера поселений не найдено. На некоторых памятниках обнаружены остатки более древних поселений и погребений [Кочкуркина 2010]. Судя по количеству выявленных фундаментов жилищ, население было немногочисленным (за исключением Тиверского городка и крепости Корела), возможно, в пределах 20–30 человек.

Напряженная внешнеполитическая обстановка отразилась на топографии поселений, на конструктивных особенностях застройки с использованием защитных свойств микрорельефа. При угрозе нападения население использовало для временной защиты труднодоступные возвышенности с обрывистыми склонами, так называемые городища-убежища, заблаговременно укрепленные некоторыми дополнительными каменными сооружениями. На постоянных поселениях, помимо внешних оборонительных конструкций в виде каменных стен, валов, применялись внутренние – из домов и построек, создававших еще одну дополнительную защитную линию.

Первым построили городище **Паасо** на высокой (79,2 м над уровнем моря) с крутыми скальными обрывами скальной возвышенности Паасонвуори. Занимая стратегическую высоту, примерно в 1 км от места слияния рек Тохмайоки и Хелюляйноки (первая берет начало в северо-восточных районах Финляндии и впадает в Ладожское озеро, примерно в 2 км от городища), жители могли контролировать окружающее пространство. Природные условия определили топографию и своеобразие строительных комплексов.

*Рис. 1. Городища Северо-Западного Приладожья:
I – городища; II – городища-убежища*

- 1 – Тиверск; 2 – Хямеенлахти-Линнавуори; 3 – Ранталинмяки; 4 – Лопотти-Линнямяки;
5 – Соскуа-Линнямяки; 6 – Терву-Линнасаари; 7 – Паасо; 8 – Рауталаhti-Линнавуори;
9 – Токкарлахти-Линнасаари

В результате многолетних археологических исследований городища Паасо можно сделать некоторые заключения относительно времени освоения возвышенности, особенностей планировки, занятий населения и некоторые наблюдения частного характера. В X – начале XII в. площадка Паасонвуори использовалась под временное поселение, о чем свидетельствуют редкие предметы этого времени. В XII–XIII вв. возвышенность была

приспособлена под городище оборонительного характера. Безусловно, немалую роль в выборе сыграли защитные свойства рельефа. К тому же, соорудив валы и каменные стены, население укрепило наиболее доступную для восхождения часть.

Из семи исследованных фундаментов шесть ориентированы в направлении север – юг, один – по линии северо-восток – юго-запад. Расположение жилищ, без сомнения, определялось микротопографией возвышенности. На такой небольшой и узкой, наиболее приспособленной для жилья площадке примененный метод застройки близок к оптимальному. Сооружения предназначались не только для проживания, но и должны были исполнять оборонительные функции. Вот почему они расставлены в шахматном порядке, довольно скученно, составляя единую линию защиты.

Скученная застройка имела и отрицательные последствия. Видимо, еще в самом начале строительства на горе случился пожар. Однако жители Паасо не отказались от намерения вновь отстроить поселок. Отопительные сооружения – печи, очаги – располагались, как правило, в центральной части жилищ, ближе к северным или южным стенам. Кроме того, на городище были два открытых очага довольно примитивной конструкции, а также зафиксированы остатки печи.

Основной материал городища позволяет датировать его XII–XIII вв., возможно, и XIV в. Типичные для древнекарельской культуры предметы, такие как овально-выпуклые фибулы, ажурные цепедержатели, металлические бусы, спирали, орнаментированные рукояти ножей и т. д., конструктивные особенности застройки, топографическая характеристика самого памятника позволяют отнести городище к древностям летописной корелы. Удивительно мало, учитывая оборонительное назначение памятника, предметов вооружения. Напротив, инвентарь говорит о занятии населения земледелием, охотой и рыболовством, а также производством железа, хотя и в небольшом масштабе. Не исключено, что военных столкновений на городище не было. Происходили они где-то в стороне и, видимо, не в пользу местных жителей. Большое число ювелирных изделий из цветного металла, хорошо сохранившийся инвентарь, наконец, отчетливо выраженные следы пожарища свидетельствуют, по всей вероятности, о гибели защитников Паасо.

На северном побережье Ладожского озера исследовано городище **Хямеенлахти-Линनावуори**. Оно располагается в 3 км южнее пос. Куркиёки на южном берегу залива Хямеенлахти на границе с заливом Лайккаланлахти (на современных картах залив Куркийокский)

Ладожского озера на возвышенности высотой 50 м над уровнем моря. Топографическая особенность Линнавуори заключается в том, что она не является доминантой на местности, а представляет собой северную оконечность длинного покрытого лесом скалистого отрога, тянущегося по полуострову (местность Риеккала) от залива Хямеенлахти до залива Риеккаланлахти.

Городище ооконтурено, кроме южной стороны, скальными обрывами и ориентировано в направлении север – юг. Южная, лишенная естественной защиты, укреплена каменным валом с проемом от ворот (ширина его 3,5 м). Западный отрезок вала длиной 15 м, шириной 2–2,5 м, восточный, соответственно, 17,5 и 1,5–3 м сложены из камней, засыпаны землей и густо поросли деревьями. Незащищенную скальными обрывами западную часть также укрепили валом длиной 11 м, шириной 1,5–2,5 м. По краю обрывистой, восточной, части городища, возможно, были сооружены, в целях безопасности, какие-то деревянные укрепления. Выявлены остатки каменной стены, идущей в направлении северо-запад – юго-восток и прикрывавшей городище с северной стороны (длина 6,2 м, ширина 2,8 м), фрагменты очага 2,2 × 2 м. В скальном углублении вскрыта печь, примыкавшая тыльной стороной к возвышенной части (3,6 × 2 м), и остатки каменного фундамента (6 × 3,6 м). Каменные фундаменты жилищ и отопительные сооружения обмазывались глиной, что подтверждается большим количеством найденных кусков обмазки.

Археологические вещи датируются XII–XIII вв.: **предметы женского** убранства из цветного металла (фибулы, подвески, копоушка, игольник, ножны, спиральки и стеклянные бусы), бытовой инвентарь (ножи, ключи, ледоходные шипы), боевое вооружение (наконечники стрел и копье), орудия рыболовства и т. д. Собраны шесть серебряных монет (одна не определена): восточная монета второй половины X в., из **четырёх** немецких монет одна первой половины XI в. и **три – второй** половины XI в. Но эти монеты не могут удревнить памятник, поскольку они использовались, вероятно, не в качестве платежного средства, но для переплавки ценного сырья.

Предпринятые раскопки привели к выводу, что городище Хямеенлахти-Линнавуори, занимающее стратегическое положение на берегу Ладоги, по топографическим и конструктивным особенностям, а также вещевому инвентарю является типичным укрепленным поселением древних карелов. Связь между названием мыса Хепониemi и большим количеством найденных на городище лошадиных зубов, подков, вероятно, допустимо объяснить развитым коневодством в хозяйстве жителей городища. Население Северо-Западного Приладожья использовало

лошадей в качестве тягловой силы и средства передвижения, экспортировало и разводило их [Кочкуркина 1982: 154]. Может быть, конину употребляли в пищу.

Несколько позднее, в XIII–XIV вв., на острове построили городище **Терву-Линнасаари**. Остров (275 × 140 м) располагается в 2,6 км юго-восточнее пос. Терву, в удобной одноименной бухте в окружении островов, защищающих его от ветров и волн открытого Ладожского озера. В то же время с вершины острова в ясную погоду акватория озера просматривается на дальнее расстояние. В случае же вражеского нападения у жителей острова, вытянутого в направлении север – юг, была возможность укрыться на материке. Южная часть округлой формы, скалистая и обрывистая (43,5 м над уровнем моря), северная – низкая и пологая, но, тем не менее, защищена тройной линией укреплений из крупных блоков камней попеременно с мелкими. Городище занимает южную округлую часть острова (155 × 115 м).

При раскопках вскрыт фундамент жилища. Само строение, скорее всего, было деревянным и, видимо, в целях предохранения от пожаров обмазывалось глиной. Этим можно объяснить огромное количество найденных кусочков глиняной обмазки. Между скальными отрогами был сооружен каменный мостик (возможно, были и деревянные ворота), созданный, с одной стороны, для обороны открытого участка и для препятствия к восхождению на городище, а с другой – для свободного прохода жителей.

Собрано более 300 предметов из цветного металла, стекла, железа, камня, глины. Изделия из цветного металла представлены характерными древнекарельскими украшениями: овально-выпуклыми фибулами нескольких типов, Ф-образными пронизками, цепедержателями, копоушками. Предметы вооружения единичны.

Терву-Линнасаари является, с одной стороны, типичным средневековым древнекарельским поселением с традиционными оборонительными укреплениями и жилой постройкой, а с другой, расположение его на высоком скалистом острове придает городищу исключительное своеобразие. Выбор для поселения острова, занимающего стратегическое положение в акватории Ладожского озера, не случаен – населению приходилось, видимо, обороняться как от внешних врагов, так и от разбойничьих набегов соседей, оберегая свою жизнь и имущество.

Небольшое городище **Соскуа-Линнамяки** находится в 4,5 км юго-восточнее пос. Куркиёки, на левом берегу р. Соскуанйоки, примерно в 1,8 км от ее впадения в залив Токкаринлахти Ладожского озера.

Оно располагается на возвышенности (максимальная высота над уровнем моря 44 м), окруженной лугом, кустарниками, с восточной стороны – кромкой леса. С севера и северо-запада огибается рекой. Мощные крутые скальные обрывы отмечены по юго-западному краю возвышенности. На восточной стороне на высоте 35–36 м прослежен отрезок стены, сложенной из камней без применения связующего раствора.

На Линнамяки имелось всего два участка, пригодных для проживания. Обнаруженный в раскопах материал не противоречит находкам ранее исследованных древнекарельских городищ и позволяет датировать Соскуа-Линнамяки XII–XIV вв. До сих пор отчетливо просматривается вход на городище, четко обозначенный крупными валунами и камнями от развалившейся стены. Большое количество углей – вероятно, следы от сгоревших деревянных конструкций ворот. В сравнении с другими известными укрепленными поселениями, Соскуа носит «провинциальный», сельский характер. Возвышенность, видимо, была рассчитана на защиту малочисленного местного населения и не носила стратегического характера. Обратим внимание, что на вскрытой площади городища нет замков и ключей, что довольно странно, если бы поселение было круглогодично обитаемо.

В Северо-Западном Приладожье известны городища-убежища: **Рауталахти-Линнавуори, Токкарлахти-Линнасаари, Ранталиннамяки**² и некоторые другие, без культурного слоя, но с ярко выраженными оборонительными каменными укреплениями, использовавшиеся, видимо, только в случае реальной опасности.

В районе пос. Куркиёки в XV–XVI вв. функционировало еще одно укрепленное поселение, поскольку военная обстановка оставалась по-прежнему сложной. На невысокой (42 м над уровнем моря) возвышенности **Лопотти** (окраина пос. Куркиёки) было построено городище. С севера оно омывалось р. Рахоланйоки, впадающей в залив Ладожского озера. Площадь поселения около 500 м². Помимо внешней линии оборонительных укреплений, сложенных из камней «насухо», защищающих возвышенность с трех сторон, существовала внутренняя – из жилых построек. Деревянные дома на каменных фундаментах (раскопано четыре) площадью от 13 до 25 м² имели печи-каменки в северо-восточном углу. Под юго-восточным углом фундамента при раскопках обнаружено сланцевое тесло, датирующееся поздним мезолитом или ранним неолитом. Видимо, положено оно под угол фундамента с какими-то ритуальными целями.

² Последнее относится к переходному типу между городищами и городищами-убежищами, так как найдены и предметы вооружения, и бытовой инвентарь [Витов 1964].

Наступление противника можно было ожидать с севера, со стороны реки, поэтому строители постарались максимально укрепить северный мыс. Поперек возвышенности они поставили заслон из жилищ, которые одной стороной примыкали к общей каменной стене. Среди немногих находок – единичные украшения, стамески, гвозди, железные накладки, ключи, точильные бруски – нет таких, по которым можно установить точный период существования, поэтому городище Лопотти датируется приблизительно XV–XVI вв., может быть, и более поздним временем.

Лопотти («Lopotti»), по мнению топонимистов, – это несколько измененное русское слово «слобода». Погост Куркиёки впервые упомянут в русских письменных источниках под 1396 г. В переписной окладной книге Водской пятины 1500 г. [Переписная окладная книга 1872: 127] назван Кирьяжский Богородицкий погост с деревнями Ладикола, Нивкола «на реце на Кирыеше», а также «деревня под городищем», разместившиеся в границах современного пос. Куркиёки.

На Карельском перешейке, в Корельской земле, в конце XIII – начале XIV в. при непосредственном участии новгородских властей начато строительство крепостей для защиты пограничных рубежей от шведских посягательств. Для этих целей в период между 1293 и 1323 гг. возвели **Тиверский городок** – военно-оборонительный и ремесленный центр на Карельском перешейке в 14 км от пос. Мельниково Приозерского района Ленинградской области. Окруженное валом и каменными стенами поселение располагалось у порогов Тиури на острове, омываемом двумя руками р. Вуоксы (15 м над уровнем моря).

Городище площадью около 1 га окружено каменными стенами и валом. Первое сообщение о Тиверском городке содержится в Никоновской летописи под 1404 г., второе – под 1411 г., когда шведы неожиданно напали на него. Однако эти даты не означают, что городок существовал только в указанный короткий промежуток времени. Археологические раскопки выявили жилые и хозяйственные комплексы, крепкие оборонительные сооружения и захоронения погибших защитников крепости (28). Вскрыто 14 фундаментов жилищ, сложенных из мелких, плотно уложенных камней, обмазанных глиной. Дома строились из дерева. Отопительные сооружения из камней и глины чаще всего располагались в северо-западном углу дома, ближе к выходу. Площадь жилищ колебалась от 18–20 до 54 м². Постройки составляли двухрядную цепочку соответственно конфигурации острова и, располагаясь в шахматном порядке, составляли оборонительную линию.

Южная часть городища была защищена мощным земляным валом на каменном основании. Обороне этого участка придавалось большое

значение, так как враг мог появиться именно с южной стороны. Недаром в южной части поселения найдено почти все собранное при раскопках оружие. В основании вала в качестве оберега строители поместили жертвенник. Протяженность уцелевших оборонительных укреплений около 300 м, ширина от 1 до 11 м, высота (с внутренней стороны) 0,3–0,7 м. В северной части, как более безопасной, была сосредоточена вся хозяйственная жизнь.

Собранный при раскопках инвентарь показывает, что жители Тиверска (не более 60–70 человек) не только несли сторожевую службу, но и занимались ремеслом, сельским хозяйством, животноводством, охотой, рыбной ловлей, участвовали во внешней и внутренней торговле.

Городок, возможно, назван Тиверским по имени одного из пяти корельских родов – Тиврульцев. Большинство исследователей-лингвистов полагают, что слово «тиури» саамского происхождения. Существует и другое мнение, согласно которому наименование с тиури (в том числе и Тиуринлина) происходит от имени варяжского предводителя Diuri [Nissilä 1975: 218].

Административным и торгово-культурно-экономическим центром Приладожской Карелии в XIV – начале XVII в. была **Корела** – «Корельский город» (ныне г. Приозерск Ленинградской области). Оборонительные сооружения расположены на двух островах р. Вуоксы в 2–4 км от ее впадения в Ладожское озеро: небольшом, площадью около 6000 м², называемом по литературной традиции «Старой крепостью» (детинец) (высота 8–10 м), и на соседнем Спасском острове (посад), заселенном в конце XV в.

Из летописей известно, что шведы основали город в 1294/95 г., по шведским же источникам, они лишь обновили построенные новгородцами укрепления. Анализ разноречивых письменных материалов привел к предположению, что, возможно, в устье реки находился предшествующий городу острожек, но по разным причинам до сих пор не найден. Перенос поселения на остров, как выяснилось в процессе археологических раскопок в 70-х гг. XX в. в детинце крепости (раскопки А. Н. Кирпичникова), состоялся либо в 1300, либо в 1310 г. Выявлены два строительных горизонта: верхний содержал остатки сгоревших деревянных домов, датирующихся по данным дендрохронологии 1360–1380 гг.; нижний, отнесенный к 1310–1360 гг., – следы основанного новгородцами военного городка. Предполагается, что строители увеличили высоту острова за счет возведения по его краю своеобразной платформы, на которой построили дома и, вероятно, деревянные защитные укрепления. По теоретическим расчетам на острове в крепости размещалось 100–110 однокамерных домов, в которых проживало 300–330 русских и карельских поселенцев, из которых треть несла сторожевую службу. О доминирующей

роли русского населения свидетельствуют планировка, жилые постройки срубного типа, обилие вещей русского городского ремесла. Следы корелы выявлены по типичным для их культуры археологическим предметам и упоминаниям в переписной книге 1500 г. (с. 5–6). При археологических исследованиях на рубеже 80–90-х гг. XX в. (раскопки А. И. Саксы и П. Уйно) на территории древней крепости обнаружены строительные остатки, существовавшие на острове до возведения крепостных сооружений, и предположительно следы разрушенных погребений VIII–XIII вв., которые позднее были уничтожены при строительных работах.

Во второй половине XIV в. после пожара посадник Яков укрепил остров новгородским костром – каменной боевой башней, входившей в кольцо деревянных укреплений. В плане она представляла трапецию со скругленной фронтальной стороной. Площадь нижнего яруса 28 м². Фундамент сложен из валунов без связующего раствора, стены – из тесаных гранитных камней, скрепленных известковым раствором, с валунной забутовкой. Полагают, что к башне с северной и южной сторон примыкали деревянные укрепления, создавшие вместе с ней сплошное оборонительное кольцо. Примерно через 100 лет увеличили толщину ее стен, в XVI в. за ненадобностью башню снесли. С XVI в. на обоих островах, в связи с усовершенствованием артиллерии, были выстроены крепости бастионного типа, использовавшиеся до начала XIX в. [Киричников 1984: 119–144; Uino 1997: 261–268; Saksa 1998: 107–125].

Коллекции, собранные в процессе раскопок городищ, насчитывают свыше 1000 предметов из цветного металла, железа, камня, кости и более 4000 фрагментов пористой, лепной, гончарной, белоглиняной керамики.

Корела сумела успешно реализовать находящиеся на ее территории железорудные запасы сырья. Выявлены остатки железоделательного и кузнечного производства, а также многочисленные куски шлаков с высоким содержанием железа. Профессионально использовались термическая обработка, паяние, обмеднение железных изделий. При изготовлении разнообразного кузнечного инвентаря применялись вытяжка, рубка, обрезка, пробивка отверстий, изгиб, скручивание. На некоторых предметах прослежена художественная кузнечнаяковка. Инкрустация цветным металлом в виде двух параллельных полос отмечена на боевых топорах. Мастера, владея передовой технологией, изготавливали разнообразные инструменты, употребляемые для обработки дерева и в ювелирном деле, в сапожном, шорном и ткацком ремеслах, в сельском хозяйстве и промыслах, оружейном деле.

Производство отличалось высокой степенью сложности и не уступало в этом древнерусским городам, прежде всего Новгороду, под влиянием которого оно развивалось. Использовались те же технологические схемы: трехслойный пакет, варка стальной полосы в рабочую часть клинка, наварка стального лезвия на железный клинок. Сравнение самой массовой категории кузнечного инвентаря – ножей – из древнекарельских поселений показывает тесную связь местной технологии с северорусской. В производстве ножей наиболее часто употреблялись технологические схемы, доминирующие на севере Руси, прежде всего в Новгороде, в IX–XII вв., и главным образом прогрессивная сварная техника. В древнекарельской земле она продолжала использоваться и в XIII–XIV вв. Долгое сохранение этой технологии можно объяснить не только устойчивостью традиций в среде кузнецов, но и тем, что до северной периферии Новгородской земли еще не дошли экономические стимулы, заставлявшие работать на широкий рынок и неизбежно приводившие к экономии металла и упрощению технологии [Хомутова 1982].

Меднолитейное дело в древнекарельских землях также развивалось в русле передовых традиций. Для изготовления предметов украшения использовались сложные сплавы. Известны изделия из довольно редкой оловянной латуни, датирующиеся, как правило, X–XI вв. и свидетельствующие о наличии на памятниках следов догородищенских слоев. Отмечен высокий процент изделий из бронз (сплавы на основе меди + олово, свинец), но использовались только низкооловянные двойные бронзы, как и на всех памятниках Северо-Запада. Вещи из них датируются XII–XV вв. Пик изделий из «чистой» меди приходится на XII–XIV вв. На городищах обнаружены предметы из многокомпонентных сплавов. Наличие таких сплавов специалисты объясняют дефицитом металла с высоким содержанием цинка. Поэтому к нему добавлялись переплавленные вышедшие из употребления предметы и их обломки. Серебро как дорогой металл использовался весьма экономно. Вопрос о путях поступления металла остается пока неясным, но предполагают, что со второй половины X в. медь, латунь и серебро появились на Руси из западноевропейских рудников; медное сырье – из Волжской Булгарии. С XII в. основным поставщиком чистой меди на рынки Балтийского региона и Северо-Запада Руси становится Швеция [Ениосова 2010; Ениосова, Кочуркина 2010]. Комплексность хозяйства древних карелов можно проследить по топонимическим пластам, характеризующим различные отрасли, а также районы локализации некоторых его видов в зависимости от особенностей природной среды. Населению, обитавшему в центральной части Карельского перешейка, в равной степе-

ни были свойственны земледелие, скотоводство, охота, рыболовство. Для других областей на первое место выдвигалось скотоводство, например, в районе г. Сортавалы; рыболовство и охота, в основном, зафиксированы в более северных местностях Приладожья [Мамонтова, Кочкуркина 1982].

По топонимическим исследованиям, осуществленным финляндскими и отечественными учеными, наиболее древними на этой территории являются саамские топонимы. Именно саамы дали названия многим важным природным объектам. Что же касается славянского и скандинавского присутствия, то топонимия не дает однозначного ответа. Славяно-русское влияние на местное карельское сообщество, безусловно, представлено целым рядом заимствованных лексем, при этом в массе своей поздних. Некоторые из них – уже как факт карельского языка – закрепились в топонимии. Топонимы, в которых прослежены русские заимствования, отражают вхождение территории Карельского перешейка в сферу древнерусского административного устройства. Скандинавы появились в Северо-Западном Приладожье тогда, когда оно уже было заселено прибалтийско-финским населением, но они не создали здесь, в отличие от юго-западной Финляндии, устойчивой сети постоянных поселений, что является необходимым условием рождения системы топонимов (взгляды исследователей на проблему подробнее см.: [Кочкуркина 2016]).

Древние венсы

Онежско-Ладожский водораздел, или Олонецкий перешеек, отличается разнообразием рельефа. Олонецкая возвышенность представляет собой плато, полого спускающееся к Ладожскому озеру, но с крутыми уступами на западном берегу Онежского озера и в его северо-западной части. Восточная часть возвышенности образует Шокшинскую гряду (200 м над уровнем моря) [Карельская АССР 1986: 27]. Восточное Приладожье характеризуется равнинностью рельефа. Специфические природные условия, выразившиеся в рельефе, климате, водных ресурсах, почвенном покрове, растительности, животном мире, способствовали освоению этого края еще с глубокой древности.

На Онежско-Ладожском водоразделе отмечены средневековые погребальные памятники в виде курганов, являющиеся северным ответвлением Приладожской курганной культуры. На р. Олонке известны пять курганных групп с 15 насыпями, на р. Тулоксе – **две с 11, на р. Видлице – четыре курганные группы с 29 насыпями**. На северном побережье Онежского озера погребальные памятники выявлены в Кокорино (7) и у Чёлмужей (11 курганов).

Они располагались на высоте от 2,5 м до 12 м над уровнем воды. Кроме того, в непосредственной близости от последней группы изучено одновременное ей селище, что для ареала курганный культуры весьма редкое явление. Периодом X–XI вв. датируются 35 мужских и женских погребений, XI – началом XIII в. – 42 захоронения, что свидетельствует о немногочисленности переселенцев в Карелию из Юго-Восточного Приладожья. Курганы в более позднее время использовались для впускных захоронений (23) (рис. 2).

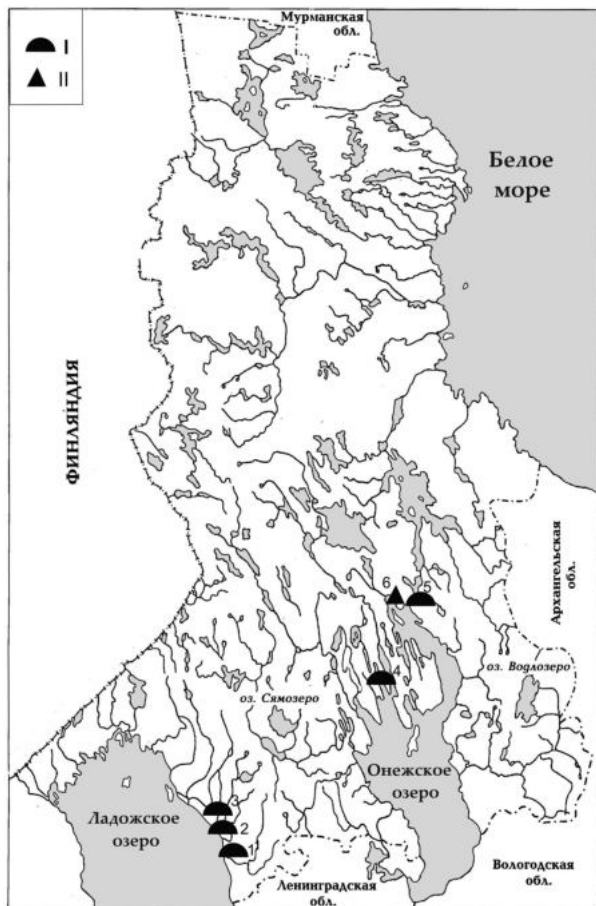

Рис. 2. Памятники древних вепсов: I – курган; II – поселение
 1 – р. Олонка (15 курганов); 2 – р. Тулокса (11); 3 – р. Видлица (29);
 4 – Кокорино (7); 5 – Чёлмужи (11 курганов); 6 – поселение Чёлмужи

Восстановлению конкретных исторических условий, в которых находилось население Приладожья (не только Карелии), способствовало археологическое изучение соседних территорий, главным образом Ладоги и ее округи. В IX – начале XI в. Ладога была мощной крепостью, процветающим торговым и ремесленным центром, с которым установились многолетние экономические, политические и культурные контакты населения Приладожья. Некоторые ювелирные изделия, посуда, оружие, передовая технология изготовления кузнечных изделий появились в Приладожье в результате торговых отношений с этим городом. Как показало металлографическое исследование, железные предметы не отличались от аналогичных древнерусских ни формой, ни технологическими приемами. Ножи, овальные кресала, наконечники копий, за редким исключением, изготовлены по схеме наварного лезвия; они не уступали по качеству изделиям, выполненным городскими ремесленниками северо-западной Руси. Все трехслойные ножи продемонстрировали совершенную технику многослойной сварки, которая была заимствована местными кузнецами, скорее всего, у мастеров Ладоги [Хомутова 1985: 207–217].

В XI в. новгородцы активно осваивали Север, в том числе и земли Приладожья. В курганах, особенно вблизи административных и культурных центров, появляются христианские и славянские элементы. Исчезают богатые захоронения, возникают кладбища при церквях. На южной границе Приладожской культуры сосредоточено более 250 курганов XII–XIII вв., оставленных в подавляющем большинстве славянским населением. Однако в глубине территории языческие обряды продолжали соблюдаться. К началу XIII в. население отходит от курганной погребальной обрядности. Здесь появляются грунтовые кладбища – «жальники», надгробные каменные кресты и т. д.

Об установлении новгородской налоговой (фискальной) системы в Приладожье свидетельствует Уставная грамота князя Святослава Ольговича 1136/37 г. о церковной десятине с позднейшими приписками об Обонежском и Бежецком рядах [Древнерусские княжеские уставы 1976: 147–148]. Она предоставила право новгородским епископам получать десятину от княжеских доходов, собираемых в виде податного и судебного налогов, но не в виде фиксированной суммы от поступающих в казну доходов, как это было при прежних князьях, а постоянной, гарантированной князем суммой в 100 гривен новых кун. Возможная недостача при сборах покрывалась из княжеской казны [Янин 1991: 138–141]. В приписке к грамоте, датируемой XIII в., перечислены населенные пункты Приладожья, с которых причиталась дифференцированная сумма. Так, например,

Олонец и Юксоло платили по три гривны, Тервиничи, Винница, устье Паши и т. д. – одну, некоторые – полгривны.

Ранее считалось, что географические наименования Устава – это названия погостов [Насонов 1951: 74–75]. Заметим, однако, что при перечислении земель в Обонежском ряду нигде не встречено слово «погост». Такие же названия, как «у Пахитка», «у Пермина», «у Кокорка», «у Липсуевич», обоснованно связываются с именами крупных землевладельцев, вероятнее всего, с именами местных старейшин. Из 14 пунктов Устава Святослава только девять (один сомнительный на Кожеле) можно увязать с погостами XVI в. Кроме того, территория «погостов» не совпадает с ареалом славянского антропологического типа. Поэтому предположение Л. В. Даниловой [1955: 208], согласно которому погосты с прибалтийско-финским звучанием их наименований, упомянутые в Уставе, сложились на основе каких-то местных образований дославянского периода, на наш взгляд, подтверждается. Новгородцы воспользовались уже сложившимися административными единицами для взимания дани [Кочуркина 1973: 72–76]. Наличие элементов славянской культуры и влияние славян в Юго-Восточном Приладожье объясняется постепенным проникновением их на данную территорию. Проникновение, судя по всему, было мирным, индифферентные народы хорошо уживались друг с другом, обогащая свои культуры. Влияние было разносторонним и охватило социальную, хозяйственную и религиозную области их жизни. Однако славянское освоение края не означало коренного изменения этнического состава населения. Современное русское население северного Приладожья, Свирско-Оятского водораздела – это в массе своей обрусевшие вепсы [Муллонен 1985: 184–185].

Приладожье, находясь вблизи важнейших раннефеодальных торговых путей между Западом и Востоком, занимало ключевую позицию как во внутренней, так и во внешней торговле, что сыграло важную роль в социально-экономическом развитии региона. Осуществлялись торговые связи со Скандинавией, Прибалтикой, Византией, Поволжьем, Средней Азией и странами арабского Востока. Об этом свидетельствуют найденные в погребениях X в. **части весов и гиришки вместе с предметами вооружения скандинавского типа**, поскольку торговля в те времена была сопряжена с большими опасностями. Сохранившиеся в погребальных памятниках ювелирные изделия, бусы, монеты, оружие, шелковые ткани [Кочуркина, Орфинская 2014], клады монет – яркие доказательства оживленной торговли в период раннего Средневековья. Коллекция из 192 монет включает английские (25), немецкие (96), чешские (7), византийские (6) и восточные (58). Кроме того, в погребениях встречены неопределенные западноевропейские монеты и их

обломки (не менее 10) и более 25 неатрибутированных монет. Присутствие их в погребениях нельзя назвать массовым – они встречены в 91 кургане, что составляет примерно 13% от всех вскрытых насыпей [Кочкуркина 2013]. Знаменитый, крупнейший в Европе клад, зарытый в лесу у д. Вихмязь около 1090 г., содержал в бронзовом котле серебряный слиток, 10 обломков украшений, монетный кружок с простой орнаментацией, 13398 в основном западноевропейских монет и 15,5 круглых монетовидных пластинок. На р. Паше близ д. Колголема выявлен еще один крупный клад, зарытый во второй половине XI в. В бронзовом котле находилось 5,5–6 тыс. преимущественно немецких денариев [Потин 1967: № 228, 229].

Если материальная культура X–XI вв. Онежского-Ладожского водораздела идентична культуре Юго-Восточного Приладожья, то более поздние памятники свидетельствуют о своеобразии погребального обряда и могильных сооружений, некоторых особенностях инвентаря и, в конечном счете, об изменении этнического состава населения.

Районом расселения веси считается Юго-Восточное Приладожье, хотя древнерусские летописи об этом не упоминают. Такая точка зрения зиждется главным образом на лингвистических и топонимических материалах. Подтверждается она и тем, что потомки веси – современные вепсы – до сих пор проживают в этом регионе (подробнее см.: [Кочкуркина 2017: 80]).

В южной Карелии, помимо курганов у селений Кокорино и Чёлмужи, по берегам Онежского озера известно около 30 поселений с лепной посудой, характерной для приладожских курганов, а также несколько грунтовых погребений. Датируются они в основном X–XI вв. Это небольшие по площади поселения со следами очагов, иногда горнов, с остатками построек. Находки немногочисленны: орудия труда, предметы украшений, стеклянные и пастовые бусины. Определить их этническую принадлежность пока не представляется возможным. Но косвенные свидетельства – наличие керамики приладожского типа, концентрация поселений в древневепском ареале – дают возможность предположить, что эти памятники оставлены выходцами из Приладожья.

Изучение черепов из курганов Юго-Восточного Приладожья привело к выводу о неоднородности погребенных. Одни из них в наибольшей чистоте сохранили черты протоевропейского типа, который, с одной стороны, близок славянам Верхнего Поволжья и Белоруссии, а с другой, обнаруживает сходство со скандинавами [Дебец 1948: 240]. Отмечена антропологическая близость ильменцев с жителями Северной Европы [Витов 1964: 59, 97]. Это объясняет весьма вероятную варяжско-скандинавскую примесь у русских Северо-Запада России. По мнению С. Л. Санкиной [2012: 21],

известная к настоящему времени серия черепов из приладожских курганов представляет собой местное славянизированное финское население, но вполне возможна и скандинавская примесь, поскольку Приладожье в раннем Средневековье было зоной интенсивных контактов со скандинавами [Санкина 2012: 151]. Что касается антропологического исследования вепсов, то специалисты пришли к заключению, что они представляют собой однородную группу северных светлопигментированных европеоидов с легкой примесью монголоидности. Тип северных вепсов ближе к собственно вепскому антропологическому типу эпохи Средневековья. Он не подвергся ни карельскому, ни русскому влиянию. Облик же южных вепсов, в том числе и средних, несет следы контактов с соседними народами, в первую очередь, с русскими [Цветкова 1993].

Население бассейна Онежского озера

Восточная часть бассейна Онежского озера в границах современного Пудожского района Республики Карелия имеет насыщенную гидросистему, к которой принадлежат оз. Водлозеро площадью более 467 км², реки Илекса, протяженностью по территории Карелии 256 км (исток в Архангельской области), и Водла – более 140 км. Обе реки в древности играли значительную роль в осуществлении торгово-хозяйственных связей. Озеро Муромское, его называют еще лагуной, соединенное с Онежским озером короткой (около 3 км) речкой Муромкой, представляло собой в древности залив Онежского озера. Рельеф характеризуется низменными равнинами и равнинами [Карельская АССР 1986: 26–27]. Археологические объекты, оставленные древними охотниками и рыбаками, обнаружены на невысоких берегах, на высоте до 5 м.

Средневековые древности зафиксированы по берегам рек и озер в виде изолированных комплексов или отдельных находок на поселениях, представленных культурными слоями и предметами разных эпох: мезолита, неолита, энеолита, бронзового и железного веков. Вне этих археологических объектов более или менее долговременных средневековых поселений нет. Причина видится в том, что первых поселенцев и население рубежа I–II тыс. н. э. объединял охотничье-рыболовецкий хозяйственный уклад, исключавший занятия земледелием, поэтому и селились они в сходных топографических условиях.

Установить хронологические границы памятников бассейна Онежского озера, как и получить детальную информацию о жизнедеятельности населения, довольно сложно из-за отсутствия хорошо

датированных и стратифицированных артефактов. На имеющемся к настоящему времени археологическом материале установлено, что периодом X–XI вв. датируется большинство (23) археологических объектов (рис. 3). Время функционирования нескольких поселений и погребений не определено. Кроме того, 15 памятников, исследованных в основном разведочными шурфами, но содержавших некоторое число фрагментов лепной керамики, отнесены к X–XI вв. [Кочуркина 2015].

Украшения из этих памятников немногочисленны и представлены черными глазчатыми бусами и разноцветными стеклянными, бронзовой бусиной-«флакончиком». Встречены спиралеконечная и умбовидная застежки, подковообразные фибулы с гранчатыми головками, поясные лировидные пряжки, ременная гарнитура. Следует отметить единичные находки: грушевидный бубенчик, спиральные пронизки, бронзовые оковки и ременные накладки, шумящие подвески в виде уточки и конька. Маленькая бронзовая шумящая подвеска-уточка с опущенным клювом характерна в основном для древностей веси, хотя аналогии известны и в памятниках муромы. Трехчастный разделитель ремня с розеткой в центре встречается в широком ареале: от памятников Финляндии, так называемых лапландских жертвоприношений, древностей летописной корелы, курганов веси до Пермского Приуралья и степей Евразии. Однако идентичных изделию Илексы V, за исключением двух разделителей ремня из кургана Каменка-2, датирующегося XI–XII вв. [Равдоникас 1934: табл. VII: 2; Кочуркина, Линевский 1985: 34], пока не известно.

Обратим внимание на оригинальное огниво, у которого бронзовая рукоять украшена птичьими (утиными?) головками. К числу редких относится также сланцевая форма для отливки ромбоциткового височного кольца. Височные ромбоцитковые кольца с разными формами щитков – от овальных до удлиненных – встречены в погребениях на р. Ояти [Кочуркина, Линевский 1985: рис. 63: 4; 64: 3, 4] и в кургане Чёлмужи-5. Датируются XI–XII вв. Этот тип височных колец характерен для новгородских словен, в небольшом количестве встречен у кривичей и у живших в приграничье вятичей.

На памятниках бассейна Онежского озера собраны обломки бронзовых котлов, железных сковород, наконечники стрел и их обломки, топоры, ножи, ладейные заклепки, мотыги. Аналогичные мотыги использовались также на территориях, заселенных предками собственно карелов, карелов-ливвиков и карелов-людиков [Kivikoski 1973: 148, Abb. 1241], поэтому тип мотыг назван карельским. Невыразительными экземплярами представлены рабочие инструменты: шило, овальное кресало, скобель, скребок и обломки неопределенных изделий.

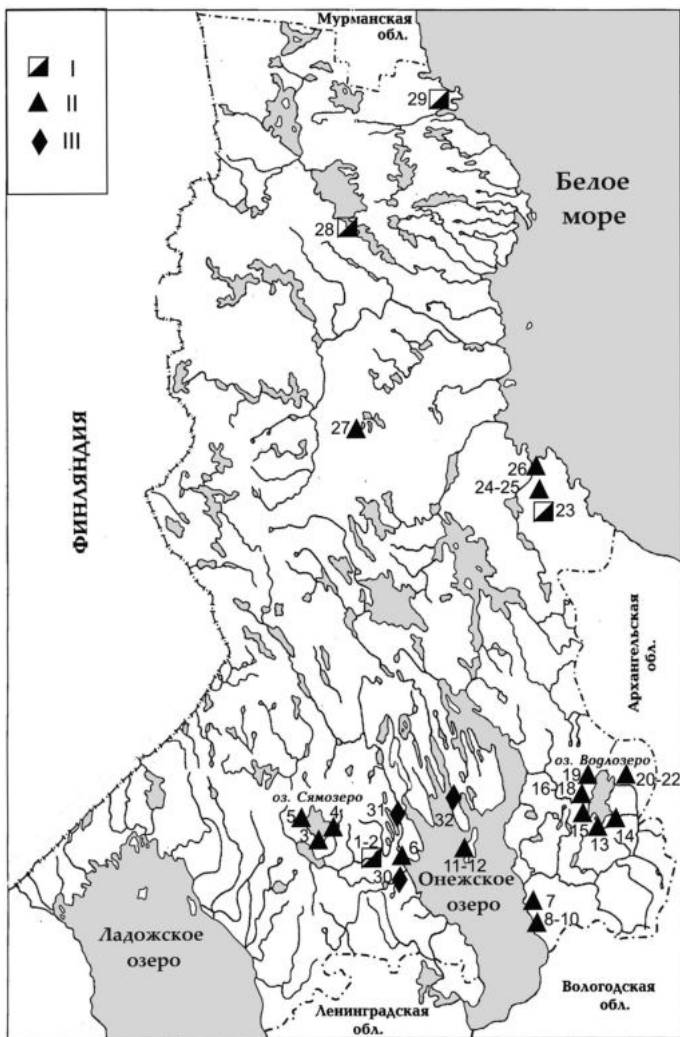

Рис. 3. Памятники охотничье-рыболовецких культур X–XIV вв.:

I – случайные находки; II – поселения; III – клады монет

- 1 – р. Шуя; 2 – Пичево; 3 – Лахта II; 4 – Кудома XI; 5 – Чёранга; 6 – Суна VI; 7 – Бесов Нос VI; 8–10 – Муромское III, VI, VII; 11 – Керкостров I; 12 – Васильево 2; 13 – Сомбома I; 14 – Малая Пога I; 15 – Пога I; 16–18 – Охтома I–III; 19 – Келка I; 20–22 – Илекса III, IV, V; 23 – Сумозеро I; 24–25 – Ерпин Пудас I, II; 26 – Гольий Мост VI; 27 – Бохта II; 28 – Софпорог; 29 – Чупа; 30 – Петрозаводск; 31 – Сандаг; 32 – Падмозеро

Железоделательное производство, базирующееся на запасах местной руды Карелии, сыграло немаловажную роль в жизни населения. В процессе археологических раскопок найдены не только железные орудия труда и промыслов, но и три разных по конструкции и времени использования горна. Так, первый тип примитивных одноразовых горнов выявлен на памятниках Илекса V и Пичево (два); второй – горны в виде небольших ящиков из каменных плит многократного использования – на Кудоме XI (семь) и Кудоме X (четыре – из них три датируются эпохой железа); третий тип, сложенный из глины и камней, выявлен на поселениях с керамикой – Муромское VII, Илекса IV, Суна VI [Косменко, Манюхин 2000]. Обнаруженные остатки горна на Суне VI, сделанного из глины, по мнению А. М. Спиридонова [Кочуркина, Спиридонов 1988: 131], сравнимы с горнами восточноевропейских памятников.

Металлографическому анализу были подвергнуты 19 ножей. По технологии трехслойного пакета сделано пять: Илекса IV (3 экз.), Илекса V, Муромское VII; торцовая наварка прослежена у трех ножей (Илекса IV); цельножелезных – пять (Келка I, Охтома I, Кудомы XI (2), Муромское III); цельносталевых изделий – пять (Кудомы X, Охтома III, Илекса III, Кудомы XI, Суна VI). Не определена структура у одного ножа (Сомбома I).

Технология трехслойного пакета считается наиболее ранней. С X в. она известна на территории северной Руси со смешанным славяно-финско-скандинавским населением [Кочуркина, Розанова 1987: 92]. В. И. Завьялов [2017], исследовавший эти изделия, считает, что один из ножей, изготовленных по технологии трехслойного пакета (Илекса IV), представляет «классический» (североевропейский) вариант данной технологии, другие – восточноевропейский вариант, отражающий освоение местными кузнецами инновационной технологии. Примечателен тот факт, что только на этом памятнике встречены ножи, изготовленные по технологической схеме торцовой наварки – ведущей технологии древнерусского городского ремесла в XII–XIV вв. Таким образом, считает В. И. Завьялов, кузнечные изделия из Илексы IV сопоставимы с кузнечной продукцией крупного ремесленного центра. Большая часть ножей остальных поселений представлена орудиями, откованными из кричного железа и сырцового стали, т. е. непосредственного металлургического продукта, и является продукцией кузнец-универсала.

По мнению И. М. Сумманен, в X–XII вв. использовалась посуда, близкая керамике памятников Ленинградской и Новгородской областей,

а также Вологодской. Присутствуют и редкие формы. При этом, как отметила исследовательница, керамика охотничье-рыболовецких поселений не оригинальна, в ней прослеживаются влияния как восточные (относительно бассейна Онежского озера), так и западные. Более того, И. М. Сумманен считает, что при наличии некоторых общих керамических форм лепной керамики селищ и курганов Юго-Восточного Приладожья они существенно отличаются морфотипами. Верно подмечено исследовательницей и отсутствие на селищах раннегончарной и гончарной керамики [Сумманен 2015; Сумманен, Светов 2017].

Хозяйственный уклад населения, оставившего эти памятники, исследователи охарактеризовали как охотничье-рыболовецкий, подчеркивая при этом промысловый характер со специализацией на пушном промысле. Немаловажную роль в жизни населения сыграло железоделательное производство, базирующееся на запасах местной руды Карелии. В процессе археологических раскопок найдены не только железные орудия труда и промыслов, о которых говорилось выше, но и три разных по конструкции и времени использования горна.

Принципиально важной исследовательской задачей является не только выяснение хронологических рамок памятников Онежского бассейна, их культурного содержания, но и определение этнического состава раннесредневекового населения этой территории. Материальная культура «интернациональна» и лишена ярко выраженного местного колорита. Имеются предметы, характерные как для славянского, так и для прибалтийско-финского мира, что, впрочем, свойственно и синхронным памятникам обширной территории Северо-Запада России. Приписывать эти древности предкам вепсов и карелов нельзя, поскольку эти народы прежде всего были земледельцами. Остаются неуловимые предки саамов? Суждения о саамской культуре, «саамском железном веке» на этой территории, сформулированные только на археологическом материале, требуют дополнительной аргументации.

Топонимическая карта района демонстрирует неординарную картину заселения этой территории. Показательно, что модель ойконимов -I-ового типа, которая маркирует территорию наиболее раннего земледельческого освоения, отсутствует на восточной окраине исторического вепсского ареала – в восточном Обонежье [Муллерен 2012]. При этом здесь лучше сохранилась древняя довепсская топонимия, в меньшей степени, чем в Присвирье, перекрытая собственно вепским пластом названий. Это вполне согласуется с данными археологии. Кроме того, топонимические исследования показали, что в юго-восточном Обонежье присутствует

поволжское влияние, выразившееся в распространении названий некоторых рек и крупных озер, в то время как прибалтийско-финскими топонимами обозначены незначительные объекты [Захарова 2012]. Поволжское влияние отразилось в археологических находках (поясная гарнитура, кресало, керамика) и некоторых чертах материальной культуры. Стало быть, эта территория испытала активное освоение со стороны соседних юго-восточных районов.

Такая картина согласуется в целом с теми представлениями о формировании прибалтийско-финских и саамских языков, которые получают признание в науке в самое последнее время. Без сомнения, саамы были древними жителями Карелии, оставившими после себя разрушенные ареалы саамских топонимных моделей. Их количество возрастает по мере продвижения с юга Карелии на север, в регион Поморья и Беломорской Карелии, где саамский пласт географических названий в силу относительно позднего карельского и русского освоения сохранился лучше [Kuzmin 2013]. При этом современный анализ саамского наследия в топонимии Карелии позволяет скорректировать и сблизить позиции археологии и языкознания на этническую историю саамов. Картографирование саамских моделей показало, что их ареал, вопреки прежним представлениям, согласно которым саамы занимали территорию от Скандинавии до Коми Республики, а на юге – до Верхнего Поволжья, вовсе не был таким обширным. Скорее всего, формирование саамов происходило на территории Карелии и Финляндии в ходе наложения финно-угорского, или в современной терминологии западноуральского населения на местное палеоевропейское (в смысле языка). Именно здесь в топонимии представлены оба пласта саамского языка – западноуральский и палеоевропейский, в то время как за юго-восточными пределами Обонежья древний дофинно-угорский пласт, принципиально важный для характеристики саамского языка, отсутствует [Saarikivi 2014; Захарова, Макарова, Муллонен 2016].

Топонимия позволяет уточнить и развить известные современной науке представления о формировании русской Карелии. Наиболее мощный топонимный славяно-русский пласт отмечен на всей древневепсской территории, хотя характер взаимоотношений вепсов и русских протекал не везде одинаково. Согласно топонимическим свидетельствам, можно говорить о массовом вторжении русских в иноязычную среду и усвоении ими местных названий в западных и южных частях вепсского ареала. На остальной территории засвидетельствовано появление двуязычия местного прибалтийско-финского населения и его постепенное обрусение [Муллонен 2002: 325–330].

Продвижение славян из Юго-Восточного Приладожья на Онежско-Ладожский водораздел, а затем и в Обонежье привело к формированию смешанного по составу населения. Исследователи диалектов отметили, что русские онежские говоры обнаруживают сильные связи с говорами, отмеченными в Юго-Восточном Приладожье, и в первую очередь на территориях бассейнов рек Ояти, Паши, Сяси, а также с новгородскими диалектами волховско-ильменского региона. В русских говорах Заонежья присутствует мощный прибалтийско-финский пласт. Многосложные миграционные потоки в конечном итоге привели к формированию на огромных пространствах Русского Севера северорусской этнокультурной зоны [Герд 2001: 409–416].

Ареал русских топонимов фиксирует водный путь, по которому русские продвигались в Карелию – по р. Свири в Онежское озеро, затем по р. Водле на восток или через Выгозеро и р. Выг в Поморье. Вдоль этих путей сформировались этнолокальные группы русских – поморы, заонежане, водлозеры, выгозеры, которые при всей своей общности отличались особенностями материальной культуры и языка [Муллонен 2010: 427]. Сохранение здесь мощного прибалтийско-финского компонента на всех языковых уровнях, а также в топонимии свидетельствует о том, что традиционное русское население Карелии сформировалось в значительной степени в результате обрусения местных вепсов и карелов.

Итак, бассейн Онежского озера в X–XI вв. был освоен промысловиками (охота, рыболовство, выплавка железа в примитивных горнах), этническая принадлежность которых может быть определена в общих чертах как прибалтийско-финская без каких-либо специфических черт и особенностей материальной культуры, но с участием древнесаамского компонента. В XII–XIV вв. эти территории стали осваиваться предками карелов, вепсов, русскими, создавшими пеструю археологическую и диалектно-топонимическую картину, детали которой требуют дальнейшего исследования.

Подводя итоги современному комплексному исследованию этнокультурной карты средневековой Карелии, можно с уверенностью говорить о трех крупных ареалах: Северо-Западном Приладожье – территории летописной корель; Юго-Восточном Приладожье и южной Карелии – землях древних вепсов – и бассейне Онежского озера, заселенном разноэтничными по происхождению охотниками, рыболовами и промысловиками.

Литература

Адаптация культуры населения Карелии к особенностям местной природной среды периодов мезолита – Средневековья. Петрозаводск, 2009. 217 с.

Витов М. В. Антропологические данные как источник по колонизации русского Севера // История СССР. 1964. № 6. С. 81–109.

Герд А. С. Исторические границы и ареалы Обонежья по данным разных гуманитарных наук // Очерки исторической географии. СПб.: СПбГУ, 2001. С. 495–496.

Данилова Л. В. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV–XV вв. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 440 с.

Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 392 с.

Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М.: Наука, 1976. 240 с.

Енисосова Н. В. Новые данные о химическом составе цветного и драгоценного металла памятников летописной корелы // Древнекарельские городища эпохи Средневековья. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2010. С. 248–262.

Енисосова Н. В., Кочуркина С. И. Древнекарельские ювелирные изделия из цветного и драгоценного металла X–XV веков: ареал, датировка, химический состав // Тр. КарНЦ РАН. 2010. № 4. С. 24–33.

Завьялов В. И. Археометаллографическое исследование железных ножей из памятников бассейна Онежского озера // Археология средневековой Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2017. С. 139–145.

Захарова Е. В. Субстратные географические термины в топонимии Восточного Обонежья // Тр. КарНЦ РАН. 2012. № 4. С. 185–190.

Захарова Е. В., Макарова А. А., Муллонен И. И. В поисках топонимических границ в Белозерье // Вопросы ономастики. Т. 13. № 1. Екатеринбург, 2016. С. 7–29.

Карельская АССР. Природа, хозяйство. Петрозаводск: Карелия, 1986. 279 с.

Кирпичников А. Н. Каменные крепости Новгородской земли. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1984. 276 с.

Косменко М. Г., Манюхин И. С. Древняя металлургия и металлообработка в охотничье-рыболовецких культурах эпохи железа и раннего средневековья в Карелии // Гуманитарные исследования в Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2000. С. 16–22.

Кочуркина С. И. Юго-Восточное Приладожье в X–XIII вв. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1973.

Кочуркина С. И. Древняя корела. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1982. 216 с.

Кочуркина С. И. Древнекарельские городища эпохи Средневековья. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2010. 263 с.

Кочуркина С. И. Приладожская курганная культура: погребения с монетами, весами и гирьками. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2013. 160 с.

Кочуркина С. И. Археологические памятники и этносы на территории Карелии в эпоху Средневековья // Истоки Карелии: время, территория, народы: Междунар. исследования. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2015. С. 35–148.

Кочуркина С. И. Археология и топонимика // Финно-угорская мозаика. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2016. С. 21–32.

Кочуркина С. И. Археология средневековой Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2017. 280 с.

Кочуркина С. И., Линевский А. М. Курганы летописной веси. Петрозаводск: Карелия, 1985. 223 с.

Кочуркина С. И., Орфинская О. В. Приладожская курганная культура: технологическое исследование текстиля. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2014. 140 с.

Кочуркина С. И., Розанова Л. С. Итоги технологического изучения кузнечной продукции древней корелы (по материалам городищ Паасо и Тиверск) // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. № 190. М., 1987. С. 88–94.

Кочуркина С. И., Спиридонов А. М. Поселения эпохи средневековья // Поселения древней Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1988. С. 121–142.

Культурное окружение северного побережья Ладожского озера. Helsinki: Miktor Oy, 1998. 230 с.

Мамонтова Н. Н., Кочуркина С. И. О топонимии Северо-Западного Приладожья и сопредельных районов // Древняя корела. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1982. С. 180–185.

Муллонен И. И. О гидронимии бассейна р. Ояты // Курганы летописной веси. Петрозаводск: Карелия, 1985. С. 184–196.

Муллонен И. И. Топонимия Присвирья: Проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск: ПетрГУ, 2002. 354 с.

Муллонен И. И. Формирование этноязыковой карты Карелии (по материалам топонимического атласа) // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям / Отв. ред. А. П. Деревянко, А. Б. Куделин, В. А. Тишков. М.: РОССПЭН, 2010. С. 424–427.

Муллонен И. И. Природные и культурные факторы формирования вепсской этнической территории // Тр. КарНЦ РАН. 2012. № 4. С. 13–24.

Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М.: АН СССР, 1951. 282 с.

Переписная окладная книга по Новгороду Водской пятины 7008 г. // Временник Московского общества истории и древностей российских. М., 1872. Кн. 12. С. 5–167.

Потин В. М. Топография находок западноевропейских монет X–XIII вв. на территории Древней Руси // Тр. Гос. Эрмитажа. 1967. Т. IX. С. 106–184.

Равдоникас В. И. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и в Юго-Восточном Приладожье // Изв. Государственной академии истории материальной культуры. Вып. 94. М., Л.: Гос. социально-эконом. изд-во, 1934. 55 с.

Санкина С. Л. Этническая история средневекового населения Новгородской земли по данным антропологии. Saarbrücken: Lap Lambert Academic Publishing, 2012. 207 с.

Сумманен И. М. ICP-MS анализ: возможности и ограничения метода // Новые материалы и методы археологического исследования. Материалы III междунар. конф. молодых ученых. М.: ИА РАН, 2015. С. 195–196.

Сумманен И. М., Светов С. А. ICP-MS исследование образцов формовочных масс лепной керамики средневековых памятников Карелии // Учен. зап. Петрозаводского гос. ун-та. 2017. № 1 (162). С. 18–26.

Хомутова Л. С. Технологическая характеристика кузнечных изделий из горющих Тиверск и Паасо по результатам металлографического анализа // Древняя карела. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1982. С. 188–208.

Хомутова Л. С. Металлографическое исследование структуры железных вещей из курганов Юго-Восточного Приладожья // Курганы летописной веси. Петрозаводск: Карелия, 1985. С. 207–217.

Цветкова Н. Н. Антропология вепсов (обзор и новые данные) // Историческая этнография. Вып. 4. СПб., 1993. С. 26–48.

Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. М.: Наука, 1991. 384 с.

Kivikoski E. Die Eisenzeit Finnlands. Bildwerk und Text. Helsinki: Weilin & Göös, 1973. 150 s., 1268 Abb.

Kuzmin D. Saamelainen asutus Karjalassa // Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja 94. Helsinki, 2013. S. 69–123.

Nissilä V. Suomen Karjalan nimistö. Joensuu, 1975. 382 s.

Saarikivi J. Reconstruction of culture and ethnicity. Remarks on the methodology of historical-comparative linguistics (on the basis of Western Uralic languages) // New Focus on Retrospective Methods / Ed. Eldar Heide & Karen Bek-Pedersen. FF Communications 307. Helsinki: Academia Scientiarum Fennicae, 2014. S. 186–216.

Saksa A. Rautakautinen Karjala. Joensuu, 1998. 258 s.

Uino P. Ancient Karelia // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Helsinki. 1997. N 104. 426 p.

Сведения об авторе. Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора археологии, ИЯЛИ КарНЦ РАН.

**РЕБОЛЬСКИЙ ПОГОСТ В XVI–XVIII вв.
САМООРГАНИЗАЦИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО МИРА
И ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ОБЩНОСТИ КАРЕЛОВ:
ПОТЕНЦИАЛ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ¹**

Интегрирующая роль самоорганизации крестьянского мира явилась фундаментом для формирования этнокультурного ареала собственно карелов, для складывания южнокарельских и севернокарельских диалектов собственно карельского наречия карельского языка. Государственное административно-территориальное деление на местах изменялось под воздействием последовательной смены форм (парадигмы) волостной и церковно-приходской самоорганизации крестьянской поземельной общины. В наиболее развернутом виде данная парадигма выглядит так: первичная волость (и приход) – четверть – треть – половина – новая волость (и новый приход). Разбивка на приходы играла важную, но вспомогательную роль. Государственные власти и Церковь лишь узаконивали сложившиеся на местах волости и приходы – эти две универсальные формы крестьянской самоорганизации. В XVI–XVIII вв. **именно на основе самоорганизации** ребольских общин в устойчивую административно-территориальную общность Ребольский погост стали формироваться местные говоры и диалекты собственно карельского наречия, складывались ареалы их бытования.

Ключевые слова: приход, волость, самоуправление, староста, поземельная община, карельский язык, собственно карельское наречие, диалекты.

Один из наиболее интенсивных этапов этнической истории Карелии приходится на XVI–XVIII вв. Тогда на местах не только шли процессы внутреннего и внешнего освоения (колонизации) территории края, особенно на его севере, но и стали вызревать новые этнические общности. В центре этих этно-демографических процессов стояли карелы. В результате двух шведских интервенций конца XVI – начала XVII в. карелы стали массово покидать свою историческую родину в западном и северо-западном Приладожье (Корельский уезд России – Кексгольмский лен

¹ Исследование велось по госзаданию КарНЦ РАН (AAAA-A18-118030190093-9).

Швеции). Они переселялись в другие места, в том числе в другие районы российской Карелии, уже занятые или слабозаселенные как их соплеменниками карелами, так и вепсами, русскими и аборигенами Севера саамами. На новых местах проживания постепенно складывались и новые этнокультурные общности карелов. Наиболее ярко данный процесс воплощался в эволюции карельского языка. Так, в широкой полосе вдоль западной границы российской Карелии стали формироваться новые карельские волости, у жителей которых вырабатывались южнокарельские и севернокарельские диалекты собственно карельского наречия.

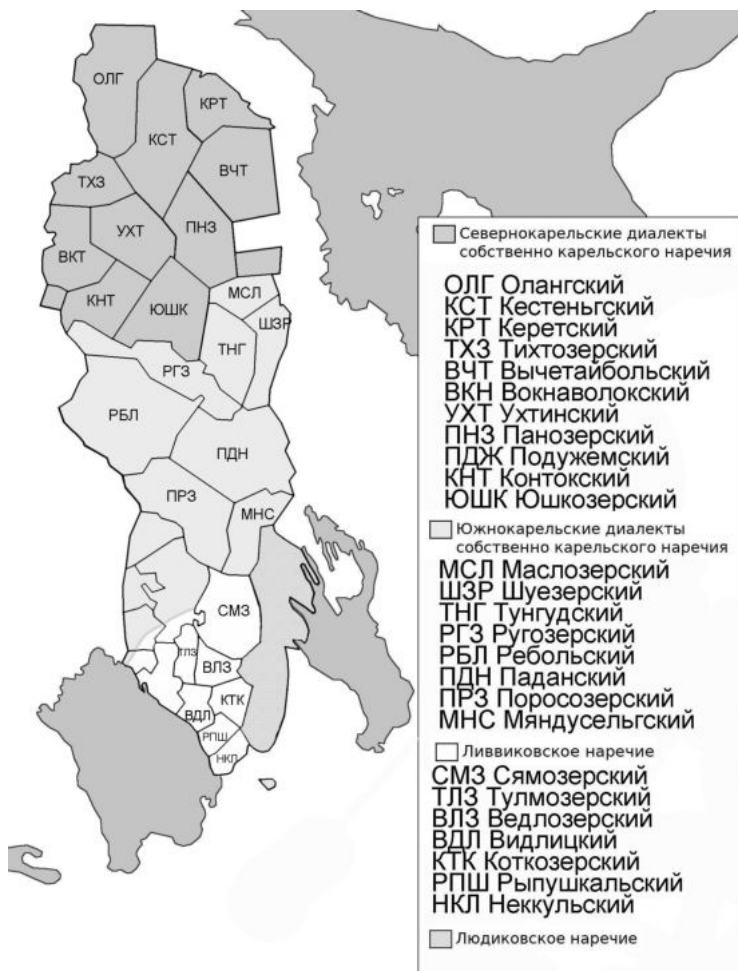
Лингвисты отмечают исключительное единство зоны формирования собственно карельского наречия в языковом плане. Вместе с тем ими выявлены и различия. Так, одна из принципиальных особенностей, различающая центральную и беломорскую Карелию, – это звонкость согласных на юге, которая имеет древнекарельские истоки, и глухость согласных на севере; особенность эта сформировалась в связи с притоком переселенцев из Кайнуу (шведская Финляндия) на территорию бытования так называемых беломорских говоров [Зайков 1987].

Кроме того, обрисовывая примерные ареалы бытования того или иного диалекта собственно карельского наречия, лингвисты сопрягают их со сложившейся к XX в. местной волостной структурой. В результате получается, что данные диалектные ареалы в основном совпадают с территорией волостей, в которых проживали их носители (карта 1).

Данные обстоятельства должны получить свою историческую интерпретацию. Прежде всего, для историка очевидно, что зона формирования местных диалектов собственно карельского наречия в основном совпадает с территорией *Ребольского погоста*, каким он постепенно складывался на протяжении XVI–XVIII вв. Погост этот, первоначально в виде *волости*, стал обособливаться от своего «отцовского» Иломанского погоста Корельского уезда в XVI в. **Затем после шведской интервенции** начала XVII в. волость осталась в составе России и получила полноценный статус погоста, будучи приписанной к Кольскому уезду (карта 2).

Земли Ребольского погоста простирались широкой и протяженной полосой от Лендер и Ребол на юге и до Вокнаволока, Ухты и Кестеньги на севере, вдоль границы со Швецией. По словам ребольских старожилов (1621 г.), погост протянулся с юга на север «верст на двесте, а инде и больше» [РГАДА 4: 62]. Именно здесь зародился и стал формироваться ареал бытования собственно карельского наречия. Но в начале следующего, XVIII столетия погост перешел в Олонецкий уезд, а в 1780-е гг., после образования Кемского уезда Архангельской губернии, северная часть погоста (Кимасозерская половина)

перешла в его состав. Здесь, на территории Беломорской Карелии, и сформировались окончательно севернокарельские диалекты (беломорские говоры) собственно карельского наречия; на южнокарельском ребольском диалекте говорили в олонецкой половине Ребольского погоста.

Карта 1. Наречия и диалекты карельского языка²

² За основу взята карта, подготовленная в рамках проекта «Карельский язык в грамматиках. Сравнительное исследование фонетической и морфологической систем» [Новак, Пенттонен, Руусканен, Сиилин 2019: 23].

Карта 2. Административное деление Карелии во второй половине XVII в.

На первый взгляд, обрисованный в общих чертах ход государственных административных преобразований и мог воздействовать решающим образом на формирование этнических общностей и особенностей их языка. Но мы далеки от такого умозаключения. Дело в том, что на Севере административно-территориальные реформы на местах шли «вслед за человеком»: они опирались на успехи крестьян в оседлом сельскохозяйственном и промысловом освоении огромных северных пространств, доселе почти не заселенных. Все крестьяне, в том числе карельские, являлись носителями ведущей формы традиционной самоорганизации феодального общества – соседской поземельной общины. Но при «общении» крестьян с государством, прежде всего в сферах налогообложения («тягло»), военной повинности («посоха») и вероисповедания (церковная десятина), крестьянская община разрывалась в следующие формы своего существования и самоуправления – это волость и приход.

Формы различались, но их социальный смысл был одной природы – это сплочение крестьянской общины – как перед Богом (предстояние в традиционной форме прихода), так и перед Государем (местное крестьянское самоуправление в узаконенной форме волости). И поэтому государственные власти, совершая административные преобразования, опирались на уже существующую на местах церковно-приходскую и волостную структуры крестьянской самоорганизации и его самоуправления. Например, они группировали волости в новые уезды или приписывали их к другим уездам; то же самое можно сказать о церковных приходах применительно к составу старых и новых епархий. Но сами церковно-приходская и волостная структуры сохранялись, поскольку брали свое начало в самоорганизации крестьянской общины. Вот почему формирование новых этнических общностей и говоривших их носителей ни в коем случае нельзя сводить к административно-территориальным шагам государства. Этноязыковые процессы всегда произрастали из форм самоорганизации местных сообществ, а не из администрирования со стороны.

Выбранный нами в качестве объекта исследования Ребольский погост дает особо наглядные примеры такой самоорганизации крестьянского мира, причем в динамике его различных форм на местах. За время существования погоста, помимо собственно волостей, тут имелись и их подразделения «четверти», и различные объединения волостей по группам («трети» погоста, «половины» погоста, даже «трети половины» погоста). Уже сами по себе данные формы эволюции территории местного крестьянского самоуправления являются достаточно непростым предметом исследования.

Методологически проблема становления этнических групп и языка их общения заключается в том, что две области знания – история и лингвистика – обычно следуют параллельно друг другу, не слишком пересекаясь сферами научных интересов. В самом деле, исторические исследования в данной области в основном изучают проблематику самоуправления, почти безотносительно этноязыковой стороны данного феномена [Богословский 1909, 1912; Швейковская 1997; Жуков 2013]. И наоборот, лингвисты преимущественно занимались проблематикой современного состояния этноязыковых общностей, пунктирно намечая эволюцию форм языка в прошлом; современное деление карельского языка на наречия и диалекты, которого придерживаемся и мы, предложено проф. П. М. Зайковым [Бубрих 1948: 42–50; Зайков 1987; Бубрих, Беляков, Пунжина 1997; Зайков 2000; Родионова, Нагурная, Чикина 2017].

Между тем изучение исторической роли самоорганизации крестьянского мира в складывании ареалов этноязыковых общностей носителей того или иного наречия и диалекта как раз и приводит нас к общему научному дискурсу. Чтобы не быть голословными, приведем весьма показательный пример схождения областей научных интересов историков и лингвистов. Он связан со складыванием олонецкой Тулмозерской волости – района проживания только одной языковой общности карелов – тулмозерских ливвиков.

Тулмозерская волость сложилась вокруг оз. Тулмозеро. Ее первопоселенцы пришли в обонежский Олонецкий погост из Соломинского погоста Корельского уезда. Об этом написано однозначно в их первой переписи 1563 г.: «владычные деревни на Туле-озере Соломенского погоста, а тянут к Олонцу», т. е. эти салминские выходцы платили «тягло» в Олонец [ПК 1563: 71]. Надо полагать, что переселенцы являлись носителями карельского языка «образца» XV–XVI вв. Тем не менее в 1930-х гг. Д. В. Бубрих зафиксировал на этой территории проживание исключительно носителей тулмозерского диалекта ливвиковского наречия карельского языка. В данном случае совершенно не важно, что здесь мы имеем дело с диалектом ливвиковского наречия, а не собственно карельского. Важно другое – принципиальное совпадение границ земель Тулмозерской волости с ареалом проживания носителей одного диалекта. Важно это потому, что исторические источники четко зафиксировали пути формирования Тулмозерской волости: от первого этапа – начала заселения пустовавших земель будущей волости – и до образования отдельной владычной Тулмозерской волости Олонецкого погоста.

Данный пример фиксирует четыре этапа становления волости, в которой зародился и стал развиваться этноязыковой процесс формирования тулмозерского диалекта ливвиковского наречия. Складывание волости заняло время конца XV и две трети XVI в. Этапы этого становления таковы: 1) первичное освоение территории – переселение карелов на пустующие места, поднятие сельскохозяйственных угодий и создание сети поселений: 33 деревни по переписи 1563 г.; 2) первичное объединение переселенцев в церковном отношении в собственный часовенный приход (в переписи 1563 г.: «*Да была деревня У часовни...*»); 3) с ростом благосостояния община строит и содержит церковь, священника и причт, т. е. превращается в полноценный церковный приход (продолжение текста 1563 г.: «*...а ныне поставлена церковь выставка Никола Чудотворец*»); 4) церковно-приходская общность этих «*владычных деревень на Тулмозере*» (1563 г.), контролировавшая местные земельные владения и промыслы, приобрела права самоуправления и как таковая была признана государством и церковным вотчинником уже в качестве самостоятельной Тулмозерской волости (1570–1580-е гг.) [ПК 1563: 73; Жуков 2013: 75]. Вполне естественно, что параллельно с этим процессом самоорганизации местного крестьянского мира в границах волости собственно карелы стали «превращаться», постепенно, в карелов-ливвиков.

Разумеется, эта эволюция языка происходила под воздействием контактирования носителей данной формы языка с соседями. В реалиях XVI–XVIII вв. интенсивность такого контактирования зависела напрямую от «веса» местного сообщества как среди соседей, так и в глазах властей – другими словами, являлось ли оно самостоятельной волостью и приходом. Если являлось, то его самоуправление имело право заключать с соседними волостями соглашения и обращаться по любому поводу к властям (например, слать жалобы-«челобитные» на имя Государя), и в назначавшихся разбирательствах (в суде) оно выступало самостоятельной стороной спора, равной соседям. Если же местное сообщество не имело статуса волости, то прямую власть над ним осуществляли старшее самоуправление всего погоста и самоуправление той волости, в которую данное сообщество входило. Если местное сообщество составляло отдельный приход с церковью, то ее священник осуществлял церковные таинства, включая таинство брака, что имело первостепенное значение для притока в волость девушек из соседних волостей – носительниц их говоров.

Приведенные примеры весьма четко показывают коренную связь складывания языковой общности с развертыванием церковно-приходской и волостной структур. Очевидно, что данная самоорганизация

крестьянских общин и являлась основой этноязыковых процессов, в том числе и у карелов. Подчеркнем, что языковые сдвиги не завершались окончательно в момент образования прихода и волости. Нет, этнокультурные общности лишь зарождались в ходе формирования приходов и волостей, а далее развивались параллельно с историческим бытием последних, в тесной взаимосвязи со всеми перипетиями местной истории. Потому что приход и волость – это не только наиболее устойчивые и повсеместные формы самоорганизации крестьянских общин в пространстве, но и наиболее универсальные способы их объединения во времени. А любому устойчивому и воспроизводимому веками локальному коллективу свойственна выработка однородного «культурного пространства», в том числе и единого для всех языка общения. Как и у других народов, у карелов такими формами общения стали наречия, а внутри их – диалекты, распадавшиеся на говоры. Общие ареалы их распространения как бы «вчерне», в основных границах совпадали с территориями волостей, как они постепенно складывались в XVI–XVIII вв., а в Приполярье – и в XIX в. Иными словами, формировавшиеся у карелов церковно-приходская и волостная структуры играли роль маркеров разворачивавшихся тогда же на местах этноязыковых процессов.

Конечно, в рамках каждого отдельного говора, тем более диалекта, наблюдается наличие языковых фактов, изоглоссов, форм, характерных для других говоров и диалектов. Северные карельские волости (Ребольского погоста, например) были малолюдны, поэтому приход в них, через семейно-брачные связи или переселение, носителей другого говора и диалекта мог серьезно повлиять на складывание местного говора.

Но у общего правила формирования этноязыковых общностей в пределах, главным образом, «своих» погостов, волостей и приходов имеется исключение. Оно возникало тогда, когда государство объединяло административно в одну волость районы проживания различных этнических групп, например, старожилов-людиков и новоприходцев-ливвиков. Так произошло в XVIII–XIX вв. с новой объединенной Мунозерской волостью, включившей в свой состав и старинную, известную с 1584 г. Мунозерскую волость (в которой в целом формировались людики), и ливвиковскую Пялозерскую, возникшую около 1707 г., видимо, в результате переселения сюда карелов-ливвиков из соседнего Сязозерья [РГАДА ПК 1584; РГАДА ПК 1707: 3–57]. Но данные исключения встречаются редко.

Изложенная гипотеза и создает совместное поле для исследований этноязыковых процессов историками и филологами. При этом задача историков заключается в том, чтобы описать и обосновать пути формирования устойчивых коллективов приходов и волостей (в документах с середины XIX в. – *сельских обществ*) как во времени (в хронологии и этапах), так и в пространстве (территориальное наполнение и границы). Задача же филологов, как представляется, состоит в применении методов ретроспекции для выяснения их постепенной эволюции к языку сложившихся к XX в. этнокультурных общностей.

В данной статье мы опишем первые этапы разворачивания самоорганизации северных общин карелов на примере Ребольского погоста XVI–XVIII вв. Именно на данной обширной территории от Лендер до Кестеньги и сформировалось множество диалектов собственно карельского наречия. Так, в ребольских волостях погоста (Реболы, Лендеры, Ровкула и Туласозеро) появился южнокарельский ребольский диалект этого наречия; Кимасозерская волость оказалась заселенной носителями южнокарельского ругозерского диалекта (в его западной половине). Большинство севернокарельских диалектов (шесть из семи) также строго «придерживалось» своих «одноименных» ребольских волостей: контоцкий складывался в деревнях Кондокской волости, вокнаволоцкий – в Вокнаволоцкой, ухтинский – в Ухтинской, кестеньгский – в Кестеньгской; уже за пределами временных границ исторического бытия Ребольского погоста, в XIX – **начале XX в. (но на бывшей его территории)**, в новой Тихтозерской волости формировался севернокарельский тихтозерский диалект, а в новой Олангской волости – олангский диалект собственно карельского наречия карельского языка.

В данной статье мы проследим пути складывания церковно-приходской и волостной структуры всех волостей Ребольского погоста в XVI–XVIII вв. По необходимости будут прослежены административные изменения в смежных с ним Ругозерском и Панозерском погостах округа Лопских погостов Новгородского (затем – Олонецкого, позже – Повенецкого) уездов. В Панозерском погосте формировались переходные диалекты собственно карельского наречия – панозерский и юшкозерский, а его западная окраина (район Ухта – Луусалма на оз. Среднее Куйто) перешла к ребольской Ухтинской волости. Вместе с тем складывание Вычетайбольской и Подужемской волостей вотчинного округа Соловецкого монастыря (здесь формировались севернокарельский вычетайбольский диалект собственно карельского

наречия и переходный подужемский диалект) останется вне нашего внимания, поскольку уже было представлено в отдельной статье [Жуков 2016].

Оформление территории Ребольского погоста начиналось в самом начале XVI в., с селения Реболы Иломанского погоста Корельского уезда. Из Платежной книги уезда 1571 г. известна дата основания деревни Реболы – 1509/10 г.: «Лета 7018 порядили дьяки Александр Обрезок и Иван Сумарок в Задней Кореле на Волошской наволок в Лексо-озеро Олиска да Куземку в деревне Реболы в Ыломанском погосте», а всего 7 *луков* (хозяйств) [Самоквасов 1909: 346–396; Жуков, Кораблев, Макуров, Пулькин 1999: 4–5]. Отметим, что район Реболы – Лендеры принадлежит водному бассейну озер Иломанского погоста, соединяясь с ними двумя речными системами: Лиексанйоки – Лендерка – Сула – на озеро Лексозеро – и Лиексанйоки – Лужма (Тула) – на озеро Тулос. Именно география продиктовала маршруты первичного сельскохозяйственного освоения ребольских земель и в целом включение их в состав территории Иломанского погоста.

Через два года, в 1511/12 г., в ребольские места пришла жить на пустовавших государевых землях («на черном лесу») «не письменных луков переvara не великого князя 8 сох» [Самоквасов 1909: 381–387]. Проясним смысл цитаты. Перепись Корельского уезда 1500 г. еще не отмечала Ребол среди «письменных луков» (зафиксированных писцом) – поселений Иломанского погоста, его переvar и хозяйств (дворов). Следовательно, новые, «не письменные луки... не великого князя» в Реболах – это карельская община-*переvara* в 24 хозяйства (8 сох: в сохе 3 *лука*-хозяйства), которая переселилась из-за шведской границы. Как раз в 1510 г. в Новгороде было заключено 60-летнее перемирие со Швецией [РИБ 1897: 51–54], что открыло возможность карелам переселяться из шведской Карелии на русскую сторону, в том числе в Корельский уезд.

Платежная книга 1571 г. отметила ребольские деревни *слободой*, т. е. поселениями, освобожденными от части налогов (или с льготным налогообложением): «Дер. На Словушском озере в Ровтозере... В Реболе» [Самоквасов 1909: 381–387]. Под первой деревней следует понимать селение на Ровкульском озере, связанном протоками с Лексозером (через Торосозеро). Современное название Ровтозера – Roukkulanjärvi, озеро Ровкульское, оно буквально означает «озеро деревни Ровт(д)а». Последнее

наименование вполне карельское: как известно, самый южный из погостов Корельского уезда назывался Ровдужским, поскольку имел своим центром селение *Ровда на озере на Ровде* (в дальнейшем финнизированное – *Рауту*) [ПК 1500: 76–119]. Возвращаясь к названию Ровтозеро, отметим, что уже в переписи 1678 г., когда селение стало центром волости, оно называлось *Волость Рохкула*, а сама волость фиксировалась тремя способами: *Ровкульская*, *Рохкульская* и *Рухкульская* (см. ниже); несомненно, основы двух последних записанных по-русски названий отразили переходные формы к современному карельскому наименованию озера.

Таким образом, карельское сельскохозяйственное освоение захватило уже и более северные земли *Ребольской волости*. Мы не случайно назвали Реболы 1570-х гг. волостью. Платежный документ Новгородской епархии «Книга сбора подъезжей пошрины» 1576/77 г. помещает волость Реболы Иломанского погоста в состав Корельской десятины епархии, фиксируя в ней церковь Рождества Богородицы: «Из Задние Корелы из Оломанского уезду с Лешай-озера с Колманского наволока из Ребол с выставки от Рожества Пречистые у попа Ивана взяти подъезда 2 гривны и 2 денги, то и за куницу» [КСП 2011: 40 (текст), 194, 196 (карты-схемы), 202 (идентификация)]. Особенностью лексики источника является стойкое употребление термина *уезд* применительно к погосту, в котором центральная – *становая* – церковь имела подчиненную церковь окраинной волости, последняя и называлась *выставкой*, т. е. церковью, *выставочной* от становой.

По существу, приходское устройство копировало внутреннее устройство тогдашних погостов и их местного самоуправления. В каждом погосте выделялись центральные, наиболее (и раньше других) заселенные земли, во главе со «старшим» самоуправлением всего погоста. Но имелись и окраинные волости, со своим волостным самоуправлением, которое подчинялось «старшему» самоуправлению погоста. При этом «старшее» самоуправление выбиралось в «старших» (центральных) поселениях погоста, «младшие» волости к выборам старшего самоуправления погоста не допускались. В свою очередь, данное традиционное устройство крестьянского мира опиралось на не менее традиционное устройство крестьянской семьи с его старшими и младшими членами и подчинением младших решениям старших.

Традиционное иерархичное устройство было характерно и для всей средневековой русской государственности, в том числе для аристократической республики Великого Новгорода. Еще летописец Лаврентий писал под 6684 (1176) г. о вечах *пригородов волостей* и их подчинении старшим вечах удельных столиц: «Новгородци бо изначала, и Смоляне, и Кыяне

[и Полочане], и вся [их] власти, яко на дому, на веча сходятся: на что же стареишии сдумаютъ, на томъ же пригороди стануть»³ [ПСРЛ 1997: стб. 377–378]. Летописец Лаврентий не зря сравнивает вечевые порядки с домашним укладом («яко на дому»): незыблемая иерархичность пронизывала все традиционное общество снизу доверху – от семьи до крестьянского мира, горожан, поместной церкви, наконец, самого государства.

Именно такая ситуация традиционной иерархичности отмечена в Иломанском погосте с его Ребольской волостью: ребольская приходская церковь во имя Рождества пресв. Богородицы являлась выставкой от становой Ильинской церкви Иломанского (в источнике «Оломанского») погоста. С Пречистинской выставки, конечно, шли небольшие сборы в пользу иломанской становой Ильинской церкви, но новгородский источник 1576/77 г. фиксирует не их, а подати – подъездную пошлину и благословенную куницу – в «софийскую казну», т. е. в пользу новгородского архиепископа. Владыка возглавлял *Дом св. Софии* – Новгородскую епархию (по названию собора во имя Софии, премудрости Божьей – главного храма Великого Новгорода; и вновь иерархию, соподчиненность в Церкви обозначает термин *Дом*). В таком случае ребольская Пречистинская церковь как бы возглавляла саму Ребольскую волость, внутри которой, напомним, уже существовало подчиненное Реболам селение Ровт(д)а на Ровтозере – будущий центр Ровкульской (Рохкульской, Рухкульской) волости Ребольского погоста Кольского уезда.

В 1580 г. шведы оккупировали Корельский уезд, но завоевать Реболы им не удалось. Видимо, пользуясь русской писцовой и платежной документацией из захваченного города Корелы (Кексгольма), они составляли свои платежные книги, например, в 1590 г. – «*Manttaledhaff Kexholms Lhännro Anno 1590*». В книге значились причитавшиеся налоги даже с тех земель уезда, которые шведы так и не смогли захватить. Это *Repåla* (Репола – Реболы) в 140 дымов и *Salmi* (Салми – Соломенский погост) в 426 дымов [ИК 1987: 282].

Неудачи шведов в Реболах и Салми объяснялись, во-первых, отчаянным партизанским сопротивлением местных жителей, а во-вторых, тем, что в Реболах русские успели построить небольшую крепость-острог. Именно ее имел в виду Тязвинский мир – русско-шведский мирный договор от 18 мая 1595 г., когда обязывал стороны отправить «межевых послов» для проведения линии государственной границы. Она проводилась на трех участках возвращенных России Корельского уезда и устья Невы:

³ Здесь: пригороды – это городские центры окраинных волостей, а волости (в тексте: власти) – области удельного государства.

1) от устья Сестры-реки до Помольской четверти, 2) от нее до *Реполы-города*, который находится на русской стороне, и 3) от *Реполы* через Лапландию до Ледовитого океана [ЖМВД 1840: 354].

Острог в Реболах появился на завершающем этапе Ливонской войны (рубеж 1570–1580-х гг.), когда центральное правительство озаботилось созданием прочной цепи крепостей в северном приграничье. Она протянулась от нового Кольского острога на юг – к Соловецкому острогу (к концу XVI в. – уже каменному Соловецкому кремлю), далее стояли Сумской острог, затем Ругозерский острог, потом Ребольский острог, и замыкали ее на Ладоге вновь укрепленные крепости городов Корелы и Орешка.

Мирная жизнь приграничной волости вновь прервалась в 1611 г., во время Второй шведской интервенции в Россию. 7 сентября 1611 г. воевода Сумского острога направил протест шведским властям в связи с разорением Ребол и других карельских селений. Протицируем его, отметив курсивом деревни Ребольской волости: «повоевали по имяном мест волость *Реболу, Ровкулу, Чолку, Котва-озеро, Тюжно, Ловушостров, Лендеру*, Вонгоры, *Кимасозеро*, Юшкоозеро, Сопасалму. И в тех деревнях многих русских людей [т. е. подданных России. – А. Ж.] побили, а иных в полон взяли, а иные от того вашего разгрому разбежались розно» [ААЭ 18362: 244; Шаскольский 1950: 153–154]. Не все из этих ребольских селений стали центрами новых волостей в XVII в. – ими выступили лишь Реболы, Ровкулы, Лендеры, Колвасозеро (в источнике: Котва-озеро) и Кимасозеро.

По Столбовскому миру 1617 г. шведы на столетие закрепили за собой Корельский уезд, кроме Ребольской волости, поскольку в 1621 г. между Россией и Швецией произошло пограничное размежевание, по которому Реболы достались России [РГАДА 4: 1–62]. Их приписали к Кольскому уезду (1620 г.). По источникам – «отбойным записям» (протоколам о неподчинении ребольцев новгородским властям) за 1628 г. – новый **Ребольский погост** состоял уже из четырех волостей – Ребольской и трех новых: Лендерской (к югу от Ребол), Ровкульской (к северу от Ребол) и Кимасозерской (к северу от Ровкулы) [Якубов 1897: 285–287; Карелия в XVII в. 1948: 35–36].

Следовательно, к этому времени карелы не только продвинулись на север по склонам Западно-Карельской возвышенности, но вокруг новых стационарных поселений Лендеры, Ровкулы и Кимасозера создали три новые волости с подчиненными уже им деревнями. Обратим внимание на то, что если волости Реболы, Лендеры и Ровкулы занимали земли

западных склонов Западно-Карельской возвышенности, то последняя, Кимасозерская волость лежала на ее восточных склонах. Этот значимый переход через океанический водораздел открыл ребольским карелам путь к крестьянскому освоению Приполярья.

По своему административно-территориальному устройству бывшая Ребольская волость Иломанского погоста Корельского уезда действительно стала полноценным погостом: она уже включала и «старшую» Ребольскую волость, и три крайние («младшие») волости. Кроме того, к 1678 г. к западу от Ребол, у самой государственной границы, выделилась новая Колвасозерская волость [РГАДА ПК Кол 1678: 121об.–128об.]. Несомненно, рост численности ребольцев происходил не только за счет естественного прироста населения, но и по причине переселения сюда карелов, бежавших из Кексгольмского лена Швеции (бывшего Корельского уезда России) от шведских притеснений.

О продолжавшемся после 1621 г. заселении Ребольского погоста приладожскими карелами (даже несмотря на пограничное размежевание со Швецией) свидетельствует «извет» (донос) жителя лопского Селецкого погоста Федора Филиппова на лендерцев (не ранее 12 января 1628 г.). Федор жаловался, что его отец купил в соседней Лендерской волости Ребольского погоста сенокосы, но теперь лендерцы, во главе со старостой волости, их у него, Федора, отняли и передали во владение карелам, бежавшим из шведского Корельского уезда; и данная практика приема беглецов-соплеменников и наделения их угодьями являлась вполне обычным делом повсюду в приграничных ребольских волостях, – доносил властям Федор Филиппов [РГАДА 1].

Кольская перепись Ребольского погоста 1678 г. зафиксировала состав деревень, входивших в эти волости, вполне к тому времени оформившиеся территориально. При этом несомненно, что Реболы и примыкавшие к ней три волости (Лендерская, Колвасозерская и Ровкульская) уже тогда составляли вполне определенное единство: после описания собственно Ребольской волости (с приходской церковью на центральном месте – погосте) следовала фиксация этих трех волостей, которые в переписи названы *четвертями*. Ясно, что данные три *четверти* (волости) и главная Ребольская составляли для переписчика некую единую территорию, иначе теряется смысл названия волостей четвертями.

Между тем все деревни Кимасозерской волости в четвертную структуру не вошли. А кроме того, все остальные, более северные карельские селения Ребольского погоста Кольского уезда, уже вставшие к 1678 г. в широкой полосе восточных склонов и подошвы Западно-Карельской

возвышенности вплоть до Приполярья, писец не объединил между собой не только в четверти, но даже и в волости. Наконец, особняком записаны два саамских *погостишка* у Пяозера на самой северной окраине погоста [РГАДА ПК Кол 1678: 97–155об.].

Главная, собственно Ребольская волость состояла из центрального поселения «Погост Ребалской» с церковью и 8 деревень: «Того ж Ребалского погоста Муезерская деревня» (ныне часть пгт Муезерский), «вновь поселились в Омельяновой деревни» (ныне Емельяновка), Волость Тужняя (Тужня, район оз. Тужинское), Волость Челка (ныне Челки), деревня Видра (или Вирда? в районе оз. Торосозеро), деревня На Гавкострове (ныне Гафостров), «вновь поселились деревнею В Воиж-наволоке» (р-он оз. Вожьярви), деревня Пляк-наволок.

Лендерская волость (четверть) объединяла земли девяти деревень: «Лендерские четверти Волость На Кимовараке» (ныне Кимоваара), «вновь поселились На Бобровой вараки», деревня Сулая (ныне Сулоостров), Волость На Ло-острове (на оз. Лоут), «вновь поселились в деревне В Аймогубе (живет староста волости Калинка Сергеев – на оз. Аймоозеро), Волость Мендера (ошибка, должно быть «Лендера»; ныне Лендеры), «вновь поселились В Соломи-деревни» (там же), «Волость вновь поселились В Кипе-наволоке».

Новая Колвасозерская волость-четверть включала пока три деревни: «Колвасозерской четверти Волость Колвасозерская (живут волостные староста Марчко Григорьев сын Алексеевых и целовальник Митка Тимофеев сын Пебоев, – ныне Колвасозеро), Волость На Туле-вараки (ныне Тулос) и деревня Струна (на оз. Струналампи, около Колвасозера).

Наконец, Ровкульскую (Ро [Ру] хкульскую) четверть составляли земли четырех деревень: «Рохкульские четверти Волость Конец острова» (живет староста Потапка Никулин сын Рыброев, – ныне Конецостров), «Тое ж Рухкульские четверти... Волость Рохкула» (Ровкула), деревня Лузенга (район оз. Лузенги), «Тое ж Рохкульские четверти деревня Муезерская» (ныне часть пгт Муезерский) [РГАДА ПК Кол 1678: 97об.–134об.].

Единство в глазах кольского переписчика всех четырех ребольских волостей (четвертей) подкреплялось «географическим» единством их территорий (юго-западные склоны Западно-Карельской возвышенности). В свою очередь, приведенные обстоятельства помогают прокомментировать диалектную карту Ребольского погоста. Дело в том, что *на территории Ребольской, Лендерской, Колвасозерской и Ровкульской волостей (четвертей) сформировался единый южнокарельский ребольский диалект собственно карельского наречия* (карта 1). Анализ ребольской

переписи 1678 г. показывает, что жители четырех южных волостей в XVII в. постепенно начинали объединяться в некое территориальное единство, которое и подчеркивает употребленный писцом термин *четверть*. В будущем XVIII в. все они слились в единую новую Ребольскую волость, а в следующем XIX в. ее жители получили общее для всех их название *Ребольское сельское общество*. С нашей точки зрения, они являлись уже носителями южнокарельского ребольского диалекта. Но ареал его бытования зародился в XVI в., его формирование усилилось в XVII в. и особенно в XVIII в. в объединенной волости Олонецкого уезда (губернии). И напротив, Кимасозерская волость погоста впоследствии вошла в орбиту бытования южнокарельского ругозерского диалекта собственно карельского наречия. Приведенные языковые факты объяснимы, если внимательно присмотреться к географической и административной картам и «наложить» на них сведения исторических источников, выясняя связь Ругозера как с Кимасозером, так и с Паданами.

Прежде всего, остановимся на истории ребольской Кимасозерской волости. Между озерами Большим Ровкульским и Кимасозером водораздел сворачивал на северо-запад и уходил в шведскую Финляндию, в «Каяниборскую» и «Олувскую» (Кайнуу и Оулу) провинции Шведского королевства. Поэтому жившим в России карелам при освоении северных земель не оставалось другого выхода, кроме как перейти водораздел и заселять уже восточные (беломорские) склоны возвышенности. И действительно, географическое местоположение новой Кимасозерской волости весьма примечательно – это бассейн беломорской реки Кеми, к которой вел прямой водный путь из волости: оз. Кимасозеро – р. Пертийоки – оз. Нюк – реки Растас и Хяме – р. Чирко-Кемь – р. Кемь. Но у Кимасозера начиналась и вторая водная трасса, которая шла на северо-запад, параллельно водоразделу Западно-Карельской возвышенности. Это путь из Кимасозера по р. Луве в оз. Лувозеро, а от него по р. Каменной – в оз. Каменное у государственной границы; с юго-востока к Каменному примыкало небольшое оз. Минозеро, а в Лувозеро с севера впадает р. Контокки, которая вытекала из оз. Контоккиярви.

Вместе с тем на р. Чирко-Кемь и далее на запад от нее уже в XVI в. стояли самые западные селения Ругозерского погоста, который входил в округ Лопских погостов Новгородского уезда. По сведениям «Книги сбора данных и оброчных денег» с тяглою населения Лопских погостов 1587/88 г., кроме самого центра Ругозерского погоста с округой, на западе погоста существовали селения «В Пижмалахте, и в Чиркоме, и в Таско-озере» [ИК 1987: 179–185]. Пизмолакшу мы соотносим

с деревней Пизмогуба на северном берегу оз. Нюк. Чиркома – это деревня Чирко-Кемь (ныне урочище) напротив устьев рек Растас и Хяме. Таско-озеро – это Тикша на Тикшезере (к востоку от р. Чирко-Кеми).

Сведения Дозорной книги Лопских погостов 1597 г. подтверждают данную идентификацию: на западе погоста указаны волостка (здесь: небольшое поселение, деревня) Тикша, а к западу от нее – волостки Пизмолакша на Нокозере и На Ноко ж озере в Иванкове наволоке [ИК 1987: 207]. Так что и платежная книга 1586/87 г., и Дозор 1597 г. вполне определенно доказывают продвижение ругозерцев на запад от р. Чирко-Кеми, на оз. Нюк, по крайней мере, во второй половине XVI в. (как минимум, если не ранее).

Активность ругозерцев подкреплялась и тем, что не позднее 1570-х гг. они уже составляли Преображенский (Спасский) приход, отдельный от паданского Никольского. Вместе с тем ругозерцы проживали пока в пределах обширного лопского Паданского погоста, оставаясь его Ругозерской волостью. Эти важные сведения содержит Приходная книга Дома св. Софии (Новгородской епархии) 1576/77 г.: подъезжая пошлина архиепископу из Заонежской десятины (куда входили и Лопские погосты) бралась также «С Лопи из Никольского уезда с Пандеги из Ругозера с выставки из Ругозерской волости у преображенского попа Ивана» [КСП 2011: 46, 194, 196 (карты-схемы), 197 (идентификация)]. Оказывается, к тому времени волость являлась северной окраиной Паданского погоста (или «уезда», по терминологии данного источника). Волость уже имела Преображенскую церковь, являвшуюся выставочной от становой Никольской церкви в Паданах.

В «Приходной» 1576/77 г. Паданы названы «Пандегой», а в «Данной» 1587/88 г. – «В волости Пандани» [КСП 2011: 46; ИК 1987: 181]. Этот паданский «куст деревень» расположился у протоки из оз. Панозеро в оз. Сегозеро. Ныне эта протока признается самым нижним течением р. Лужмы, которая протекает сквозь Панозеро и впадает в Сегозеро. Но, видимо, первоначально данная протока из оз. Панозеро и называлась рекой Пандегой. Зафиксированная ситуация вполне объяснима: продвигаясь из Падан на север (через Ондозеро), переселенцы в первую очередь осваивали ругозерские места и берега р. Чирко-Кеми, поэтому «выставочная» связь с Паданами долго не прерывалась. Очевидно, что не только постройка Ругозерского острога, выдержавшего осаду шведского отряда около 1578–1579 гг. [АСМ 1990: 140; Новикова 2001: 252], но и церковно-приходская самоорганизация ругозерцев помогли им приобрести статус полноценного погоста к 1597 г.

Вместе с тем статус ругозерской церкви как выставки от становой паданской и само нахождение волости в составе Паданского погоста почти

до конца XVI в., видимо, и объясняют наличие явных следов паданского диалекта в говоре ругозерцев. Кроме того, расположенная на полпути между Паданами и Ругозером Ондозерская волость в XVII–XVIII вв. твердо оставалась в составе Паданского погоста. Поэтому в конце концов ареал южнокарельского ругозерского диалекта распространился на Ондозерскую волость, но местный говор испытывал здесь постоянную подпитку из паданских говоров.

Наличие церкви давало Ругозерскому приходу действительную возможность влиять на близлежащие земли, которые не имели еще собственных приходов в своих селениях, в том числе закрепляться на них. Данное явление мы наблюдаем в Кимасозерской волости. Конечно, в самом начале своей истории Кимасозеро являлось селением ребольских крестьян, иначе оно не вошло бы в Ребольский погост. Но также очевидно, что в дальнейшем эта ребольская «волна» с юга на север была перекрыта «волной» ругозерского освоения: с юго-востока на северо-запад, вплоть до оз. Каменного и примыкавшего к нему с юго-востока оз. Минозеро. И в целом если взглянуть на этноязыковую карту, то селения носителей ругозерского диалекта протянулись узкой полосой с юго-востока на северо-запад: от деревни Ондозеро на оз. Ондозеро через Ругозеро и Тикшу и, перейдя р. Чирко-Кемь, на озера Нюк и Ледмозеро, Кимасозеро, Лувозеро, Каменное и Минозеро. Иными словами, в своей западной половине ругозерский диалект распространялся как раз вдоль двух водных маршрутов: длинного – от р. Чирко-Кеми на северо-запад к оз. Каменному (и Минозеру) – и короткого – по примыкавшей к оз. Нюк с юга небольшой водной системе р. Пижма – оз. Ледмозеро – оз. Няугярви – р. Няугу (приток р. Чирко-Кеми, немного к югу р. Хяме).

Кстати, несмотря на то что по данным Четвертой ревизии 1782 г. главное поселение на этом втором пути деревня Ледмозеро входила в состав Кимасозерской половины Ребольского погоста [НА РК 1: 76об.], в XIX в. она перешла в Ругозерский погост Повенецкого уезда и, например, по ревизии 1838 г. принадлежала *Ругозерскому мирскому обществу* [НА РК 2]. Интересно также, что еще южнее линии Тикша – Ледмозеро, по р. Муезерке ругозерский говор так и не распространился, поскольку данный путь оказался «перекрытым» двумя селениями с одноименным названием «Муезерская деревня», которые принадлежали, как писалось выше, Ребольской и Ровкульской волостям – в них шло образование ребольского диалекта собственно карельского наречия.

О раннем проникновении ругозерцев на приграничные ребольские земли говорят источники за 1620-е гг. В «Списке перебежчиков по сыску Ивана Ушакова и подьячего Богдана Воломского» 1627/28 г. отмечены

не только *латыши* (здесь: лютеране) из шведской Финляндии, но и местные крестьяне, во дворах которых они поселились. Так, «Список» указывал, что Гейкейко Педоруев, латыш, по-русски Малафейко, с семьей, из Калиборского уезда (Кайнуу) Палдомолского погоста вышел в 1625/26 г. в Кимасозерскую волость, живет у крестьянина Ивана Рогача; Пажейко Оллуев, латыш, по-русски Павелко, из Олуйского уезда (Оулу) вышел в 1625/26 г. в Кимасозерскую волость, живет у крестьянина Ивана Рогача; Кристьянко Миккилеев, латыш, по-русски Осипко, с семьей, из Шаванского городка (Савонлинна) Коинского погоста вышел в 1625/26 г. в Кимасозерскую волость, живет у крестьянина Степанка Самойлова [РГАДА 3: 378–379].

В «Списке» дважды фигурирует Иван Рогач. Известно, что род Рогачей – Рогачевых происходил из ругозерской Тикши. Иван Степанов сын Рогач в 1597 г. являлся тикшинцем, и в ряду других волостных «лучших людей» он участвовал в составлении Дозорной книги 1597 г. [ИК 1987: 189, 207]. Староста Тикши Иван Рогачев – Роккаччу – возглавлял ополчение Лопских погостов, остановившее продвижение шведского отряда полковника Андреаса Стюарта в бою под Сапосалмой в 1611 г. [Шаскольский 1950: 88–104]; очевидно, отмеченный в 1627/28 г. Иван Рогач – либо он сам, либо его сын. Имя второго фигуранта «Списка» Степанка Самойлова совпадает с именем другого тикшинца из Дозора 1597 г.: «Оксентейко да *Степанко Самуйловы* дети» [ИК 1987: 207]. Вполне возможно, что Степан также перебрался в Кимасозеро, как и Иван Рогач.

Имя Ивана Рогача фиксирует и другой источник, за 1628 г. Тогда кимасозерский крестьянин Патрикей Васильев сын Лерицын жаловался на кимасозерского старосту Первого Клементьева сына Доркова и крестьянина Ивана Рогача. Из жалобы следует, что староста нанял за шведским рубежом «немцев», т. е. шведских подданных, а Иван Рогач сдал в аренду им свой местный рыбный промысел; кроме того, сын Ивана Калинка, вместе с этими «немцами-наймитами», вел рыбный промысел и был застигнут за этим занятием попом Ругозерского погоста Савватием; чтобы отвлечь следствие, Дорков и Рогач написали на Патрикея донос, будто бы это он сдал в аренду шведским наемным работникам свой промысел [РГАДА 3: 384–385об.].

Кроме Ивана Рогача, обращает на себя внимание имя старосты Кимасозерской волости. Дело в том, что в Дозоре 1597 г. вместе с Иваном Рогачем участвовал и другой ругозерец – Климентий Дорофеев. Он был жителем Ругозера, главного селения Ругозерского погоста: «Клементейко Дорофеев, да дети ево *Первушка* да Нечайко» [ИК 1987: 187, 206].

Несомненно, что кимасозерский староста Первый Клементьев сын Доркова являлся Первушкой 1597 г., сыном Климентия Дорофеева (фамильное прозвище Дорков происходит от имени деда старосты – Дорофея, оно известно по отчеству его отца – Дорофеев).

Между прочим, к 1678 г. представители рода Дорковых поселились и в самом центре Ребольского погоста, в Реболах [РГАДА ПК Кол 1678: 97–100]. Конечно, сам по себе данный факт не представляется значительным, но в ряду многих других он хорошо иллюстрирует общее языковое единство собственно карельского наречия.

Напомним, что Кимасозеро фигурировало в списке разоренных шведами в 1611 г. ребольских деревень. Но, если селения южного, «ребольского куста» волостей-четвертей были возрождены самими ребольцами, то, видимо, на отдаленное Кимасозеро их сил уже не хватило. Именно поэтому ругозерцы не только возрождали соседнее Кимасозеро, но ругозерец П. К. Дорков даже возглавил волостное самоуправление, а ругозерский спасский священник Савватий (а не ребольский пречистенский) окармливал местную паству.

В свете доказанных ругозерско-кимасозерских связей нам представляется вполне естественным, что в переписи 1678 г. в составе Кимасозерской волости Ребольского погоста фигурирует новое поселение: «вновь поселились В Нотеешши-деревни» [РГАДА ПК Кол 1678: 137–137об.]. По переписи 1726 г. это деревня На Геуксы на устье реки Ногеукши [РГАДА ПК 1726: 558–558об.], что позволяет связать ее однозначно с нынешним урочищем Большой Ногеус у самого устья протоки из Кимасозера в ругозерское оз. Нюк («Нокозеро»). Из освоенных территорий, где формировался ругозерский диалект (говор) собственно карельского наречия, в 1678 г. были зафиксированы уже и «государева деревня Волость Лувозерская» на оз. Лувозеро (в водной системе следующее после Кимасозера вверх озеро), и «государева деревня Волость Минезерская», т. е. Минозеро, причем последняя на тот момент составляла отдельную небольшую волость со своими старостой и целовальником. В переписи 1678 г. также отмечена «государева деревня Костомозерская волость», т. е. Костомукша [РГАДА ПК Кол 1678: 138–140]; впрочем, в будущем она оказалась в зоне формирования севернокарельского контокского диалекта собственно карельского наречия (см. ниже).

Наконец, по сведениям переписи 1726 г. все эти территории подверглись объединению в одну большую Кимасозерскую волость в составе пяти поселений: Волость Кимасозерская на Кимас-озере, На Геуксы на устье реки Ногеукши, Коштомукша на Коштомо-озере, На Луво-озере, На Мино-озере [РГАДА ПК 1726: 556–560об.].

Таким образом, к началу второй четверти XVIII в. **основные территории**, на которых складывался ругозерский диалект в его западной половине (с сильным влиянием ребольского диалекта), получили административно оформленное объединение в виде отдельной волости (самоорганизации крестьянского мира) Ребольского погоста. Найденное совпадение состава (и границ) деревень ребольской Кимасозерской волости с западными границами распространения ругозерского говора с юго-востока на северо-запад в данном районе (от Тикши к озерам Каменному и Минозеру) приводит к выводу о том, что складывание в течение века обширной Кимасозерской волости шло параллельно с продолжением формирования ареала ругозерского диалекта собственно карельского наречия. Объединение этих окраин в единую волость, несомненно, должно было лишь усиливать данный этноязыковой процесс. Активизировало его и нахождение кимасозерских волостных жителей в XVII – **первой половине XVIII в.** в составе ругозерского спасского прихода. Безусловно, это создавало еще одно поле для постоянного общения прихожан как внутри ребольской Кимасозерской волости, так и с лопским Ругозером (центром прихода).

Очевидно, что в целом на формирование ареалов диалектов собственно карельского наречия в пределах Ребольского погоста повлияло и дальнейшее административно-территориальное развитие края, которое сопровождалось новыми объединениями и разъединениями погостов и волостей. В 1709 г. были образованы первые губернии, и Кольский уезд вошел в состав новой Архангелогородской губернии. Но в ходе тогдашней Северной войны со Швецией (1700–1721 гг.) в 1715 г. весь Ребольский погост изъяли из ведения Колы и Архангельска и приписали в управление Канцелярии Петровских заводов Олонецкого уезда; ребольские крестьяне влились в новое сословие приписных крестьян. Когда в 1725 г. приписку к заводам отменили, Реболы остались в Олонецком уезде [Жуков, Кораблев, Макуров, Пулькин 1999: 10].

Сразу после отмены приписки к заводам олонечких крестьян приписали к рекрутской повинности – поставлять новобранцев в Санкт-Петербургский комендантский Фаменцин полк, в связи с чем была проведена новая перепись 1726 г., в том числе и Ребольского погоста. В переписи четко обозначена та новая административно-территориальная «цепочка», которой Реболы «пристегивались» к новому государственному управлению Российской империи: Санкт-Петербургская губерния, Олонецкая провинция, Олонецкий уезд, Лопские погосты. Так впервые Реболы попали в управление уездного города Олонца – через

традиционно принадлежавшие ему Лопские погосты, в чей состав и вли-ли весь Ребольский погост чисто административным решением.

Но этого мало. Из подлинной «Книги переписной гвардии полковника Михаила Яковлевича Волкова Санкт-Петербургской губернии Олонецкой провинции, Олонецкого уезда приписанных погостов и волостей к Санкт-Петербургскому комендантскому Фаменскому полку» 1726 г. следует, что по этой новой переписи волости названы уже не четвертями, а *третьями*. А именно, южные волости именуется, по порядку: Ребольская треть (объединяла деревни бывших Ребольской и Ровкульской волостей-четвертей), Лендерская треть, Колвосозерская волость, Кимасозерская треть. Затем перепись 1726 г. начинала фиксировать Вокнаволоцкую треть... Тут текст обрывается, конец переписи утрачен [РГАДА ПК 1726: 560об.–561об.]. По логике, три трети (Ребольская, Лендерская и Кимасозерская) – это целое. Но тогда «повисают в воздухе» приграничная Колвосозерская волость и Вокнаволоцкая треть.

Думается, можно предложить иную трактовку обрывочных сведений, привлекая материал Второй ревизии 1748 г., которая знает уже самую северную в Ребольском погосте Елетозерскую треть [РГАДА ПК 1748: 973–976об.] (подробнее о ней см. далее). Если предположить, что в 1726 г. самые северные ребольские деревни уже объединялись в Елетозерскую треть, то восстанавливается логика деления обширного погоста на трети. А именно, гипотетически мы имеем дело с *неформальным разделением всего погоста на две половины* (но пока без названий таковых): южную половину составляли Ребольская и Лендерская трети и Колвосозерская волость, а северную – трети Кимасозерская, Вокнаволоцкая и «не сохранившаяся» из-за обрыва текста 1726 г. Елетозерская треть.

Вторая ревизия также не отмечает официально половин, но уверенности нашей гипотезе о ранней группировке ребольских волостей по «половинам» погоста *de-facto*, пока без оформления данной новации государством *de-jure*, придают развернутые сведения генеральных описаний Третьей ревизии 1762 г. и Четвертой ревизии 1782 г.

В Третью ревизию приграничный Ребольский край получил официально новое внутреннее административное деление на *Погостскую половину* – волости во главе с Реболами – и *Кимасозерскую половину* с центром в Кимасозере. Но нас больше всего интересует не данное административное образование, а внутренняя самоорганизация крестьянского мира, его самоуправления, поскольку именно на данной основе на местах разворачивались этноязыковые процессы. И действительно, источники фиксируют наличие в *половинах старост*. Так, известен староста

Кимасозерской половины в 1766 г. Тогда он доносил о разбойнике, который коротал свои дни в тюрьме в шведском Кайнуу, но до этого был известен тем, что своровал рожь у крестьян из кимасозерской Костомукши [Илюха, Антощенко, Данков 1997: 22]. Поэтому мы можем сделать вполне обоснованный вывод о том, что разделение Ребольского погоста на половины носило не только чисто административный характер, а опиралось на сложившуюся самоорганизацию крестьянского мира.

Четвертая ревизия 1782 г. проводилась незадолго до создания Олонецкой губернии и Кемского уезда. В эту ревизию переписчик впервые твердо объединил все теперь уже бывшие собственно ребольские волости (четверти, трети) в единое целое под одним названием Погостская половина Ребольского погоста [НА РК 1: 1–63]. Таким образом, в ходе Четвертой ревизии упразднялось внутреннее деление на волости (четверти, трети) всей этой территории, лежащей на ребольских юго-западных скалах Западно-Карельской возвышенности. На территории этой половины и сформировался окончательно ареал бытования ребольского диалекта.

В то же время Кимасозерская волость сохранилась под уже известным нам названием Кимасозерская половина Ребольского погоста. Она состояла из 11 деревень, перечислим их: Кимасозерская волость, Ногукса, Новопоселенная над Кимасозером Фоминострв, Ледозеро, Лувозеро, Минозеро, Бабья Губа, Нимагуба, Контока, Костомукса и Кентозеро [НА РК 1: 65–89]. А деревни более северных волостей Четвертая ревизия 1782 г. группирует в трети (подробнее см. ниже).

Как нам представляется, именно на материалы Четвертой ревизии и опирался администратор, разграничивая территории нового Олонецкого наместничества (губернии) и Кемского уезда Архангельской губернии. В 1784 и 1785 гг. земли Погостской половины Ребольского погоста (бывшие Ребольская треть, Лендерская треть и Колвосозерская волость) остались в составе Олонецкой губернии, а Кимасозерская половина (бывшая Кимасозерская треть) и остальные слабозаселенные тогда северные земли погоста вошли в новый Кемский уезд Архангельской губернии. При этом граница между губернией и уездом в данном районе прошла по южным границам Кимасозерской волости, т. е. по самому водоразделу Западно-Карельской возвышенности и далее на восток – по северным границам Ругозерского погоста, оставшегося за губернским Петрозаводском. Так селения носителей формировавшегося ругозерского диалекта собственно карельского наречия оказались поделенными между двумя губерниями. В то же время все носители формировавшегося ребольского диалекта остались в пределах Повенецкого уезда Олонецкой губернии, будучи

объединенными в Погостскую половину, которая по результатам Четвертой ревизии лишилась внутреннего деления на волости.

Итак, именно данное сложившееся к середине XVIII в. деление большого Ребольского погоста Кольского уезда на Погостскую и Кимасозерскую половины – в рамках традиционной общинно-волостной самоорганизации крестьянского мира, во главе с институтом старост, – и послужило основой для последующего государственного административного разделения земель этого погоста на южную, олонекскую часть (вошли в Повенецкий уезд Олонецкой губернии) и северную, кемскую часть (вошли в Кемский уезд Архангельской губернии). Безусловно, деление погоста на две половины явилось результатом длительного процесса освоения западнокарельских территорий, а затем приобрело и этноязыковое звучание. Весь изложенный материал позволяет выдвинуть гипотезу о том, что зарождение южнокарельских ребольского диалекта относится к XVI в., а ругозерского (в ребольских пределах) – к XVII в.

Напомним: ближние к Реболам волости находились в одном географическом районе юго-западных склонов Западно-Карельской возвышенности, и все эти окраинные волости прямо граничили с юга, запада и севера с самой Ребольской волостью – «старшей» волостью всего погоста, которая «вчерне» сложилась уже в XVI в. В перепись 1678 г. все они составляли вполне определенное единство (четыре четверти) в рамках волостной самоорганизации крестьянского мира. Таким образом, ясно устанавливаются не только географическое единство данной территории, но и устойчивая тенденция к объединению местных селений: от наличия отдельных волостей Ребольского погоста в первой половине XVII в. к промежуточному состоянию четырех четвертей во второй половине XVII в. и далее в направлении создания единой административной единицы Погостской половины в середине – второй половине XVIII в., которая продолжала свое бытие в рамках все той же традиционной самоорганизации крестьянского мира (далее мы отметим факт наличия в половине общего для нее старосты). Новая единица *половина* заменила собой прежнюю волостную структуру и тем самым стерла ее внутренние межволостные границы. В дальнейшем, уже в XIX – начале XX в. Погостская половина получила наименование ***Ребольская волость***; она входила в состав Повенецкого уезда Олонецкой губернии. Именно на территории Погостской половины, затем новой Ребольской волости губернии и проживали носители ребольского диалекта собственно карельского наречия карельского языка, который и зафиксировали исследователи-лингвисты в XX в.

Четко устанавливается очевидная связь между объединительной административной тенденцией (первичная волость – четверть – треть – половина погоста – новая волость) и этническим процессом вызревания ребольского диалекта. При этом напомним, что все эти административные преобразования прямо опирались на этапы внутренней эволюции, самоорганизации крестьянского мира, его самоуправления, включавшего церковно-приходское устройство и институт выборных старост и целовальников. Поэтому для нас совершенно очевидно, что процесс формирования южнокарельского ребольского диалекта, его ареала шел параллельно административному складыванию по этапам: изначальная Ребольская волость – Ребольский погост – ребольские четыре четверти – ребольские трети – Ребольская половина погоста – новая Ребольская волость Олонецкой губернии.

Данный поступательный административно-территориальный процесс разделения/объединения каждый раз фиксировал внутреннее состояние, уровень самоорганизации местного крестьянского сообщества. Безусловно, данное движение привело в конце концов к созданию весьма определенного единства крестьянского коллектива, которое в государственной документации середины XIX в. и получило наименование Ребольское сельское общество. В свете приведенных данных нам представляется совершенно невероятным, чтобы формирование южнокарельского ребольского диалекта началось только со времени фиксации государством Ребольского сельского общества (местной поземельной общины). Наоборот, фиксация эта как бы «узаконила» длительный процесс вызревания диалекта и его ареала в ходе предыдущей трехвековой истории церковно-приходской и волостной самоорганизации ребольской крестьянской общины. Именно данное поступательное, поэтапное развертывание институтов крестьянского самоуправления, а не последующая административная фиксация данных форм в ходе переписей и привело в итоге к формированию устойчивого единства – Ребольского сельского общества носителей ребольского диалекта собственно карельского наречия.

Следовательно, установленные нами этапы административного процесса *в рамках самоорганизации крестьянского мира* являются **маркерами** этноязыкового процесса формирования ребольского диалекта. Соответственно, обнаруженную исследованием **парадигму, т. е. формы последовательно изменявшейся административной конструкции**, мы можем применить и при изучении формирования северных диалектов собственно карельского наречия у карелов, проживавших

в XVII–XVIII вв. в приполярных районах российской Карелии, в пределах обширного Ребольского погоста.

Но для этого прежде всего кратко опишем соседей беломорских карелов – панозерцев. Очевидно, что для панозерцев языковые последствия имело расформирование к 1748 г. их церковного прихода. Панозерский погост утратил собственную церковь, а прихожане его двух волостей, Панозерской и Юшкозерской, влились в состав ругозерского прихода [РГАДА ПК 1726: 527–538об.; РГАДА ПК 1748: 898–917об.; РГАДА ПК 1749: 66об.–67]. Видимо, усилившиеся связи с Ругозером повлияли и на язык панозерцев. Современные исследователи считают панозерский и юшкозерский диалекты переходными формами между диалектами севернокарельскими и южнокарельскими, ругозерским говором прежде всего [Зайков 2000: 27].

Разумеется, как таковые Панозерская и Юшкозерская волости уже давно существовали, и общие приходские дела (включая семейно-брачные отношения) лишь усилили их длительные связи с соседним Ругозерским погостом. Но другой причиной «переходности» их диалектов выступила смежность проживания панозерцев и особенно юшкозерцев с носителями формировавшегося севернокарельского ухтинского диалекта. Ухтинская волость, кстати, зародилась в составе Вокнаволоцкой волости (трети) Ребольского погоста, а, став самостоятельной волостью, Ухта унаследовала и западнопанозерские деревни (подробнее об этом см. ниже). Сами Юшкозерская и Панозерская волости в 1785 г. вошли в состав Кемского уезда Архангельской губернии, что дополнительно облегчило им связи с носителями формировавшихся севернокарельских диалектов.

На время правления императора Павла I (1796–1801 гг.) Олонецкое наместничество (губернию) упразднили. Но с воцарением Александра I, в 1802 г. Олонецкая губерния возродилась. Губернскими реформами конца XVIII – начала XIX в. **история большого Ребольского погоста, собственно, и заканчивается.** Но мы еще почти ничего не сказали о складывании волостей и севернокарельских диалектов собственно карельского наречия в Беломорской Карелии. Перейдем к рассмотрению данных процессов, помня об установленной ранее парадигме административно-территориальных форм.

Возрождение Олонецкой губернии в 1802 г. сопровождалось небольшими территориальными изменениями. Одно из них – вхождение Кимасозерской волости (но уже без Костомукши) в ее состав. И у этого шага властей имелись свои внутренние предпосылки на местах. Как указывалось ранее, Кимасозерская волость действительно тяготела и к Ребольскому

погосту, и к Ругозерскому погосту и по составу населения, и по своему языку. Видимо, Ругозерский погост, всегда твердо оставаясь частью Лопских погостов в составе Новгородского уезда (затем – Олонецкого, позднее – Повенецкого), смог перетянуть близких к нему кимасозерцев в «свою» Олонецкую губернию, кроме Костомукши и Контокки.

Но и последнему факту находится объяснение. Уже к концу XVIII в. Костомукша и ближняя к ней Контокки (Кондапская) принадлежали Ильинскому приходу более северной Вокнаволоцкой волости: сохранилась запись ее приходского священника С. М. Камкина 1793 г. о своих ильинских прихожанах, в том числе костомукшанах и контокцах [Илюха, Антоценко, Данков 1997: 23]. Так церковно-приходская самоорганизация крестьянского мира Вокнаволока и прилегающих территорий постепенно привела к тому, что Костомукша с Контокки наконец отделились от Кимасозерской волости и в начале XIX столетия на более чем полвека вошли в Вокнаволоцкую волость Кемского уезда.

Самые северные земли Ребольского погоста впервые были переписаны в 1678 г. Их нахождение именно в его составе не оставляет сомнения в том, что первыми оседлыми жителями этих северных мест являлись выходцы из более южных ребольских земель, которые подняли местные угодья и тем самым присоединили их к природным ресурсам крестьянской общины Ребольского погоста. Со старых и новых земель и тягловцов государство принялось взимать налоги в счет общих ребольских податей. Сумму же налогов с ребольцев государство определило традиционно – переписью. Ко всему прочему, составление переписи 1678 г. означало, что власти признали факт появления новых ребольских деревень на Севере и включили в состав Ребольского погоста не только новые поселения, но и обширную территорию, на которой располагались владения ребольских переселенцев.

В дальнейшем подселение к северным ребольцам выходцев (в разных пропорциях) из других земель, в том числе из Финляндии, приводило к новшествам в формировавшихся севернокарельских диалектах, но оно никак не влияло на изменение территории погоста. Еще раз напомним, что решительное отделение волостей Беломорской Карелии от Ребол произошло только с упразднением государством Ребольского погоста на рубеже XVIII–XIX вв., в связи с созданием Кемского уезда и Олонецкой губернии.

А пока, по крайней мере, с XVII в. севернокарельские земли послужили территориальной базой для зарождения и формирования шести севернокарельских диалектов собственно карельского наречия: контоцкого, вокнаволоцкого, ухтинского, кестеньгского, тихтозерского и олангского;

волости носителей этих диалектов вошли в Кемский уезд, объединились в его пределах. В Костомукше и ближайшей к ней Контокки развивался контокский говор, хотя административно обе деревни еще в 1782 г. входили в состав Кимасозерской волости (но в Вокнаволоцкий приход), в которой в целом формировались говоры южнокарельского ругозерского диалекта.

Ареалы распространения перечисленных северных диалектов собственно карельского наречия карельского языка Беломорской Карелии оказались практически «привязанными» к своим «одноименным» волостям, как они складывались: начало вызревания новых северных волостей относится к XVII в., а их полное территориальное оформление – к XIX в.; дальнейшее их существование длилось вплоть до советской административной реформы местного самоуправления второй половины 1920-х гг. (повсеместный переход к схеме «сельсовет – район»).

Отметим, что большинство северных волостей не отличалось многолюдством. В данных условиях языковые особенности, привнесенные выходцами из других земель в результате переселения или семейно-брачных отношений между жителями разных волостей, должны были сохраняться достаточно долго на уровне отдельных деревень и даже семей. Поэтому, кстати, лингвисты отмечают здесь такое явление, как пестрота этих особенностей, например, когда языковые изогlossы, характерные для территории одной волости, могут встречаться в других. Следовательно, и здесь мы имеем дело с параллельным процессом складывания волостей и формирования их диалектов и говоров, как это было проанализировано на примере ребольского «куста волостей» и становления южнокарельского ребольского диалекта, а также истории лопского Ругозерского погоста и ребольской Кимасозерской волости в сравнении с ареалом бытования южнокарельского ругозерского диалекта. Поэтому нам остается установить хронологию процесса, начальные этапы.

Начнем с Вокнаволоцкой волости. «Дело о грабежах» 1620 г. зафиксировало самое северное из известных тогда карельских ребольских поселений Вокнаволок, расположенное на подошве беломорских склонов Западно-Карельской возвышенности, на оз. Верхнее Куйто. Через озера Среднее и Нижнее Куйто у Вокнаволока имелся выход на р. Кемь. 19 августа 1620 г. староста лопского Панозерского погоста Новгородского уезда сообщил в Новгород о приходе шведских посланцев «в порубежную волостку Колского уезда на Куйто-озеро в Вокнаволок» – они сообщили о грабежах на шведской стороне приграничья; в ходе разбирательства в том же августе выяснилось, что ходили грабить за рубеж «Колского уезда и с Куйто-озера из Вокнаволока» [РГАДА 2: 393–398].

К 1678 г. это поселение-волостка уже стало центром новой «волости Окнаволоцкой», со своим самоуправлением, в составе четырех деревень: Волость Окнаволоцкая (живет целовальник Якушка Павлов сын Ремшуев), деревня Ладвозерская (ныне Ладвозеро, на оз. Нижнее Ладво), деревня Ювалакша (у начала протоки из оз. Верхнее Куйто в оз. Среднее Куйто – живет староста Федка Иванов сын Тиликов) и деревня Ухта (очевидно, на западном берегу устья р. Ухты, в отличие от панозерской волостки Ухта на восточном берегу устья; ныне это часть рц Калевала) [РГАДА ПК Кол 1678: 142–146].

Неудивительно, что из-за такой территориальной обширности – от западной государственной границы за озерами Ладво до устья р. Ухты на востоке – первичная Вокнаволоцкая волость повлияла не только на складывание собственно вокнаволоцкого диалекта, но и на формирование других волостей и диалектов вокруг себя. Мы уже отметили Костомукшу и Контокки (в 1678 г. Колдокуская), которые были «перетянуты» в состав Вокнаволоцкой волости через церковно-приходскую структуру. По существу, в XVII – начале XIX в. в Беломорской Карелии Вокнаволоцкая сыграла почти такую же интегрирующую роль церковно-приходского и волостного центра, как и приходской и волостной центр Реболы при создании первичной Ребольской волости XVI – начала XVII в.

Из собственно будущих вокнаволоцких селений перепись 1678 г. отметила пока не входящими в ее волостную структуру отдельную деревню Воница (живет целовальник Васка Иванов сын Горкоев; ныне Войница), а из контоцких деревень – саму Колдокускую деревню (Контокки), деревню Костомозерская волость (Костомукша) и деревню Волость Бабыя Губа (на оз. Каменном, ныне урочище) [РГАДА ПК Кол 1678: 138–140, 148–150об.]. Напомним, что если в Вокнаволоке, Войнице и Ладвозере складывался севернокарельский вокнаволоцкий диалект, то в Контокки, Костомукше и Бабыей Губе – контоцкий.

Локальная рекрутская перепись 1726 г. обрывается на констатации наличия в Беломорской Карелии объединительного образования Вокнаволоцкой трети во главе с «дворцовой деревней Волость Вокнаволоцкая на Куме-озере» [РГАДА ПК 1726: 560об.–538об.]. Перепись Второй ревизии 1748 г. знает Кимасозерскую волость (5 деревень: Кимасозерская волость, Ногукса на устье реки, Коштамукша, Лувозеро, Минозеро), Вокнаволоцкую треть (6 деревень: Вокнаволоцкая волость на Куме-озере, На Кеняс-озере, Ювалакша, На Куйто-озере, На Рего-озере, Ухта на Куйто-озере) и Елетозерскую треть (7 деревень: Елетозеро, Кестенга, Ледмозеро, Кетозеро, Амалахты, Уквозерская

волость, Туловарака) [РГАДА ПК 1748: 959–964об., 965–972об., 973–976об.]. Наконец, во время Третьей ревизии 1762 г. данный корпус волостей (третей) и деревень составил Кимасозерскую половину Ребольского погоста. При этом, повторим, вполне логично звучит определение «треть»: Кимасозерская половина состояла из трех частей – Кимасозерской волости, Вокнаволоцкой трети и Елетозерской трети.

Еще через двадцать лет, в 1782 г., Четвертая ревизия зафиксировала значительно увеличившуюся по составу деревень большую Вокнаволоцкую волость, которая (что важно) писалась уже отдельно не только от Погостской половины, но и от Кимасозерской половины. Теперь она включала 19 поселений: Вокнаволоц, На Кенясозере (ныне урочище Кенасозеро, немного к западу от Вокнаволока), Новопоселенная Ценанаволоц (Кенанаволоц) на Кенясозере (на оз. Кенас, не сохранилась), Новопоселенная Пертигуба на Куйтозере (ныне Пирттигуба), Новопоселенная Мелкая Губа на Куйтозере (Матола-лакши, ныне развалины), Ювалакса (Ювалакша), На Куйтозере на устье реки Войницы (Войница, Вуонине), На Регозере (ныне Регозеро), Ухта на Куйтозере (рц Калевала), Елетозеро (ныне не сохранилась), Кестеньга, Сенное Озеро (Сеннозеро, ныне не сохранилась), Новопоселенная Хлебный Наволок на Тикшезере (на мысе Хлебнаволоц на оз. Тикшеозеро, ныне не сохранилась), Войкула на Лувозере (Гямей, ныне Хяме на оз. Вайкульское), У Ладвозера (ныне Ладвозеро), У Каменного Озера (ныне Каменное озеро), У Сундозера (ныне Суднозеро), Поньгуба (ныне Поньгуба), Новопоселенная у Нимозера (Нюшкозеро, Нишкозеро, Нишко-ярви у оз. Кенас?, ныне не сохранилась) [НА РК 1: 91–128об.].

В свете волостного деления Кемского уезда во второй половине XIX – начале XX в. и наших знаний о соответствующей ему разбивке собственно карельского наречия на севернокарельские диалекты, в данном списке значатся только селения будущих вполне сформировавшихся волостей: Вокнаволоцкой, Ухтинской и Кестенгской, которые были населены носителями одноименных диалектов. А именно, из вышеприведенного списка на карте волостей Кемского уезда 1908 г. [ККУ 1908] показаны:

– Вокнаволоцкая волость, включавшая село (волостной пункт) Вокнаволоц (с приходской церковью), деревню Кенасозеро, село Войницкая (с приходской церковью), село Ладвозеро (с приходской церковью), Каменное озеро, Сундозеро; а из не существовавших при Четвертой ревизии 1782 г. – деревни Ринуярви (на юго-востоке волости,

на оз. Койвас – ныне развалины) и Камети (на северо-востоке волости, ныне урочище Каменная Гора на оз. Мягярви у государственной границы);

– Ухтинская волость включала село (волостной пункт) Ухта (с приходской церковью), село Ювалакша (с приходской церковью) и деревни Регозеро и Войкула. Из не значившихся в 1782 г. деревень: на юге волости – Алозеро (на оз. Алаярви – протоке между озерами Верхним и Средним Куйто); Ломозеро (ныне не сохранилась); на северном берегу оз. Ср. Куйто – Калгалакша (ныне Куусиниemi) и Нурмилакша (ныне бараки); на протоке из между озерами Средним и Нижним Куйто – Лусалма (Лусолма, Лушалма, ныне Луусалма); на северо-востоке волости – Пещера (на оз. Шомбозеро, ныне не сохранилась);

– Кестенскую волость составляли село (волостной пункт) Кестеньга (с приходской церковью), деревни Елеть-озеро и Сеннозеро. Но большинство селений волости к 1782 г. еще не основали: на юге волости – это село Логоварака (Варакуля, с приходской церковью, на оз. Варакуля на р. Логоварака, ныне на сохранилась, но, видимо, ему наследует Хаппа, немногим к востоку от оз. Варакуля) и деревня Кизрека; на северном берегу оз. Топозеро – деревни Коккосалма и Софьянское Устье (Софьянская, ныне Софпорог); немногим к западу – деревни Тунгозеро и Кябель (Капяли на оз. Кябьяль (оз. Купозеро), не сохранилась); на восточном берегу Топозера – деревни Нильмогубская (Нильма-губа, Нильма-Лыхте, ныне изба Нильмагуба) и Логогубская (Лох-губа, Лохлакши, ныне Лохгуба); еще к востоку, на оз. Кереть (Куккуре-озеро) – деревня Пиньгосалма (ныне развалины); от него на северо-запад, на полпути к Елеть-озеру – деревня Большеозеро (Большое озеро на оз. Большое Северное, ныне развалины); наконец, на севере волости – деревня Притчи (на острове Кайгас оз. Тикшезеро, ныне изба) и на самом севере – деревня Нотозеро (на островах Листвяных на Нотозере – Княжегубское водохранилище, ныне не сохранилась).

Следовательно, ребольская Ухтинская волость брала начало в вокнаволокских поселениях XVII в. Ухта и Ювалакша. Впоследствии же новая Ухтинская волость, которую зафиксировала карта Кемского уезда 1908 г., вобрала в свой состав и другие территории: она состояла из бывших земель не только Ребольского погоста Кольского уезда, но и северо-западного конца бывшего Панозерского погоста Новгородского уезда и юго-западной окраины бывшего вотчинного округа Соловецкого монастыря, который существовал с 1590-х по 1760-е гг. (с 1784 г. его земли вошли в Кемский уезд).

Кстати, кемляне, вместе с шуеречанами, около 1530 г. в челобитной на имя великого князя Василия III утверждали, что западная граница их волостей доходит до «рубежа каянских немец», т. е. до шведских владений в Финляндии [СГГД 1813, 1: 436–437]. При образовании Соловецкого округа в 1591 г. была составлена «Отдельная книга», в которой описывалась его новая граница. В частности, в данном районе она шла так: 1) от Софпорога к р. Вондеге (р. Войница; сравни: Паданы – р. Пандега); 2) затем по озеру Верхнему Куйто к протоке между озерами Верхним и Средним Куйто – «реке Ене»; 3) по протоке Ене и через оз. Среднее Куйто на север, к устью р. Ухты, а от устья – на восток к оз. Шомбозеро. При этом составитель книги утверждал, что на первом участке округ граничил с «лешими лопарями», т. е. с проживавшими по лесам саамами, на втором – *суземьем* (по общим владениям)⁴ с саамами и панозерцами, а на третьем – *суземьем* с Панозерским погостом [Материалы 1941: 319–327]. Карта-схема реконструкции этой вотчинной границы опубликована [Жуков, Ляля 2012: 77].

Таким образом, для ситуации на 1591 г. о ребольских карелах и их волостях в Беломорской Карелии говорить еще не приходится: берега озер Куйто были поделены между кемлянами Соловецкого округа, панозерскими карелами и саамами. По нашим материалам, напомним, первое свидетельство даже о Вокнаволоке относится к 1620 г. Думается, Соловецкий монастырь лишился западных вотчинных окраин в результате мощного Соловецкого восстания 1668–1676 гг. Но сами земли отошли к Ребольскому погосту потому, что его крестьяне из Вокнаволока уже поставили на вотчинной земле деревни Войницу, Ювалакшу и Ухту. Параллельно шло освоение и западнопанозерских окраин («суземья»).

Еще ко Второй ревизии 1748 г. Юшкозерская волость Панозерского погоста («по сказке» старожилов 1745 г.) состояла из шести деревень: На Кеме-реке (это само Юшкозеро), Сапосалма, Лусалма на Куйто-озере, Ухта на Ухто-озере [так в тексте], На Олозере, Шомбозеро [РГАДА ПК 1748: 905–915об.]. Смежность владений юшкозерских панозерцев и вокнаволоковцев (затем ухтинцев) привела к тому, что четыре из шести юшкозерских деревень (Луусалма, Ухта, Алозеро и Шомбозеро) влились в Ухтинскую волость, по данным Четвертой ревизии 1782 г.

Напомним, что панозерцы потеряли статус церковного прихода, влившись в ругозерский спасский приход. А на Куйто-озере стояла ребольская (вокнаволоковская) Ухта, дворы и земли которой лежали чересполосно

⁴ Другой смысл термина *суземье* – неудобные для распашки земли – зафиксирован в более южных, русских районах Карелии.

с дворами и землями панозерской Ухты. Видимо, переход всей Ухты под контроль Вокнаволока и произошел все-таки через церковно-приходскую структуру: сначала ухтинцы, и жители других трех юшкозерских деревень стали прихожанами вокнаволоцкого Ильинского прихода (к Ильинской церкви лежал прямой путь по воде). Поэтому прихожане вокнаволоцкой церкви и стали для ревизоров 1782 г. жителями Вокнаволоцкой волости.

По существу, к концу XVIII в. сложился основной корпус главных селений будущей Ухтинской волости XIX в., которая охватывала берега озер Среднего и Нижнего Куйто и в которой сформировался севернокарельский ухтинский диалект собственно карельского наречия. Но ядро волости начало складываться гораздо ранее, еще в XVII в. Кольская перепись 1678 г. зафиксировала деревню Рогозерскую волостку (в будущем ухтинское Регозеро), в которой проживал староста Ивашка Петров сын Луккуев [РГАДА ПК Кол 1678: 151–152]. Между тем тогда в Вокнаволоцкой волости был свой староста Федор Иванов сын Тиликов, который проживал в деревне Ювалакша [РГАДА ПК Кол 1678: 141об.]. Поэтому следует признать, что само наличие регозерского старосты свидетельствует о начале волостной самоорганизации ухтинцев, которая и завершилась в XIX в. выделением Ухтинской волости из состава Вокнаволоцкой волости. Несомненно, данный процесс протекал в традиционных рамках самоорганизации крестьянского мира ухтинцев. Процесс этот имел и этноязыковую сторону в виде складывавшейся ареальной общности носителей ухтинского диалекта.

Анализ показывает, что из трех названных волостей территория Кестенгской волости сформировалась позже всех: именно здесь мы находим наибольшее число селений, не существовавших еще при Четвертой ревизии 1782 г. Тем не менее истоки Кестенгской волости также находятся в XVII в. Уже в кольской переписи Ребольского погоста 1678 г. два самых северных карельских селения обозначены так: «Волость Елетезерская», в которой проживают, в частности, староста Ивашко Никулин и целовальник Ивашка Пянтелеев, а также: «Тое ж волости вновь поселились В Кистелги-губе». Другими словами, старейшим поселением будущей Кестенгской волости являлось Елетозеро, со своим волостным самоуправлением, у которого появилась уже подчиненная волостная деревня Кестеньга; в конце описания помещен общий итог по волости: 10 дворов, в них 10 крестьян и еще 24 взрослых человека и 16 недорослей м. п. [РГАДА ПК Кол 1678: 152–153].

Переписная документация Ребольского погоста XVII–XVIII вв. ничего не говорит о карельских поселениях в будущих Тихтозерской и Олангской волостях XIX в. Так, кольская перепись 1678 г. заканчивается

описанием не деревень, а двух саамских стационарных поселений: «Лешие Лопи крещеных лопарей погостишек», которые состояли не из дворов, а из саамских полуземлянок-*веж*: «Лопской Пяозерской погост» (в веже староста Тимошка Иванов) и «Лопской Оръезерской погост» (в веже староста Ротка Шареев) [РГАДА ПК Кол 1678 153об.–155]. Это земли вокруг оз. Пяозеро будущей Олангской волости.

Очевидно, активное заселение этих самых северных окраин бывшего Ребольского погоста началось только в XIX в., когда туда начали пробивать сухопутные дороги. Причем, обратим на это внимание, пути шли не из лежащих к югу от них Вокнаволоксской или Ухтинской волостей, а из прилегавшей к ним с востока Кестенгской волости. Эти три тракта сходились все вместе в деревне Паанаярви Великого княжества Финляндского [ККУ 1908]. Поэтому можно предположить, что заслуга в освоении Тихтозера и Оланги принадлежит не только кестенгским крестьянам, но и выходцам с севера Финляндии.

Итак, мы рассмотрели динамику и этапы развертывания церковно-приходской и волостной структур Ребольского погоста XVI–XVIII вв. по каждой волости и их объединениям. Мы нашли, что в основе данных процессов лежали не собственно административные усилия государства, а интегрирующая сила самоорганизации крестьянского мира. Государство, проводя переписи, в основном узаконивало складывавшееся на местах положение вещей. Повсюду – и на юге погоста, и на его севере – проявлялась весьма определенно и настойчиво **объединительная тенденция** самоуправления и следовавшего за ней государственного администрирования. Она выражалась в установленной нами концептуальной парадигме, т. е. формах последовательно изменявшейся административной конструкции. В наиболее развернутом виде для собственно Ребольского погоста она выглядит так: XVI в. – изначальная Ребольская волость и приход во имя Рождества пресв. Богородицы; начало XVII в. – Ребольский погост; середина – вторая половина XVII в. – ребольские четыре четверти; первая половина XVIII в. – ребольские трети; середина – вторая половина XVIII в. – Погостская (ребольская) половина погоста; конец XVIII – начало XIX в. – новая Ребольская волость Олонецкой губернии. Данная модель соответствовала развертыванию структур самоуправления в олонецкой половине Ребольского погоста.

На севере, в ребольской части Беломорской Карелии, на территории Кимасозерской половины погоста данная парадигма форм оказалась короче: она не прошла стадию волостей-четвертей; становление ее «ядра» – Вокнаволоксской волости – относится к началу – середине

XVII в.; переписи второй трети зафиксировали Кимасозерскую половину, состоящую из трех частей (третей). С окончательным отделением Кимасозерской волости в состав Олонецкой губернии в результате губернских реформ конца XVIII – начала XIX в., обширная Вокнаволоцкая волость предстает перед нами Ильинским приходом и объединением крестьянских общин четырех известных по истории XIX в. волостей – Контокской, Вокнаволоцкой, Ухтинской и Кестенгской (Елетьозерской). Наконец, в середине XIX в. произошло окончательное выделение из нее земель Тихтозерской и приполярной Олангской волостей. Таким образом, выявленная исследованием волостная и приходская парадигма описывает также конструкцию и хронологию эволюции форм самоорганизации крестьянских общин северных (беломорских) карелов.

Именно на основе самоорганизации крестьянских коллективов земельных общин и складывались отдельные, устойчивые общности жителей. Данные объединения принимали две универсальные формы: прихода как традиционного предстания общины Богу и волости, т. е. узаконенных взаимоотношений с государством, главным образом, на волостном уровне. Поэтому зарождавшиеся постепенно южнокарельские, переходные и севернокарельские диалекты собственно карельского наречия карельского языка, ареалы их бытования следовали за эволюцией волостного деления Ребольского погоста за все время его существования в XVI–XVIII вв., т. е. они складывались сообразно динамике объединения/разграничения в ходе самоорганизации крестьянского мира. Как представляется, приходское объединение в данном общем процессе играло в целом важную, но подчиненную роль. **В интегрирующей силе консолидации** и заключается главное значение крестьянского мира как для формирования новых языковых общностей у карелов, так и для хода этнокультурных процессов в историческом Ребольском крае в целом.

Источники

ААЭ 18362 – Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею имп. Академии наук. СПб.: Тип. 2 отд-ния собственной Е. И. В. канцелярии, 1836. Т. 2.

АСМ 1990 – Акты социально-экономической истории Севера России конца XV – XVI вв. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1990. Акты Соловецкого монастыря. 1572–1584.

ЖМВД 1840 – Журнал Министерства внутренних дел. СПб., 1840. № 9. С. 342–362. Тявзинский мирный договор (современный перевод со шведских подлинников, присланных из шведского Государственного архива в 1827 г.).

ИК 1987 – История Карелии XVI–XVII вв. в документах / Asikirjoja Karjalan historiasta 1500- ja 1600-luvuilta. Петрозаводск; Йоэнсуу / Joensuu; Petroskoi, 1987. Т. I. С. 179–185. Книга сбора данных и оброчных денег с тяглого населения Лопских погостов 1587/88 г.; С. 186–233. Дозорная книга Лопских погостов 1597 г.; С. 265–283. Переписная книга Корельского уезда 1590 г. / Manttaledhaff Kexholms Lhännpro Anno 1590.

Карелия в XVII в. 1948 – Карелия в XVII в. Сборник документов / Под ред. А. И. Андреева. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1948.

ККУ 1908 – Карта Кемского уезда Архангельской губернии / Сост. А. Е. Ивановский // Издание Архангельского губернского статистического комитета. Архангельск, 1908. Приложение 5.

КСП 2011 – Приходная книга новгородского Дома Святой Софии 1576/77 г. («Книга софийской пошлины») / Сост. И. Ю. Анкудинов, А. А. Фролов. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2011.

Материалы 1941 – Материалы по истории Карелии XII–XVII вв.: **Сборник документов** / Под ред. В. Г. Геймана. Петрозаводск: Госиздат Карело-Финской ССР, 1941.

НА РК 1 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. 4. Олонецкая казенная палата. Оп. 18. Д. 9/58. Л. 1–128об. Ревизские сказки государственных крестьян Повенецкого уезда Ребольского погоста Погостской, Кимасозерской половины и Вокнаволоцкой волости, 1782 г.

НА РК 2 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. 4. Олонецкая казенная палата. Оп. 44. Д. 106/1049. Л. 1–262. Список о числе крестьян в окладе состоящих с показанием перемен с 1838-го по 1842 годам о волостях и обществах по новому их разделению.

ПК 1500 – Переписная окладная книга по Новгороду Вотьской пятины 7008 [1500] г. Корела с уездом // Временник имп. Московского общества истории и древностей Российских. М.: В Университетской тип., 1852. Кн. 12. Материалы. С. 1–188.

ПК 1563 – Писцовая книга Обонежской пятины 1563 г. // Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. / Материалы по истории народов СССР / Под общ. ред. М. Н. Покровского. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. Вып. 1. С. 57–254.

ПСРЛ 1997 – Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. М.: Наука, 1997. Т. 1.

РГАДА 1 – Российский государственный архив древних актов. Ф. 27. Приказ тайных дел. Оп. 1. Д. 18. Л. 146. «Извет» Федора Филиппова, не ранее 12 января 1628 г.

РГАДА 2 – Российский государственный архив древних актов. Ф. 96. Сношения со Швецией. Оп. 1. 1620 г. Д. 1. Л. 393–398. Дело о грабежах, 1620 г.

РГАДА 3 – Российский государственный архив древних актов. Ф. 96. Оп. 1. 1629 г. Д. 1. Л. 378–379. «Список перебежчиков по сыску Ивана Ушакова и подьячего Богдана Воломского», 1627/28 г.; Л. 384–385об. Дело о «немцах-наймитах», 1628/29 г.

РГАДА 4 – Российский государственный архив древних актов. Ф. 96. Оп. 3. Д. 34. Л. 1–62. «Межевая запись» русско-шведской границы, 3 августа 1621 г.

РГАДА ПК 1584 – Российский государственный архив древних актов. Ф. 1209. Поместный приказ, вотчинная канцелярия, вотчинный департамент. Оп. 3. Петербургская вотчинная контора. Д. 16932. Л. 162–248об. Писцовая книга дворцовых Заонежских погостов 1584/85 г. Леонтия Аксакова и Афанасия Жеребятичева. Фрагмент. Подлинный список 1586–1591 г.

РГАДА ПК Кол 1678 – Российский государственный архив древних актов. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 15056. Л. 97–155об. Переписная книга Кольского уезда карельских Ребольских волостей стрелецкого головы Кольского острога Ивана Власова сына Старцова, 1678 г.

РГАДА ПК 1707 – Российский государственный архив древних актов. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8579. Книга переписная Олонецкого уезду переписи Алексея Федоровича Головина да Андрона Васильева Апрелева, 1707 г.

РГАДА ПК 1726 – Российский государственный архив древних актов. Ф. 350. Ландратские книги и ревизские сказки. Оп. 2. Д. 2370. «Реестр определенным на оный Санктъ-Петербургской камендацкой Фаменцын полк», 1726 г. 372 л.

РГАДА ПК 1748 – Российский государственный архив древних актов. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2376. «Книга переписная мужского полу душ Новгородской губернии Олонецкого уезду ведения Олонецкой воеводской канцелярии государственных, монастырских и помещицким крестьяном». 1748 г. 1180 л.

РГАДА ПК 1749 – Российский государственный архив древних актов. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2384. «Книга переписная Новгородской губернии по городу Олонцу и его уезду имеющимся при соборной, приходских и ружных церквах, также и при монастырях, действительных священно- и церковно-служителям и их детям, учиненная в 1749 году». 69 л.

РИБ 1897 – Русская историческая библиотека. СПб., 1897. Т. 16. Русские акты Копенгагенского архива, извлеченные Ю. Н. Щербачевым.

Самоквасов 1909 – Самоквасов Д. Я. Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского царства. М.: Тип. Имп. Московского ун-та, 1909. Т. 2. Ч. 2. С. 346–396. «Платежная книга Корельской половины Вотской пятины выборного головы Корельской половины Федора Васильевича Калитина», начало 1570-х гг.

СГГД 1813, 1 – Собрание государственных грамот и договоров. М., 1813. Ч. 1.

Якубов 1897 – Якубов К. Россия и Швеция в первой половине XVII в. Сборник материалов, извлеченных из Московского Главного архива Министерства иностранных дел и Шведского Государственного архива и касающихся истории взаимоотношений России и Швеции в 1616–1651 годах. М., 1897.

Литература

Богословский М. М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. М.: Издание Имп. о-ва истории и древностей российских при Московском ун-те, 1909. Т. 1. Областное деление Поморья. Землевладение и общинный строй. Органы самоуправления; 1912. Т. 2. Деятельность земского мира. Земство и государство.

Бубрих Д. В. Историческое прошлое карельского народа в свете лингвистических данных // Известия Карело-Финской научно-исследовательской базы АН СССР. 1948. № 3. С. 42–50.

Бубрих Д. В., Беляков А. А., Пунжина А. В. Диалектологический атлас карельского языка / Ред. Лиэна Сарвас. Helsinki: Финно-угор. о-во, 1997. 10 с. + 209 карт.

Жуков А. Ю. Самоуправление в политике России: Карелия в XII – начале XVII в. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2013. 492 с.

Жуков А. Ю. История карелов Поморья и Беломорской Карелии в свете новых источников конца XVII – XVIII вв. // **Вепсы, карелы и русские Карелии и сопредельных областей: исследования и материалы к комплексному описанию этносов.** Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2016. С. 46–58.

Жуков А. Ю., Коралев Н. А., Макуров В. Г., Пулькин М. В. Ребольский край. Исторический очерк. Петрозаводск, 1999.

Жуков А. Ю., Ляля Е. В. Волостная и церковно-приходская структура Карельского Поморья, конец XV – середина XVIII вв. // Тр. КарНЦ РАН. 2012. № 4. С. 74–84.

Зайков П. М. Диалектология карельского языка / Karjalan kielen murteoporia. Петрозаводск / Petroskoi: ПетрГУ, 1987.

Зайков П. М. Глагол в карельском языке (грамматическая категория лица – числа, времени и наклонения). Петрозаводск: ПетрГУ, 2000.

Илюха О. П., Антощенко А. В., Данков М. Ю. История Костомукши. Петрозаводск: МЕГА-ПРЕСС, 1997.

Новак И., Пенттонен М., Руусканен А., Сиилин Л. Карельский язык в грамматиках. Сравнительное исследование фонетической и морфологической систем. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2019. 479 с.

Новикова О. Л. О второй редакции так называемого Соловецкого летописца // Книжные центры Древней Руси: Соловецкий монастырь. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 214–254.

Родионова А. П., Нагурная С. В., Чикина Н. В. Людики: вопросы сохранения языка и культуры. Исследования и материалы. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2017.

Шаскольский И. П. Шведская интервенция в Карелии в начале XVII в. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1950. С. 153–154. Протест сумского воеводы шведским властям, 7 сентября 1611 г. (публикация и новая датировка).

Швейковская Е. Н. Государство и крестьяне России. Поморье в XVII веке / Исследования по русской истории. Вып. 8. М.: Археографический центр, 1997.

Сведения об авторе. Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории, ИЯЛИ КарНЦ РАН.

Виктория Викторовна Ефимова

*Петрозаводский государственный университет,
г. Петрозаводск*

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ИМПЕРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ В ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ В 1820-х гг.

В статье на примере Олонецкой губернии 20-х гг. XIX в. выясняется, в какой мере проявлялись такие черты этноконфессиональной политики Российской империи, как этатизм, патернализм, толерантность, допущение разных моделей управления, действие по принципу «*ad hoc*». В результате автор приходит к заключению, что в рассматриваемый период к населению губернии не применялись такие принципы, как толерантность и допущение разных моделей управления. Из прочих черт, безусловно, доминировал этатизм, наиболее ярко проявившийся в совместном решении местных церковных и светских органов, поддержанных центральным правительством, о скорейшем выведении карельского языка из употребления как «языка раскола». При этом языковые предпочтения самих карелов не учитывались.

Ключевые слова: Российская империя, этноконфессиональная политика, Олонецкая губерния, 1820-е гг.

В современной отечественной литературе этноконфессиональная политика российского государства в дореволюционный период (а значит, и в интересующий нас период) характеризуется следующими чертами: 1) *этатизм*, т. е. подчиненность интересам внешней и внутренней безопасности государства, в силу чего этносы были не субъектами, а объектами государственной политики, от которых требовалось вне зависимости от языка и религии соблюдать верность престолу; 2) *патернализм*, т. е. позиционирование императора как «отца» всех подданных, независимо от их этнической и конфессиональной принадлежности; 3) *толерантность*, т. е. «избегание по возможности правовой дискриминации по конфессиональному или этническому признаку»; «уважение статусу присоединяемой территории и проживающего на ней населения» и «сотрудничество с нерусскими элитами»; 4) понимание центральным правительством того, что «управлять территориями, населенными

народами, входившими в состав России в разное время, на основе унифицированной модели организации местного самоуправления, суда, земельных отношений было невозможно»; 5) «адаптация принципов к конкретным ситуациям, конфессиям и народам в соответствии с принципом *ad hoc* – смотря по обстоятельствам» [Каппелер 2000: 83, 86; Суни 2001: 54; Полунов 2003: 198–199; Федоров 2003: 177; Слезкин 2008: 83–88, 442; Трепавлов 2009: 61–65; Миронов 2017: 143–152, 182]. Представляется важным выяснить, в какой мере проявлялись данные черты в 1820-е гг. на примере Олонецкой губернии.

Выбранный нами период интересен тем, что именно на эти годы приходится: 1) апогей проводимого Александром I **уникального религиозного эксперимента**, вскоре им же прекращенного; 2) становление конфессиональной позиции Николая I, **названной либеральными дореволюционными и советскими историками** в ее окончательном виде по отношению к раскольникам реакционной (репрессивной); 3) нахождение Олонецкой губернии под началом не только губернатора, но и архангельского, вологодского и олонецкого генерал-губернатора.

Выбранная нами губерния интересна тем, что: 1) ее территория давно была интегрирована в состав России, а после присоединения в 1809 г. к Российской империи Финляндии с точки зрения административной уже не считалась и окраиной; 2) здесь находился крупнейший центр старообрядчества – Выгорецкая обитель; 3) на ее территории наряду с русскими проживали карелы и вепсы¹. Впрочем, эти два этноса были настолько интегрированы в социальную структуру общества, что ни в правовом, ни в конфессиональном отношении в рассматриваемый период ничем не отличались от русских крестьян. Будучи отнесенными к государственным крестьянам и «старокрещенным народам», они при проведении общих ревизий (переписей населения) вплоть до середины 40-х гг. XIX в. никогда не считались отдельно [Каппелер 2000: 91; История Карелии 2001: 208]. Более того, карелы не имели на тот момент национального самосознания и элиты, способной его сформировать². В силу этого можно уже заключить, что третья (в части «уважение статус-кво территории и проживающего на ней населения») и четвертая черты этноконфессиональной политики Российской империи в отношении к нерусскому населению Олонецкой губернии в рассматриваемый нами период не применимы.

¹ Открытие вепсов для науки, их выделение в самостоятельный этнос, отличный от карелов, произвел в середине 1820-х гг. А. М. Шёгрэн.

² Первые более или менее объективные данные об общей численности карелов и вепсов были собраны силами духовенства лишь в середине 1830-х гг. [Пашков 2010: 100–102].

Что касается второй черты (патернализм), то она была налицо, так как буквально накануне интересующего нас периода, а именно в 1819 г., Александр I посетил Олонецкую губернию. Это путешествие, как и другие, осуществлялось царем с целью узнать больше о своих подданных и показать его заботу о жителях всей империи³. Маршрут путешествия пролегал через места, населенные как русским, так и карельским населением, часть которого в конфессиональном отношении придерживалась старообрядчества⁴. Впрочем, в ходе путешествия по губернии царь усердно посещал православные церкви, монастыри и пустыни, а ее население, независимо от национальности и религиозных предпочтений, с ликованием встречало государя. Одним из итогов этого путешествия было признание царя, сделанное в Каргополе на обратном пути из Архангельска в частной беседе с домочадцами купца Алексея Вешнякова: «Мне сказывали прежде, что природа здесь скудна, а люди грубы и не образованы⁵, но Я заметил почти противное: воздух здоров, природа вполне, кажется, вознаграждает человека, а что касается жителей, то они развитием своим нисколько не уступают прочим местностям Моей империи; одним словом, въехав в Олонецкую губернию, Я встретил совершенно противное тому, что у нас в С-Петербурге, или, вернее, что сказали Мне про Олонецкую губернию» [О высочайших посещениях 1877: 27–28].

Осталось проверить, в какой мере проявлялись прочие черты этноконфессиональной политики. Итак, повторимся, на самое начало 1820-х гг. приходится апогей реализации уникальной религиозной политики, суть которой состояла в утопической попытке создания «общехристианского „евангелистского“ государства», в котором существует «приоритет единых христианских ценностей перед конфессиональными, общегосударственных перед национальными» [Стелецкий 1901: 217–219; Кондаков 1998: 50, 60; Вышленкова 2002: 3–4, 133–136]. Главным проводником этой политики в России стало Российское библейское общество (РБО)⁶, а также учрежденное в 1817 г. Министерство духовных дел и народного просвещения под управлением А. Н. Голицына. На начало 1820-х гг. РБО приобрело по всей стране разветвленную сеть местных отделений, «со-

³ Оставим в стороне мнения некоторых исследователей об истинных целях послевоенных путешествий Александра I [Уортман 2002: 308–322].

⁴ В частности, в посещенных царем городах на 1815–1816 гг. числилось старообрядцев: в Вытегре – 83; в Каргополе – 15; в Петрозаводске – 68; в Олонце – 130 человек [Ружинская 2002: табл. 4 в Приложении].

⁵ Здесь царем имелись в виду Архангельская и Олонецкая губернии.

⁶ Как Санкт-Петербургское существует с 1812 г., как Российское – с 4 сентября 1814 г.

товариществ» (их филиалов) и корреспондентов, а новое министерство активно проводило в жизнь принцип «самой широкой веротерпимости», дозволив заводить отделения РБО даже в учебных заведениях. Очень скоро министерство «стало отождествляться с Библейским Обществом» [Стелецкий 1901: 185].

Одной из главных целей РБО было сделать доступным Священное писание всем народам империи. Для этого усилиями членов общества, как писал в феврале 1826 г. в своей записке Николаю I президент РБО митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Серафим (Глаголевский), был предпринят его перевод и вместе с ним некоторых других религиозных текстов, напечатанных «на славянском и русском языках и на прочих, жителями Империи употребляемых» [РГИА 1409: Оп. 2. Д. 4663. Л. 11; ПСПР 1915: 119–123]. Так как в Олонецкой губернии комитета отделения РБО создано не было⁷, инициативу по переводу «на карельский язык Олонецкого наречия» одного из Евангелий взял на себя митрополит Серафим⁸. Заказ был выполнен в 1820 г. учениками Новгородской духовной семинарии⁹. РБО одобрило перевод, но сочло «за нужное» узнать, довольны ли будут им «олонецкие карелы», а заодно – «сколь велико число людей, говорящих оным и много ли из них разумеющих по-русски и знающих читать». Эти сведения нужны были РБО, чтобы понять, сколько следует напечатать экземпляров Евангелия, переведенного на карельский язык. «Экспертизу» было поручено провести священнику Федорову, который дал в конце 1820 г. неблагоприятное заключение, написав, что данный перевод годен только для карелов, живущих в нескольких приходах Олонецкого и Петрозаводского уездов, а в других приходах Петрозаводского уезда не понимают «многих карельских слов Олонецкого наречия, потому что у них язык корельский есть вовсе испорченный и неправильной»¹⁰. Также, писал священник, «корелы, живущие в Повенецком уезде, называемы лопляне», не знают ни того, ни другого, и их язык «также неправильной и испорченной» [НА РК 126: Оп. 3. Д. 1/13. Л. 1–4]. В результате перевод так и не был

⁷ По крайней мере, в списке комитетов отделений РБО, существовавших в губерниях, представленном Николаю I в 1826 г., Олонецкой губернии не значилось [РГИА 1409: Оп. 2. Д. 4663. Л. 97–107].

⁸ В церковно-административном отношении Олонецкая губерния до 1828 г. находилась в составе Новгородской епархии.

⁹ Оговоримся, что одним из первых из современных исследователей историю о переводе на карельский язык священных текстов ввел в научный оборот М. В. Пулькин [Пулькин, Захарова, Жуков 1999: 110; Пулькин 1999: 36–38].

¹⁰ Исследователи полагают, что речь шла о вепсах.

напечатан¹¹. Неудачной оказалась и попытка в 1821 г. подсчитать количество карелов и вепсов, проживающих в Повенецком и Петрозаводском уездах Олонецкой губернии¹². В 1824 г. религиозный эксперимент был прекращен, так как верховная власть пришла к убеждению «о необходимости сохранения государственной церкви как политического института» [Вышленкова 2002: 47; Федоров 2003: 187]. Само общество было формально упразднено уже при Николае I в апреле 1826 г. [ПСПр 1915: 79 (№ 67)].

Примечательно, что карелы привлекли внимание правительства в начале 1820-х гг. еще по одному поводу – в качестве старообрядцев. Но следует сразу оговориться, что старообрядцы были не только среди карельского, но и среди русского населения. Изучение действовавшего в 1820-х гг. законодательства и реальной административной практики по отношению к старообрядцам в Олонецкой губернии приводит нас к невозможности согласиться с утверждением некоторых авторов, что до 1830 г. веротерпимость (толерантность) была одной из самых характерных черт этноконфессиональной политики империи [Миронов 2017: 232]. Было бы точнее сказать, что политика в отношении старообрядцев в интересующий нас период была не только крайне противоречивой, но и «ситуативной», т. е. принимаемой часто по конкретному казусу¹³.

Если же говорить о периоде правления Александра I, то нам представляются также верными следующие утверждения: 1) «„практическая политика“ его правительства... выражалась в том, чтобы „не замечать“ старообрядчества» [Вургафт, Ушаков 1996: 15], 2) «светские структуры» весьма лояльно относились к староверам [Тяпин 2002: 58; Палкин 2016: 90], 3) тогда вообще не было создано общегосударственной концепции взаимоотношений со старообрядцами [Ружинская 2002: 48, 107].

Продемонстрируем это сначала на примере действовавшего в их отношении законодательства. С одной стороны, по-прежнему имели силу еще «екатерининские узаконения», предоставлявшие старообрядцам

¹¹ То, что на карельский язык переводились и другие тексты, свидетельствует совершенно неожиданный источник, а именно: дело о так называемом «французском парламенте». В 1821 г. мелкие чиновники, служившие в разных государственных учреждениях Олонецкой губернии, создали под таким названием шуточное общество. При принятии в него новых членов их приводили к присяге, которая состояла из молитвы, «отче наш», переведенной на карельский язык. «Забава» эта, как свидетельствовал один из главных его участников – коллежский регистратор Василий Марьянович, «известна была всем почти жителям Петрозаводска и самому губернатору» [РГИА 1409: Оп. 2. Д. 4816; Авл. 1924: 133].

¹² Смотри об этом подробнее: [Ружинская 2002: 72–73; Ефимова 2017: 133–135].

¹³ У Б. Н. Миронова этот принцип этноконфессиональной политики сформулирован как политика, предполагающая действия «в соответствии с принципом *ad hoc* – смотря по обстоятельствам» [Миронов 2017: 182].

право носить бороды и неуказное платье (1764 г.), допускать в спорах между собой к присяге и свидетельству (1769 г.), избираться в городские службы (1785 г.) [ПСЗ-1: Т. 16, № 12067; Т. 18, № 13255; Т. 21, № 15584; Т. 22, № 16238; Т. 25, № 88428]. Александр I также подтвердил старообрядцам право строить церкви (1807 г.); выбирать в городские должности, но только тех из «поповцев», кто приемлет священничество, а из беспоповцев – тех, кто молится за царя, если «не найдется из православных» (1820 г.); оставлять у себя беглых священников, если они не совершили никаких уголовных преступлений (1822 г.) [ПСЗ-1: Т. 29, № 22646а; НА РК 2: Оп. 47. Д. 2/1. Л. 3–12].

С другой стороны, действовал подтвержденный еще Павлом I указ «неизменно» предавать гражданскому суду тех из старообрядцев, кто не признает Русскую православную церковь, государя и установленные им власти (1800 г.). В 1810 г. учрежденному Министерству полиции было вменено в обязанность «ведать раскольников» [ПСЗ-1: Т. 26, № 19352; Т. 31, № 24678 (§ 10)]. Начиная с 1811 г. сведения об их численности губернаторам было предписано указывать в своих ежегодных отчетах. С 1816 г. раскольники были поставлены «под ближайший надзор» министра внутренних дел. Надзор проявлялся не только в учете числа старообрядцев¹⁴, но и, например, в выдаче разрешения на ремонт и строительство их молитвенных домов и часовен только с «высочайшего дозволения». Однако уже в «правилах о раскольниках» 1822 г. был закреплен запрет строить новые старообрядческие молитвенные дома и часовни¹⁵. С конца 1823 г. приговоры уголовных палат по делам об отступлении от православия должны были представляться на утверждение министра внутренних дел. 14 мая 1825 г. в Петербурге был учрежден Секретный комитет по делам о раскольниках [НА РК 2: Оп. 47. Д. 2/1. Л. 9; Министерство внутренних дел 1901: 92]. Появление этого комитета являлось одним из явных свидетельств окончания «религиозного эксперимента»¹⁶.

При характеристике религиозного курса Николая I в отношении старообрядцев в первое пятилетие его правления следует быть, по нашему мнению, также весьма осторожным и не спешить обращать на него

¹⁴ Не случайно в хранящихся в фонде Комитета министров отчетах министра внутренних дел середины 1820-х гг. можно найти обобщенные сведения о численности представителей разных конфессий (в том числе старообрядцев) со времени VII ревизии (1816–1817 гг.) [Кабузан 2008: 150].

¹⁵ Предполагаем, что этот запрет был реакцией на петицию царю ржевских старообрядцев, просивших дозволить им выстроить молельный дом [Скворцов 1895: 61–62].

¹⁶ В Олонецкой губернии «секретный совещательный комитет по делам раскольников» действовал с 1839 г.

бытующую в отечественной историографии оценку этого курса как репрессивного, обычно даваемого всему периоду правления этого императора. Считаем, что в эти годы она только формировалась. Так, например, в 1826–1827 гг. в религиозной сфере велась весьма «вялая» законодательная деятельность, которая в основном сводилась к подтверждению прежних узаконений¹⁷. Новеллами следует признать лишь два узаконения. Во-первых, это именной указ министру внутренних дел от 3 июля 1826 г., предписывавший все сведения о числе существующих в государстве сект и расколов отныне собирать в III Отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии, что ясно дало понять чиновничеству, какое значение новый царь придает этому делу [ПСЗ-2: Т. 1, № 449]. Во-вторых, это высочайшее повеление от 24 мая 1827 г., предполагавшее всех бежавших после 1822 г. к старообрядцам попов считать совершившими уголовное преступление, за которое судить епархиальным судом, а всем давним раскольничьим попам запретить переходить даже внутри губернии из уезда в уезд. При нарушении этого запрета местным властям предписывалось поступать с ними как с бродягами¹⁸.

Впрочем, спор о том, что же из себя представляла в отношении старообрядцев политика первых лет правления Николая I, продолжается. Так, например, С. Таранец полагает, что уже в 1826 г. принятием целого ряда указов Николай I «свел на нет» полученные старообрядцами при Екатерине II и Александре I права [Таранец 2012: 270]. Нам же ближе позиция Т. Н. Жуковской, которая считает, что «с 1826 и до начала 1830-х гг. в правительственных сферах» шел интенсивный поиск «новых духовных опор» нового царствования и «православие не могло бы занять место этического стержня официальной идеологии, если бы не соответствовало искренней и глубокой вере императора». Оно «поднималось на щит» для обоснования того, «что преданность алтарю и престолу нераздельны в народном сознании» [Жуковская 2007: 88]. В связи с этим очень скоро раскол станет рассматриваться как отступничество от православия, нетерпимое и государственными институтами. Но все это произойдет, повторимся, не ранее 1830 г., когда законодатель классифицирует «расколы и ереси», разделив их на «особенно вредные» и «соединенные с жестоким изуверством», чтобы различать их при определении наказания.

¹⁷ Например, указом Сената от 19 июля 1827 г. был подтвержден указ Синода от 14 августа 1808 г. о том, чтобы дела о лицах, вступивших в брак по раскольническому обряду, судились гражданским, а не духовным судом. Такие браки считались незаконными [ПСЗ-2: Т. 2, № 1257].

¹⁸ Реестр секретных предписаний министров с 1828 по 1837 г. [НА РК 2: Оп. 47. Д. 2/1. Л. 12].

Но при этом наказывать предписывалось лишь тех из раскольников, кто в судебном порядке был изобличен в «распространении своей ереси и привлечении к оной других, а также в соблазнах, буйстве и дерзостях против церкви и духовенства православной веры» [ПСЗ-2: Т. 5, № 4010]¹⁹.

Отсутствие внятной правительственной политики в отношении старообрядцев в 1820-е гг. ставило в тяжелое положение возглавлявших в это время Олонецкую губернию генерал-губернаторов и губернаторов²⁰. Так, например, когда 29 мая 1820 г. последовал секретный указ и разъясняющий его циркуляр МВД о пресечении «распространения федосеевского согласия или беспоповщины», то генерал-губернатор А. Ф. Клокачев решил перестраховаться, предложив 4 июля Олонецкому губернскому правлению «приказать» земским судам и городничим провести учет не только беспоповцев, но и всех старообрядцев и донести прямо ему, сколько таковых будет найдено. Сбор информации проходил в течение 1820–1822 гг. [ГААО 1367: Оп. 1. Д. 36. Л. 327; НА РК 1: Оп. 46. Д. 1/11; Оп. 36. Д. 18/1; НА РК 2: Оп. 47. Д. 2/1. Л. 4–8; ВЦА 233: Оп. 1. Д. 114. Л. 1–39]. Генерал-губернатор при осмотре в конце 1820 г. Повенецкого уезда лично побывал в выговских старообрядческих монастырях, где с удовлетворением отметил процветающее у них земледелие [РГИА 1409: Оп. 1. Д. 3796. Л. 6; ГААО 1367: Оп. 1. Д. 36. Л. 716]²¹. В июле 1821 г. раскольничьи монастыри посетил губернатор В. Ф. Мергенс, «чтоб в сказки прописать» женское население²². В результате федосеевцы были обнаружены лишь в Пудожском уезде в количестве 25 человек [Ружинская 2002: 48, 92].

В ходе сбора этой информации произошел инцидент, наглядно показывающий трудность положения местных светских властей в отношении старообрядцев. При сборе информации в Повенецком уезде земская полиция стала требовать от женщин, проживавших в самом Лексинском

¹⁹ В таком виде эта классификация войдет в 1832 г. и в XV т. Свода законов Российской империи.

²⁰ Архангельское, Вологодское и Олонецкое генерал-губернаторство существовало с 1820 по 1830 г.

²¹ Однако заметим, что процветание земледелия было вызвано тем, что выгорецкие монастыри и их скиты в XVII–XVIII вв. захватили лучшие земли в округе. Среди таковых, например, были шунгитовые «черноземы» в Петрозаводском уезде (Заонежье) и 13 тыс. десятин земельных угодий в Чаженгской пустыни (Каргополье). Уже в конце XVIII в. их пашни поражали современников. Так, по сведениям академика Озерецковского даже в одном из самых неблагоприятных для земледелия Пудожском уезде засеивалось около 70 четвертей овса, а на конец 1830-х гг. – вдвое больше [Амозова 2007: 98, 102; Юхименко 2016: 376].

²² В. В. Керов свидетельствует, что олонецкий губернатор и другие чиновники неоднократно приезжали и до этого на Выг. Контекст его изложения ясно дает понять, что выговские старообрядцы «откупались» от местной администрации [Керов 2004: 162, 164, 166].

монастыре или около его, плакатные паспорта²³. Выговский большак Кирилл Михайлов подал жалобу напрямую генерал-губернатору Клокачеву. Тот 2 октября 1821 г. потребовал от недавно назначенного олонеким губернатором А. И. Рыхлевского пресечь эти преследования, напомнив, что «высочайшая воля есть, чтобы со стороны правительства не было излишних притязаний к старообрядцам», а 19 декабря предложил губернатору держать в поле зрения старообрядцев, но действовать так, чтобы старообрядцы не знали, что за ними «есть неослабный правительственный надзор», который в случае неосторожных их действий может иметь «неприятнейшие последствия для самого правительства». По поводу же жалобы генерал-губернатор советовал поступить следующим образом: объявить монахиням через их старшину Михайлова, «не согласятся ли они записаться по месту жительства в это Выгорецкое общежительство», а старообрядцам, «которые временно (для богомольства или работ) там пребывают, иметь основания законные (виды и паспорта)». В заключение А. Ф. Клокачев просил А. И. Рыхлевского поспешить с присылкой к нему сведений о старообрядцах, которые «и донныне ему не доставлены» [Пашков 2006: 64; ГААО 1367: Оп. 1. Д. 84. Л. 1128–1130].

Распространение старообрядчества, безусловно, стало одной из главных причин создания самостоятельной Олонецкой епархии. В научной литературе распространено мнение, что эта история началась в 1822 г., а его главной движущей силой был уже упомянутый нами выше митрополит Серафим [НА РК 593: Оп. 3. Д. 2 (т. 1). Л. 148–154; Олонецкая епархия 2001: 9]. По нашим же сведениям, с инициативой учреждения отдельной епархии уже летом 1821 г. во время своего пребывания в Петербурге «вышел» в правительство генерал-губернатор Клокачев. В своем отношении к министру А. Н. Голицыну от 2 декабря 1821 г. он так представил события: «Губернатор Рыхлевский обозревал Олонецкую губернию и известил меня, что духовенство наше большею частью по уездам и особенно в приходах, находящихся по близости к старообрядческим обществам, можно сказать, отлично худо – вообще люди дурной нравственности, без всякого образования и крайне жадны к прибытку и не только не радуют о должности назидания и просвещения вверенной им паствы, но еще напротив неприличными своими поступками подают повод к большому отвращению от православия²⁴. Оным старообрядцы и умеют пользоваться – в самом г. Повенце, в уезде коего состоят старообрядческие монастыри, с 17 марта

²³ Напомним, что такие паспорта давали право «отлучки» крестьянам от своих селений на промыслы и удостоверяли одновременно, что они не беглые.

²⁴ В ф. 25 Олонецкой духовной консистории действительно хранится несколько дел, свидетельствующих о неприличном поведении священников.

ни разу не было совершено Божьей литургии, о чем от городничего имеет губернатор сведения. Хотя Рыхлевский и не делает формального представления, но я считаю необходимым донести Вам, тем более, что и я, обозревая Олонецкую губернию, оное же заметил относительно сельского духовенства и будучи в Санкт-Петербурге, имел с Вами беседу, что не благоудно ли будет учредить в Петрозаводске Епархию, о чем и с митрополитом изъяснялся»²⁵.

По-видимому, именно тогда генерал-губернатору было предложено сделать официальное представление об этом, результатом чего и стало его отношение к А. Н. Голицыну от 2 декабря 1821 г. Главные аргументы необходимости учредить новую епархию генерал-губернатор свел к следующему: 1) за духовенством Олонецкой губернии «не имеется надлежащего надзора, который бы имел местный Преосвященный»; 2) «еще при Екатерине II предполагалось в г. Петрозаводске быть особому Архиерею»; 3) «по множеству раскольников, в сей особенно губернии существующей издревле, при недостатке добрых священников в приходах раскол преумножается, но конечно бы епархиальное начальство отвратило вредное оных распространение». В заключение генерал-губернатор напомнил министру, что тот согласился не только на его предположение, но и на то, чтобы «архиерею иметь жительство в Александрo-Свирском монастыре, где ныне имеется и местное духовное училище, которое могло бы при епархии превратиться в духовную семинарию» [ГААО 1367: Оп. 1. Д. 84. Л. 1063–1064].

В феврале 1822 г. в ответ на представление губернатора Рыхлевского о старообрядцах от 9 января Клокачев написал ему «по секрету», что он предполагает будущим летом быть в Петрозаводске и к этому времени просил доставить ему сведения: «какой, по Вашему мнению, нужен со стороны Правительства надзор за старообрядцами или ревизия в их жилищах и каким образом удобнее, считаете Вы, сие учредить, не нарушая спокойствие обитателей», чтобы не было «неприятных последствий», а также высказать свое мнение – «в чем особенно они вредны в обществе, а паче для тамошнего края?» [ГААО 1367: Оп. 1. Д. 133. Л. 138].

Безусловно, что об этой переписке был извещен митрополит Серафим. 24 апреля 1822 г. он представил в Синод свое донесение, приложив к нему списки с представлений Рыхлевского и Клокачева. Митрополит не только поддержал аргументы светской администрации, но и предложил план учреждения епархии. Синодом был подготовлен доклад царю, но его

²⁵ Безусловно, имелся в виду только что назначенный 19 июня 1821 г. во главе Новгородской, Санкт-Петербургской, Эстляндской и Финляндской епархии митрополит Серафим.

дальнейшее представление было приостановлено запросом к Серафиму с требованием приложить к нему план фасада и смету суммы, необходимой на исправление Александро-Свирского монастыря. На эти расчеты ушло шесть лет. Главной причиной задержки, полагают создатели летописи Петрозаводского кафедрального собора, было то, что олонецкая гражданская администрация и жители Петрозаводска хотели, чтобы местом жительства епископа был не уединенный монастырь, а губернский город [НА РК 593: Оп. 3. Д. 2 (т. 1). Л. 152–154]. Подтверждение этого мы нашли и в переписке генерал-губернатора и губернатора. Так, например, 26 октября 1822 г., отвечая на представление губернатора Рыхлевского об учреждении новой епархии, Клокачев предложил ему обдумать, что «если нельзя архиерею пребывать в монастыре», то «какие ему следует отвести угодья» для поселения в Петрозаводске, так как там нет «земель экономического ведомства» [ГААО 1367: Оп. 1. Д. 132. Л. 418].

Видимо, еще в отсутствие генерал-губернатора²⁶ губернатор Рыхлевский, выполняя поручение Клокачева, в начале 1823 г. сделал официальное представление министру внутренних дел В. П. Кочубею «о распространяющемся расколе в Олонецкой губернии» и мерах борьбы с ним. В частности, он предлагал: 1) чтобы в приходы Пудожского и Повенецкого уездов, где находятся старообрядческие скиты, назначать священниками «предпочтительно примерной нравственности и сколь можно более образованных, которые не только бы могли благоразумными внушениями подкреплять в православие готовых отпасть от оногo, но заблудших уже обратить на путь истинный...»; 2) чтобы священники этих уездов вели строгий учет всех рожденных детей у старообрядцев и не допускали «соревнования» между собой за право обвенчать кого-либо, в силу чего «каждому старообрядцу венчание обходится дешевле, чем православному в своем приходе». Эти предположения В. П. Кочубей передал А. Н. Голицыну, который, между прочим, 14 сентября 1823 г. распорядился провести Новгородской консистории расследование по указанным губернатором фактам [НА РК 25: Оп. 7. Д. 21/6; Ружинская 2002: 78].

Примечательно, но среди зарегистрированных в исходящем журнале распоряжений генерал-губернатора С. И. Миницкого за 1823–1825 гг. распоряжения, которые бы касались старообрядцев, были чрезвычайно редки²⁷. Это некоторым образом опровергает утверждение И. Н. Ружинской,

²⁶ А. Ф. Клокачев внезапно скончался 2 января 1823 г. Заменявший его С. И. Миницкий приступил к должности только в мае 1823 г.

²⁷ Мы обнаружили лишь два таких предложения: от 11 октября 1823 г. и 5 апреля 1824 г. [ГААО 1367: Оп. 1. Д. 191. Л. 427; Д. 262. Л. 304].

что эти годы были «прелюдией» к годам реакции Николая I в отношении старообрядцев. Однако, будучи в начале марта 1824 г. в Петрозаводске проездом в Санкт-Петербург, Миницкий, осмотрев вместе с Рыхлевским две ветхие церкви²⁸, «совещались» по поводу необходимости их ремонта, чтобы они не являлись «нелицеприятным примером незаботливости правительства о храмах божьих». Уже 18 марта губернатор сделал генерал-губернатору официальное представление со сметой на ремонт. Находящийся в это время в Петербурге С. И. Миницкий ходатайствовал об их ремонте перед императором и министром А. Н. Голицыным. Среди причин необходимости выделить на ремонт насчитанные 42845 руб. в своем отношении от 27 мая 1824 г. к Голицыну Миницкий указал и такую: немалая часть из граждан Петрозаводска, особенно зажиточных, это старообрядцы, которые «не ходят в храм Божий, а может быть еще радуются упадку оных и готовы стараться об их уничтожении». 8 июля 1824 г. Александр I повелел отпустить требуемую сумму [НА РК 1: Оп. 36. Д. 23/11. Л. 1–4; ГААО 1367: Оп. 1. Д. 262. Л. 243; РГИА 1409: Оп. 1 (1824). Д. 4330. Л. 23].

Одним из итогов правления Александра I является существенный рост числа старообрядцев. Так, например, в Олонецкой губернии, по подсчетам И. Н. Ружинской, только по официальным данным их количество за 10 лет – с 1815 по 1825 г. – увеличилось на 1/4 и составило 8764 человека, что, в свою очередь, означало, что каждый двадцатый житель губернии, а в Повенецком уезде – каждый пятый был старообрядцем [Ружинская 2002: 82–83 и табл. 4 в Приложении 5]. Важно заметить, что именно в этом уезде по уточненным данным переписи 1836 г. карелы составляли около 65 % всех жителей. Однако общее число старообрядцев, как признавала сама олонецкая губернская администрация в 1829 г. в лице вице-губернатора Б. И. Пестеля, было весьма заниженным [НА РК 2: Оп. 47. Д. 2/1. Л. 18].

В первые два года правления Николая I по имеющимся в нашем распоряжении документам мы также не смогли выявить каких-либо примечательных действий по поводу старообрядцев ни со стороны генерал-губернатора С. И. Миницкого, ни со стороны олонецкого губернатора Т. Е. Фан-дер-Флита. Заметим только, что последний, уехав летом 1827 г. в отпуск, представил министру внутренних дел «Описание Олонецкой губернии». В одном из его разделов, посвященных духовенству, констатировалось, что «по всем отношениям положение Олонецкой епархии настоятельно требует особого пастыря. Ныне вообще в губернии церкви

²⁸ Первая церковь – деревянная – была памятником еще петровской эпохи, вторая – каменная, построена в 1780 г. Дело о ремонте второй церкви возникло еще в 1801 г., но не продвигалось из-за скудости городского бюджета и частных пожертвований.

малочисленны и бедны. Духовенство не имеет почти никакого веса. Секты старообрядцев издавна овладели умом народа. ... Ближайшее присутствие архипастыря даст иной вид епархии почти забытой – и, конечно, обновит усердие к истинной вере...» [НА РК 27: Оп. 2. Д. 4/53. Л. 4об.–5].

Инициатором более активных действий против старообрядцев Олонецкой губернии в интересующий нас период следует все же признать не губернскую администрацию во главе с генерал-губернатором С. И. Миницким, а сенатора Д. О. Баранова, который с октября 1827 по 23 февраля 1828 г. проводил общую ревизию губернии. Приехавший из столицы сенатор, безусловно, гораздо лучше местных чиновников представлял настроения Николая I на конец 1827 г.²⁹ К тому же, зная практику подготовки сенаторских ревизий, можно с большой долей вероятности утверждать, что перед отъездом на ревизию сенатор был уведомлен о самых «горячих» проблемах губернии (в том числе ему могли быть переданы предложения губернатора Рыхлевского и генерал-губернатора Клокачева о необходимости открыть в Олонецкой губернии самостоятельную епархию, а также тревожная статистика о росте в губернии числа старообрядцев).

Одним из результатов этой ревизии стал доклад сенатора императору о положении старообрядцев в Олонецкой губернии. В связи с тем что этот доклад известен исследователям³⁰, изложим его суть очень кратко. Получив известие по приезду в губернию о том, что «в некоторых местах сей Губернии существуют разные старообрядческие расколь», Баранов сформулировал причины, которые, по его мнению, способствуют уклонению от православия и распространению расколов, а именно: 1) незнание жителями, «наипаче в Повенецком уезде, находящемся посреди Карелии», русского языка, отчего они остаются равнодушными к «пастырским поуче-

²⁹ Предполагаем, что Николай I, тогда еще не определившийся в своей конфессиональной политике, находился под впечатлением «Записки о сектах, существующих в Пермской губернии» от 5 февраля 1827 г., составленной С. Д. Нечаевым, который был в составе следственной комиссии, расследовавшей дело о фальшивомонетчиках на каштымских заводах, собственниками которых были раскольники. В качестве способов борьбы с расколом им предлагалось «просвещенное человеколюбие» и «великодушное смирение, нежели к строгим взысканиям за драгоценные для них заблуждения». Благодаря этой записке Нечаев был назначен в Синод, где считался специалистом по старообрядчеству и сектантству [Шкерин 2006: 24–25, 32, 35]. В качестве другого доказательства неготовности Николая I перейти к активным способам борьбы со старообрядцами и в начале 1828 г. является его реакция на «предложения» саратовского губернатора А. Б. Голицына, которые он признал «слишком уж противозаконными» [Зеньковский 2006: 452].

³⁰ Смотри, например, работы: [Пулькин 2002: 288–289; Чернякова 2003: 96–113; Пашков 2010: 98–108].

ниям священников, тогда как раскольники чрез частое с ними обращение по делам торговым, ознакомясь с их языком и обычаями, подчинили их своему влиянию»; 2) зависимость священников от раскольников, которые получают от них денежное содержание; 3) поддержка раскольничьими монастырями крестьян хлебом в годы частых неурожаев; 4) поддержка раскольничьих монастырей «большими вкладами» со стороны богатых лиц³¹.

Однако, на удивление, способы «к врачеванию» этого зла сенатор предлагал только мирные, а именно: «кротость и христианское назидание», и состоять они должны были в: 1) учреждении отдельной епархии и духовного училища в г. Повенце из детей старообрядцев; 2) расширении числа церквей, которые разрешить строить из леса без взимания попенного сбора, 3) назначении священниками в приходы Повенецкого уезда Соловецкого и Палеостровского монастырей, известных «своей кротостью нравов и благочестием», но с содержанием, независимым от прихожан; 4) прекращении Олонецкой казенной палатой приписки крестьян к старообрядческим монастырям [НА РК 25: Оп. 15. Д. 7/153. Л. 1–3; НА РК 593: Оп. 3. Д. 2. Л. 154–158]. Как известно, данный рапорт произвел впечатление на Николая I, **который собственноручно** написал на нем: «Я совершенно согласен на предлагаемые меры сенатором Барановым. Святейшему Синоду избрать епископа, назначив, где иметь пребывание». Исполнительный доклад Синода царь утвердил 22 мая 1828 г. Епископом Олонецким и Петрозаводским был избран новгородский викарий Игнатий, который 7 августа прибыл в Петрозаводск [НА РК 593: Оп. 3. Д. 1/2. Л. 158об.–163; НА РК 1: Оп. 52. Д. 1/2. Л. 134; РГИА 1341: Оп. 29. Д. 1036; Олонецкая епархия 2001: 9].

Официально о мерах, предложенных сенатором, генерал-губернатор С. И. Миницкий был извещен министром внутренних дел А. А. Закревским в отношении от 22 сентября 1828 г. 27 сентября об этом же поставил в известность губернатора П. А. Лачинова епископ Игнатий. В своих предложениях от 5 и 21 октября 1828 г. генерал-губернатор поручал губернатору

³¹ В частности, среди прочих называлась Санкт-Петербургская купеческая девица Наталья Галашевская, которая была законной наследницей петербургского купца-раскольника Долгова. А. В. Пыжиков полагает, что она была только номинальной владелицей, реально же, как указано в его аннулированном властями духовном завещании, его состояние унаследовало Выголексинское общежительство. В 1828 г. олонецкий губернатор П. А. Лачинов при первом осмотре губернии обратил внимание на то, что предписанных законом богоугодных заведений в селениях нет, но таковые есть в выголексинских раскольничьих селениях (1 мужское и 3 женских), которые содержатся на деньги Галашевской. Лачинов заключал: «Богатством своим более вредна, чем полезна, ибо без ее поддержки не могло бы быть в таком количестве сброду раскольников в тех селениях» [Пыжиков 2013: 175–176; РГИА 1286: Оп. 4. Д. 907. Л. 53–54].

привести высочайшую волю в исполнение, а также потребовал представить «местные соображения... о мерах обращения тамошних старообрядцев к принятию постановлений христианской церкви». Заметим особо, что к последнему предложению С. И. Миницкий приложил анонимную записку о Выгорецком старообрядческом монастыре, в которой, между прочим, отмечалось: «Для ослабления и уничтожения Выгорецких старообрядческих монастырей должны употребляться самые кроткие и политические меры, ибо гонения не истребляют, а только усиливают раскол. При благоразумных мерах Правительства, из коих главная есть возвышение состояния священнослужителей в нравственном и физическом отношении, сами собою уничтожатся расколы, кои доселе поддерживались и возжигались усердием и связями умных старшин. Нынешний большак их человек весьма ограниченный, не имеющий даже между собратьями своими должного уважения, а потому не в состоянии управлять сей огромною машиною и скоро доведет общество до разорения»³².

В своем ответе от 4 декабря 1828 г. Лачинов пространно рассуждал о мерах «на будущее». Однако большинство из предлагаемых мер не были оригинальными и вторили предложениям либо сенатора, либо епископа. Собственной его инициативой следует признать лишь реанимацию вопроса об учреждении нового тракта из Санкт-Петербурга (через Петрозаводск, Повенец, старообрядческие скиты, Онегу) в Архангельск. Это, по мнению губернатора, не только существенно бы уменьшило расстояние между столицей и северным портом и улучшило путь паломников в Соловецкую обитель, но и сделало жилища старообрядцев «открытыми для света, которого они до сего времени чуждаются столько же, как и Православия» [РГИА 1286: Оп. 4. Д. 278. Л. 150–180; НА РК 1: Оп. 36. Д. 29/12. Л. 12, 19–20; Д. 29/23. Л. 49–53, 69–76; Оп. 38. Д. 5/21. Л. 235–238]. Однако генерал-губернатор в своей записке на высочайшее имя от 14 марта 1829 г. крайне негативно отозвался об этом дорожном проекте, указав не только на его дороговизну и существование другого пути³³, но и на то, что «по Олонецкой губернии старообрядцы живут не только в скитах, но и в городах и даже в Петрозаводске в глазах у г. Лачинова, которые так же, как и в Повенецких скитах, чуждаются православия и явно старообрядтствуют», поэтому не поможет и дорога [НА РК 1: Оп. 38. Д. 5/21. Л. 235–238; РГИА 1286: Оп. 2. Д. 799. Л. 35–37; Оп. 4. Д. 278. Л. 76, 185–186].

³² Имелся в виду бывший после смерти К. Михайлова с 1825 по 1830 г. настоятель Федор Петров [Островский 1914: 98].

³³ Для достижения Соловков паломники пользовались водным путем через Кемь.

Другим не менее важным сигналом к началу более активных действий олонейской губернской администрации в отношении старообрядцев, как мы полагаем, стало циркулярное предписание (по секретной части) министра внутренних дел А. А. Закревского губернаторам от 15 января 1829 г. При нем находилась выписка из Высочайше утвержденных постановлений о раскольниках (собственно, они представляли из себя сводку принятых в разное время о них постановлений, начиная с 1820 г.). Обратим особое внимание, что этим циркуляром губернаторам предписывалось в случае возникших у них сомнений в применении этих узаконений представлять об этом прямо в МВД, «не передавая сих дел в Губернское правление». Таким образом, устанавливался строжайший порядок секретности при разрешении дел о раскольниках. Генерал-губернатор, находившийся в это время еще в Санкт-Петербурге, в своем предложении от 28 февраля приказал губернатору доводить и до его сведения о всех таких случаях, а также «всякой раз немедля ни мало извещать меня секретно о всем том, что касается до раскола и определяемых Вами мерах и распоряжениях по сей части» [НА РК 2: Оп. 47. Д. 2/1. Л. 14]. Сам же он собирался говорить об этом лично с министром, так как в краткой записи об этом намерении сказано: «о старообрядцах, что они не в одной Олонейской губернии существуют и что кажется лучше с ними поступать с осторожностью, кротостью и терпением, а не вдруг» [ГААО 1367: Оп. 1. Д. 560. Л. 83].

Не бездействовал после своего прибытия в Петрозаводск и епископ Олонейский и Петрозаводский Игнатий, который начал знакомство со своей епархией с ее обозрения, во время которого, как он сам пишет, им были посещены и старообрядческие монастыри на Выге. Как можно предположить, именно в ходе этой поездки у епископа и возник план, который он поспешил обсудить с возвращавшимся из Санкт-Петербурга в Архангельск С. И. Миницим. Приехавшего 3 апреля 1829 г. в Петрозаводск генерал-губернатора с нетерпением ожидали кроме Игнатия только что освободившиеся «от гнета» удаленного от должности губернатора Лачинова временно исполнявший его должность вице-губернатор Б. И. Пестель и советники Олонейского губернского правления (в том числе и сосланный сюда за связь с декабристами известный писатель Ф. Н. Глинка), с которыми, как мы думаем, также обсуждались способы борьбы со старообрядцами.

Результатом беседы стала записка, составленная епископом Игнатием, в которой он впервые изложил предполагаемые меры борьбы с расколом. К сожалению, она до сих пор никем из исследователей не найдена, но,

по-видимому, именно ее текст Игнатий частично воспроизвел в своем рапорте Синоду от 31 мая 1836 г.³⁴ Самой примечательной из мер следует признать следующую: карельский язык, как «особенный язык раскола» и тем более «не имевший ни прежней ни нынешней письменности», может и должен быть выведен из употребления карелов. Епископ так аргументировал эту необходимость: при оставлении же карельского языка карелы «оставались бы навсегда не склонными к Церкви и Святым книгам», а также отчужденными «от общего отечества даже в Гражданском отношении; а язык общий сделал бы их всех доступными общенародному образованию, коего здешний край по природным способностям карелов и близости к столице весьма достоин». Однако добиваться своей цели епископ предположил неожиданным способом: в своем донесении Синоду от 14 мая 1829 г. он написал о необходимости открытия в Петрозаводске духовной семинарии, имеющей в своем составе особый класс карельского языка. Вот как объяснялась им эта мера: «В семинарии должен быть класс карельского языка не столько для разговора, сколько для навыка неумеющих по Русски жителям здешней Епархии, коих очень много, изъяснять истины до веры и нравов касающиеся... Хотя язык Корельский не имеет книжного бытия, по многим отношениям весьма ненадобный, должен по некотором времени выведен из употребления, как о сем уже и входил я в совещание с Гражданским Правительством, к чему и со стороны сего Правительства сходятся убедительные причины; но пока меры к сему будут иметь свое действие, для первоначального привлечения их самих в действие, необходимо духовным знать язык Корельский с тем, чтобы со временем никто из прихожан не знал его»³⁵.

Со своей стороны генерал-губернатор Миницкий в 1829 г. в своем донесении министру внутренних дел написал: 1) что «Олонецкий Преосвященный, бывши в Выгорецких старообрядческих монастырях, заметил, что в окружности оных крестьяне ведомства Казенной палаты по местному положению своему весьма бедны и требуют особого попечения об них начальства, и что посему он, генерал-губернатор, предложил Вице-губернатору узнать подробно о промыслах и хлебопашестве окрес-

³⁴ Этот рапорт, в свою очередь, был ответом на указ Синода от 30 апреля 1836 г. о доставлении ему сведений, необходимых к принятию мер «об утверждении карелов в православии и ослаблении на них влияния раскольников Поморской секты» [НА РК 25: Оп. 20. Л. 1–2, 40об.–52]. Желаящих подробно ознакомиться с его содержанием отсылаем к работе: [Пашков 2010: 101–109].

³⁵ 27 июля 1829 г. был высочайше утвержден доклад Комиссии Духовных училищ о прибавке к Олонецкой семинарии по штату класса карельского языка. Семинария была открыта 27 октября 1829 г. [НА РК 25: Оп. 20. Д. 78/906. Л. 18–19, 39].

тных к этим скитам селений Повенецкого уезда и сообразить, какие бы можно было предпринять меры к улучшению их состояния, так, чтобы они не зависели от пособия старообрядцев, которые в скудости им делают вспомоществование и тем их к себе привязывают»; 2) что сам он, проезжая через Олонецкую губернию, заметил, что жители около Петрозаводска «мало знают по-русски и по последней к городу станции из Санкт-Петербурга мужчины и женщины говорят по-карельски, не умея или с нуждою могут объясняться по-русски. На сие доньше не обращали внимания, хоть в судах и следствиях для самих поселян бывает затруднительно, а для следователей остановка и трудность открывать истину». Поэтому «надобно бы было вменить в обязанность Олонецкому губернскому начальству, наипаче управлению Олонецких горных заводов, в ведомстве коего состоят казенные крестьяне целого Петрозаводского уезда, стараться о распространении русского языка, и чтобы корельский, как не книжный и ни к чему не нужной, мало по малу ослаблялся, и... можно бы воспретить волостным начальствам в каждом селении стараться не говорить без нужды по корельски, ибо во всякой вотчине есть хотя один знающий русский язык, которые обыкновенно и занимают упоминаемые мирские должности, и дабы точно сие исполнилось, то велеть бы доносить, сколько в каждом селении выучилось по-русски мужчин и женщин; земским же и другим губернским чиновникам в проездах своих замечать, есть ли успех в сем деле», внушать «о пользе того сельским поселянам и поощрять в познании русского наречия» [НА РК 25: Оп. 20. Д. 78/906. Л. 3; НА РК 37: Оп. 5. Д. 190/1878. Л. 1–2, 4].

Последствием этого отношения было: 1) распоряжение министра финансов Е. Ф. Канкрин директору Олонецких горных заводов А. А. Фуллону, чтобы он и его подчиненные «старались», чтобы подведомственные им крестьяне «научились русскому языку и исправили свое домоводство»; 2) разрешение министра внутренних дел А. А. Закревского обратиться генерал-губернатору С. И. Миницкому свое предположение для исполнения в Олонецкое губернское правление. Правда, при этом последний высказал сомнение – не будут ли предполагаемые генерал-губернатором меры «стеснительны для крестьян»? В силу этого С. И. Миницкий предложил Олонецкому губернскому правлению предписать земским судам исполнить его одобренное министрами представление, а также подумать, какие еще следует предпринять меры. Чуть позже генерал-губернатор подключил к обдумыванию этих мер и нового губернатора И. Я. Яковлева, передав ему на обдумывание два рапорта вице-губернатора Б. И. Пестеля, а также посоветовал предварительно снестись с епископом Игнатием и «стремиться к единой

цели с кротостью и терпением», ожидая «присоединения раскольников к нашей Церкви».

Губернское правление своими отношениями от 11 сентября и 26 октября 1829 г., во-первых, отдало соответствующее приказание земским судам, обязав их еще при этом доносить себе «по истечении каждой трети, сколько в каждом селении выучилось по-русски мужчин и женщин», и, во-вторых, запросило об этом же Казенную палату, Духовную консисторию, Петрозаводское заводское правление и директора народных училищ Олонецкой губернии [НА РК 25: Оп. 20. Д. 78/906. Л. 5, 7–8, 26–28].

Ответы на запросы генерал-губернатора были следующими. Директор олонецких народных училищ М. И. Троицкий написал, что «не находит другого средства, как восполнение и умножение приходских училищ по многолюдности карельских приходов». Епископ Игнатий сообщил Олонецкому губернскому правлению, что всем священникам под подписку объявлено, «дабы они исполнили сделанное Гражданским Правительством распоряжение». И только одно Петрозаводское заводское правление выступало против того, чтобы запретить волостным головам и старшинам изъясняться на карельском языке, так как полагало, что это «неминуемо подаст повод к притеснениям, тем более опасным, что происходило бы в отдаленных и малонаселенных местах над людьми, которым по незнанию русского языка не столь удобно можно жалобы свои приносить начальству». Гораздо безопаснее было бы, по мнению горного начальства, «только предлагать волостным головам и старшинам внушать при всяком удобном случае о пользе знания русского языка» и чтобы они «уговаривали бы посылать детей своих в приходские училища и убеждали бы всех по воскресным и праздничным дням ходить в храм Божий, где кроме христианского учения привыкали бы к наречию русскому». Хотя в своем предложении от 28 февраля 1830 г. Е. Ф. Канкрин и советовал А. А. Фуллону «уговорить» крестьян открыть училища, но нетрудно предугадать, чем закончилась эта переписка: так, в своем донесении от 24 мая 1830 г. Правление сообщило Фуллону, что крестьяне Салменижской вотчины отказались от их открытия по своей «недостаточности», но обязались учить русскому языку своих детей дома [НА РК 25: Оп. 20. Д. 78/906. Л. 6–7, 28–32; НА РК 37: Оп. 5. Д. 198/1878. Л. 7–10; Оп. 20. Д. 198/1878. Л. 19–23].

Подводя итоги, можно заключить, что из пяти черт этноконфессиональной политики Российской империи, признаваемых большинством современных исследователей, в отношении Олонецкой губернии в 1820-х гг. действовали только три: этатизм, патернализм и принятие решений по принципу «ad hoc». Из них, в свою очередь, наиболее очевидно

проявлялся этатизм, так как инициатором кампании по переводу религиозных текстов на карельский язык, а также подсчета карелов и старообрядцев всегда являлось центральное правительство. Карелы, как нерусский этнос, обратили на себя внимание государственных органов лишь в целях религиозного эксперимента Александра I и в связи с «зараженностью расколом». Для более успешной борьбы со старообрядчеством губернские светские и религиозные власти в конце 1820-х гг. выступили с совместной инициативой, поддержанной центральными органами, о скорейшем выведении карельского языка из употребления как «языка раскола». И в этом случае интересы самого этноса не учитывались.

Что касается такой черты, как толерантность, то можно согласиться с тем, что правовая дискриминация карелов по этническому признаку отсутствовала. Это во многом объясняется тем, что карелы уже давно были интегрированы в российское государство и крещены. Говорить же об отсутствии в Олонецкой губернии правовой дискриминации по конфессиональному признаку не приходится. Имперское правительство в 1820-х гг. проводило весьма неопределенную («колебательную») политику: с одной стороны, демонстрировало терпимое отношение к старообрядчеству, а с другой – путем секретных узаконений и партикулярных распоряжений не поощряло его распространение. Такая политика, безусловно, ставила местный аппарат во главе с генерал-губернатором в трудное положение, требуя определенной оперативности при реагировании на ее резкие колебания. Но в любом случае губернские органы подчинялись общему правительственному курсу.

Источники

ВЦА 233 – Великоустюжский центральный архив. Ф. 233 (Никольское городническое правление).

ГААО 1367 – Государственный архив Архангельской области. Ф. 1367. Канцелярия архангельского, вологодского и олонцкого генерал-губернатора.

НА РК 1 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. 1. Канцелярия олонцкого гражданского губернатора.

НА РК 2 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. 2. Олонецкое губернское правление.

НА РК 25 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Олонецкая духовная консистория.

НА РК 27 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. 27. Олонецкий губернский статистический комитет.

НА РК 37 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. 37. Олонецкое горное правление.

НА РК 126 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. 126. Петрозаводское уездное духовное правление Олонецкой епархии.

НА РК 593 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. 593. Петрозаводский кафедральный собор.

ПСЗ-1 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1: в 45 т. Санкт-Петербург: Тип. II Отделения С. Е. И. В. канцелярии, 1830.

ПСЗ-2 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2: в 55 т. Санкт-Петербург: Тип. II Отделения С. Е. И. В. канцелярии, 1830–1884.

ПСПр 1915 – Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование государя императора Николая I. Т. 1. 1825 (декабря 12) 1835 гг. Петроград: тип. 1-й Петроградской Трудовой Артели, 1915. 938 с.

РГИА 1409 – Российский государственный исторический архив. Ф. 1409. Собственная Его Императорского Величества канцелярия.

РГИА 1341 – Российский государственный исторический архив. Ф. 1341. Первый департамент Сената.

РГИА 1286 – Российский государственный исторический архив. Ф. 1286. Департамент полиции исполнительной МВД.

Литература

Авл. (?) «Французский парламент» в Петрозаводске // Каторга и ссылка. 1924. № 6 (13). С. 132–133.

Амозова Л. Н. Земледельческое производство в Олонецкой губернии в конце XVIII – первой половине XIX в. // Вопросы истории Европейского Севера: Сб. науч. ст. Петрозаводск: ПетрГУ, 2007. С. 97–104.

Вургафт С. Г., Ушаков И. А. Старообрядчество: лица, предметы, события и символы. Опыт энциклопедического словаря. М.: изд-во журнала «Церковь», 1996. 316 с.

Вышленкова Е. А. Заботясь о душах подданных: религиозная политика в России в первой четверти XIX в. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2002. 467 с.

Ефимова В. В. Этноконфессиональные проблемы в деятельности генерал-губернаторов Европейского Севера России (1820–1830). Петрозаводск: ПетрГУ, 2017. 141 с.

Жуковская Т. Н. Николай I и поиски национальной идеологии // Вопросы истории Европейского Севера: Сб. науч. ст. Петрозаводск: ПетрГУ, 2007. С. 88–96.

Зеньковский С. А. Русское старообрядчество. М.: Ин-т ДИ-ДИК, 2006. 687 с.

История Карелии с древнейших времен до наших дней / Под общей ред. Н. А. Кораблева, В. Г. Макурова, Ю. А. Савватеева, М. И. Шумилова. Петрозаводск: Периодика, 2001. 945 с.

Кабузан В. М. Распространение православия и других конфессий в России в XVIII – начале XX в. (1719–1917 гг.). М.: Издат. Центр Ин-та российской истории РАН, 2008. 270 с.

Каппелер А. Россия – многонациональная империя: Возникновение, История, Распад / Пер. с нем. С. Червоная. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 342 с.

Керов В. В. «Се человек и дело его...»: Конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства в России. М.: ЭКОН-ИНФОРМ, 2004. 658 с.

Кондаков Ю. Н. Духовно-религиозная политика Александра I и русская православная оппозиция (1801–1825). СПб.: Нестор, 1998. 225 с.

Министерство внутренних дел. 1802–1902: Исторический очерк. СПб.: тип. МВД, 1901. 225 с.

Миронов Б. Н. Управление этническим многообразием Российской империи. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 640 с.

О высочайших посещениях Олонецкой губернии Августейшими особами в XIX столетии: ист. сб. Вып. 1 / Под ред. А. Иванова. Петрозаводск: изд-во Олонецкого Губернского Статистического Комитета, 1877. С. 1–48.

Олонецкая епархия. Страницы истории / Сост.: Н. А. Басова и др. Петрозаводск: Петрозавод. и Карел. епархия; Нац. арх. РК, 2001. 253 с.

Островский Д. В. Выговская пустынь и ее значение в истории старообрядческого раскола. Петрозаводск: Олонец. губ. тип., 1914. 137 с.

Палкин А. С. Единоверие в середине XVIII – начале XX века: общероссийский контекст и региональная специфика. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. 338 с.

Пашков А. М. С. А. Приклонский – исследователь старообрядчества Карелии // Женщина в старообрядчестве. Материалы междунар. науч.-практ. конф. Петрозаводск: ПетрГУ, 2006. С. 59–66.

Пашков А. М. Карельские просветители и краеведы XIX – начала XX века. Петрозаводск: ПетрГУ, 2010. 446 с.

Полунов А. Ю. Рец. на кн.: «О религии и империи: миссии, обращения и веротерпимость в царской России» / Под ред. Р. Джераси и М. Ходарковского. Итака; Лондон, 2001 // Отечественная история. 2003. № 5. С. 198–199.

Пулькин М. В. Языковые проблемы в деятельности православного духовенства на территории Олонецкой епархии в XVIII – начале XX в. // «Свое» и «чужое» в культуре народов Европейского Севера: Сб. науч. ст. / Отв. ред. В. М. Пивоев. Вып. 2. Петрозаводск: ПетрГУ, 1999. С. 36–38.

Пулькин М. В. Карельский язык в деятельности органов государственной власти и крестьянского самоуправления в XVIII – начале XX века // Бубриховские чтения: Проблемы прибалтийско-финской филологии и культуры: Сб. науч. ст. / Под ред. П. М. Зайкова, Т. И. Старшовой. Петрозаводск: ПетрГУ, 2002. С. 285–301.

Пулькин М. В., Захарова О. А., Жуков А. Ю. Православие в Карелии (XV – 1-я треть XX в.). М.: Круглый стол, 1999. 208 с.

Пыжиков А. В. Грани русского раскола. Заметки о нашей истории с XVII века до 1917 года. М.: Древлехранилище, 2013. 646 с.

Ружинская И. Н. Старообрядчество Олонецкой губернии в конце XVIII – середине XIX в.: численность, расселение и состав: Дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02; Петрозаводский гос. ун-т. Петрозаводск, 2002. 230 с.

Скворцов Д. И. Очерки Тверского раскола и сектантства. М.: Типо-лит. Д. А. Бонч-Бруевича, 1895. 116 с.

Слезкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М.: НЛЮ, 2008. 512 с.

Стелецкий Н. С. Князь А. Н. Голицын и его церковно-государственная деятельность. Киев: Тип. И. И. Горбунова, 1901. 314 с.

Суни Р. Империя как она есть: имперская Россия, «национальное» самосознание и теории империи // *Ab imperio*. 2001. № 1. С. 9–72.

Таранец С. Старообрядчество в Российской империи (конец XVIII – начало XX в.): В 2-х т.: Т. 1. **Взаимоотношения старообрядческих сообществ с государством и официальной церковью** / Под ред. чл.-кор. НАН Украины Г. В. Борака. Киев, 2012. 704 с.

Трепавлов В. В. «Национальная политика» в многонациональной России XVI–XIX веков // *Историческая психология и социология истории*. 2009. № 1. С. 61–65.

Тягин И. Н. Старообрядческое население Европейского Севера России во второй половине XVII – начале XX в.: Дис. ... канд. истор. наук. Вологда, 2002. 215 с.

Уортман Р. С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии: Материалы и исследования по истории русской культуры. В 2-х т. Т. 1. От Петра Великого до смерти Николая I. М.: ОГИ, 2002. 606 с.

Федоров В. А. Русская православная церковь и государство. Синодальный период. 1700–1917. М.: Русская панорама, 2003. 480 с.

Чернякова И. А. Проблема карельского языка в политике церкви в Олонецкой губернии в XIX в. // *Православие в Карелии* / Отв. ред. В. М. Пивоев. Петрозаводск: ПетрГУ, 2003. С. 96–113.

Шкерин В. А. «Драгоценные заблуждения»: декабрист С. Д. Нечаев о старообрядчестве и сектантстве // *Вестник РУДН, сер. «История России»*. 2006. № 1 (5). С. 24–36.

Юхименко Е. Л. Старообрядчество: История и культура. М.: PNB Print, 2016. 852 с.

Сведения об авторе. Кандидат юридических наук, доцент Института экономики и права, ПетрГУ.

Максим Викторович Пулькин

*Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН,
г. Петрозаводск*

ПРАВОСЛАВНЫЙ ПРИХОД КАК ФАКТОР МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XX в. (ПО КАРЕЛЬСКИМ МАТЕРИАЛАМ)¹

В статье рассмотрены основные особенности взаимодействия приходского духовенства и прихожан-карелов. Выявлено, что в процессе становления церковного образования в Олонецкой епархии все более актуальным и осуществимым становилось издание богословской литературы на языках обитателей края. В первой половине XIX в. указанный процесс стимулировался борьбой против старообрядческого влияния. Ко второй половине XIX в. более значимым стало противостояние лютеранской пропаганде. В сравнительно-историческом плане широко привлекаются сведения об аналогичных процессах в соседних епархиях и в целом по Российской империи.

Ключевые слова: прихожане, церковь, карелы, духовенство, Священное Писание, переводы, старообрядчество, лютеранство.

Распространение православия являлось значимым фактором национальной политики, осуществлявшейся в императорской России. Известно, что «религиозные скрепы являлись основой единства обширной многонациональной Российской империи, важным фактором ее стабильной жизнедеятельности». Они позволяли «интегрировать в состав империи новые этнические группы, включить их в рамки имперской системы государственного управления, оградить интересы господствующей русской нации и противостоять тенденции к расширению влияния наций и народностей „подчиненных“» [Сафонов 2011: 740]. Православный приход как наиболее массовая форма организации религиозной жизни сыграл здесь наиболее существенную роль. Совместная деятельность духовенства и мирян позволила внедрить ценности христианства в повседневную жизнь обитателей империи. *Цель данной статьи состоит в том, чтобы выявить основные пути и методы превращения деятельности православного прихода в фактор национальной политики.*

¹ Исследование велось по госзаданию КарНЦ РАН (ААА-А18-118030190093-9).

К началу изучаемого периода распространение православия на территории Европейского Севера имело длительную историю. Российская политика в религиозной сфере формировалась на протяжении веков, находя выражение в конкретных фактах единовременного крещения, а затем постепенного приобщения разных народов к ценностям и институтам православия. Крещение карелов произошло в 1227 г. Легендарное историческое событие, ставшее вероятной отправной точкой распространения церковных институтов, не сразу оказало заметное влияние на повседневную жизнь населения северной окраины Новгородской республики. Население многие столетия сохраняло заметные языческие переживания. Общая для всей России закономерность распространения христианства первоначально связана с длительным трудом множества подвижников-миссионеров, преимущественно монахов, которые несли духовные ценности православия некрещеным народам. Европейский Север не стал исключением. Здесь первые успехи в становлении православия связаны с деятельностью ряда подвижников, о которых сохранились крайне скудные сведения.

В XVIII – начале XX в. языковой барьер оставался одним из существенных препятствий на пути распространения православия. Он разделял, с одной стороны, духовенство, а с другой – значительную часть населения. Для духовенства проблема оставалась наиболее актуальной. В отличие от чиновников, приходской священник обязан постоянно контактировать со своими прихожанами, а не только с верхушкой крестьянского мира. С такой задачей справлялись далеко не все клирики. Их неудачи накладывали заметный негативный отпечаток на приходскую жизнь на Европейском Севере России, способствуя поддержанию многочисленных дохристианских переживаний. Влияние духовенства распространялось окольными путями: через контакты «инородцев» с русским населением: «Православие, перенятое карелами у русских, внесло собою в жизнь карела обряды и обычаи русского народа» [Крохин 1908: 2].

Длительное сохранение традиционной обрядности и с конца XVII в. – стремительное распространение влияния старообрядчества не в последнюю очередь связано с климатическими факторами, обусловившими низкую плотность населения и огромные размеры приходов. Почти повсеместно на Европейском Севере России духовенство лишалось возможности контактировать с паствой на протяжении длительных периодов весеннего бездорожья, осенних бурь и зимних морозов. Местный суровый климат приводил к формированию такого своеобразного явления в религиозной жизни, как «стихийная беспоповская практика» (Н. Н. Покровский),

т. е. регулярное исполнение религиозных обрядов мирянами без участия приходского духовенства. Установившиеся в карельских деревнях формы совершения таинств способствовали как существованию язычества, так и распространению старообрядческих (беспоповских) религиозных воззрений. Именно «стихийная беспоповская практика» стала, по сути дела, первым окном в мир православия для большинства карелов. Существенное влияние оказали старообрядцы и на культуру коми. Значительная их часть превратилась в староверов, что способствовало «упорному сохранению традиций в их образе жизни» [Лаллукка 1997: 54].

Итак, в «инородческих» культурах на Европейском Севере России сочетались поверхностно усвоенное православие, в значительной степени окрашенное старообрядческим воздействием, и, зачастую в преобладающей форме, дохристианские верования. Миссионерская деятельность православной церкви в XIX – начале XX в., направленная на постепенное привлечение «инородцев» к полноценной религиозной жизни, не приносила сколько-нибудь значительного успеха. В Архангельской губернии в 1820-е гг. православная миссия встретила препятствие со стороны русских и зырян. Они, «имея у себя в услужении оленьих пастухов – самоедов и опасаясь, что самоеды, приняв крещение, служить им не будут, старались удержать их от принятия христианства» [Шульгин 1985: 4]. В Олонецкой губернии, где массовое крещение местных жителей свершилось значительно раньше, ситуация оставалась не менее сложной, но по другим причинам. Столетия церковной проповеди привели к неожиданным для господствующей церкви результатам. В церковной публицистике отмечалось: «карел шаток в православии, но крепок в расколе» [Ручьев 1911: 29]. Впрочем, и влияние старообрядчества оставалось поверхностным. Карелы считали, что старообрядческое вероучение заключается преимущественно в том, чтобы «не есть с мирскими (православными) и не молиться вместе». О других аспектах «они не имеют ни малейшего понятия, в особенности в тех обществах, где не знают русского языка» [Чубинский 1866: 110]. В отчете архиерея о прихожанах Олонецкой епархии сохранилось следующее свидетельство: «<...> в церкви по отдаленности бывают редко, а особенно где и язык употребляют корельский, знание истин веры недостаточно» [Сведения о состоянии-2: 31].

Помимо старообрядчества, важным фактором в жизни карельской деревни являлись существенные остатки язычества, прекрасно адаптировавшегося за ряд столетий формального господства православия к приходским порядкам. Священники в своей массе оставались наблюдателями, а в некоторых случаях, желая угодить прихожанам,

и участниками обрядов, решительно осуждаемых церковью [Сурхаско 1977: 126–131]. Их познания об обрядности, существующей в карельских деревнях, обобщены в значительном числе публикаций в местной, преимущественно епархиальной периодике. До настоящего времени газетные публикации являются незаменимым источником сведений об особенностях так называемого бытового православия в Карелии. Служителям церкви предстояла длительная работа, направленная на утверждение своего влияния среди носителей культуры, для которой христианство оставалось лишь одной из форм повседневной религиозной жизни. Первым шагом должно было стать преодоление отчуждения между священником и мирянами. Существенным условием являлось освоение священнослужителями карельского языка. Взаимодействие с чужой культурой в идеале достигается путем освоения ее «изнутри». В реальности осваивались только те компоненты культуры (прежде всего, язык), которые необходимы для установления контактов, имевших целью обратное: «перекрытие этнических самоопределителей различных уровней общим с русским религиозным самосознанием» [Бернштам 1980: 134].

Возникает вопрос о том, насколько были актуальны, в какой мере осознавались самим духовенством и церковными властями насущные проблемы этнической составляющей религиозной жизни. Материалы делопроизводства крайне редко упоминают о священнослужителях, владеющих языком местного населения. Повсеместно на Европейском Севере России немногие знающие тот или иной «иностранческий» язык клирики оказывались не в состоянии реализовать свои познания, поскольку не имели необходимой богослужебной литературы. Документы XVIII в. создают картину полного незнания клириками языка значительной части местного населения и равнодушия духовных властей. Сходная ситуация наблюдалась и в других местностях Российской империи. Обобщая свои наблюдения, известный этнограф Д. Зеленин писал: «Русская иностранческая миссия в XVIII и начале XIX века носила странный характер. Чиновничий и полицейский аппарат и давление, а также льготы новообращенным были, в сущности, единственными мерами к христианскому просвещению иностранцев. Самая цель миссии понималась чересчур узко: раз обряд крещения был совершен, дело миссии считалось законченным» [Зеленин 1902: 5].

На Европейском Севере России факт строительства множества приходских церквей и наличия в них духовенства давал властям возможность почивать на лаврах. Церковное руководство ссылалось на благоприятную, но не всегда правдивую статистику и не особенно задумывалось об организации более эффективной пастырской деятельности. Не случайно

в делопроизводстве Олонецкой консистории сохранились лишь единичные свидетельства о конфликтах между духовенством и паствой, связанных с языковым барьером. В 1779 г. крестьяне Видлицкой волости доносили епископу о «непорядках» в деятельности священника: «кто из нас, нижайших, просит на наш корельской язык перевести от Священного Писания и наставлять нас Закона Божия, того прикажет из церкви пономарю выгнать» [Дело по жалобе: 15]. Иногда исключительно знание священниками карельского языка позволяло предотвратить трагедию, которую тщательно и со знанием дела готовили старообрядческие наставники. В марте 1784 г. Синод узнал из донесения епископа Олонецкого и Каргопольского Антония о собравшемся для самосожжения в деревне Фофановской Ребольского прихода «раскольническом скопище». Зловещие признаки «собрания» однозначно указывали: готовится самосожжение. Для их «увещевания» консистория распорядилась разыскать знающего карельский язык священника. Но во всем уезде не нашлось ни одного иерея, свободно говорящего на необходимом для повседневной богослужебной практики языке. Пришлось везти священника из петрозаводского Петропавловского собора. Протопопа Григория Федотова избрали «яко к тому способного, Священное Писание и корельский язык довольно знающего». Но до его прибытия, как видно из того же документа, «объявленное скопище погубило себя» [Дело о самосожжении: 16].

Первые упоминания в материалах делопроизводства консистории о попытках перевода религиозных текстов на карельский язык относятся к 1773 г., когда к Новгородскому митрополиту прибыл кандидат на священническое место из Лопских погостов Повенецкого уезда. От будущего священника митрополит узнал, что «прихожане его (кандидата во священники. – *М. П.*) вовсе не понимают российского языка». Митрополит распорядился «заставить его перевести на олонецкий язык Символ православной веры, молитву Господню, Отче наш и краткое нравоучение христианское». Затем он созвал некоторых олонецких купцов, торгующих в Петербурге, «заставлял их читать перевод и требовал мнения, соответствовал ли он тому благу намерению». Ставленник отправился домой, имея в своем распоряжении перевод «через хорошо знающих оба языка людей» [Письмо от неизвестного 1894: 129]. Несчастный священник мечтал о возвращении в родной приход и не подозревал, что принимает участие в одном из важнейших событий в истории карельского языка. Аналогичную деятельность в Коми крае развернул другой архиерей, вологодский архиепископ Евгений Болховитинов. За время своего пастырского служения в Вологде он написал работы

«О древностях зырянских», «О зырянском народе и зырянских монастырях», «Замечания о зырянах и их просвещении». Болховитинов пытался найти следы начинаний Стефана Пермского, но безуспешно: «по точнейшему разысканию до ныне во всех зырянских церквах не отыскалось ни одной зырянской книги» [История Коми 2004: 527]. Досадное впечатление на него произвела местная паства, общение с которой сильно затруднял языковой барьер. Евгений отмечал в одном из писем, что «проехал всю Зырянскую землю, в которой и по-русски, кроме попов, мало кто знает» [Зырянов 1999: 527].

Спонтанные действия новгородского митрополита стали первым этапом в изучении и использовании карельского языка в повседневной богослужебной практике, чему в значительной степени способствовали потребности религиозной жизни и в особенности – борьба против старообрядческого влияния. В XIX в. мы имеем дело со статистикой, указывающей на массовое приобщение карелов к старообрядческому вероучению [Чернякова 2003: 102–105]. Связь между незнанием русского языка и влиянием «раскольников» на повседневную жизнь карелов осознавалась современниками. Первый Олонецкий и Петрозаводский епископ Игнатий в 1820–1830-х гг. называл карельский язык «особенным языком раскола». «Если в Корелии, – писал архиерей, – оставлять впредь употребление языка карельского, то <...> карелы оставались бы навсегда несклонными к церкви и святым книгам, где слышат они все не свое, без понятия и пользы» [Указ-4: 26]. Выход виделся в парадоксальном сочетании мер: приучении священников к карельскому языку и постепенному его искоренению при содействии светской власти. Представители последней, решая церковные дела, высказывались в том же духе. Сенатор Д. О. Баранов, посетивший Олонецкую епархию в 1828 г., отмечал в своем всеподданнейшем докладе на имя императора, что одной из главных причин распространения влияния старообрядчества стало равнодушие карелов к «пастырским поучениям священников». Между тем раскольники, «чрез частое с ними общение по делам торговым ознакомясь с их языком и обычаями, подчинили их своему влиянию» [Всеподданнейший доклад: 6].

Примечательна разница в отношении священников, с одной стороны, и старообрядческих наставников – с другой, к проблеме карельского языка. Изучение карельского языка приверженцами «древлего благочестия» подчинялось практическим потребностям – «делам торговым». Лишь затем появилась новая форма использования знаний – богослужение. Нет сомнений и в том, что и та и другая противоборствующие стороны – священники и старообрядческие наставники – в значительной степени

испытывали проблемы, связанные с отсутствием литературы на карельском языке. Решение проблемы языкового барьера на данном этапе у противостоящих конфессий происходило по-разному. Старообрядцы осваивали карельский язык или знали его с детства. Представители «господствующей» церкви делали первые шаги в деле изучения «инородческих» языков. На Европейском Севере проявилась знакомая по другим частям Российской империи ситуация: «никто и не думал о необходимости для священников знать местные инородческие языки, или о желательности священников и учителей из среды самих инородцев» [Зеленин 1902: 6].

Центральной духовной властью отсутствие необходимых для священнослужения книг было замечено в 1802 г. Святейший Синод распорядился перевести Катехизис и Символ веры, в числе прочих, на «олонецкий и корельский языки» [О переводе: 78]. В 1804 г. Синод издал «Перевод некоторых молитв и сокращенного катехизиса на корельский язык» в виде двух небольших брошюр с параллельными текстами на карельском и церковно-славянском языках [Баранцев 1967: 92]. Вскоре 800 экземпляров брошюры оправили в Новгородскую епархию «для роздачи оных обитающим в Новгородской епархии обращенным в веру греческого исповедания олонцким народам для лучшего их вразумления и понятия о богопочитании и истинном познании святости христианской веры» [Справка: 2]. Духовная власть предполагала закрепить успех. Ее попытки подвергались критике в публицистике начала XX в.: «сам выбор книг для перевода был сделан неудачно. Чтобы заинтересовать крещеных инородцев христианством, тронуть их сердце, следовало выбрать, во всяком случае, не катехизис, а что-нибудь другое. Такая форма, как катехизис, изложенный в вопросно-ответной форме, в виде сухо-догматических рассуждений, не могла заинтересовать младенчествующего инородца даже и в том случае, если бы она и была переведена правильно на живой инородческий язык» [Прокопьев 1904: 13].

Возникшие трудности в приобщении «инородцев» к православию и потребности в новых переводах ощущались повсеместно. В 1816 г. обер-прокурор Синода князь А. Н. Голицын обратил внимание Новгородского митрополита Амвросия на необходимость обучения священников карельскому языку. «Нельзя ли, – говорилось в письме обер-прокурора, – отыскать ключ к олонцкому языку, который якобы близок в выговоре к финскому, и преподавать его в семинарии по правилам грамматическим, дабы тем доставить для олонцев пастырей, могущих проповедовать слово Божие на собственном их языке» [Отношение 1894: 130]. В 1819 г. идея

распространения православия среди «инородцев» нашла нового сторонника. Голицын получил письмо от одного из будущих подвижников в деле просвещения «самоедов» – протоиерея Савинова. Повстречав ведущих кочевой образ «инородцев», он «ощутил в сердце своем непреодолимое желание оказать им помощь». Выяснение вопроса о том, как прежде осуществлялась миссионерская деятельность, привело к малообнадлежающему выводу. Архангельский епископ Парфений сообщил, что давно, в 1779 г., предпринимались попытки христианской проповеди среди них, но все они оказались безрезультатными [Мясникова 2001: 186].

В начале XIX в. деятельность ряда энтузиастов как из числа высших должностных лиц Российской империи (таких, как князь А. Н. Голицын), так и из среды белого духовенства изменила уклад религиозной жизни. Появились прецеденты, благодаря которым перевод Священного Писания на понятные для некрещеных «инородцев» языки народов России не казался кощунством и искажением слова Божьего. В декабре 1828 г. Синод распорядился учредить особых миссионеров для утверждения крещеных в православии и привлечения новых последователей из числа российских «инородцев». С конца 1830-х гг. епархиальные начальства стали открывать в своих учебных заведениях классы местных языков [Ястребов 1895: 31–32]. Для карельского языка новшества имели чрезвычайно большое значение. Ведь «национальные языки почти всегда являются наполовину <...> вполне искусственными образованиями». Обычно они формируются как «результат попыток построить единый образцовый язык из множества реально существующих в живой речи вариантов» [Хобсбаум 1998: 86]. Именно такую непростую работу начали священники-энтузиасты.

Ученик Новгородской духовной семинарии В. Сердцов представил Новгородскому и Санкт-Петербургскому митрополиту собственный перевод Евангелия на карельский язык. Митрополит, в свою очередь, передал текст князю А. Н. Голицыну, который сообщил о новом переводе Комитету Библейского общества [О переводах: 2], заинтересованному в публикации текста Библии на доступных для населения Империи языках. Деятельность воспитанника Новгородской семинарии началась во вполне благоприятный момент. В 1803 г. правление Вологодской семинарии в докладе епископу Феофилакту указывало «на необходимость введения в семинарии изучения коми языка, а также составления краткой грамматики» [Хайдуров 2010: 51]. В 1820 г. Российское Библейское общество издало Евангелие от Матфея в переводе на тверской диалект карельского языка [Макаров 1963]. В 1821 г. учитель Сольвычегодского духовного училища Александр Шергин перевел на «зырянский» язык

Евангелие от Матфея. Текст был опубликован в 1823 г. [О переводах 1915: 112]. Казалось, что и выполненному в Новгороде переводу гарантирован успех. Комитет, одобрив труд, счел, тем не менее, «за нужное» узнать: «довольны ли будут олонецкие карелы таковым переводом на их наречие, также сколь велико число людей, говорящих оным, и много ли из них понимающих по-русски и знающих читать». Для ответа на все вопросы решили передать текст «духовным лицам» в Олонецкую епархию [О переводах: 2].

Петрозаводское духовное правление, получив текст, приказало местным священникам внимательно изучить его и вынести заключение о пригодности перевода для тех приходов, где карелы составляют значительную часть населения. Решение священников оказалось неблагоприятным. Подготовленный новгородским семинаристом текст Евангелия признали пригодным только для карелов шести приходов Олонецкого и Петрозаводского уездов. Можно сказать, что это блестящий результат. В России часто оказывалось, что «переводы совершались не на народные инородческие языки, а на какую-то тарабарскую смесь языков» [Зеленин 1902: 7]. Но в Олонецкой епархии текст Евангелия в переводе Сердцова назвали неудачным. Священники заявили, что на территории Петрозаводского уезда проживают такие карелы, у которых «язык корельский есть вовсе испорченный и неправильный, а иные хотя и понимают, но в другом смысле». Поскольку речь в данном случае шла об обитателях Шелтозерского, Шокшенского и Рыборецкого приходов, то можно с высокой долей уверенности говорить о том, что обладателями «испорченного карельского языка» были вепсы [О переводах: 17]. Далее в документе, подготовленном священниками, указывалось, что для приходов Повенецкого уезда перевод также не может быть полезен. Значительную часть населения здесь составляют «называемые лопляне», и «есть их язык также неправильный и испорченный». В итоге дело заглохло [О переводах: 17].

В то же время местное духовенство, в своем большинстве, не стремилось изучать язык местных жителей. Одним из редких исключений стала деятельность священника Горского прихода Петра Ивановича Гусева. Во время пастырского служения в своем приходе (приблизительно с 1813 по 1833 г.) он перевел Евангелие от Матфея на «олонецкий» диалект карельского языка. Уникальный случай приобрел широкую известность [Пашков 2000: 27]. В других епархиях Европейского Севера имелись свои энтузиасты перевода священных книг. В первой половине XIX в. протоиерей Усть-Сысольского собора Бонифатий Кокшаров перевел несколько текстов из книг Ветхого Завета, а священник того же собора

Мисаил Георгиевский – «Начатки христианского учения». Священник Усть-Сысольского уезда Василий Куратов подготовил перевод Книги Деяний Апостольских, учитель Яренского духовного училища Евгений Афанасьевский перевел Евангелие от Марка. К середине XIX в. священники начали обращаться к духовным властям с просьбой ввести там, где необходимо, богослужение на коми языке. В 1846 г. священник Яренского собора Симеон Богословский обратился к вологодскому архиерею с письмом следующего содержания: «Они (коми) глухи к голосу говорящего в церкви. Незнание очень многими из них русского языка не позволяет им понимать божественные службы. <...> Воскресить мертвые их чувства, по моему мнению, можно следующим образом: говорить священникам-зырянам в каждый воскресный и праздничный день поучения по-зырянски» [Гагарин 1978: 143]. Переводческая деятельность продолжилась. Усть-сысольский церковнослужитель П. В. Распутин перевел несколько песнопений на коми-зырянский язык [Плосков 2000: 110]. В доношении епископу Вологодскому и Устюжскому, датированном 1851 г., он писал: «Питая любовь и уважение природному моему зырянскому языку, я решился воспеть Богодухновенные псалмы Царя и Пророка на зырянском родном мне наречии» [Плосков 1999: 173].

Местные духовные власти догадывались, что такого рода работа ведется по собственной инициативе некоторыми приходскими священниками. Духовное начальство никак, особенно на первых порах, не содействовало им, но пыталось воспользоваться плодами труда. В 1830 г. Олонецкая духовная консистория разослала во все подведомственные ей приходы распоряжение прислать сделанные священниками «из образованных» переводы Священного Писания и молитв на карельский язык. Предполагалось использовать полученные тексты для подготовки семинаристов. Из Вытегорского духовного правления пришел ответ о том, что священник Девятинского прихода Алексей Плотников сделал перевод катехизиса на «олонецкий язык» [Дело по указу: 4]. Остальные клирики оказались заведомо неспособными к переводческой деятельности. Судя по рапорту епископа Олонецкого и Петрозаводского Игнатия, отправленному в Синод в 1836 г., число так называемых «корельских» приходов в Олонецкой епархии составило 68. Из числа «состоящих в корельских приходах священников знают язык корельский 60, а остальные не знают или очень мало знают». На места не знающих языка Игнатий намеревался, по распоряжению Синода, определить «других способнейших и благонадежнейших священников со знанием языка корельского» [О священниках: 37]. Возможно, указанные меры связаны с обсуждением проблем

борьбы с «расколом» в Олонецкой епархии. В их числе подготовку священников, знающих карельский язык, признали одной из главнейших [О мерах 1858: 209].

В 1829 г. при Олонецкой духовной семинарии появился класс карельского языка, «употребляемого местными жителями края» (речь шла о ливвиковском диалекте) [Любецкий 1879: 30]. Длительное существование карельского класса стало заметным стимулом в изучении местного «наречия». Для этих занятий преподаватель Петрозаводского духовного училища П. Шуйский подготовил хрестоматию на карельском языке. Предложенные Шуйским тексты, судя по указу Синода, рекомендовались для всех духовно-учебных заведений, где преподается карельский язык, если «прежде отпечатания рукописи русский алфавит будет точнее приспособлен к выражению звуков карельского языка». Но ко времени одобрения рукописи П. Шуйский скончался. Чтение курса прекратилось в 1872 г. [Указ-3: 17]. Благодаря его трудам впервые возник вопрос о том, что для текстов на карельском языке необходим особый алфавит, отличающийся от русского. Вопрос возник и рассматривался по инициативе центрального органа власти – Святейшего правительствующего Синода. Местное духовенство не проявляло сколько-нибудь заметных усилий для решения животрепещущего вопроса религиозной жизни. Исключения здесь редки, а упоминания о них носят случайный характер. В начале XX в. в земской печати появилась статья И. Фаворитского, который утверждал, что в середине XIX в. в Реболах «только и было знающих русский язык, что священник и дьячок». Но и они «наверно прекрасно не умели объясняться с населением по-карельски, если не были и сами природные карелы» [Фаворитский 1915: 17].

Одновременно с трудами П. Шуйского аналогичные задачи поставил перед собой Комитет грамотности, состоящий при Императорском вольном экономическом обществе. В 1862 г., по указанию новгородского протоиерея Гиляровского, Комитет «озаботился составлением карельской азбуки русскими буквами с целью со временем составить и другие учебники для корелов». Для того чтобы учебник соответствовал диалектам карельского языка, Комитет обратился к новгородским и белозерским священникам, а также к преподавателю Олонецкой духовной семинарии с просьбой прислать перевод «на карельское наречие Символа веры, заповедей и некоторых молитв». В Олонецкой епархии переводами текстов Писания на карельский язык был известен священник Григорий Модестов. Обращаясь к нему, Комитет грамотности просил соблюдать следующие условия. Во-первых, «писать русскими буквами и совершенно

согласно с местным наречием карелов», не искажая звуков карельского языка. «А как исполнение сего им, как русским, довольно трудно, то чтобы они просили об этом кого-нибудь из природных карелов». Во-вторых, как можно больше внимания обращать на слова, «кои в составе своем имеют двугласные буквы (дифтонги. – *М. П.*), составляющиеся вследствие того, что две гласные следуют одна за другой». В тех случаях, когда употребляется такой звук, «который не выражается ясно русскими буквами, употреблять латинские буквы или ссылаться на оные» [Дело по сообщению: 2–4].

Требования Комитета предвосхищали систему Н. И. Ильминского [Афанасьев 1914: 1–31], одобренную Советом Министров в 1870 г., но отличались позволением использовать латинскую графику. В дальнейшем использование латинской графики в книгах на карельском языке стало недопустимым. За основу для «создания алфавитов для инородческих языков» в России приняли «русскую графическую систему» [Лаллукка 1997: 198]. В XX в. указанная проблема возникала неоднократно и связывалась отнюдь не только с Европейским Севером России. В первой половине XIX в. среди татарского населения России особой популярностью пользовался арабский шрифт. Казанские поборники «интересов русской государственности» настаивали на использовании русского шрифта «в целях приобщения инородцев в духовно-культурном отношении к великой русской семье» [Прокопьев 1904: 40]. Издание текстов (молитв и проповедей) на карельском языке, судя по публикациям в «Олонецких епархиальных ведомостях», продолжалось [Руководство 1907: 541–542]. Существенным новшеством стало издание в 1882 г. брошюры под названием «Начало христианского учения на карельском и русском языках», подготовленной А. Логиновским. В тексте брошюры отразились «языковые особенности ливвиковских говоров, в частности, говора сямозерских карел» [Баранцев 1967: 93].

Итоги предпринятых для распространения православия мер противоречивы и парадоксальны. С одной стороны, в 1870-е гг. использование «инородческих языков» в богослужении вышло на первый план, стало почти обязательным по всей России: высочайшее одобрение получила концепция Н. И. Ильминского, который горячо призывал пастырей осваивать языки местного населения. Он писал: «Религиозное движение сердца несравненно сильнее и глубже возбуждается, когда христианские истины слышатся инородцами на языке родном, нежели на русском, хотя бы последний был для них знаком в некоторой степени. Это потому, что родной язык непосредственно говорит и уму, и сердцу». Далее следовали указания

на то, что усвоение русского языка во время богослужения станет важным стимулом в приобщении к русской культуре: «Как скоро в инородцах утвердились посредством русского языка христианские понятия и правила, они охотно и с успехом занимаются и русским языком и ищут русского образования» [Знаменский 1892: 204].

С другой стороны, результаты переводческой деятельности первой половины XIX в. оказались незначительными как по России в целом, так и на Европейском Севере. «Переводы, написанные таким неправильным и непонятным языком, конечно, не могли оказать большого влияния на инородческое население». Доказательством служит тот факт, что хотя переводы «изданы в тысячах экземпляров и в свое время бесплатно разошлись в инородческие приходы, однако теперь очень трудно встретить их среди инородцев» [Прокопьев 1904: 19]. Лишь в конце XIX в. переводы Писания на карельский язык стали более успешным делом. Причины заключались как в опыте переводческой деятельности, так и в появлении новой угрозы влиянию православия – финских проповедников. Конкуренция между «господствующей церковью» и старообрядцами сохранялась и оставалась стимулом для гибкой национальной политики. Власти обратили внимание на энтузиастов-переводчиков Писания и оказали им поддержку. В Петербурге на русском и карельском языках издали «Карельско-русский молитвенник для православных карелов», составленный Е. И. Тихановым, и «Начала христианского учения» А. Логиновского (1882 г.). Первое издание высоко оценивают современные исследователи: «В настоящее время молитвенник Тиханова считается лучшим по орфографии печатным изданием на одном из ливвиковских диалектов карельского языка, а именно на самозерском говоре» [Прибалтийско-финские 2003: 195].

Проблема языкового барьера между пастырями и мирянами сохранялась к середине XIX в. даже в относительно крупных городах, обладающих старыми традициями религиозной жизни. В «Сведениях о состоянии Олонецкого Николаевского собора» отмечалось, что прихожане-карелы, не знающие русского языка, еще недостаточно знакомы с истинами веры и заповедями. Многие из них не знают «никаких молитв, кроме краткой молитвы Иисусовой, ибо, по незнанию русского языка, они не могут не только понять, но и учить их» [Сведения о состоянии-1: 4]. В сельских приходах Олонецкой епархии ситуация была еще сложнее. Один из олонецких благочинных, высоко оценивая моральные качества местных карелов, отмечал в то же время изъяны в их поведении: «Но при всем нравственном состоянии карелов, отличающихся от русских православных своим особенным языком, патриархальными нравами и обычаями

в образе жизни, мало заметно в них особенного усердия к церкви и к исполнению христианского долга посредством очищения своей совести через исповедь и святое причащение» [Отчет благочинного: 46]. Языковые проблемы существенно дополняли непростую ситуацию. После всех многочисленных попыток перевода богослужебных книг на карельский язык духовенство и в 1893 г. продолжало ссылаться на полное отсутствие необходимых изданий. Благочинный приход с преимущественно карельским населением (Паданского, Селецкого, Масельскопаданского, Янгозерского, Гимольского, Ребольского, Кимасозерского, Ругозерского, Семчезерского, Валазминского) утверждал в своем отчете, адресованном епископу, что в его округе священники испытывают трудности в «просвещении корелов». Причины благочинный видел, во-первых, в отсутствии руководств и книг на карельском языке, во-вторых, – «в скудости языка корельского, на котором трудно говорить о вере», и, наконец, в-третьих, – «в невладении этим языком многими из священников» [Сведения по указанию: 219].

Выход из создавшегося положения духовные власти видели в «понужении» священников к изучению «инородческих» языков. Прецедент был создан в 1862 г. В консисторию обратился священник из Немжинского погоста. После прибытия на место службы он узнал, как видно из доношения, что прихожане «русского языка не знают <...> так что ни я (священник. – *М. П.*) с прихожанами, ни они со мною не можем объясняться». Священник просил перевести его в приход с преобладающим русским населением. Консистория имела другой взгляд на языковую проблему. Как видно из указа, священника, окончившего полный курс семинарии, она признала вполне способным быстро изучить карельский язык. Консистория распорядилась оставить его на старом месте службы [Указ 1: 1–2]. Ее решение стало скорее результатом эмоционального порыва, чем продуманных действий. В начале XX в. такая практика перестала быть редкостью. В ряде приходов духовенство адаптировалось к особенностям паствы. В своих отчетах благочинные констатировали, что в некоторых местностях священники освоили карельский язык и способны составлять проповеди, понятные населению. Такие священники стали редким исключением на фоне общего равнодушия. Как говорилось в одном из отчетов о духовенстве Петрозаводского уезда Олонецкой епархии, «Сямозерского прихода священник Иоанн Скворцов, природный карел, в часовнях произносил поучения своего письма иногда на карельском языке и прихожане его – карелы, слыша из уст своего пастыря слово Божие на родном своем языке, усваивают его поучение». В соседних

приходах сложилась противоположная ситуация: «Менее всех проповедают в храмах Божьих священники Вохтозерского и Вешкельского приходов, как не знающие карельского языка и мало имеющие источников для проповеди» [Отчет благочинного-2: 44об.].

Декларативное единство в вопросе о карельском языке было достигнуто лишь в начале XX в. В 1907 г. священники Олонецкой епархии осознали необходимость изучения карельского языка. О перемене настроений свидетельствуют постановления миссионерского съезда духовенства, проходившего в Видлицах: «желательно было бы, чтобы в карельских местностях богослужение совершалось поочередно то на церковно-славянском (для русского населения), то на карельском языке. <...> желательно, чтобы богослужение для карелов совершалось непременно на карельском языке. Ведь богослужение на родном карельском языке будет возбуждать в карелах симпатию к богослужению и православному духовенству» [Видлицкий 1907: 445]. Съезд признавал «весьма важное значение» преподавания предметов «на понятном для детей языке» и одновременно обращал внимание на отсутствие литературы на карельском языке. На финском языке необходимые книги имелись, но делегаты съезда опасались, «что финский язык, в случае признания его обязательным предметом преподавания, не только получит одинаковое значение с русским, но и может явиться проводником панфинских идей» [От Олонецкой Духовной 1907: 563].

В начале XX в. ситуация радикально изменилась. Клирики Олонецкой и Архангельской епархий обязались освоить карельский язык в ближайшее время. Причиной столь решительного изменения их позиции стала мнимая угроза распространения среди карелов профинских настроений. Обвинения в адрес финнов представлялись современникам событий надуманными, преднамеренно раздутыми местными деятелями, преследующими собственные интересы. Посетивший Северную Карелию в 1915 г. М. И. Бубновский писал: «Из бесед с карелами и старожилами русскими в Ухте, Вокнаволоке, в Кондоке и других деревнях Карелии я вынес убеждение, что панфинское движение в Карелии в 1906–07 годах более чем раздуто» [Бубновский 1915: 21]. И все же призрак панфинской пропаганды сделал свое дело. Он радикально изменил приоритеты в религиозной жизни Карелии. Священники взялись за изучение карельского языка. Немаловажную роль здесь сыграло стремление повысить престиж православного духовенства в глазах местного населения, для которого Финляндия становилась все более привлекательным образцом для подражания. Представители духовенства Северной Карелии, как и их коллеги из Олонецкой епархии, считали необходимым совершать богослужение

на «понятном для народа языке». Они просили епископа «вменить в обязанность наличным священно- и церковнослужителям карельского края изучить местное наречие, самое большее, в течение 4-х лет» [К съезду 1907: 757].

Аналогичной точки зрения придерживались депутаты съезда представителей Архангельской и Финляндской епархий, состоявшегося в селе Ухте 10–13 декабря 1906 г. В материалах съезда указывалось: «съезд признает безусловно необходимым совершать требы и богослужение на карельско-финском языке, вводя его постепенно и настолько, насколько оно вызывается действительными духовными нуждами пасомых». Богослужение предполагалось совершать на основе литературы, переведенной на финский язык по благословию Синода, «но с тем, чтобы совершители богослужения применялись к местным говорам» [Панфинская пропаганда 1907: 2]. Реализовать решение съезда оказалось непросто. В начале XX в. епархиальная печать продолжала констатировать, что священники прибегают к помощи переводчика «даже в пустышных делах» [Лютеранский поход 1906: 655]. Сходные решения принимались и на другой территории, населенной карелами, – в Выборгской епархии. Созданное здесь в начале XX в. отделение Карельского православного братства решительно потребовало от приходских священников скорейшего изучения карельского языка и использования его в пастырской и миссионерской деятельности [Витухновская 2006: 159–215]. В издаваемом братством журнале «Карельские известия» отмечалось: «Язык необходим пастору, как огонь повару» [Карельские известия 1915: 5]. Олонецкая епархиальная печать регулярно публиковала призывы изучать карельский язык и примеры благоприятных изменений в тех приходах, где священники смогли выучить язык местного населения. Особенно подчеркивалась роль епархиального начальства, которое, начиная с 1908 г., «заботится о том, чтобы в карельские приходы назначались священники, знающие карельское наречие, а чтоб не проскользнули в карельские приходы, в погонях за большим содержанием, люди, не знающие карельского языка под видом знающих» [А. П-ий 1914: 317].

Меры духовной власти, призванные подтолкнуть лингвистические штудии на территориях, населенных карелами, достигали успеха. С одной стороны, новым свершениям способствовали требования самих представителей коренных народов. Во время народных собраний 1905–1906 гг. в Ухте, Кестеньге и Вокнаволоке карелы составили обращение в адрес Государственной Думы о необходимости введения богослужения и преподавания на родном языке [Киркинен, Невалайнен, Сихво 1998: 201]. С другой стороны, существенным фактором, по мнению карелов,

могли бы стать дополнительные выплаты тем священникам и дьяконам, которые знали с детства или выучили карельский язык. Аналогичные процессы развернулись в других частях страны. Революция 1905 г. «разбудила национальное самосознание марийской интеллигенции». Прежде многие «стеснялись своей принадлежности к марийцам», но теперь «заговорили о марийской литературе, о марийских книгах и газетах» [Патрушев 1984: 38].

Из данных начала XX в. вырисовывается довольно благоприятная картина дальнейшего интенсивного развития «инородческих» языков и их использования в богослужебном обиходе. Формировались грамматические правила, обогащался словарный запас. По сути дела «с нуля» создавалась национальная интеллигенция, повышался статус «инородческих» языков. Ведь «степень использования в издательском деле является индикатором тех условий», которые язык имеет для своего функционирования как литературного языка [Лаллукка 1997: 216]. Судя по публикациям в периодической печати, процесс перевода отдельных фрагментов Евангелия продолжался благодаря усилиям отдельных энтузиастов-одиночек из числа священников, свободно владеющих «инородческими» языками. В 1900 г. в Санкт-Петербурге издана книга А. В. Красова «Молитва за государя императора, читаемая на Божественной литургии, молебное пение и Книга Бытия на зырянском языке (с приложением краткой зырянской грамматики, зырянско-русского и русско-зырянского словаря и трех поучений на зырянском языке)» [Молитва 1900; см. также: Плосков 2000: 111]. В начале XX в. указанная тенденция продолжилась. В 1907 г. опубликовано Пасхальное Евангелие, переведенное «природным кареляком», дьяконом Уножского прихода Стефаном Троицким. В том же году псаломщик Кондоковского прихода Иван Никутьев «адаптировал к особенностям местного (карельского. – М. П.) говора Евангелие от Марка и некоторые поучения» [Троицкий 1907: 164]. С 1902 по 1917 г., находясь на должности миссионера, священник П. А. Преображенский переводил на карельский язык популярные молитвы и все четыре Евангелия. «Евангельские переводы и азбука, составленные им, были изданы архангельским миссионерским комитетом, который опубликовал также Священную историю для карелов» [Дубровская 2000: 91]. В 1917 г. для олонекских карелов печатались материалы на ливвиковском диалекте с использованием «модифицированного русского шрифта» [Анттикоски 2000: 167].

Аналогичные труды развернулись во многих епархиях России. Религиозная тематика оставалась преобладающей, но «в результате стремлений православного миссионерского движения к языковой стандартизации

в некотором количестве печаталась и светская литература, буквари, учебники и т. п.» [Лаллукка 1997: 198]. Так, созданная в Казанской епархии Переводческая комиссия организовала перевод богослужебных книг на 20 языков, а количество выпущенных ею изданий и переводов на «инородческие языки простиралось в 1899 г. до 1 599 385 экземпляров» [Смирнов 1904: 50]. Сходная деятельность началась в Архангельской, Вятской, Оренбургской, Самарской, Саратовской, Уфимской епархиях [Лаллукка 1997: 53]. Не всегда переводы оказывались удачными. В 1910 г. в земской печати появилась статья крестьянина Антропова, который лично знакомился с одним из священных текстов на карельском языке. Крестьянин вспоминал: «Священник давал читать на карельском языке краткую священную историю. И тяжелее и непонятнее этого занятия ничего не было в школе. Тяжелее потому, что русские буквы не могут правильно обозначить произношения многих карельских слов... Непонятнее потому, что книги были переведены на олонекое наречие, т. е. как говорят в Олонецком уезде» [Антропов 1910: 5].

Как видно из отчетов благочинных о духовенстве тех приходов, в которых значительную часть жителей составляли карелы, к 1910 г. ситуация была следующей: свободно владели карельским языком священники 13 приходов из 47, о которых говорилось в отчетах. Объяснение видели в том, что некоторые священники – «природные кореляки» и язык им известен с детства. Более сложным оставалось положение тех священнослужителей, которые в отчетах благочинных обозначены как «природные русские». Они, не владея свободно карельским языком, могли понимать карельскую речь, использовать карельский язык «при таинстве исповеди» и «поучать народ на местном наречии» (в 30 приходах из 47, о которых сохранились сведения). В оставшихся четырех приходах священнослужители вообще не знали карельского языка [Список священников 1910: 172–179]. Такое положение выглядело весьма успешным на фоне других территорий Европейского Севера. В 1913 г., отвечая на запрос Библейского общества, Архангельский преосвященный Парфений указывал: «Некоторые члены из имеющихся при лопарских церквях причта говорят по-лапландски, но недостаточно хорошо; прихожане же все говорят на родном лапландском языке» [Козмин 1916: 40].

В Олонецкой епархии ситуация оказалась более благоприятной по сравнению с соседними территориями. Здесь языковой подготовке духовенства уделялось большее внимание. Обращение к прихожанам-«инородцам» на понятном для них языке стало своего рода правилом хорошего тона при посещениях приходов епархиальными архиереями и во время других значимых церковных событий. Так, во время церковного праздника в деревне Колатсельге Олонецкого уезда «часть бого-

служения была совершена на родном понятном для народа карельском языке». На клиросе пелись карельские молитвы и песнопения, «приковывая к себе внимание молящихся, доселе не слышавших ничего подобного» [Исаакий, иеродиакон 1909: 168–169]. Епископы стремились подать пример приходскому духовенству. Во время посещения Ювалакшского прихода Кемского уезда в 1914 г. епископ Сердобольский Киприан произносил возгласы на карельском языке. Его проповедь иеромонах Исаакий «прекрасно переводил на карельский язык». Прощаясь с карелами, владыка сказал им «hyvästi» [Бурмакин 1914: 34]. В 1916 г. при посещении села Ухты епископ произнес проповедь об исцелении слепого, которая «сказана им по-русски». Но «все ее содержание находящимся тут же отцом-миссионером тотчас же было передано народу на туземном карельском языке» [Попов 1916: 151].

Меры епархиальных архиереев позволяли устранить затянувшийся на несколько столетий абсурд во взаимоотношениях клириков и прихожан. Отчетливо проявившееся, особенно в первой половине XIX в., **сопротивление** приходского духовенства активному изучению «инородческих» языков обусловлено рядом значимых факторов. Во-первых, заметную роль сыграла «сакрализация слова и буквы Писания» [Мечковская 1998: 311–312]. Разнообразные местные диалекты не всегда соответствовали культовым целям. Владющему ими богослову трудно подобрать термины для передачи понятий из церковного обихода. Во-вторых, массовое обучение духовенства карельскому языку не удалось наладить. Епархиальное начальство в качестве приоритета своей деятельности рассматривало не этнические, а наиболее острые конфессиональные проблемы, т. е. борьбу с влиянием старообрядчества. Сюда и направлялись основные силы и средства. В-третьих, для священнослужителя, который часто переезжал с места на место, из одного прихода в другой, изучение карельского языка, бытующего в данной деревне, казалось бессмысленной задачей. На новом месте пастырского служения он поневоле начинал сначала.

В начале XX в. приходское духовенство волею судьбы, движимое в равной степени энтузиазмом отдельных его представителей и требованиями начальства, исполняло роль национальной интеллигенции, которая в то время еще не сформировалась. Священно- и церковнослужителям принадлежала существенная роль в первых попытках формирования литературных вариантов коми, карельского и прочих «инородческих» языков. Вытесняя «народную» форму православия и сопутствующее ей старообрядческое влияние, духовенство все же играло роль этностабилизирующего фактора, повышая престиж «инородческих» языков. В истории человечества

довольно часто именно перевод священных книг на народный язык закладывал основу литературного языка [Хобсбаум 1998: 99]. Миссионерская политика православной церкви приводила к формированию немногочисленной религиозной интеллигенции из числа «инородцев». Включившись в процесс распространения духовных ценностей православия, священники одновременно способствовали росту национального самосознания в «инородческой» среде.

Православное духовенство постоянно демонстрировало лояльность престолу. Оно не могло возглавить национальные движения, как произошло среди исламских народов России [Каппелер 2000: 104]. Благодаря его деятельности преодолевался несомненно существующий в сознании многих российских граждан «барьер „бытового“ статуса языков восточно-финских народов» [Калинин 2000: 88]. Так возникала уверенность в том, что их язык пригоден для любых задач, выражения самых сложных мыслей. Деятельность одних представителей духовенства вдохновляла других служителей церкви на создание новых трудов и стимулировала дальнейшее развитие лексики и создание грамматики карельского языка. Немного идеализируя представителей духовного сословия, С. Лаллукка утверждает, что «церковное просвещение проводилось без принуждения, с использованием понятных местных диалектов» [Лаллукка 1997: 55]. Совершенно очевидной представляется особая роль прихода и священнослужителей во взаимоотношениях русских и «инородцев» Европейского Севера России. Духовенство осуществляло собственный вариант русификации. Главная роль в нем отводилась не распространению русского языка в ущерб языкам местного населения, а внедрению ценностей православия в повседневную жизнь «инородцев».

Источники

Всепопданнейший доклад – Всепопданнейший доклад сенатора Д. О. Баранова // РГИА. Ф. 834. Оп. 2. Д. 1664. Л. 6–8.

Дело о самоожжении – Дело о самоожжении старообрядцев в Ребольском приходе // РГИА. Ф. 796. Оп. 65. Д. 107. Л. 13–17.

Дело по жалобе – Дело по жалобе крестьян Видлицкого прихода // РГИА. Ф. 796. Оп. 60. Д. 203. Л. 15–17.

Дело по сообщению – Дело по сообщению Комитета грамотности, состоящего при Императорском вольном экономическом обществе // НА РК. Ф. 25. Оп. 15. Д. 73/1566. Л. 2–4.

Дело по указу – Дело по указу консистории об отобрании от священно- и церковнослужителей рукописей переводов некоторых частей Священного Писания // НА РК. Ф. 25. Оп. 16. Д. 39/23. Л. 4–16.

О мерах 1858 – О мерах по ослаблению раскола в Олонецкой и Архангельской губерниях // Собрание постановлений по части раскола. СПб., 1858. С. 209–211.

О переводах – О переводах текстов Священного Писания на карельский язык // НА РК. Ф. 126. Оп. 3. Д. 1/3. Л. 2–5.

О переводе – О переводе текстов Катехизиса и св. Писания на инородческие языки // РГИА. Ф. 796. Оп. 84. Д. 4. Л. 78.

О священниках – О священниках, служащих в корельских приходах // НА РК. Ф. 25. Оп. 20. Д. 78/906. Л. 37–45.

От Олонецкой Духовной 1907 – От Олонецкой Духовной Консистории // Олонецкие епархиальные ведомости. 1907. № 22. С. 563–564.

Отношение 1894 – Отношение обер-прокурора св. Синода, князя А. Н. Голицына, к Новгородскому митрополиту Амвросию, от 14 февраля 1916 года, о необходимости обучать священников-ставленников в Лопские погосты – карельскому языку // Олонецкий сборник. 1894. Вып. 3. С. 130–132.

Отчет благочинного – Отчет благочинного 2 округа Олонецкого уезда за 1879 год // НА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 60/1. Л. 46–49.

Отчет благочинного-2 – Отчет благочинного 1 округа Петрозаводского уезда за 1879 год // НА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 25/1682. Л. 44об.–49.

Письмо от неизвестного 1894 – Письмо от неизвестного, из города Кинешмы, к обер-прокурору св. Синода, князю А. Н. Голицыну, – о необходимости перевести на Олонецкий язык катехизис и другие религиозно-нравственные книги // Олонецкий сборник. 1894. Вып. 3. С. 128–131.

Руководство 1907 – Руководство к карельскому языку // Олонецкие епархиальные ведомости. 1907. № 21. С. 541–542.

Сведения о состоянии-1 – Сведения о состоянии Олонецкого Николаевского собора по указанию предметов ежегодного донесения, какое должно быть представлено от епархиального архиерея Святейшему правительствующему Синоду // НА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 35/45. Л. 4–6.

Сведения о состоянии-2 – Сведения о состоянии Олонецкой епархии по указанию предметов ежегодного донесения епархиального преосвященного архиерея // НА РК. Ф. 25. Оп. 15. Д. 66/1445. Л. 31–35.

Сведения по указанию – Сведения по указанию предметов, имеющих в составе ежегодного донесения епархиального архиерея о состоянии епархии в Святейший правительствующий Синод // НА РК. Ф. 25. Оп. 2. Д. 25/1683. Л. 219–221.

Список священников 1910 – Список священников и дьяконов корельских приходов Олонецкой епархии // Олонецкие епархиальные ведомости. 1910. № 10. С. 172–179.

Справка – Справка, составленная в канцелярии Новгородской духовной консистории // НА РК. Ф. 25. Оп. 16. Д. 25/54. Л. 2–6.

Указ-1 – Указ Олонецкой духовной консистории // НА РК. Ф. 25. Оп. 2. Д. 12/525. Л. 1–2.

Указ-2 – Указ Олонецкой духовной консистории // НА РК. Ф. 25. Оп. 20. Д. 78/906. Л. 37–39.

Указ-3 – Указ Синода «О составленной учителем Петрозаводского духовного училища Петром Шуйским карельской хрестоматии с карельско-русским словарем» // НА РК. Ф. 25. Оп. 2. Д. 15/736. Л. 17–18.

Указ-4 – Указ Олонецкой духовной консистории // НА РК. Ф. 25. Оп. 20. Д. 78/906. Л. 26об.–29.

Литература

Анттикоски Э. Проблема карельского языка в деятельности карельского национального движения в Финляндии (1905–1945 гг.) // История и филология: проблемы образовательной и научной интеграции на рубеже тысячелетий. Петрозаводск: ПетрГУ, 2000. С. 166–171.

Антропов Ф. Нечто о карельском языке и народных чтениях в Кареле // Вестник Олонецкого губернского земства. 1910. № 24. С. 5–6.

А. П-ий. О желательности каждому священнику карельского прихода знать наречие своих прихожан-карел (Из наблюдений и опыта священника) // Олонецкие епархиальные ведомости. 1914. № 14. С. 317.

Афанасьев П. О. Н. И. Ильминский и его система школьного просвещения инородцев Казанского края // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1914. Ч. 52, № 7. С. 1–31.

Баранцев А. П. Карельская письменность // Прибалтийско-финское языкознание. Вопросы фонетики, грамматики и лексикологии. М.: Наука, 1967. С. 92–101.

Бернштам Т. А. Христианизация в этнокультурных процессах финно-угорских народов Европейского Севера и Поволжья // Современное финно-угроведение: Опыт и проблемы. Л.: Наука, 1980. С. 134–142.

Бубновский М. И. Контур Архангельской Карелии // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1915. № 1. С. 21–29.

Бурмакин М. Из Ювалакшского прихода Кемского уезда // Архангельские епархиальные ведомости. 1914. № 2. С. 34–36.

Видлицкий пастырско-миссионерский съезд // Олонецкие епархиальные ведомости. 1907. № 17. С. 445–447.

Витухновская М. А. Российская Карелия и карелы в имперской политике России, 1905–1917. СПб.: Норма, 2006. 384 с.

Гагарин Ю. В. История религии и атеизма народа коми. М.: Наука, 1978. 546 с.

Дубровская Е. Ю. Карелия начала XX в. глазами православного духовенства // Православие в Карелии: Материалы науч. конф. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2000. С. 91–95.

Зеленин Д. Н. И. Ильминский и просвещение инородцев (К 10-летию со дня смерти Н. И. Ильминского 27 января 1901 года). СПб., 1902. 20 с.

Знаменский П. Н. На память о Н. И. Ильминском. Казань, 1892. 56 с.

Зырянов П. Н. Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века. М.: Наука, 1999. 238 с.

Исаакий, иеродиакон. Памяти св. Иоанна Кронштадского в далекой Карелии // Олонецкие епархиальные ведомости. 1909. № 7. С. 168–169.

История Коми. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 2004. Т. 1. 640 с.

К съезду русских деятелей в г. Кеми Архангельской губернии // Архангельские епархиальные ведомости. 1907. № 22. С. 757–758.

Калинин И. К. Восточно-финские народы в процессе модернизации. М.: Наука, 2000. 178 с.

Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М.: Традиция, 2000. 344 с.

Карельские известия. 1915. № 13. С. 5–6.

Киркинен Х., Невалайнен П., Сихво Х. История карельского народа. Петрозаводск, 1998. 324 с.

Козмин Н. Распространение христианства среди русских лопарей (Исторический очерк). Архангельск, 1916. 60 с.

Крохин В. П. История карел. СПб., 1908. С. 2.

Лалдукка С. Восточно-финские народы России. Анализ этнодемографических процессов. СПб.: Европейский Дом, 1997. 438 с.

Любецкий Д. Историческая записка об Олонецкой духовной семинарии за минувшее 50-летие (1829–1879 гг.) // Пятидесятилетний юбилей Олонецкой духовной семинарии. Петрозаводск, 1879. С. 30.

Лютеранский поход в Карелию // Архангельские епархиальные ведомости. 1906. № 21. С. 659–662.

Макаров Г. Н. О переводном памятнике карельского языка 20-х гг. прошлого века // Труды Карельского филиала Академии наук СССР. 1963. Вып. 39. С. 70–79.

Мечковская Н. Б. Язык и религия. М.: Агентство ФАИР, 1998. 352 с.

Молитва за государя императора, читаемая на Божественной литургии, молебное пение и Книга Бытия на зырянском языке (с приложением краткой зырянской грамматики, зырянско-русского и русско-зырянского словаря и трех поучений на зырянском языке). СПб., 1900. 314 с.

Мясникова Л. Н. О секретной миссии в Зырянский край. Обращение в христианство самоедов-язычников // Региональные аспекты исторического пути православия: архивы, источники, методология исследований. Вологда, 2001. С. 186.

О переводах Священного Писания // Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование государя императора Николая I. Т. 1. СПб., 1915. С. 112–114.

Панфинская пропаганда в Русской Карелии. СПб., 1907. 56 с.

Патрушев Г. С. Национально-русское двуязычие и его роль в развитии марийского языка // Дружба народов и интернациональное воспитание трудящихся. Йошкар-Ола, 1984. С. 38.

Пашков А. М. Карелия и Соловки глазами литераторов пушкинской эпохи. Т. 1. Петрозаводск: ПетрГУ, 2000. С. 27.

Плосков И. А. Из архивных материалов о Петре Распутине // В. И. Лыткин и финно-угорский мир. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1999. С. 173–181.

Плосков И. А. Христианская традиция и книжная культура коми (XIX – начало XX в.) // Христианский мир: религия, культура, этнос. СПб.: Европейский Дом, 2000. С. 109–111.

Попов А. Из села Ухты, Кемского уезда // Архангельские епархиальные ведомости. 1916. № 6. С. 151.

Прибалтийско-финские народы России. М.: Наука, 2003. 840 с.

Прокопьев К. Переводы христианских книг на инородческие языки в первой половине XIX в. (исторический очерк). Казань, 1904. 58 с.

Ручьев М. О расколе в Карелии // Архангельские епархиальные ведомости. 1911. № 1. С. 29.

Сафонов А. А. Русское общество в вероисповедном срезе. Религиозная свобода как фактор социального согласия и толерантности // Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII – начале XX в. М.: РОССПЭН, 2011. С. 740.

Смирнов Е. К. Очерк исторического развития и современного состояния русской православной миссии. СПб., 1904. 128 с.

Сурхаско Ю. Ю. Карельская свадебная обрядность. Л.: Наука, 1977. 238 с.

Троицкий С. Пасхальное Евангелие на корельском языке // Олонецкие епархиальные ведомости. 1907. № 6. С. 164–165.

Фаворитский И. Ребольское училище, Повенецкого уезда // Вестник Олонецкого губернского земства. 1915. № 17. С. 17–21.

Хайдуров М. В. Духовное сословие в Коми крае (1801–1869). Сыктывкар: Коми научный центр УРО РАН, 2010. 142 с.

Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб.: Алетейя, 1998. 326 с.

Чернякова И. А. Проблема карельского языка в политике церкви в Олонецкой губернии в XIX в. // Православие в Карелии: Материалы 2-й междунар. науч. конф. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2003. С. 102–105.

Чубинский П. Статистико-этнографический облик Корелы // Труды Архангельского статистического комитета за 1865 год. Кн. 2. Архангельск, 1866. С. 110–116.

Шульгин В. Архимандрит Вениамин – просветитель мезенских самоедов. Архангельск, 1895. 45 с.

Ястребов И. Вопрос об устройстве и организации образовательных заведений для приготовления православных благовестников // Православный благовестник. 1895. № 1. С. 31–39.

Сведения об авторе. Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории, ИЯЛИ КарНЦ РАН.

ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА В ОЛОНЕЦКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ В XIX в.

Преподавание местных языков в российских духовных семинариях до настоящего времени остается малоизученной страницей в истории России XIX – начала XX в. Современные ученые отдают предпочтение рассмотрению вопросов обучения семинаристов древним и новым языкам. Данная статья основана на сохранившихся в архивах отчетах преподавателей карельского языка, а также опубликованных отчетах ревизоров о посещении Олонецкой духовной семинарии. Представленные материалы не только дополняют уже известные факты, но и раскрывают проблемы, связанные с организацией обучения, созданием учебной литературы, деятельностью педагогов по преподаванию олонецким семинаристам карельского языка.

Ключевые слова: духовная семинария, карельский язык, учитель, воспитанники духовных семинарий.

Преподавание местных языков по реформе духовного образования 1808–1814 гг. было организовано во многих российских духовных семинариях. Как отмечает исследователь истории российских духовных семинарий А. В. Сушко, преподавание языков, на которых говорили «инородцы», было включено в программу духовных семинарий, для того чтобы по окончании семинарского курса священствующие могли вести пастырскую службу на языке тех народов, которые в численном отношении преобладали над русскими или составляли значительную часть в данной местности [Сушко 2010: 35]. Так, в начале XIX в. в Вологодской духовной семинарии преподавали зырянский язык, в Псковской и Рижской – эстонский и латышский, в Петербургской – финский и эстонский, в Оренбургской – чувашский и др.

Учебный курс по преподаванию местных языков в начале XIX в. основывался на письменных и устных упражнениях. Воспитанникам давались понятия об изучаемом языке, о буквах, о словах, родах, о частях речи, о степенях и т. д. На уроках и дома ученики занимались переводами с русского на изучаемый язык и обратно разных текстов по указанию преподавателя,

а также устно упражнялись в разговорном употреблении. Семинаристов обучали проводить устные беседы с местным населением в иногородческих приходах. Как правило, семинаристы высшего и среднего отделений владели навыками разговорной и письменной речи, употребляли местные языки в написании сочинений проповеднического содержания, могли выражать свои мысли о простых житейских предметах [РГИА 6: 15–20].

Исторический очерк по организации преподавания карельского языка в Олонецкой духовной семинарии в XIX в. был впервые представлен М. В. Пулькиным [Пулькин 2000, 2003]. Важно отметить, что интерес к этой теме проявляли также М. А. Витухновская, В. В. Ефимова, А. М. Пашков, И. А. Чернякова и Т. А. Санакина [Пашков 1994; Чернякова 2003; Витухновская 2006; Санакина 2008; Ефимова 2017].

Открытие класса карельского языка в Олонецкой духовной семинарии произошло в год ее создания, в 1829 г. Детали организации обучения были представлены в докладе Святейшему Синоду Олонецкого преосвященного Игнатия (Семенова) в мае 1829 г. В нем он выразил свой взгляд на введение преподавания карельского языка в Олонецкой семинарии: «Не столько для разговора, сколько для навыка не умеющим по-русски жителям здешней епархии, коих очень много, изъяснять истины до веры». Интерес для исследователя представляет мнение Игнатия (Семенова) на проблему дальнейшего развития карельского языка. Он, в частности, отметил, что «хотя язык карельский не имеет книжного бытия, но по многим отношениям весьма удобен и должен быть по некоторому времени выведен из употребления... духовным необходимо знать язык карельский с тем, чтобы со временем никто из прихожан не знал его» [РГИА 2: боб.–7]. Важно отметить, что в этом вопросе с Игнатием (Семеновым) были солидарны и представители гражданского ведомства [Ефимова 2017: 154–157].

Первым преподавателем карельского языка в Олонецкой семинарии стал Василий Васильевич Ильинский, сын дьячка одного карельского прихода. Он обучался в Петрозаводском духовном училище, затем в Новгородской (1827–1828) и Олонецкой (1829–1831) семинариях. Еще будучи студентом высшего класса Олонецкой семинарии, в 1830 г. он был определен на должность лектора карельского языка и получал жалованье 100 руб. в год.

В. В. Ильинским была составлена инструкция (программа) по изучению карельского языка, одобренная преосвященным Игнатием (Семеновым). В ней подробно излагались основы организации и методики работы с учащимися. Курс карельского языка не входил в разряд обязательных предметов, поэтому его изучение основывалось на добровольной основе. Уроки обычно посещались теми учениками, которые хорошо

знали язык и свободно на нем говорили «по происхождению и навыку». Для лучшего усвоения и постоянного общения между собой предусматривалось совместное проживание воспитанников, знающих карельский язык, в одной комнате или квартире. В программу учебного курса входило знакомство учеников с грамматическими формами языка, по аналогии с учебными пособиями по русскому языку. Учащиеся также изучали различные «наречия в уездах Олонецкой епархии, употребляемые, как то собственно карельский, чудский и финский» [Пулькин 2003: 91].

Для заинтересованности семинаристов в изучении карельского языка архиепископ Игнатий (Семенов) в ноябре 1836 г. ходатайствовал перед Святейшим Синодом об увеличении денежного пособия для выпускников семинарии, определяемых в раскольнические приходы Повенецкого уезда. По мнению преосвященного, священники этих приходов испытывали трудности общения с местными жителями при исполнении своих пастырских обязанностей. Преосвященный предложил выпускникам Олонецкой духовной семинарии, изучавших карельский язык, давать на первое обзаведение по 200 руб. из остатков экономической семинарской суммы. Эта сумма в 2 раза превышала предыдущую единовременную сумму (100 руб.), определенную Синодом в 1813 г. выпускникам российских семинарий в качестве «подъемных» средств. Предложение Олонецкого архиепископа было направлено в Комиссию духовных училищ, которая в мае 1837 г. объявила, что «не может изъявить на оное свое согласие», так как «остаточные училищные суммы... предназначены Уставом для удовлетворения училищных нужд в чрезвычайных случаях», например, на ремонт училищных зданий или приобретение учебной литературы для семинарской библиотеки [РГИА 4: 7об.–8].

Следует отметить, что интерес к изучению карельского языка в это время проявлялся и в Архангельской епархии. Святейший Синод для утверждения православия и ослабления раскола в Архангельской епархии в марте 1837 г. предписал епископу Архангельскому и Холмогорскому Георгию (Яшуржинскому) в Шуезерском, Пангозерском и Вокнаволоцком приходах Кемского уезда, где «более живет карелов и где не все священники знают карельское наречие», произвести замену священнослужителей на «благонадежных и знающих карельский наречие кандидатов из воспитанников семинарии или из служащих уже священников Олонецкой епархии» [РГИА 1: 1–1об.].

По поручению архангельского епископа в августе 1837 г. правление Архангельской духовной семинарии направило в Санкт-Петербургскую духовную академию прошение о разрешении на отправку в Олонецкую

семинарию «из числа оканчивающих учение в низших отделениях семинарии трех благонадежных учеников хорошей нравственности и с отличными успехами» для изучения карельского языка за счет экономических сумм (из бюджета семинарии). Комиссия духовных училищ в сентябре 1837 г. с данным вопросом согласилась и предложила избрать 17-летних семинаристов, желающих поехать в Петрозаводск [Там же: 8]. Прибыли ли в Олонецкую епархию архангельские семинаристы – неизвестно. Архивных документов по этому эпизоду не выявлено.

Какие же проблемы имелись в деле организации обучения карельскому языку воспитанников Олонецкой духовной семинарии? Одной из главных являлось отсутствие необходимых учебных пособий. В начале XIX в. церковь активно занималась переводами священных книг на национальные языки народов, проживающих в Российской империи, в том числе и на карельский язык. Так, в 1804 г. вышел в свет «Перевод некоторых молитв и сокращенного катехизиса на карельский язык» в виде двух небольших брошюр с параллельными текстами на карельском и церковно-славянском языках. Однако данное издание, по отзыву учителей карельского языка Олонецкой семинарии, не могло быть полезным для учащихся, потому что было переведено на карельский язык для карелов, «населявших небольшую часть Тверской губернии, по языку своему различна от наречий карелов Олонецкой губернии, как то по грамматическим формам, так нередко и в самих словах» [РГИА 6: 20].

В 1820 г. в Министерство народного просвещения и духовных дел от митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского Михаила (Десницкого) был прислан образец перевода Евангелия на карельский язык Олонецкой епархии, составленный учениками богословия Новгородской семинарии В. Сердцовым и Д. Деplorанским. Но и этот перевод был понятен карелам нескольких приходов Олонецкого и Петрозаводского уездов, а для жителей других уездов – нет [Пулькин 2000: 279–280; Ефимова 2017: 133–135].

Следует подчеркнуть, в первой половине XIX в. предпринимались различные способы распространения Библии и организация ее переводов на языки национальностей, населявших Россию. Например, Библейское общество, созданное в 1812 г., активно занималось этой работой [Пыпин 1916]. В 1832–1839 гг. синодальной типографией издавались «Начатки христианского православного учения» на чувашском (Казань, 1832), алеутско-лисьевском (СПб., 1834), финском (СПб., 1836), черемисском (Казань, 1839) языках, автором этого издания на русском языке являлся Филарет, митрополит Московский и Коломенский, профессор

Петербургской Духовной академии, член Святейшего Синода по созданию руководств для преподавания Закона Божьего. В Архангельской епархии архимандрит Вениамин Смирнов занимался переводами священных книг на язык ненцев (самоедов) [Вениамин 1851]. Данные издания отмечались в реестрах многих российских семинарских библиотек того времени.

В 1833 г. в Санкт-Петербурге для финских карелов была издана «Российско-финская азбука», где имелись и переводы основных молитв с церковно-славянского языка на финский. В 1836 г. при Императорской Академии наук была издана на финском языке книга «Начатки христианского учения» с переводами краткой Священной истории и краткого катехизиса [Мусаев 2014: 150].

В 1840–1850-е гг. вышли в свет грамматики и словари для преподавания зырянского языка П. И. Савваитова [Савваитов 1844, 1849], эстонского – А. В. Гупеля [Гупель 1847, 1848], латышского – Розенберга и Гессельберга [Розенберг, Гессельберг 1848]. Преподаватель Петербургской духовной семинарии Д. Успенский в 1845 г. перевел на финский язык катехизис митрополита Филарета (Дроздова), в 1848 и 1851 гг. были изданы учебные пособия по преподаванию финского языка Воллина и Г. Окулова [Воллин 1848, 1851; Окулов 1851].

Однако вопрос о создании печатных учебных пособий для преподавания карельского языка в Олонецкой духовной семинарии оставался нерешенным. В 1830 г. учителем В. В. Ильинским были составлены рукописные азбука, грамматика и лексикон карельского языка [РГИА 3: 18]. «За неимением печатных руководств использовались грамматические записки и русско-карельский словарь, составленные учителем В. В. Ильинским», – отмечалось в семинарском отчете за 1852/53 учебный год [РГИА 6: 20]. Примечательно, что эти учебные пособия долгое время употреблялись в семинарии только в рукописях. При этом последующими учителями карельского языка они постоянно исправлялись и дополнялись, а печатных изданий так и не появилось.

Судя по отчетам учителей карельского языка, семинаристы, обучавшиеся карельскому языку, не занимались переводами сочинений с местного языка на русский язык. Практические упражнения учащихся состояли только в переводах со славянского и русского языка на карельский посланий Святых Апостолов – Иакова, Петра, Иоанна и Иуды, а также Символа Веры, молитвы Господней, 10 заповедей, молитв утренних и вечерних и других, помещенных в кратком молитвослове. Как писал ректор Олонецкой семинарии Феофан (Говоров) в 1855 г. в одном из писем

к Олонецкому преосвященному Аркадию (Федорову), «по карельскому языку есть несколько учеников, знающих карельский язык. Под руководством учителя они будут переводить начатки христианского учения митрополита Филарета. Думаю, что это может пригодиться. По экземпляру переводов будет находиться в нашей библиотеке» [Переписка 1894: 73].

В 1860-х гг. вновь вернулись к вопросу о создании учебных пособий для преподавания карельского языка. В 1862 г. по просьбе новгородского протоиерея В. М. Гиляровского Комитет грамотности занялся составлением карельской азбуки русскими буквами. Председатель Комитета Е. И. Тиханов, «зная с детства карельский язык и будучи знаком с нравственным бытом карел, посвятил свой досуг карельской грамоте». Им была составлена азбука на русском языке, переводы заповедей, молитвы Господней, священной истории и других сочинений. При его содействии в Императорской публичной библиотеке была составлена этнографическая карта карельского населения [Успехи 1864].

В декабре 1863 г. Комитет грамотности сообщил преосвященному Аркадию (Федорову), что со временем появятся и другие учебники для карелов, но предварительно необходимо знать, «какие существуют различия между наречиями карелов Тверских, Новгородских и Олонецких» [НА РК 1: 2об.]. Комитет грамотности, в частности, просил преподавателя карельского языка в Олонецкой семинарии (в то время Г. Р. Модестова) составить русскими буквами на местном карельском наречии Символы Веры, Заповеди и некоторые молитвы. Но ответа из Олонецкой епархии на эту просьбу не последовало. «Карело-русский молитвенник для православных карелов» Е. И. Тиханова был издан в 1870 г. для бесплатной раздачи по деревням, где есть православные карелы [Тиханов 1870]. Это учебное пособие, по рецензии Г. Р. Модестова, также было «составлено неудачно, так как при переводе принят был не чисто карельский язык, а смесь с финским, почему здешним карелам он не вполне понятен» [Миропольский 1875: 62].

Еще одной немаловажной проблемой преподавания карельского языка являлся недостаток специальных терминов на карельском языке. Об этом постоянно указывал в своих отчетах преподаватель В. В. Ильинский. Он, в частности, в своем отчете за 1852/53 учебный год писал, что при переводе и составлении сочинений и проповедей, где необходимо было использовать религиозную лексику, учащиеся часто использовали русские слова. «От этого язык делался карело-русским и выговор карельский был не вполне удовлетворителен, но не препятствующий переводу и составлению сочинений» [РГИА 6: 20].

Все это влияло на снижение численности изучающих карельский язык. Судя по данным семинарских отчетов с 1853 по 1872 г., численность обучающихся карельскому языку была незначительна и имела тенденцию к снижению (см. табл.).

Динамика изучения карельского языка в Олонецкой духовной семинарии с 1853 по 1872 г.¹

Учебный год	Общее число воспитанников семинарии	Количество семинаристов, изучающих карельский язык / %	Количество семинаристов, изучающих карельский язык по отделениям		
			Низшее отделение	Среднее отделение	Высшее отделение
1829/30	75	16 / 21%	4	4	8
1855/56	89	19 / 21%	7	10	2
1860/61	130	23 / 17%	10	9	4
1867/68	125	20 / 16%	11	5	4
1868/69	125	15 / 12%	9	2	4
1869/70	122	14 / 11%	11	2	1
1871/72	143	12 / 11%	9	2	1

Данные таблицы показывают, что в 1829/30 учебном году в Олонецкой духовной семинарии из 75 воспитанников 16 (21%) изучали карельский язык. Такое процентное соотношение сохранялось до 1856 г. Далее наблюдается постепенное снижение доли обучающихся: в 1867/68 учебном году – 17%, в 1871/72 – 11%. Важно отметить и сокращение количества изучающих карельский язык в старшем отделении. Если в низшем отделении численность желающих семинаристов была значительной, то в высших отделениях шло резкое ее снижение. Это особенно проявлялось в 1860–1870-е гг. Так, в 1869/70 учебном году изучали карельский язык 11 семинаристов низшего отделения и только 1 – из высшего отделения.

Для повышения численности учащихся, изучающих карельский язык, постепенно стали привлекать воспитанников, им не владеющих. С такими учениками «занятия состояли в практическом изучении, за неимением грамматики языка, склонения, спряжения и сочетания слов в предложении и чтобы обогатить их знание слов карельского языка, не имеющего лексикона, даваемы были лектором составленные краткие фразы со всевозможным разнообразием слов и их сочетаний» [РГИА 10: 17].

Проблема улучшения качества преподавания карельского языка, повышение численности обучающихся в Олонецкой духовной семинарии

¹ Таблица составлена по: [НА РК 2: 19–19об.; РГИА 8: 5; РГИА 9: 7, 78а; РГИА 10: 110об.; РГИА 11: 74; Миропольский 1875: 62].

стали предметами обсуждения членов Святейшего Синода в декабре 1858 г. На одном из заседаний Синода выступил с докладом преосвященный Олонецкой епархии Аркадий (Федоров). Он представил картину продолжающегося распространения раскола на подведомственной ему территории: «Выгорецкие скиты, населенные раскольниками, имеют на народ большое влияние и находятся у них в большом уважении. Раскольники открывают незаконные школы. Есть приходы, где многие прихожане вовсе не знают русского языка» [РГИА 7: 2–2об.].

Для организации борьбы со старообрядчеством в Олонецкой епархии Синод принял решение: 1) в приходы, населенные карельским и чудским населением, определять священно- и церковнослужителей, «преимущественно знающих эти языки»; 2) увеличить численность обучающихся карельскому языку и вменить в обязанность начальству Олонецкой семинарии, чтобы «изучение карельского языка в семинарии было усилено» [Там же: 2–2об.]. Правление Санкт-Петербургской духовной академии, в свою очередь, разработало инструкцию по преподаванию карельского языка для Олонецкой духовной семинарии. В ней, в частности, говорилось:

«а) При преподавании грамматики оного [карельского языка. – *Е. К.*] ... обращать внимание не только на этимологические видоизменения сего языка, но и где возможно и нужно на этимологическую разность и сходство, существующее между языком карельским и чудским. При переводах же с русского или славянского языка на карельский язык обращать внимание, где такое возможно и нужно, и на особенность выражений, свойственных тому или другому языку... требуя от учеников строгого отчета в знании правил грамматических.

б) Выбирать статьи для переводов как устных, так и письменных, предлагать такие, в которых излагаются предметы христианской веры и нравственности, по изложению своему особенно ясны и удобопонятны. Символы веры, десятисловие, молитвы господни, краткие поучения, краткая Священная история, Ветхий и Новый заветы, краткая история русской церкви, в особенности появившийся в ней раскол, его истинное состояние, обзор и опровержение главных раскольничьих заблуждений...» [Там же: боб.–7].

Правление Духовной академии в качестве методической рекомендации предложило учителям карельского языка требовать от воспитанников, хорошо владеющих языком, ежемесячно представлять один-два письменных перевода небольших статей на карельский язык, а «малосведующим или начинающим представлять... письменные опыты этимологических упражнений по назначению лектора». При этом все переводы

и грамматические упражнения должны быть тщательно рассмотрены и оценены лектором, а «по окончанию месяца представлены ректору семинарии с приложением именной ведомости к прилежанию и успехам каждого ученика в знании карельского языка» [Там же: 7].

Однако, несмотря на принятые меры, проблемы преподавания карельского языка сохранялись, а количество желающих его изучать по-прежнему сокращалось.

Класс карельского языка при Олонецкой духовной семинарии был закрыт в 1872 г. Епархиальный съезд, в обязанности которого по Уставу Духовных семинарий 1867 г. (§ 129) входило изыскание средств для вознаграждения наставника за труды по преподаванию местного языка, отнесся к делу равнодушно и не нашел для этого финансовых средств. Как отметил С. И. Миропольский в отчете по ревизии за 1872 г., «по мнению духовенства, в особом преподавании карельского языка не видится нужды, так как изучают его только те, кто знал его прежде, а практическое знание этого языка для целей проповедничества весьма достаточно» [Миропольский 1875: 64].

Мнение члена Учебного комитета при Святейшем Синоде С. И. Миропольского по вопросу преподавания карельского языка в Олонецкой духовной семинарии достаточно противоречиво. С одной стороны, он утверждал, что карельский язык «важен для миссионерства, важен для просветительных целей в Олонецком крае и потому преподавание его следовало бы поддержать». С другой стороны, продолжая полемику Игнатия (Семенова) и следуя общепринятой в то время точке зрения по отношению к карельскому языку, он, в частности, отметил, что «карельский язык не имеет ни письменности, ни исторического прошедшего, никаких задатков для будущего, это вымирающий язык, который естественно должен уступить место русскому... осужденный силой истории на уничтожение, без письменности и задатков на развитие, он должен исчезнуть и было бы неразумно и бесцельно поддерживать его искусственно, это и теперь уже язык прошлого... Сами карелы вовсе не стоят за свой язык... они весьма рады, что в школах им дают русскую грамоту, которая, при постоянно усиливающемся наплыве русских лесопромышленников в Олонецкий край, делается все более и более необходимою для туземцев» [Миропольский 1875: 62–63].

Важно отметить, что в конце XIX – начале XX в. тенденция прекращения преподавания местных языков в российских духовных семинариях была характерным явлением. По данным А. В. Сушко, с 1861 по 1884 г. число семинаристов, изучающих местные языки, а также количество

семинарий и изучаемых местных языков постепенно уменьшалось [Сушко 2010] (см. табл.). Так, в Архангельской семинарии по инициативе епископа Архангельского и Холмогорского Нафанаила в 1869 г. было введено обучение зырянскому и карельскому языкам. Однако из-за отсутствия учащихся прекратилось преподавание карельского (с 1880 г.) и зырянского (с 1883 г.) языков [Санакина 2008: 289–290].

*Динамика изучения местных языков в духовных семинариях России
с 1861 по 1884 г.*

Год	Общее количество семинаристов, изучающих местные языки	Число преподаваемых местных языков	Число семинарий, где преподавались местные языки
1861	1087 (100%)	14	20
1871	645 (59,3%)	11	16
1876	252 (23,2%)	10	10
1884	135 (12,4%)	5	4

При выявлении причин такого положения дел не следует забывать, что в Уставах духовных семинарий 1814 и 1867 гг. преподавание местных языков относилось к разряду необязательных предметов, вводимых по местным потребностям. Уставы оговаривали обучение семинаристов классическим языкам: латинскому и греческому, а также новым: французскому, немецкому и еврейскому языкам. При этом необязательные предметы в общее учебное расписание не входили, а проводились в послеобеденное время по четвергам и субботам. В таких условиях обучение местным языкам становилось дополнительной нагрузкой для учащихся, и хотя они освобождались от изучения классических языков, желающих изучать местный язык не прибавлялось, а, наоборот, уменьшалось.

В 1880-е гг. в учебных программах российских духовно-учебных заведений увеличили число уроков по русскому языку [РГИА 13: 3–5]. Это также повлияло на снижение заинтересованности изучения местных языков.

Немаловажную роль играло и низкое жалование преподавателей местных языков, а также способы его оплаты. Так, с 1829 по 1857 г. жалование преподавателя карельского языка в Олонецкой духовной семинарии составляло всего 100 руб. в год. В 1858 г. по ходатайству внешнего управления Санкт-Петербургской духовной академии в Учебный комитет при Святейшем Синоде для поощрения трудов оно было повышено (и уравнено с жалованием преподавателей классических и новых языков «равно и в видах справедливого воздаяния») до 143 руб. в год. В дореформенное

время оплата труда учителя карельского языка производилось за счет самой семинарии. С 1867 г. жалование выплачивалось из епархиальных средств. В условиях жесткой экономии школьного бюджета деньги на преподавание местных языков общепархиальный съезд духовенства чаще всего не выделял, считая это прерогативой Святейшего Синода. Но и последний отклонял ходатайства семинарий о выделении или повышении труда учителей местных языков. Например, в 1871 г. Учебный комитет при Синоде не удовлетворил ходатайство Вологодской духовной семинарии о повышении оклада учителю зырянского языка до 150 руб. в год [РГИА 12: 202].

Интересно, что даже при отсутствии качественных печатных учебных пособий, при мизерном жаловании преподавателей ревизоры всегда отмечали успехи олонечских семинаристов в изучении карельского языка. Особенно успешен был В. В. Ильинский, который преподавал карельский язык в Олонецкой семинарии с 1830 по 1856 г. (26 лет!), и в течение этого времени контингент учащихся сохранялся. Он характеризовался как «отменно усердный» учитель, а его ученики демонстрировали хорошие знания карельского языка. Так, в отчете о ревизии 1833 г. отмечалось, что у многих воспитанников «в карельском, как в туземном – отлично», в отчете о ревизии 1839 г. – «карельский язык в весьма удовлетворительном состоянии как природный здешний и как вводимый в общие грамматические формы» [РГИА 3: 8об.; РГИА 5: 5–6]. После его смерти в течение 1856/57 учебного года обучение карельского языка в Олонецкой семинарии не проводилось.

В 1857 г. дело В. В. Ильинского продолжил Г. Р. Модестов. О нем писал в своем отчете о ревизии 1872 г. С. И. Миропольский: «занимается усердно... и сам всегда в отношении уроков исправен, а местные знатоки карельского языка из городского духовенства дали мне благоприятный отзыв о знаниях преподавателя... Учитель весьма свободно изъясняется на карельском языке, и ученики живо и не стесняясь, бегло говорят на нем и свободно переводят мелкие статьи с русского на карельский» [Миропольский 1875: 62].

Таким образом, обучение карельскому языку в Олонецкой духовной семинарии проводилось с 1829 по 1872 г. и, согласимся с мнением М. В. Пулькина, являлось «спецификой этого учебного заведения и одним из наиболее значимых этапов в повышении роли местного „наречия“ в культурной жизни края» [Пулькин 2003: 93]. Но проблемы, связанные с организацией обучения, отсутствием печатных учебных пособий, не позволили продолжить его преподавание в дальнейшем.

В начале XX в. вернулись к вопросу о возобновлении преподавания карельского языка в Олонецкой духовной семинарии. Эту идею

в 1907 г. инициировал олонецкий губернатор Протасьев в целях противостояния «панфиннизму». План губернатора весной 1908 г. был одобрен П. А. Столыпиным и направлен министру народного просвещения и обер-прокурору Синода [Пулькин 2003: 98; Витухновская 2006: 217]. Однако этот вопрос так и остался открытым. Изучение карельского языка в Олонецкой духовной семинарии введено не было.

Источники

- НА РК 1 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 15. Д. 15/66.
НА РК 2 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 20. Д. 78/906.
РГИА 1 – Российский государственный исторический архив. Ф. 802. Оп. 1. Д. 1049.
РГИА 2 – Российский государственный исторический архив. Ф. 802. Оп. 1. Д. 5214.
РГИА 3 – Российский государственный исторический архив. Ф. 802. Оп. 1. Д. 7322.
РГИА 4 – Российский государственный исторический архив. Ф. 802. Оп. 1. Д. 9814.
РГИА 5 – Российский государственный исторический архив. Ф. 802. Оп. 2. Д. 230.
РГИА 6 – Российский государственный исторический архив. Ф. 802. Оп. 6. Д. 16342.
РГИА 7 – Российский государственный исторический архив. Ф. 802. Оп. 6. Д. 16922.
РГИА 8 – Российский государственный исторический архив. Ф. 802. Оп. 7. Д. 19612.
РГИА 9 – Российский государственный исторический архив. Ф. 802. Оп. 8. Д. 25248.
РГИА 10 – Российский государственный исторический архив. Ф. 802. Оп. 9. Д. 43.
РГИА 11 – Российский государственный исторический архив. Ф. 802. Оп. 9. Д. 51.
РГИА 12 – Российский государственный исторический архив. Ф. 802. Оп. 9. Д. 27.
РГИА 13 – Российский государственный исторический архив. Ф. 802. Оп. 9. Д. 54.

Литература

Вениамин. Об обращении в христианство мезенских самоедов в 1825–1830 годах: Записки Вениамина. СПб., 1851.

Витухновская М. А. Российская Карелия и карелы в имперской политике России, 1905–1917. СПб.: Норма, 2006.

- Воллин.* Финско-русский словарь. СПб., 1848.
- Воллин.* Русско-финский словарь. СПб., 1851.
- Гупель А. В.* Эстская грамматика. Рига, 1847.
- Гупель А. В.* Эстско-немецкий и Немецко-эстский словарь. Рига, 1848.
- Ефимова В. В.* Этноконфессиональные проблемы в деятельности генерал-губернаторов Европейского Севера России. Петрозаводск: ПетрГУ, 2017.
- Миропольский С. И.* Преобразование духовно-учебных заведений Олонецкой епархии в 1872 г. СПб., 1875.
- Мусаев В. И.* Языковой вопрос в Финляндской православной епархии в конце XIX – начале XX века // Скандинавские чтения – 2014. С. 148–162. Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН http://www.kunstkamera.ru/lib/gubrikator/03/03_05/978-5-88431-307-1/
- Окулов Г.* Финская грамматика. СПб., 1851.
- Пашков А. М.* Олонецкая духовная семинария и ее вклад в формирование интеллигенции Карелии // Новое в изучении истории Карелии. Петрозаводск, 1994. С. 38–55.
- Переписка* между преосвященными Феофаном, бывшим Владимирским, и Аркадием, бывшим Олонецким // Христианское чтение. 1894. № 7–8. С. 69–107.
- Пулькин М. В.* Межэтническое взаимодействие в православных приходах Олонецкой епархии: пути и формы преодоления языкового барьера (XVIII – начало XX в.) // Нестор. 2000. № 1. С. 279–280.
- Пулькин М. В.* Карельский язык в Олонецкой духовной семинарии // Православие в Карелии: Материалы 2-й междунар. науч. конф., посвящ. 775-летию крещения карелов. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2003. С. 91–98.
- Пытин А. Н.* Религиозные движения при Александре I. СПб., 1916.
- Розенберг, Гессельберг.* Латышская грамматика. Рига, 1848.
- Савваитов П. И.* Грамматика зырянского языка. СПб., 1844.
- Савваитов П. И.* Зырянско-русский и русско-зырянский словарь. СПб., 1849.
- Санакина Т. А.* Из истории подготовки священнослужителей для Кемского и Онежского уездов Архангельской губернии в XIX в. // Православие в Карелии: Материалы 3-й региональной науч. конф., посвящ. 780-летию крещения карелов. Петрозаводск, 2008. С. 289–290.
- Сушко А. В.* Духовные семинарии в пореформенной России. СПб.: СПб ГМА, 2010.
- Тиханов Е. И.* Карело-русский молитвенник для православных карелов. СПб., 1870.
- Успехи* народного обучения в Олонецкой губернии // Олонецкие губернские ведомости. 1864. № 17.
- Чернякова И. А.* Проблема карельского языка в политике церкви в Олонецкой губернии в XIX в. // Православие в Карелии: Материалы 2-й междунар. науч. конф., посвящ. 775-летию крещения карелов. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2003. С. 61–74.
- Сведения об авторе.** Доктор исторических наук, профессор Института физической культуры, спорта и туризма, ПетрГУ.

Елена Юрьевна Дубровская

*Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН,
г. Петрозаводск*

КАРЕЛЬСКОЕ ПРИГРАНИЧЬЕ В ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛАХ НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ СЕВЕРНЫХ КАРЕЛОВ 1920 г.¹

Исследование опирается на православные издания начала XX в., выходящие по обе стороны российско-финляндской границы. Показано, как с помощью русской официальной печати начала XX в. складывались определенные представления читательской аудитории Финляндии и Карелии об экономическом и социально-культурном состоянии российско-финляндского приграничья, о населении приграничных территорий, его быте, верованиях, о ходе просветительской работы в крае. Хронологически статья охватывает период Первой мировой и Гражданской войн. Второй из этих периодов характеризуется на основе публицистических текстов Временного правительства Архангельской Карелии (Тоймикунта).

Ключевые слова: Карелия, Первая мировая война, приграничье, публицистика, «Карельские известия», Тоймикунта, 1920 г.

В исторической литературе достаточно подробно проанализирован арсенал средств имперской национальной политики, который сложился к концу XIX – началу XX в. и предполагал, наряду с экономической и церковно-миссионерской просветительной деятельностью, идеологически-пропагандистские приемы, включавшие публикации в прессе и создание конструкций, направленных на доказательство «прорусскости» карелов [Шейкин 2005; Витухновская 2006; Мусаев 2007б; Кораблев 2012; Илюха 2018].

Этнические предрассудки, попадавшие на страницы как российских, так и финляндских периодических изданий, влияли на формирование у читателей устойчивых этнических стереотипов, которые не способствовали снижению напряженности в отношениях между жителями сопредельных территорий, в том числе и на бытовом уровне. Многие из образов, сформировавшихся в общественном мнении (образ врага, образ другого государства и т. д.), тесно переплетены с конкретными обстоя-

¹ Исследование велось по госзаданию КарНЦ РАН (АААА-А18-118030190093-9).

тельствами места и времени, а составные элементы образа являются порождением определенного исторического момента [Забелина 2008].

Издававшиеся в Петрозаводске официальные «Олонецкие губернские ведомости» в вопросе об автономии Финляндии занимали позицию, мало отличавшуюся от той, что демонстрировали центральные издания. В пропагандистской кампании предвоенного периода они следовали за российскими консерваторами, которые вели наступление на автономные права Финляндии. По наблюдениям петрозаводского историка А. Ю. Осипова, серия статей в газете, посвященная истории автономного княжества в XIX столетии, показывала Финляндию как территорию, покоренную силой русского оружия и подчиненную русским законам, автономия же Великого княжества представляла всецело зависевшей от благосклонности российских самодержцев [Осипов 2008: 150; Нилов 2017: 109].

В годы Первой российской революции 1905–1907 гг. в кругах правых политиков и публицистов впервые появилось понятие «панфинская пропаганда», которым они стали обозначать разнообразную деятельность финских активистов в Российской Карелии, направленную на усиление в крае политического и культурного влияния Финляндии [Витухновская 1999, 2003; Нилов 2017: 105–106]. Исследователь из Университета Йюенсуу (Финляндия) Ю. Шикалов на материале Беломорской Карелии проанализировал структуру, механизм возникновения и воспроизводства как российского стереотипа «полудикого карела», так и финского стереотипа начала XX столетия, представлявшего карелов в «романтизированном» свете [Шикалов 2005].

Одним из проявлений идеалистического отношения финляндцев к населению карельского приграничья стала вышедшая в Финляндии в 1911 г. книга финского журналиста и фотографа Инто Конрада Инхи, которая недавно увидела свет в русском переводе [Инха 2019]. Книга «В краю калевальских песен» основана на наблюдениях традиционного быта и народной культуры беломорских карелов, сделанных во время путешествия автора по рунопевческим деревням приграничья в конце XIX столетия [Vuonenmaa, Kajander 1981]. Если публикации такого рода, появлявшиеся в автономном Великом княжестве Финляндском накануне Первой мировой войны, ставили целью отыскать истоки «Золотого века» финской истории, национальной культуры и идентичности в Российской Карелии – хранилище древних традиций [Нилов 2017: 106], то публицистическая деятельность служившего здесь православного духовенства во многом способствовала формированию у читателей стереотипизированного восприятия «коварной и неблагодарной Финляндии» [Дубровская 2002].

В том же 1911 г. в Петрозаводске, губернском центре Олонецкого края, начала издаваться еженедельная неофициальная газета консервативного направления «Олонецкая неделя». Газета выходила при Олонецком совете Православного карельского братства, ее редактором-издателем являлся ректор Олонецкой духовной семинарии протоиерей Н. К. Чуков, помощниками в подборе материалов были преподаватели семинарии П. М. Смирнов и Ф. П. Крючков. 1100 экземпляров из полуторатысячного тиража этого «органа православно-русского направления» бесплатно распространялись по волостным правлениям, библиотекам-читальням, церковно-приходским и земским школам, врачебным и фельдшерским пунктам Олонецкой губернии. Около двух с половиной сотен крестьян смогли стать его подписчиками благодаря низкой подписной цене (50 коп. в год) и льготному почтовому тарифу. Как предположил петрозаводский исследователь В. М. Нилов, в 1913 г. центральное правительство посчитало, что в Олонецком крае «панфинский вопрос» уже утратил актуальность, и, несмотря на настойчивые ходатайства губернских властей, прекратило выплату субсидии на издание газеты. Однако благодаря финансовой поддержке, оказанной губернским попечительством о народной трезвости и земством, «Олонецкая неделя» продолжала выходить до начала марта 1918 г. [Архиепископ Григорий 2012: 166; Нилов 2017: 89].

Вместо «Олонецкой недели» субсидия стала выплачиваться журналу «Карельские известия». С началом Первой мировой войны в августе 1914 г. Главное (Финляндское) отделение Православного карельского братства взяло на себя выпуск журнала, который первоначально, с 1913 г., издавался православным кружком в с. Салми Выборгской губернии под редакцией настоятеля Крестовоздвиженской церкви на острове Мантсинсаари отца Петра Шмарина [Извлечение 1915; Басова 2016].

В это время до предела обострились противоречия между финляндским национальным движением и российской политической элитой. К старому конфликту между имперским центром и автономным Великим княжеством по вопросу о прерогативах верховной власти добавился и новый. Он вытекал из необходимости тотальной мобилизации, а значит, увеличения степени государственного вмешательства в местные дела, расширения роли армии и военной администрации в государственном управлении. Объявление войны закономерно повысило интерес к печати как со стороны читательской аудитории, так и со стороны имперской власти и губернского руководства на местах.

В середине декабря 1914 г. архиепископ Финляндский и Выборгский Сергей (Страгородский) сообщил финляндскому генерал-губернато-

ру Ф. А. Зейну об утвержденном им постановлении Главного совета Православного карельского братства. В соответствии с этим постановлением «Карельские известия», издававшиеся в Салми машинописным способом, с 1 января 1915 г. должны были выходить под тем же названием при Главном совете братства в Выборге и стать еженедельным епархиальным органом на русском языке.

Как писал Ф. А. Зейну архиепископ Финляндский и Выборгский, в «Карельских известиях» «в исключительных и потребных случаях» будут помещаться статьи на карельском языке, печатаемые русским шрифтом. Журнал станет уделять «особое внимание церковной общественной жизни Финляндской епархии», публикуя наиболее важные распоряжения епархиального начальства и помещая «сведения из жизни карельских приходов Олонецкой и Архангельской епархий». По мысли Его Высокопреосвященства, подписка на это издание должна была стать обязательной для церквей Финляндской епархии, а к генерал-губернатору архиепископ обратился с просьбой рекомендовать журнал «для выписки во все школы министерства народного просвещения в пределах Финляндии». Месяц спустя, 26 января 1915 г., Ф. А. Зейн уведомил архиепископа Сергия о том, что, «глубоко сочувствуя цели издаваемых при Главном совете Карельского православного братства „Карельских известий“ и желая блестящего успеха и широкого распространения этому изданию», он дал распоряжение всем русским начальным школам Карелии выписать журнал [КА].

«Карельские известия», выходившие до Февральской революции 1917 г. от двух до четырех раз в месяц, стремились показать своему читателю имперскую историю как общее прошлое жителей многонационального государства, формируя представления читательской аудитории об этносах-соседях, прежде всего, карелах и финнах, о Финляндии и Карелии. Цель своей издательской деятельности редакция видела в том, чтобы быть на страже «православно-русского дела в Карелии, по возможности освещая все вопросы православной, политической, общественной, просветительской и народной русско-карельской жизни». Помимо священника П. Шмарина редактированием журнала занимался один из учредителей и сотрудников Православного карельского братства, переводчик на финский язык богослужебных книг протоиерей И. П. Варфоломеев, уроженец с. Колежма Кемского уезда Архангельской губернии [КИ 1].

Петербургский исследователь К. Е. Нетужилов обратил внимание на большие перерывы, случавшиеся в издании «Карельских известий», и на низкий полиграфический уровень журнала, особенно в начальный период его выборгской истории, когда в 1914 г. все номера были

изданы роторным способом. На этом основании он сделал справедливое заключение о том, что все же финансирование было весьма ограниченным и большим числом подписчиков «Карельские известия» похвастать не могли [Нетужилов 2004: 236].

Примечательны свидетельства об источниках финансирования журнала. В протоколе состоявшегося в июле 1917 г. допроса Н. В. Плеве, который в 1914–1916 гг. занимал пост товарища министра внутренних дел, а до этого управлял делами Совета министров Российской империи, содержатся вопросы, связанные с субсидированием царским правительством газетной и журнальной периодики, с так называемым «рептильным фондом». Следствие интересовало факты поддержки из государственных средств различных частных изданий. К примеру, «не шли ли народные деньги на тенденциозные правые органы печати» [Падение 1925: 61]. Выяснилось, что в начале 1913 г. Плеве как управляющий делами Совета Министров перевел в Выборг, в Совет Православного карельского братства, сумму в две тысячи рублей на издание «Карельских известий». Поясняя мотивы распоряжения, полученного им от председателя Совета Министров В. Н. Коковцова, Плеве заявил: «Это считалось полезным изданием... в том смысле, что оно проводило русскую политику в Карелии и в Финляндии. Главным образом, в Карелии» [Падение 1925: 58].

К началу Первой мировой войны описание миссионерских поездок православного духовенства Выборгской епархии по сопредельным территориям по обе стороны российской границы с Финляндским княжеством сформировалось в качестве самостоятельного жанра. Как и в «Православном финляндском сборнике» (выходил в 1910–1911 гг., редакция журнала размещалась при канцелярии архиепископа в Выборге) и «Олонецких епархиальных ведомостях» [Нетужилов 2004: 234; Олонецкие 2018], этот жанр оказался востребован в журнале «Карельские известия». Он был рассчитан на «своего» читателя и специфически отражал реалии конкретных путешествий с информационными, просветительскими и морализаторскими целями.

«Карельские известия» опубликовали подробные описания более десяти миссионерских поездок по приходам с карельским населением Архангельской, Олонецкой и Выборгской губерний. Их совершили возглавлявшие карельскую миссию любимец и правая рука архиепископа Сергия (Страгородского) епископ Киприан (Алексей Шнитников), а после его кончины в июне 1914 г. – преемник Киприана на посту Епископа Сердобольского, викария Финляндского и главы миссии Владыка Серафим (Александр Лукьянов) [Киркинен, Невалайнен, Сихво 1998: 198–199].

Помощником карельского синодального миссионера являлся иеромонах Валаамского монастыря Исаакий (И. Р. Трофимов) (1872–1952), хорошо известный в Приладожской и Олонецкой Карелии как катихизатор при Православном карельском братстве. В 1910 г. он исполнял должность псаломщика в Полвиярвской церкви Тайпальского прихода, а в следующем году был назначен помощником синодального миссионера, сразу же, как только открылась такая вакансия при совете братства [ПФС 1910. № 1. С. 81; 1911. № 1. С. 105; Arkimandritta 1989: 262–267].

В 1914–1916 гг. в «Карельских известиях» публиковались «Дневник карельского миссионера» и путевые наблюдения Исаакия, сделанные во время поездок с проповеднической целью по обе стороны границы автономного Великого княжества Финляндского. Иногда такие путешествия православного духовенства сопровождались чтениями с «туманными картинками» и распространением «назидательной литературы» на русском, финском и карельском языках. Исаакий, выходец из крестьянской семьи Петербургской губернии, ингерманландец, свободно владевший финским и карельским языками, неизменно участвовал в таких поездках, стремясь «подробно ознакомиться с жизненным бытом карел»². Его путевые заметки отмечают детали повседневной жизни населения приграничья, описывают бытовое поведение, суеверие и специфику карельского православия, особенности путей сообщения и культуру путешествия [Илюха 2018: 22].

Согласно отчету о деятельности Православного карельского братства в пределах Финляндской Карелии за период с декабря 1913 по декабрь 1914 г., в состав карельской миссии входили также катехизаторы иеродьякон Варсонофий, Н. Г. Хармайнен и В. Каргапя (И. В. Кархапя), последние совмещали эту деятельность с исполнением обязанностей походных законоучителей.

Во время предпринятой накануне войны первой миссионерской поездки епископа Киприана в декабре 1913 г. по маршруту Выборг – Йозенсуу – Нурмес – Кухмо – Аконлахти (Бабья губа) – Костомукша – Поньгуба – Войница – Ювялакша – Ухта – Малвиайнен – Тихозеро и обратно по Архангельской (Беломорской) Карелии путевые заметки вел не только Исаакий, но и его спутник из числа сопровождавших Владыку, предположительно иеродьякон Варсонофий. Впоследствии оба источника были опубликованы на страницах «Карельских известий». Это дает возможность

² Опыт ведения путевых записей и подготовки их к публикации Исаакий приобрел, сотрудничая, в частности, с «Олонецкими епархиальными ведомостями» в 1908–1909 гг. [Исаакий 1908].

сопоставить содержащиеся в них сведения и проследить, как с помощью русской официальной печати начала XX в. складывались определенные представления читательской аудитории Финляндии и Карелии об экономическом и социально-культурном состоянии российско-финляндского приграничья, о населении приграничных территорий.

Так, приступив к рассказу о первом дне поездки по Беломорской Карелии, проведенном епископом Киприаном и его спутниками в пограничной деревне Аконлахти, Исаакий вспоминает, как миссионеры обсуждали маршрут путешествия с встретившими их кемским уездным наблюдателем В. Мелетиевым, благочинным А. Меньшиковым и священником-миссионером Кемско-Александровского округа П. А. Преображенским. У отца Василия Мелетиева нашлась карта местности, по поводу которой Исаакий сделал в дневнике следующий комментарий: «Необходимо заметить, что карты практической, необходимой для пользования, где бы имелись все местности и выселки, не имеется. На имеющихся картах половина заселенных местностей (выселков) не обозначена» [Иеромонах 1914: 8].

По полученным им сведениям, в это время подробную карту разрабатывал местный пристав. «Дай то Бог, хотя и такую», – заключает путешественник, продолжив дневниковые записи о поездке по Кемскому уезду Архангельской губернии: «Но разве у нас в России нет своих топографов? Разве у нас нет научных молодых сил, способных хотя бы из-за одной памяти к великому российскому ученому М. В. Ломоносову изучить его родину, принеся тем самым пользу ближним и целому отечеству? Мало, очень мало мы уделяем внимания своему необъятному северу и его обитателям, в особенности, православным и симпатичным карелам» [Иеромонах 1914: 8].

О сложностях, которые возникали при использовании имевшихся финских карт региона, упоминает и И. К. Инха, вместе со студентом К. Ф. Карьялайненом путешествовавший в этих краях в 1894 г.: «Не так уж много надо пройти по Беломорской Карелии, чтобы очутиться у водоемов, которые не нанесены на наши карты или конфигурация которых отображена на них совершенно неправильно... Поэтому тот, кто путешествует по Беломорской Карелии, испытывает желание исправить хотя бы самые серьезные погрешности, восполнить самые явные пробелы. Однако мы в своей поездке не занимались этой работой», поскольку «опасались скандалов со стороны жителей» [Инха 2019: 418]. В отличие от православных миссионеров финские путешественники проблему с картографированием приграничной территории усматривали

не в небрежении со стороны «научных молодых сил», а в предвзятом отношении ее населения к попыткам «господ из Хельсинки» фотографировать местность, якобы с тем чтобы составить карту, «по которой враг мог бы вторгнуться в страну» [Инха 2019: 283].

Поражаясь «смехотворности подобного предрассудка», Инха объясняет его недоброй памятью поколений жителей приграничья о драматической истории взаимоотношений этносов-соседей: «Все же унаследованный со времен прежней вражды страх так глубоко сидит в людях, что они с ужасом взирают на всякие „обследования“, с помощью которых можно было бы усовершенствовать неточное картографирование их края. Поскольку им не надо бояться, что картографирование лишит их земли – ведь все лесные угодья принадлежат государству, то воистину напрашивается вывод, что они боятся возобновления прежних пограничных войн. А точная карта, по их мнению, давала бы врагу преимущества в развязывании войны». После того как кто-то из местных жителей с. Ухта Кемского уезда Архангельской губернии пожаловался русскому уряднику на «подозрительных» собирателей фольклора, тот потребовал сопроводительные письма и, ознакомившись с ними, «ушел успокоенный», чем умиротворил и ухтинцев. Однако в дальнейшем, пишет Инха, «мы, со своей стороны, избегали таких „обследований“, которые могли дать повод для беспокойства» [Инха 2019: 284].

Путевые заметки православных миссионеров, появлявшиеся в годы Первой мировой войны в «Карельских известиях», способствовали утверждению имперского дискурса и формированию заметно отличавшихся друг от друга образов Карелии и Финляндии.

На страницах журнала «места седой старины» были противопоставлены как самому наблюдателю, который видел эту старину как будто из другого времени, так и пространству «святой матушки-Руси». В соответствии с представлениями об «отсталости» целых регионов мира Карелия рисовалась ее «приемной дочерью», убогой «падчерицей» [Тинский 1915: 4]. Авторы журнальных публикаций не гнушались использованием оскорбительного для финнов экзоэтнонима «чухна» и вызывали травматические для карелов воспоминания о столетиях взаимных обид и подозрительном отношении к соседям из-за «шведского рубежа». Еще со страниц первых машинописных номеров журнала, который тогда именовал себя «нашей скромной газетой», провозглашалось, что «Карельские известия» призваны отстаивать «исторические и самые заветные начала в православной Карелии» и таким образом противодействовать разрушительной работе «господ финноманов» [Вперед 1914: 3].

Читателям разясняли, что «карелы считали себя по вере и духу русскими уже тысячу лет» и что «на протяжении многих веков они неослабно боролись с финно-шведами за святое Православие и свой уклад жизни, а теперь финны, пропитанные лютеровской закваской, совершенно легко могут молодое карельское поколение перелицевать на свой образец» [Апетиты 1914: 7]. В заметке «Прошедшее и нынешнее», появившейся в январском номере машинописного журнала за 1913 г. на русском языке и на ливвиковском диалекте карельского языка, нарисован поэтический образ Карелии, которую автор предостерегал от беззаботности и призывал «быть на страже». Обращаясь к Карелии, он напоминал о тех «горестных днях», след которых «не сходит с чела» ее и в нынешнее безмятежное время: «Ты будто забыла прежние заботы, ты отдыхаешь сейчас... Твои вечные устои уже однажды зашатались, ты испытала страх, но поднялась на борьбу и не уступила... Однако у тебя тяжело на душе, ведь знаешь, что явившиеся с северной стороны пришельцы уведут твоих детей», и «ты не можешь простить своих обидчиков до самой смерти» [Menytty 1913: 2].

Пафос статьи потребовал столкнуть между собой образы прошедшего и настоящего времени, апеллируя к историческим представлениям жителей карельского порубежья. Читателю предстояло прийти к мысли о том, что счастливая доля в будущем ожидает Карелию лишь в семье единоверцев, где звучит полифония образов имперского прошлого: необъятного Государства, Династии, многонационального Общества и Церкви. «Но не скорби, верный православный сосед, хоть есть у тебя предатели, но есть и верные сыновья. Тебя окружают не открытые просторы, а тихие леса. Не забудь о тех ловушках, которые расставляют на твоих дорогах сметливые охотники. Как усердно рыскали они по глухим твоим деревенькам и проявляли свою любовь и заботливость. Ты поняла их, усумнилась и обратилась за истиной к служителям алтаря Господня. Ты негодовала и стойко отбивалась, взывая о помощи. Далеко пронеслось эхо души потрясающего твоего стона, хотя тысячи преград ставились ему», – напоминал автор публикации [Menytty 1913: 2].

Многовековое противостояние России и Швеции на карельском пограничном рубеже использовалось охранительной прессой и православными миссионерами для активизации памяти об историческом прошлом «своих-чужих» финнов. С началом военных действий на фронтах Первой мировой войны возникла необходимость внести коррективы в коллективную память населения, и одним из способов ее актуализации являлось обращение авторов «Карельских известий» к теме всенародного отпора

общему врагу, поднимавшейся в каждом номере журнала [Дубровская 2009: 18–20].

Так, своеобразным «местом памяти» должен был стать для читателей созданный на пожертвования работников российских школ санитарный Отряд имени Русского учительства. В январе 1915 г. в журнале было опубликовано «Открытое письмо русскому учительству в Финляндии», где сообщалось о начале работы на передовых позициях «Лазарета имени Русского учительства» и содержался призыв к преподавателям русских начальных училищ ежемесячно отчислять в его пользу хотя бы по 2% от получаемого жалования. Журнал регулярно печатал списки жертвователей, в них, в частности, встречается имя Н. Г. Кучепатова, впоследствии известного педагога Карелии [Открытое 1915: 6].

Просветительская деятельность православных миссионеров не сводилась лишь к вопросам вероучения и затрагивала различные стороны жизни карельской деревни, прежде всего, организацию школьного дела. Так, 7 декабря 1914 г. в Пелдожской школе Министерства народного просвещения на о. Мантсинсаари ученики слушали «чтение со световыми картинами» о Смутном времени на Руси и «об избрании на царство Дома Романовых», а также смотрели «живые картины», сюжеты которых были связаны с реалиями войны (раненная на поле боя сестра милосердия, возвращение раненого к семье, чтение раненому письма в лазарете, «летающий аэроплан и расстреливающая его пушка»). Реквизит для последней изготовил учитель ремесленного отделения школы, а пояснения к картинам давал председатель школьной дирекции, один из редакторов «Карельских известий» священник П. Шмарин [Пелдожи 1915: 7].

Перед Рождественскими праздниками 1914 г. иеромонах Исаакий разъяснял читателям «Карельских известий» о решении, принятом Православным карельским братством «ввиду войны с немцами» и распространявшемся на полтора десятка школ в карельском приграничье, которые были подведомственны братству. Речь шла об отказе от установки елок на Святки. Взамен предлагалось «повсеместно сделать „звезду“», чтобы дети могли ходить с ней по домам «славить Христа», собирая пожертвования на нужды войны [КИ 2]. По наблюдениям исследователей, пришедший из лютеранской Германии обычай устанавливать к Рождеству новогоднюю елку и прежде встречал противодействие со стороны Православной церкви, во время же войны подобные настроения стали проявляться в резких выступлениях против елки в российской печати и в запретах на устройство елки в учреждениях [Адоньева 2001: 46–51; Душечкина 2002: 123–126, 247; Илюха 2010: 89–92].

В соответствии с решением Православного карельского братства 26 декабря 1914 г. в школе при заводе св. Анны в Суоярви (Выборгская губерния) состоялся «вечер-звезда», заменивший традиционную школьную елку. Вместе с учительницей школьники «обошли весь завод», принимая пожертвования на Красный крест, а вечером участвовали в чтениях со «световыми картинами», исполнении песен «религиозно-патриотического содержания» и в «живых картинах» («молитва дитяти» и «сестра милосердия перевязывает раненого солдата»). Ученики прослушали «несколько рассказов из современной войны – сначала по-русски, затем и на карельском языке», а учительница «в костюме сестры милосердия обошла переполненный класс», собрав пожертвования в пользу больных и раненых воинов. На следующий день «вечер-звезда», противопоставленный «лютеранскому» обычаю главного противника России в мировой войне, а заодно и «своих – чужих» финнов, прошел в Вуондельской школе Православного карельского братства [Завод 1915: 8].

Разумеется, и финляндская сторона прибегала к идеологическим приемам, включавшим в себя выступления в прессе против усилий империи по «перетягиванию» карелов на свою сторону и создание концепции единства карельского и финского этносов. Как и православные миссионеры, она обращалась к памяти населения приграничья об общем прошлом этносов-соседей, не без основания рассчитывая, что эта память должна поддерживать ощущение их единства на протяжении длительного времени, несмотря на более или менее радикальные перемены минувших эпох.

Как отмечает М. А. Витухновская, на рубеже XIX–XX вв. возникшее в Российской Карелии, прежде всего в ее северо-западной части, карельское национальное движение находилось лишь на своей начальной стадии, когда собственная уникальная культурная идентичность по сути еще не воспринималась как ценный уникальный ресурс, который надо защищать и отстаивать. В культурной и пропагандистско-политической деятельности конфликтовавших сторон карельское население, в основном крестьянское и не имевшее собственной интеллигенции, участия не принимало [Витухновская 2006].

Ситуация изменилась ко времени окончания Первой мировой войны в ноябре 1918 г. На завершающем этапе войны, после выхода из нее России и обретения независимости Финляндией, Карелия из тылового и относительно стабильного района начала превращаться в приграничную прифронтовую окраину, а в дальнейшем оказалась одним из первых очагов военной интервенции и гражданской войны. В столкновениях весны – осени 1918 г. прослеживается переплетение противоборствовав-

ших интересов сторон – комбатантов продолжавшегося мирового конфликта, участников ожесточенных социальных битв и отягощенных опытом четырех лет войны карельских крестьян, которые с оружием в руках по-разному решали вопрос о судьбе Российской Карелии [Дубровская, Кораблев 2017: 309–324].

21 июня 1919 г. в с. Ухта состоялось объединенное собрание членов комитета, возглавляемого Егором Лежеевым, и делегатов от пяти севернокарельских волостей Архангельской губернии: Кондожской, Ухтинской, Вокнаволоцкой, Тихозерской и Кестеньгской. В нем приняли участие и представители от карелов, живших в Финляндии. Было образовано Временное правительство Архангельской Карелии (ВПАК или Тоймикунта) во главе с С. А. Тихановым (Антти Виерма). После вывода британских войск – сил международной интервенции на Севере России – к сентябрю 1919 г. в Беломорской Карелии четко обозначились два враждебных лагеря: национально-карельский и белогвардейский русский. Отношения между ВПАК (Тоймикунта) и белым Временным правительством Северной области складывались сложно, поскольку ВПАК, представлявшее интересы северных карелов, выступало за самоопределение карельского населения, проживавшего к западу от Мурманской железной дороги [Голдин 1993: 140–144, 165–166; Голдин 2018: 432–435, 456–458; Мусаев 2007а: 88–105].

Конструирование негативных представлений о «русском периоде» в истории карельского народа характерны для агитационных материалов, которыми зимой – весной 1920 г. Тоймикунта предваряла подготовку съезда представителей севернокарельских волостей в с. Ухта (современный пос. Калевала).

Публицистические материалы Тоймикунты, отразившие представления лидеров севернокарельского национального движения «о времени и о себе», вместе с другими подготовительными документами Ухтинского съезда позволяют проследить эволюцию отношения жителей приграничья к вопросу о независимости Карелии. В источниках отразился явный поворот в их настроениях, сформировавшихся в период Гражданской войны и военной интервенции в советскую Россию.

От идеи автономии Карелии в составе Российского государства, неоднократно высказывавшейся на предыдущих съездах и митингах 1917–1919 гг., лидеры национального движения северных карелов пришли к вынесенному 22 марта 1920 г. постановлению Ухтинского съезда о том, что «Карелия сама должна решать свои дела и отделиться от России, а народ свободным голосованием определял бы образ правления и государственный строй ее» [НА РК: Л. 49].

Стереотипное для публицистической литературы начала XX в., как российской, так и финляндской, изображение пространства российско-финляндского пограничья – «отдаленного дикого севера» – традиционно дополнялось мотивом «безвременья» («заброшенности», «забвения», «одиночества»). Наряду с официальными воззваниями, Тоймикунта выпускала более доступные для простого читателя прокламации за подписью «*Karjalannies*» («Карел»), где те же призывы излагались в популярной форме, изобиловали пословицами и поговорками, стихотворными выдержками и носили отчасти литературно-публицистический характер [НА РК: Л. 33–44об.].

В воззваниях ВПАК прошлое становилось маркером дихотомического противопоставления «своих» – обитателей «убогой хижины» в карельской глуши – и «чужих» – «алчных крокодилов». Под этим зооморфным образом, часто встречающимся в агитационной литературе для «человека из народа», скрываются и «русский урядник со шпагой» (вероятно, погрешность перевода с финского языка), и земский начальник, и становой пристав, умеющий лишь «пыхтеть за столом и стучать кулаком». «Почему же народ поддержал свое Временное правительство [ВПАК. – *Е. Д.*]?» – спрашивает автор обращения «Карелам» и дает оптимистический ответ: «Да потому, что оно защищает его интересы, его правоту, его свободу, его язык и ведет к счастливой будущности».

В документах Тоймикунты встречается излюбленный финской публицистикой начала века образ мрачного прошлого Беломорской Карелии в составе Российского государства. Он во многом перекликается с заключениями, сделанными И. К. Инха. «Высшие власти, казалось, очень мало заботились об этой обширной провинции. Беломорской Карелии было очень трудно получить от правительства помощь в голодный неурожайный год, не говоря уже о дорогах и других облегчающих транспортное сообщение объектах и службах, которые там вряд ли вообще имеются. Ничего не сделано даже для того, чтобы облегчить водное сообщение, хотя реки и озера – единственные пути, по которым летом можно передвигаться с грузами... Вероятно, народ и не требовал усовершенствований, он ведь догадывался, что осуществлять их пришлось бы ему самому» [Инха 2019: 444].

В анализируемых публицистических текстах Тоймикунты присутствует постоянное противопоставление прошлого и настоящего, их взаимная ориентация друг на друга. Если совсем недавнее прошлое характеризуется как «бессилие и разорение Карелии», то настоящее названо «непродолжительным временем самоуправления», когда «у нас царило спокойствие»,

чувствовался порядок, и в сердце каждого невольно вспыхивала надежда на лучшее будущее: «Теперь для Карелии настала новая пора, – говорилось в обращении „К общему собранию Карелии“, – мы, карелы, дружной семьей выступили с оружием в руках на защиту своей родной земли и жалких убогих жилищ» и этим показали всему культурному (образованному, понимающему) миру, что «мы желаем выступить в ряды независимых народностей к свободному, мирному существованию».

Декларируемое вхождение в семью стран «культурного мира» выглядит как преодоление формирующейся национальной элитой определенного комплекса, во многом порожденного «взглядом из Финляндии». Яркой иллюстрацией этому может послужить наблюдение И. К. Инхи, сделанное на рубеже XIX и XX столетий: «В стране, в которой народ не имеет возможности обучаться на родном языке, религиозные представления находятся, разумеется, на самом примитивном уровне. То, что народу необходимо для нравственного просвещения, он пытается заменить своими тщательно хранимыми старинными преданиями, благодаря чему это наследие главным образом и поддерживалось. Однако наряду с чисто нравственными представлениями народ сохранил в преданиях и поразительно много суеверий. Путешественнику поначалу действительно трудно свыкнуться с мыслью, что в наше время, под боком у цивилизации, целый народ, хоть небольшой, настолько верит в древние магические средства, что ему едва ли приходит в голову усомниться в них» [Инха 2019: 442–443].

Примечательно, что поворотным моментом истории карельского народа январская прокламация 1920 г., озаглавленная «Карел – карелам», называет события Февральской революции 1917 г. в России. В обращениях ВПАК к карельскому населению, схожих по стилю с финноязычными прокламациями Союза беломорских карел периода Первой российской революции, накануне Ухтинского съезда 1920 чувствуется если не то же авторство, то очень близкое идейное и стилистическое родство. Союз ставил целью «улучшение духовного и материального положения беломорских карел» на основе всемерного сближения Российской Карелии с этнически родственным населением Финляндии при помощи и поддержке финской общественности и властей.

Распространявшаяся в Беломорской Карелии в начале XX в. листовка «Слово карельскому народу» начиналась обращением: «Карельский мужичок, выслушай-ка это слово!». Пространство, заселенное финно-угорскими народами северо-запада Российской империи, представляло в ней в архаичном образе ветвистого дерева: «...финны, живущие

в Финляндии, – представители того же самого народа, как и карелы. Русской речи никто из карел не понимает, потому что русские не одного корня с карельским народом. А эти три народности – карелы, лапландцы и финны – как бы сучья одного дерева, выросшего из одного корня».

Распространявшееся накануне Ухтинского съезда воззвание «К чему стремится карельский народ?» подчеркивало: «Мы народ совершенно иного племени, чем русские. У нас свое природное воспитание, свой обычай и нравы, кои совершенно иные, чем у русских, у нас свой язык, который имеет свою литературу – это подтверждает история, у нас в природе каждого сохранить свою народность...» [НА РК: Л. 36]. Реконструируя иерархию различных типов событий, авторы адресованных крестьянскому населению листовок и воззваний Тоймикунты первостепенное значение придавали возникновению на сакральном пространстве родного края рун эпоса «Калевала», которые из-за погрешностей перевода на русский язык именовались в тексте «былинами»: «Весь культурный мир знает, что на земле, о которой так много воспевается в былинах „Калевалы“, живет народ, который хочет свободного, мирного самоопределения» [НА РК: Л. 44].

В публицистических материалах 1920 г. отразилось стремление деятелей ВПАК привлечь мифы об историческом прошлом карельского народа для построения новой коллективной идентичности – «единой дружной карельской семьи», желающей вступить «в ряды независимых народностей»: «На Западе живут родственные нам карелы „финны“, которые поняли наши желания. Они очень сердобольно, сочувственно отнеслись к нашим событиям, и так много написали в своих газетах, что обратили внимание всего культурного мира. А куда не шли газеты, известили по телеграфу, даже – за моря. Теперь весь мир знает, что на холодном Севере живет карельский народ, который после долгих лет угнетенного подданства русскому царю вступил в ряды независимых народностей с флагом свободного самоопределения, ради мирного труда и существования» [НА РК: Л. 44].

События, отмеченные негативной аксиологией, соотносимы с униженным, виктимным образом Российской Карелии. Если на протяжении десятилетий финляндские публицисты призывали соотечественников: «Финляндия, не стесняйся Карелии, своей оборванной сестры в лохмотьях», то на формирование этого же образа должны были работать и представления о «русском» периоде «безвременья» и «прозябания в глуши», какими их рисовали пропагандистские материалы Временного правительства Архангельской Карелии.

Таким образом, листовки Тоймикунты, как и материалы православной публицистики времен Первой мировой войны, но «с обратным знаком»,

напоминали жителям карельской глубинки об исторических фактах, репрезентация которых должна была определить их групповую идентичность. Совокупность идей и образов, предпочитавшихся авторами того или другого лагеря, отражает специфику восприятия, осмысления и оценки прошлого, глубины и вектора исторической памяти как универсального способа построения идентичности.

Исследование комплекса аналоговых и контрастных характеристик «своего» и «чужого» прошлого, мифов об этнической или национальной исключительности позволяет проследить, как шел процесс формирования у читателей православных изданий в годы Первой мировой войны и у жителей карельского приграничья – адресатов публицистических материалов Временного правительства Архангельской Карелии – определенных представлений о Российской Карелии и о Финляндии. Рассмотренные источники раскрывают основные толерантные и конфликтные мифы, идеи и лексемы, которые в чрезвычайных обстоятельствах мировой и гражданской войн использовались для создания как этнических и этнополитических образов, так и образов времени.

Источники

- Аппетиты 1914 – Аппетиты финнов // Карельские известия. 1914. № 1. С. 7.
- Архиепископ Григорий 2012 – Архиепископ Григорий (Чуков). Финляндский период деятельности Святейшего Патриарха Сергия (1905–1917) // Коралев Н. А. Создание и деятельность Православного карельского братства на территории Российской Карелии. Приложение 1 // Карелы российско-финского пограничья в XIX–XX вв. Петрозаводск: ПетрГУ, 2012. С. 162–167.
- Вперед 1914 – Вперед без страха и сомненья // Карельские известия. 1914. № 1. С. 3–4.
- Завод 1915 – Завод св. Анны // Карельские известия. 1915. № 3. С. 8.
- Иеромонах 1914 – Иеромонах Исаакий. Из дневника карельского миссионера // Карельские известия. 1914. № 19. С. 8–10.
- Извлечение 1915 – Извлечение из отчета о деятельности Православного карельского братства в пределах Финляндии за 7-й братский год // Карельские известия. 1915. № 10. С. 4–5.
- Инха 2019 – Инха И. К. В краю калевальских песен. Тропой Лённрота по Беломорской Карелии. Очерк о земле Беломорской Карелии. Петрозаводск: Периодика, Юминкео, 2019.
- Исаакий 1908 – Иеромонах Исаакий. Дневник катехизатора [о поездке в Кязняжи, Оружъярви, Колатсельгу, Хюрсюля, Палоярви] // Олонекские епархиальные ведомости. 1908. № 19. С. 434–439; № 20. С. 457–464; № 21. С. 489–499; № 22. С. 521–528.
- КИ 1 – Карельские известия. 1914. № 22. С. 1; 1915. № 23. С. 1.
- КИ 2 – Карельские известия. 1914. № 23. С. 12.

- НА РК – Национальный архив Республики Карелия. Ф. Р-550. Оп. 1. Д. 3.
Открытое 1915 – Открытое письмо русскому учительству в Финляндии // Карельские известия. 1915. № 1. С. 6.
Падение 1925 – Падение царского режима. М.; Л., 1925.
Пелдожи 1915 – Пелдожи // Карельские известия. 1915. № 1. С. 7.
ПФС – Православный Финляндский сборник.
Тинский 1915 – Тинский Б. Запросы духа // Карельские известия. 1915. № 16. С. 3–4.
КА – Kansallisarkisto (Национальный архив Финляндии). КККФб 1084: О выпуске издающихся при Главном совете Карельского православного братства в Выборге «Карельских известий».
Menyitty 1913 – Menyittyinygysty // Карельские известия. 1913. № 2. С. 2.

Литература

- Адоньева С. Б.* Категория настоящего времени (антропологические очерки). СПб., 2001.
- Басова Н. А.* Служение священномученика Уара (Шмарина) на острове Мантсинсаари (1910–1916 гг.) // Православие в Карелии: Материалы IV науч. конф., посвящ. 25-летию возрождения Петрозаводской и Карельской епархии. Петрозаводск: ПетрГУ, 2016. С. 243–252.
- Витухновская М. А.* Карелы и Карелия как «яблоко раздора». Русская власть и православная церковь против карельского национализма // Россия и Финляндия в XVIII – XX вв. Специфика границы. СПб., 1999. С. 239–253.
- Витухновская М. А.* Карельские приходы и «панфинская пропаганда» (1906–1914 гг.) // Православие в Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2003. С. 113–129.
- Витухновская М. А.* Российская Карелия и карелы в имперской политике России, 1905–1917. Хельсинки; СПб.: Норма, 2006.
- Голдин В. И.* Интервенция и антибольшевистское движение на Севере России: 1918–1920. М.: МГУ, 1993.
- Голдин В. И.* Север России на пути к Гражданской войне: Попытки реформ. Революции. Международная интервенция. 1900 – лето 1918. Архангельск: САФУ, 2018.
- Дубровская Е. Ю.* Миссионерская деятельность православного духовенства в Карелии в начале XX в. Христианство в регионах мира. СПб.: Наука, 2002. С. 58–70.
- Дубровская Е. Ю.* Карельско-финляндское приграничье в исторической памяти населения Карелии (по материалам периодики начала XX в.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы 10-й ежегодной междунар. науч. конф. (16–18 апреля 2008 г.). СПб.: РХГА, 2009. С. 17–27.
- Дубровская Е. Ю., Кораблев Н. А.* Карелия в годы Первой мировой войны: 1914–1918. СПб.: Нестор-История, 2017.
- Душечкина Е. В.* Русская елка: история, мифология, литература. СПб.: Норинт, 2002.
- Забелина Н. Ю.* Имагология как форма исторического знания // Науч. тр. Московского гуманитарного ун-та. Вып. 95: Доклады XII науч. конф. М.: МГУ, 2008. С. 138–153.

Илюха О. П. Повседневная жизнь сельских учителей и школьников Карелии в конце XIX – начале XX вв.: Очерки. Документы. Материалы. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2010.

Илюха О. П. Репрезентация племен и народов в «Олонецких епархиальных ведомостях» // Олонецкие епархиальные ведомости (1898–1918): библиографический указатель / Сост., вступ. ст. Н. Г. Урванцева. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2018. С. 13–24.

Киркинен Х., Невалайнен П., Сихво Х. История карельского народа. Петрозаводск: ПетрГУ, 1998.

Кораблев Н. А. Создание и деятельность Православного карельского братства на территории Российской Карелии // Карелы российско-финского пограничья в XIX–XX вв. Петрозаводск: ПетрГУ, 2012. С. 121–171.

Мусаев В. И. Россия и Финляндия: миграционные контакты и положение диаспор (конец XIX в. – 1930-е гг.) СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2007а.

Мусаев В. И. «Финнизаторы» и «обрусители». Документы по истории борьбы за влияние в Карелии (конец XIX – начало XX вв.) // Нестор. Журнал истории и культуры России и восточной Европы. Финно-угорские народы России (проблемы истории и культуры). СПб.: Нестор-История, 2007б. № 10. С. 77–78.

Нетужилов К. Е. Православные периодические издания в Великом княжестве Финляндском // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы ежегод. междунар. науч. конф. СПб.: РХГИ, 2004. С. 230–236.

Нилов В. М. Орган местной гласности. Роль периодической печати Олонецкой губернии в развитии общественного сознания. В 2-х ч. Ч. 2. Петрозаводск: ПетрГУ, 2017.

Олонецкие епархиальные ведомости (1898–1918): библиографический указатель / Сост., вступ. ст. Н. Г. Урванцева. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2018.

Осипов А. Ю. Финляндский вопрос на рубеже XIX–XX вв. в освещении провинциальной периодической печати (на примере «Олонецких губернских ведомостей») // Провинциальная журналистика и жизнь в Российской империи в XIX – начале XX вв. Петрозаводск: ПетрГУ, 2008. С. 129–151.

Шейкин А. А. Конструирова «панфинскую пропаганду» (Начальный этап «панфинской пропаганды» в документах канцелярии архангельского губернатора) // Восточная Финляндия и Российская Карелия: традиция и закон в жизни карел. Петрозаводск: ПетрГУ, 2005. С. 160–164.

Шикалов Ю. Г. Стереотипы Беломорской Карелии: взгляд с Востока и с Запада // Сортавальский исторический сборник. Вып. II. Петрозаводск: ПетрГУ, 2005. С. 118–128.

Arkimandritta Panteleimon. Valamon Paterikon. Luostarinisielämäkerta. Valamonluostarinjulkaisuja 30. Jyväskylä, 1989.

Vuorenmaa T.-J., Kajander I. I. K. Inha valokuvaja 1865–1930. Porvoo; Helsinki; Juva: WSOY, 1981.

Сведения об авторе. Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории, ИЯЛИ КарНЦ РАН.

Марина Александровна Витухновская-Каупала

*Хельсинкский университет,
г. Хельсинки*

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В КАРЕЛЬСКИХ РЕГИОНАХ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

Статья посвящена истории и историографии Гражданской войны в карельских регионах Северо-Запада России (1918–1922 гг.). В ходе гражданского противостояния карелы оказались в эпицентре воздействия нескольких политических и вооруженных сил и вынуждены были выбирать линию политического поведения. Карельское население не было едино, и выбираемые им стратегии были различны – от присоединения к большевикам до попыток формирования независимого национального государства или вхождения в качестве протектората в Финляндскую республику. Однако основная часть населения Беломорской Карелии избрала стратегию самоизоляции и создания национального квазигосударства, которое, однако, не было жизнеспособным и было сметено большевистскими силами в 1920 г.

Ключевые слова: Гражданская война, карельский вопрос, Финляндия, историография, Временное правительство Северной области, интервенция, Карельский полк, Карельская Трудовая Коммуна.

Гражданская война была одним из наиболее драматичных эпизодов в истории Российской Карелии – как, впрочем, и всей страны. На протяжении четырех лет на сравнительно небольшой территории Карелии (*в статье под Карелией подразумеваются районы, населенные карелами. – Прим. ред.*) с переменным успехом сражались несколько вооруженных сил: интервенционные войска Антанты и белая армия, сформированный из красных финнов Мурманский легион и Карельский отряд, российские большевистские и финские добровольческие подразделения. Находившимся в фокусе этого противостояния карелам приходилось вырабатывать стратегии защиты от агрессивного давления противоборствующих сторон, выбирать линию политического поведения. Изучение этого сложного, прихотливого исторического полотна далеко не завершено, а точнее говоря – находится лишь в срединной фазе. Начнем наше изложение с небольшого историографического очерка.

Историография вопроса

Изучение Гражданской войны в Карелии с самого начала подразделялось на финскую и советскую (позже – российскую) историографические традиции, между которыми на протяжении десятилетий существовал глубокий и вполне объяснимый разрыв¹. События 1918–1922 гг. в карельских регионах интерпретировались в финских и советских исследованиях с различных позиций, да и назывались по-разному. Если финские историки именовали военные действия в регионе, проходившие с финским участием, «heimosodat» (племенные войны) или карельским освободительным движением, подчеркивая их национальную составляющую, то советские ученые рассматривали эти события как один из эпизодов классовой борьбы, причем всегда исходили из априорной исторической правоты большевиков. Ведущий специалист по истории Гражданской войны на Севере В. И. Голдин справедливо отмечает, что изучался главным образом советский лагерь, а «доминирующей тенденцией в освещении противников большевиков было не объективное расследование, а их разоблачение» [Голдин 2000: 14].

В эту парадигму вписываются почти все советские исследования, посвященные Гражданской войне в Карелии. Однако историография 1920-х гг. несколько выделяется из общей картины. В это время жесткая историческая схема еще не была сформирована, и историографический массив отличался относительным разнообразием. Кроме того, важную роль в изучении послереволюционных событий играла созданная в 1920 г. Комиссия по изучению истории Октябрьской революции и коммунистической партии (так называемый Истпарт), занимавшаяся сбором, изучением и изданием материалов по истории Гражданской войны [Шерман 1964: 9]. Местные отделения Комиссии собирали и издавали материалы на местах; карельский Истпарт был создан в 1923 г. [Терещенков 2010: 24]. Итогом работы Истпарга стало формирование объемного корпуса источников и их частичная публикация, а также издание исторических работ, авторами которых зачастую являлись участники событий. Несмотря на их неизбежную тенденциозность, эти работы содержали

¹ Отдельный и довольно скромный блок представляли собой воспоминания западных участников событий и работы западных русистов, на которых мы не будем заострять внимание в этой статье. Главным образом, эти работы касались интервенции Антанты на Русском Севере. См., напр.: [Maynard 1928; Ullman 1961; Swettenham 1967]. Особняком стоят работы английского историка Ника Барона, к которым мы обратимся позже, и недавно защищенная в Глазго диссертация Алистера Райта «Установление власти большевиков на российской периферии: Советская Карелия, 1918–1919» [Wright 2012].

значительные массивы фактологического материала, еще не прошедшего «шлифовку» более поздними историческими схемами. Относительная свобода и хорошее знание авторами «фактуры» давало им возможность показать мотивации и действия различных противостоявших друг другу сторон (см., напр.: [Правда о разбойничьем набеге 1922; Богданов 1927; Соколов-Страхов 1927; Хропов 1930, 1933; В боях 1932].

Так, воевавший в рядах большевиков местный житель Г. Х. Богданов в своей статье дает широкую картину событий в Беломорской Карелии, подробно и почти беспристрастно рассказывая о создании и деятельности Карельского отряда, показывая мотивацию его участников и помогавших им карельских крестьян, заключающуюся, прежде всего, в страхе перед надвигающимся голодом. «Поэтому, – подчеркивает Богданов, – большинство населения ждало помощи откуда бы то ни было. И когда появился отряд, то население встретило его с распростертыми объятиями» [Богданов 1927: 12].

Выходец из крестьян, Богданов точно характеризует их психологию и мотивации. Например, описывая политические разногласия крестьян и возникавшие в их среде различные проекты будущего (отделение от России, присоединение к Финляндии и пр.), он справедливо подчеркивает отсутствие у них сформировавшихся политических воззрений: «Нужно сказать, – отмечает он, – что сознательного отношения к этому делу у большинства крестьян не было. Они лишь инстинктивно тянулись к Советам...» [Там же: 11]. Как справедливо отмечает А. Осипов, работа Богданова «оставалась долгое время чуть ли не единственной, посвященной Ухтинскому правительству и сепаратистским настроениям крестьян, так как в советской историографии эта тема была предана забвению» [Осипов 2006: 9].

Участником Гражданской войны в Карелии являлся и И. Н. Хропов, посвятивший несколько сочинений анализу событий, происходивших в карельских волостях в 1921–1922 гг. [Хропов 1929, 1930, 1933]. Особый интерес представляет его критический отзыв на работу К. И. Соколова-Страхова «Зимняя компания в Карелии 1921–22 гг.». В этой небольшой статье Хропов излагает историю «карельского вопроса», справедливо объясняя истоки и причины финской экспансии в Восточную Карелию сформировавшейся еще в XIX в. идеей «Великой Финляндии», которая включала бы в себя карельские регионы. Вместе с тем он увязывает события в Карелии и с обстоятельствами финской внутренней политики и Гражданской войны, давая, таким образом, широкую геополитическую рамку событий в карельских регионах России.

Стоит добавить, что несколько работ в 1920-е гг. было посвящено интервенции союзников на Север и деятельности белого правительства Е. К. Миллера, однако, как правило, сюжеты, связанные с Карелией, в них присутствуют в очень малой степени [Англичане на Севере 1926; Минц 1931, 1933]. Уникальным явлением стала публикация в СССР воспоминаний участника белого движения на Севере генерала В. В. Марушевского, в которых содержатся сюжеты, связанные с деятельностью Карельского отряда, впечатления от пребывания автора в Реболах (в ту пору принадлежавших Финляндии) и сведения о переговорах Марушевского с Маннергеймом [Марушевский 1930].

Как видим, в 1920-е – начале 1930-х гг. были собраны и частично опубликованы интервью и воспоминания участников событий, сохранившиеся, несмотря на самоцензуру, живое дыхание времени. Впоследствии, уже в конце 1980-х гг., этот материал, будучи беспристрастно проанализирован, стал одним из важных источников для построения многомерной модели событий Гражданской войны (см., напр.: [Дубровская 2005а, б, 2009]). Однако к середине 1930-х гг. в советской исторической науке произошли коренные изменения, и сформировавшаяся концепция Гражданской войны сделала невозможным любое отклонение. Наступила эпоха сталинского «Краткого курса», который на долгие годы подчинил исторический анализ примитивной схеме.

В этой схеме вся история революций 1917 г. и последующих событий представлялась как движение большевистской партии к заслуженной победе. Гражданская война определялась «Кратким курсом» как результат интервенции Антанты, поддержанной контрреволюционными белыми силами. Естественно, что национальное движение карелов по этой логике интерпретировалось лишь как результат усилий «белофиннов», а процессы имущественной сегрегации, происходившие в крестьянской среде и ставшие одной из коренных причин Гражданской войны в деревне, оставались за бортом этой схемы. И хотя в послевоенное время активно издавались документы и воспоминания, писались монографии, на протяжении многих лет эти публикации являлись результатом строгой селекции материала и четко встраивались в прокрустово ложе «Краткого курса».

В предвоенной финской историографии также сформировались определенные схемы. Они были обусловлены как завершившимися процессами формирования финской нации, сопровождавшимися торжеством националистической идеологии, так и господствовавшей жестко антисоветской официальной линией. Идеология финского национализма опиралась, в числе прочего, на мечту о возрождении «Великой Финляндии»,

частью которой должны были бы стать территории Российской Карелии (см. об этом: [Jääskeläinen 1961; Churchill 1970; Nygård 1978], см. также: [Витухновская 2006: 22–33]). Именно стремление к воплощению в жизнь этого политического конструкта обусловило походы финских добровольческих частей в Олонецкую и Беломорскую Карелии в 1918 и 1919 гг., а также помощь финских бойцов в карельском восстании 1921–1922 гг. Неудивительно, что многочисленная литература о «племенных войнах» отражала финский националистический дискурс и повествовала о походах финских освободителей в братскую Карелию. Каждое из этих сочинений носило отчетливую антибольшевистскую и, как правило, антирусскую окраску.

Как и в Советской России, в Финляндии собирали воспоминания и интервью организаторов и активных участников добровольческих походов. Часть из этих материалов была опубликована (см., напр.: [Kianto 1918; Kivinen 1919; Viklund 1919; von Hertzen 1921; Kempainen 1927; Ilmarinen 1927, 1931; Marttina 1935]). Не менее ценными для последующих историков стали воспоминания, интервью или материалы допросов российских карелов, бежавших во время или после Гражданской войны в Финляндию. Подобные материалы, отражающие идейные установки и стратегии антибольшевистской крестьянской массы, почти не сохранились в советских архивах. В совокупности с другими материалами, представленными в финских архивах, эти источники дают редкую возможность увидеть все спектры противостоявших друг другу в Карелии политических сил.

Накал страстей в годы Второй мировой войны обострил заочную дискуссию советских и финских историков, превратив исторические изыскания в пропагандистский ресурс². Однако резко изменившаяся после войны расстановка политических сил внутри Финляндии привела к изменениям в финском историографическом поле. Идеологическая детерминированность сменилась в исследованиях историков стремлением к объективному показу роли Финляндии в Гражданской войне в Карелии. В исследовании Мауно Яаскеляйна заново и беспристрастно был освещен «восточнокарельский вопрос» как часть программы финской национальной экспансии, а также показаны различные попытки осуществления этой программы вплоть до 1923 г. [Jääskeläinen 1961]. Тойво Нюгорд

² Наиболее показательным сочинением в этом смысле стала созданная Тойво Каукоранта хронология освободительной войны российских карелов, в которой автор собрал краткую информацию обо всех известных финских и карельских антибольшевистских выступлениях с 1917 по 1922 г. [Kaukoranta 1944].

посвятил монографию концепции «Великой Финляндии». Значительная часть его работы посвящена функционированию финских национальных активистов в Российской Карелии [Nygård 1978].

Английский (ныне канадский) историк Стэйси Черчилль, много работавший в Финляндии, первым дал глубокий и многосторонний анализ тех стратегий и проектов, которые появлялись в Российской Карелии в послереволюционные годы (1917–1922). Работа Черчилля «Судьба Восточной Карелии, 1917–1922» во многом является пионерской – используя широкий архивный материал из финских и английских архивов, исследователь скрупулезно показывает, как карелы, оказавшиеся в эпицентре борьбы разнонаправленных политических и военных сил, воспринимали происходящее и разрабатывали свои стратегии. В центре внимания Черчилля – вопрос самоуправления карельского региона, который в разных формах и вариантах стоял на повестке дня на всем протяжении этого периода. Одним из первых Черчилль анализирует взгляды и настроения крестьян разных уездов и волостей, предпринимая попытку понять и объяснить мотивацию решений и поступков карельского населения [Churchill 1970].

Серьезным прорывом в финской историографии «племенных войн» стали две работы Йоуко Вахтола, посвященные финским добровольческим походам в Российскую Карелию [Vahtola 1988, 1997]. Вахтола впервые рассматривает оба похода (в Беломорскую Карелию в марте – октябре 1918 г. и в Олонецкую Карелию в апреле – сентябре 1919 г.) и попытки решения «карельского вопроса» в широком геополитическом контексте, включающем в себя политические и идейные основания принимавшихся в Финляндии решений, стратегии заинтересованных стран (прежде всего Германии и Великобритании), внутрirosсийское политическое и военное противостояние и, что особенно важно, ситуацию внутри карельских регионов. Используя сведения финского генерального штаба и протоколы крестьянских сходов, Вахтола показывает всю сложность и неоднозначность отношения карельского крестьянства к финским «старшим братьям» и их стремлению присоединить Карелию к Финляндии. Последующие работы финских историков о «племенных войнах» носят обобщающий характер и уступают в скрупулезности исследованиям Вахтола [Niinistö 2005; Harjula 2007].

Нельзя не отметить также ряд других монографических исследований, таких как работа Юкки Невакиви об истории так называемого Мурманского легиона [Nevakivi 1970], а также диссертационные исследования Пекки Кауппала и Маркку Кангаспуру о стратегиях и практиках большевистской

власти в отношении карельского населения и карельской государственности [Kauppala 1992; Kangaspuro 1996]. Стоит отметить, что в отличие от большинства упомянутых финских историков, не работавших с советскими архивными собраниями, два последних исследователя ввели в оборот широкий спектр материалов из советских/российских архивов.

Послевоенные советские историки, продолжавшие находиться в рамках заданной «Кратким курсом» концепции Гражданской войны, не могли принципиально изменить исследовательские подходы, но с 1950-х гг. ими была начата систематическая публикация источников (см. напр.: [Борьба за установление 1957; В борьбе за власть Советов 1957; За Советскую Карелию 1963; Карелия в период гражданской 1964; Карелия в период восстановления 1979]). Отбор источников был, конечно, «пробольшевистским»³. Сборники документов не были репрезентативными и не могли представить всесторонней картины исторических событий, однако этот материал оживлял и разнообразил привычную схему, давал предпосылки для дальнейшего усложнения оптики исследовательских подходов.

Послевоенные исследования советских историков строго следовали сложившейся к тому времени историографической схеме: зачинателями Гражданской войны являлись внешние силы (интервенты и «белофинны»), которые получили поддержку внутренних «контрреволюционных элементов» [Гардин 1947; Сюкияйнен 1948; Хесин 1949; Машезерский 1957, 1978; Шумилов 1957, 1973; За советскую Карелию 1963; Карелия в период гражданской 1964; Балагуров 1973; Киселев, Климов 1977]. Интересы народа выражали большевики, авангардом которых являлись революционные рабочие (поэтому в центре внимания авторов находилась деятельность Советов). Карельскому крестьянству в этой схеме места почти не находилось, в лучшем случае о нем писалось как о некоей сочувствующей большевикам молчаливой массе; исключением являлись союзники интервентов и «белофиннов» – кулаки. Деятельность Карельского отряда и планы волостей Беломорской Карелии об отделении от России нашли отражение только в монографии В. И. Машезерского «Победа Великого Октября и образование автономной Советской Карелии», в которой широко использовались материалы исследования Черчилля и еще нескольких финских историков. Но это уже была другая эпоха – в 1970-е гг. советские историки частично получили доступ к финской исторической литературе.

³ Об этом свидетельствуют просмотренные автором многочисленные материалы, сформированные советами или большевистскими ячейками карельских волостей периода Гражданской войны, хранящиеся в Национальном архиве Республики Карелия.

Особо следует сказать о важном для нашей темы сочинении, хотя и не относящемся к разряду научных, – это роман карельского писателя Николая Яккола «Водораздел», первая часть которого «На берегах Пирттиярви» появилась в 1949 г. [Jaakkola 1949]⁴. Значение романа для понимания Гражданской войны в Карелии огромно. На примере жизни небольшой отдаленной севернокарельской деревни Пирттиярви (прототипом являлась родная деревня автора Кивиярви – Каменное озеро) показывается вся сложность исторических процессов, проходивших в Беломорской Карелии. Перед нами, по сути дела, пример произведения в жанре микроистории. Неумолимая логика исторических событий разводит членов нескольких карельских семей по разным политическим лагерям, бросает в воюющие между собой подразделения. Автор показывает всю трагичность положения карельского крестьянина, попавшего между жерновов истории. Роман Н. Яккола стал на долгие годы единственным правдивым изданным в СССР произведением о Гражданской войне в Карелии, являя собой прямую противоположность современным ему историческим сочинениям, по-прежнему вторившим черно-белым схемам «Краткого курса».

Как мы упомянули, к 1970-м гг. советские историки получили возможность знакомиться с новыми финскими исследованиями. Появились работы нового типа, и классическим примером таких исследований является не утратившая и поныне своей ценности монография В. М. Холодковского, посвященная финско-советским отношениям 1918–1920-х гг. [Холодковский 1975]. В этой монографии Холодковский анализирует политические взаимоотношения между странами на фоне широкой панорамы европейской политики, показывает механизмы принятия решений как финским, так и советским правительством. В представленную им многослойную картину вплетается и анализ ситуации в карельских регионах, принципиально отличавшийся от общепринятого.

Приведем один пример. Если один из ведущих карельских исследователей В. И. Машезерский в монографии того же периода традиционно рисовал основной конфликт внутри карельских регионов как борьбу «трудовых масс карельского крестьянства против белофинских захватчиков» [Машезерский 1978: 42], то В. М. Холодковский совершенно справедливо констатировал: главным обстоятельством, влиявшим на выбор крестьянами союзников и политической линии, был продовольственный

⁴ Первое издание романа вышло на финском языке, а в переводе на русский язык он был издан в 1972 г. Первое полное издание на русском языке: [Яккола 1972]. Полное финское издание: [Jaakkola 1977].

вопрос. Он пишет: «Временные симпатии голодного карельского крестьянства поворачивались в ту сторону, откуда могло прийти быстрое спасение от голода» [Холодковский 1975: 65]. Справедливость этого вывода подтверждается более поздними исследованиями.

Смелые подходы Холодковского опередили свое время. Только в пост-перестроечное время историки приступили к пересмотру старых историографических схем. Произошел, в частности, принципиальный прорыв в истории Гражданской войны в России, в российских исследованиях начали проясняться значение, роль и мотивации каждой из множества противоборствовавших сил, была выработана концепция крестьянской революции, которая, в частности, показала, сколь сложным и разнонаправленным было крестьянское движение⁵. Были опубликованы тысячи документов, дающих емкое представление о жизни послереволюционной деревни [ВЧК-ОГПУ 1995; Советская деревня 1988–2005; Крестьянское движение 2002]. Новые веяния коснулись и изучения Гражданской войны в Карелии. Серьезным шагом вперед стали статьи К. В. Гусева и С. Безбережьева, работы Ю. Килина и Е. Дубровской, а также диссертации А. Левкоева и А. Осипова [Безбережьев 1993; Гусев 1996; Левкоев 1995а, б; Килин 1999, 2012; Дубровская 2000, 2009, 2010; Осипов 2006]. Общей чертой этих исследований стал принципиальный отрыв от прежней советской историографической концепции. Для работ последних четырех авторов характерно, кроме того, широкое использование дотоле неизвестных российским историкам финских архивных собраний.

«Первой ласточкой» можно считать публикацию С. Безбережьевым подробного рапорта, составленного в июне 1920 г. генералом Н. А. Клюевым и посвященного его переговорам с Временным Карельским правительством (обычно называемым в документах Тоймикунта – Комитет). Клюев подробно описывает обстановку в «столице» региона, Ухте, настроения членов Тоймикунты и жителей девяти отделившихся волостей. Впервые в российской историографии появляется материал, содержащий неприязненное, но точное описание первого карельского квазигосударства. Опубликованная три года спустя статья К. В. Гусева стала первым исследованием, в котором автор прямо заявил о необходимости пересмотра исторической концепции Гражданской войны в Карелии. Гусев предложил отказаться от представления о крестьянских протестах как о «кулацких мятежах», а о Временном карельском

⁵ В. П. Данилов писал: «Крестьянская революция оставалась основой всего происшедшего в стране и после Октября 1917 г. – до 1922 г. включительно» [Данилов 1992: 319]. См. также: [Данилов, Шанин 1994].

правительстве – как об избранном «кулацким съездом». Автор показывает, что причиной крестьянского восстания 1921–1922 гг. и более ранних антисоветских выступлений была прежде всего непродуманная политика местных властей. События 1921–1922 гг. Гусев предлагает характеризовать не как «белофинскую авантюру», а как крестьянское восстание, подержанное большей частью местного населения.

А. Левкоев впервые показал противостояние «красных финнов» и «русско-карельской оппозиции» на раннем этапе существования Карельской Трудовой Коммуны и тесную связь этого противостояния с настроениями и стратегиями карельского населения. В его диссертации рассматривается, как Карельское восстание 1921–1922 гг. повлияло на внутреннюю политику КТК [Левкоев 1995а: 14].

Монография Ю. Килина о карельской политике советского государства в 1920–1941 гг. внесла много нового в понимание финальных событий Гражданской войны в Карелии. Исследователь констатировал, в частности, что «северо-запад бывшей Российской империи весной 1918 г. превратился в арену противостояния разнородных сил», причем «интересы этих сторон были столь противоречивы, что возникали самые необычные комбинации сил» [Килин 1999: 27]. Автор решительно порывает с «большевистскоцентричной» картиной противостояния, предлагая разобраться в сложной системе взаимоотношения этих сил, выделяя при этом в качестве важной составляющей карельское националистическое движение.

Значительный вклад в рассматриваемую тему был внесен серией статей Е. Дубровской, посвященных различным формам и стадиям национальных движений и образований карелов в годы Гражданской войны. Дубровская использовала ранее неизвестные архивные материалы, в том числе собрание карельского истпарта, представляющее собой главным образом воспоминания участников карельских национальных формирований⁶. Одной из первых в России она обратилась и к архивным собраниям Финляндии. Именно в ее работах впервые была описана история Карельского отряда, а также даны мини-портреты главных участников событий, таких, как один из организаторов Карельского отряда, рано погибший Ииво Ахава. Исследованиям Дубровской свойственны новые подходы – обращение к проблематике исторической памяти, гендерным проблемам и истории повседневности.

⁶ Воспоминания и интервью карелов – участников «Карельского полка» хранятся в Научном архиве Карельского научного центра РАН (НА КарНЦ РАН 1), а также в Национальном архиве Республики Карелия (НА РК 1), в фонде писателя Яакко Ругова, собиравшего материалы по Гражданской войне в крае (Ф. Р-3716).

Наконец, кандидатская диссертация А. Осипова стала неким подведением итогов, обобщением и углублением всего достигнутого в постсоветский период. Его работа отличается широкой источниковой и историографической базой. Осипов, вслед за Дубровской и финскими историками, «спускается на микроуровень», впервые вводя в оборот, помимо общегубернских, материалы волостных и уездных исполкомов, военревкомов и парткомов, позволяющие понять, какие процессы шли в каждой деревне или волости. Подобный подход очень полезен именно для исследования такого феномена, как Гражданская война, которая представляла собой противоборство не только политически детерминированных «сверху», но и стихийно возникающих «снизу», в народной гуще, сил.

Как видим, российская историография Гражданской войны в Карелии, отказавшись от жестких и идеологически детерминированных схем предыдущего периода, сделала серьезный рывок вперед, применяя новые подходы и рассматривая события этого периода во всей их сложности и противоречивости. В рамках этого обзора невозможно было упомянуть всех – например, за его границами остались новые исследования, связанные с Гражданской войной в границах Архангельской губернии и приграничных регионов (см. напр.: [Голдин 1993, 2000; Новикова 2011]). Мы не упомянули также основательный раздел новой «Истории Карелии» [История Карелии 2001: 342–440], посвященный революции и Гражданской войне, в котором, с нашей точки зрения, соединились старые советские подходы («большевистскоцентричность»: красные войска, например, определяются как «наши силы»; продолжает использоваться термин «белобандиты», и пр. [История Карелии 2001: 421]) с попытками нового взгляда на проблему, в частности анализа освободительного карельского движения, и т. д. Нельзя не упомянуть труды британского историка Н. Барона, сыгравшие важную роль в изучении событий периода Гражданской войны в Карелии, а также недавно защищенную диссертацию Алистера Райта об установлении советской власти в Карелии [Wagon 2007a, b; Барон 2013; Wright 2012]. **В целом, как нам кажется, происходит отрадное сближение финского, российского и других национальных историографических полей, нащупываются попытки выработать единые подходы к одной из наиболее трагических страниц в истории Карелии⁷.**

Тем не менее финские и российские исторические изыскания могли бы в большей степени дополнять и взаимообогащать друг друга. Назрела

⁷ В качестве одного из примеров «сближения» с финской стороны стоило бы назвать работу Мирко Харьола [Haajula 2007], в которой автор широко использует материалы российских исследований, вплоть до самых последних.

необходимость написания фундаментальной истории Гражданской войны в Карелии, которая включала бы в себя как широкий геополитический контекст событий, так и истории различных карельских, русских и вепсских регионов – волостей и уездов. К такой работе имеются все предпосылки. И в Финляндии, и в России есть исследователи, владеющие обоими языками и знакомые с литературой и источниковой базой. Смешанная исследовательская группа была бы способна в комплексе рассмотреть и обобщить богатейшие материалы, содержащиеся в архивных собраниях России и Финляндии. Рассмотрение этих архивных пластов по отдельности может привести (и неоднократно приводило) лишь к односторонним выводам.

Карельский регион в 1917 г.

После Февральской революции по всей России активизировались национальные движения. Толчком послужила отмена Временным правительством дискриминационных ограничений для меньшинств и уравнивание всех граждан страны в их правах. На национальных окраинах начали осуществляться различные националистические проекты. Поначалу, когда власть Временного правительства была относительно сильна, требования меньшинств ограничивались, как правило, различными формами национально-культурных автономий (см. об этом: [Красовицкая 2015]).

Карельские регионы Олонецкой и Архангельской губернии не остались в стороне от мощных центробежных процессов, охвативших империю. Дополнительной причиной активизации здесь общественного движения стало резкое ухудшение экономической ситуации. Сельское хозяйство Карелии страдало от нехватки рабочих рук – в результате массовых мобилизаций деревня лишилась 47% трудоспособного мужского населения. Посевные площади в Карелии сократились к 1917 г. на 38% в сравнении с 1913 г. Были закрыты или работали с недогрузкой многие лесопильные заводы, свертывались лесозаготовки, – а значит, крестьяне теряли возможность получить необходимый им дополнительный приработок. Деревня нищала [История Карелии 2001: 316–317, 321].

В этих условиях активизировался созданный еще в 1906 г. Союз беломорских карел – первая карельская националистическая организация, организованная усилиями финских национальных активистов и проживавших в Финляндии карельских купцов. Союз был преобразован в Карельское просветительское общество, это означало, что его деятельность будет распространяться не только на Беломорскую,

а и на Олонецкую Карелию. Так карельский национальный проект обновился, приобретя общенациональный масштаб.

В мае депутация Союза посетила Петроград и обратилась к Временному правительству с адресом «За Карелию Архангельской и Олонецкой губернии», в котором выдвигались требования элементов национально-культурной автономии: «введение родного языка местного населения в церквях и школах», назначение чиновников, знающих язык народа, и создание для этого учебных заведений. В число требований входили также прокладка дорог в регионе, а кроме того, учреждение комиссий для подготовки местных экономических реформ, издание богослужебных книг и учебников и пр. [Ranta 1997: 116]. Началась подготовка к народному собранию представителей карельских волостей в селе Ухта. Были отпечатаны тысячи агитационных листов на южнокарельском (ливвиковском) диалекте, на русском и финском языках, а в регионы Карелии отправлялись агитаторы-эmissары, которые должны были проводить беседы с народом, а заодно собирать сведения о настроениях в обществе. Сформировалась группа учителей для открытия в Карелии финских передвижных школ⁸.

Деятельность Карельского просветительского общества далеко не всегда встречалась в карельских регионах с одобрением. Большая часть карельских крестьян считала его деятелей эmissарами Финляндии, стремящейся расширить на Карелию свое влияние и в идеале присоединить ее к себе, и относились к этому отрицательно. 21 мая 1917 г. съезд крестьянских депутатов Повенецкого уезда, «выслушав сообщение об активизации работы просветительского общества, вынес постановление принять решительные меры по пресечению подобной деятельности» [Дубровская 2000: 89]. Земский деятель из Ребол Федор Нечаев писал деятелю Общества Алексею Митрофанову (Митро) летом 1917 г.: «Как-никак, а всё же русское влияние сильно проявило себя здесь у нас в Карелии, и, присоединившись бы к финнам, [мы] должны бы были снова ломать всю жизнь, а что создали бы?». «Да! – констатирует Нечаев, – повторяю, между финнами и корелами большая пропасть, и думается, что заделывать ее не напрасный ли труд?» [КА 2]. Эmissар Общества В. Петров, проехавший по волостям Олонецкой Карелии, в рапорте от августа 1917 г. подчеркивал, что «большая часть народа – ничего не знающий элемент,

⁸ [КА 1]. Елена Дубровская отмечает, что в 1917/18 учебном году в приграничных с Финляндией карельских волостях было открыто более десятка школ с преподаванием на финском языке; общее количество учащихся в них превысило 400 человек [Дубровская 2000: 89].

цепляется за свое прежнее состояние и верит в „Великую Россию“, каким бы положение ни было» [Churchill 1970: 35–36].

Анализируя национальные и политические стратегии, выбиравшиеся карельским населением, необходимо помнить, что карельский регион не был однороден ни в экономическом, ни в культурном, ни в этническом отношении⁹. Важную роль в каждом конкретном случае играл уровень экономических связей с финскими либо с российскими центрами. Так, пограничные районы Кемского уезда и северной части Олонецкой губернии¹⁰ экономически тяготели к западной соседке – отсюда уходили торговать в Финляндию сотни карельских разносных торговцев. Другим крестьянам давали работу финские лесные предприятия. Жители приграничных районов, почти не связанных инфраструктурно с Россией, приобретали в Финляндии продукты и повседневные товары. Другая часть карельского населения была экономически ориентирована на Петрозаводск и Петербург. Это относится, прежде всего, к населению Петрозаводского и Олонецкого уездов Олонецкой губернии. Проживавшие здесь карелы в массе своей лучше знали русский язык и были хорошо знакомы с русскими реалиями. Однако к лету 1917 г., когда становилось все яснее, что ожидаемые перемены не происходят, власть слабеет и ситуация усложняется, даже в этих ориентированных на Россию регионах стала укореняться мысль о необходимости карельской автономии.

Как справедливо отмечает Т. Ю. Красовицкая, именно в условиях нестабильности этнос выступал как аварийная группа поддержки, могущая обеспечить экономические и политические преимущества. Принадлежность к группе соплеменников давала человеку чувство защищенности [Красовицкая 2015: 68–69]. Поэтому идея автономии все глубже проникала в сознание карелов. Упомянутый Федор Нечаев, сторонник пророссийского курса, высказал летом 1917 г. полное одобрение идее автономии. Он писал: «Да, уважаемый А. Митрофанов, теперь Вы взяли правильный курс! Выйдет или не выйдет что-либо из этого движения, пока судить преждевременно, но знайте, что Ваше имя станет дорогим всем карелам! Идея о самоуправлении Карелии очень скоро стала здесь распространяться и нашла массу сторонников. ... Развезжая часто по Повенецкому уезду, я много веду с жителями беседы по волнующему меня вопросу, и часто нахожу людей, сочувствующих Вашей идее» [Там же].

⁹ Об этническом структурировании карельского населения см.: [Прибалтийско-финские народы России 2003: 160–197].

¹⁰ Олангская, Тихтозерская, Вокнаволоцкая, Кондокская и Ухтинская волости Кемского уезда и Ребольская и Поросозерская волости Повенецкого уезда Олонецкой губернии.

Итак, летом 1917 г. проект карельской национальной автономии обрел сторонников. Об этом свидетельствует, в частности, в своих воспоминаниях финский национальный активист Юхо Альфред Хейкинен (более известный по прозвищу «дед из Халла»), который описывает дискуссии, в которых он участвовал в Беломорской Карелии летом 1917 г. Большинство карелов, свидетельствует Хейкинен, выступало за объединение Беломорской и Олонецкой Карелий в отдельную автономию и не одобряло идеи присоединения к Финляндии [Kokko 1939: 246–247]. 14 июня 1917 г. вопрос об автономии Карелии был вынесен на чрезвычайное заседание Олонецкого губернского земства и вызвал «большие прения», захватившие и следующий день. Гласные, впрочем, отвергли идею автономии большинством голосов [Вестник 1917: 20]. Однако собравшийся через месяц, 12–13 июля 1917 г., Ухтинский съезд, в котором участвовала, лично или через депутатов, треть населения Беломорской Карелии – до 9 тыс. человек, высказался за создание самоуправляющегося карельского региона внутри России.

Планируемая автономия должна была быть названа Карельская административная область или Карельско-Северная административная область. Ее границы должны были проходить на юге по реке Свири, на востоке по Онежскому озеру, Выгозеру, реке Выг и Белому морю, на севере – по линии, соединяющей Кандалакшский залив и финляндскую границу, а на западе – по границе с Финляндией и Ладожскому озеру. Разграничение полномочий предлагалось такое: общими с Россией будут финансовые, почтовые, военные и судебные дела, тогда как все остальные стороны жизни будут подчиняться областной администрации. На той же территории предполагалось создать Карельскую епархию.

Автономное положение, по мнению собрания, дало бы возможность учредить самоуправление и использовать богатства края в интересах его населения. В решениях Ухтинского съезда значится: «Так как земледелие области вследствие неблагоприятного климата и скудной почвы и за неимением путей сообщения не окупается и не будет окупаться без помощи скотоводства, лесоводства и прочих промыслов, то необходимо, чтобы внутри области все земли с лесами и со всеми возможными природными богатствами и все озерные и речные воды с порогами, как и прибрежные части морей, уступались бы без вознаграждения на вечные времена в народное владение...»¹¹.

¹¹ Русскоязычный экземпляр протокола съезда хранится в Научном архиве Карельского научного центра РАН [НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 31. Д. 61]. Финноязычная версия хранится в архиве Министерства иностранных дел Финляндии [UA 1].

Необходимо напомнить, что аналогичные съезды с похожими решениями проходили в 1917 г. почти во всех национальных регионах России. «Требования автономизации, – пишет исследователь аналогичных процессов в Молдавии, – становились привлекательны по мере того, как массы уставали от политической смуты, от некомпетентности и неповоротливости Центра» ([Шорников 2007: 220], цит. по: [Красовицкая 2015: 59]). Однако вплоть до большевистского переворота национальные регионы (за редким исключением) не ставили вопроса об отделении от России. Национальная автономия рассматривалась прежде всего как средство активизации экономического развития регионов, дающее возможность их жителям самим влиять на экономическую и культурную политику.

Карельский крестьянин в годы Гражданской войны, 1918–1922 гг.

К декабрю 1917 – январю 1918 г. советская власть широко распространилась в населенных карелами уездах. В Петрозаводске власть перешла в руки Совета 4 января 1918 г. [Машезерский 1978: 29]. Постепенно в большинстве населенных пунктов были распущены губернские и земские учреждения, которые повсеместно заменялись комиссариатами и Советами. При этом, как справедливо подчеркивает Сергей Яров, «многие крестьяне не воспринимали Советы как некие совершенно новые органы. Они оценивались ими, скорее, как преемники прежних структур власти» [Яров 2014: 15]. Это объясняет ту легкость, с которой многие крестьянские общества заменяли земства Советами.

Начиная с зимы 1918 г. ситуации в Олонецкой и Архангельской Карелии складывались по-разному. В Олонецкой губернии политика продовольственной диктатуры, которую принялись осуществлять большевики в деревне в связи с надвигавшимся голодом, взорвала ситуацию уже весной 1918 г. Угроза голода была вообще одним из важнейших факторов на всем протяжении Гражданской войны в Карелии. Летом 1917 г. в России был плохой урожай, и, кроме того, земельные районы, кормившие ранее всю страну (Украина, Сибирь, юг России), были в руках противников советской власти [Кондрашин 2009: 88–89]. Председатель исполнительного комитета Олонецкого уездного совета М. Чубриев вспоминал, что уже с января 1918 г. продовольственный вопрос ухудшался с каждым днем. В мае 1918 г. «в Туломозерской волости на границе с Финляндией уже 2½ месяца питались овсяной мукой пополам с опилками и мхом» [Речь М. Чубриева 1918].

В июне 1918 г. были созданы комбеды, в задачи которых входило, в частности, изъятие «излишков» хлеба у зажиточных крестьян. Не стесненные никаким законодательством и контролем, они самочинно налагали

контрибуции, вводили новые налоги, и жертвами их деятельности оказывались часто не только зажиточные жители деревень, но и люди среднего достатка [Осипов 2006: 86, 88–89]. Опирались комбеды на бедняков, и в результате деревня раскололась. Конфликты между односельчанами становились все жестче, атмосфера – все накаленнее [Осипов 2006: 79–80].

Документы свидетельствуют о начавшихся в деревнях Олонецкой губернии процессах классовой сегрегации. В Национальном архиве Финляндии хранятся воспоминания покидавших свои села крестьян, которые не могли вынести политики продовольственной диктатуры. Например, в интервью карельского беженца из д. Пяльозеро А. Ольшина (Ольшайнена) читаем: «Революция пришла и грабежи. Тогда стали облагать сильно, [мы] платили и платили, пока не содрали всё. [Мы] противились большевикам. [Нам] угрожали посадить в тюрьму. Было собрание, на котором опять угрожали. ... Предстояло собрание – деньги отнимать. [Мы] сопротивлялись, не будем платить. Угрожали винтовкой» [КА 3]¹². Повествование Ольшина завершается рассказом о драке части деревенских с большевиками на собрании, о побеге нескольких человек в лес, а потом – в Финляндию.

По схожему сценарию складывались события 10–12 июня 1918 г. в Олонце и волостях Олонецкого уезда, получившие впоследствии название Олонецкое восстание [АУ ФСБ РК]¹³. Как и в описанном Ольшиным случае, местом конфликта стало собрание представителей «имущих классов», на котором обсуждались непосильные налоги и нехватка зерна (после его изъятия хлеба оставалось лишь на один месяц), а также слухи об увеличении количества красноармейцев в уезде – на их пропитание приходилось расходовать последние запасы зерна. Разгоряченные дискуссией участники собрания обнаружили спрятавшихся за занавесом и выпивавших красноармейцев, начался скандал, раздалась выстрелы. Красноармейцы были арестованы, посажены в тюрьму, начались беспорядки. Восстание удалось подавить только после прибытия Гатчинского полка. Нельзя не отметить, что столкновения с красноармейцами по тому или иному поводу были одной из наиболее типичных причин крестьянских восстаний на всей территории России (см. об этом, напр.: [Яров 1999: 31–34; Осипова 2001: 113–163]).

Последней каплей стала проводившаяся зимой – весной 1918 г. принудительная мобилизация, в связи с которой в волостях с карельским насе-

¹² Перевод автора.

¹³ О событиях Олонецкого восстания рассказывается также в воспоминаниях сына одного из инициаторов восстания Пекки Парнанена: [КА 5].

лением (Ведлозерской, Поросозерской, Рыпушкальской и Сямозерской) произошел ряд протестных крестьянских выступлений [Осипов 2006: 95–96]. Год спустя протесты против принудительной мобилизации не утихали: в мае 1919 г. произошли крестьянские восстания против большевистской мобилизации в Тивдии и Заонежье¹⁴.

Иные процессы происходили в 1918–1919 гг. в Беломорской Карелии. Как свидетельствует участник событий, крестьянин деревни Войница Г. Х. (Ристо) Богданов, начиная с 1917 г. ситуации в Олонецкой и Беломорской Карелиях коренным образом отличались: «Южная Карелия, начиная с 1917 года, была в сфере влияния Временного правительства, а потом советской власти, в то время как Ухтинская Карелия до половины 1920 года была отрезана от Советов. Кроме того, Южная Карелия оставалась непосредственно недосыгаемой для Англо-Германских интересов» [Богданов 1927: 8]. О том же свидетельствуют в своих воспоминаниях местные крестьяне. Так, крестьянин деревни Кестеньга П. Н. Кемов, вернувшийся домой с войны весной 1918 г., Советов здесь не обнаружил, власть сосредоточивалась в сельских управах [НА КарНЦ РАН 2: 28]. Крестьянин деревни Суднозеро Вокнаволоксской волости Хейкки Лесонен сообщает в воспоминаниях, что весной 1918 г. советской власти во всей волости еще не существовало [НА КарНЦ РАН 3: 52].

Толчком к развитию событий в Беломорской Карелии стал финский «освободительный поход», начавшийся в марте 1918 г. Причиной похода были отчасти внутривнутриполитические обстоятельства, в Финляндии шла гражданская война, красные отряды концентрировались в приграничных районах Карелии [Vahtola 1988: 66–67]. Но наибольшую роль сыграло отношение финских активистов к Российской Карелии как к ирреденте, оторванной части Великой Финляндии. Вершиной и знаковым событием подготовки карельского похода было знаменитое воззвание главнокомандующего финской белой армией Маннергейма, адресованное его воинам и содержавшее призыв «защитить братьев в Беломорской Карелии», изгнав из нее «ленинских солдат и бандитов» [Июффе 2005: 157–158].

Однако в начале 1918 г. военное вторжение Финляндии в пределы России было невозможно: еще шла мировая война, не был подписан Брестский мир, и нападение было чревато конфликтом с Антантой, к чему Финляндия отнюдь не была готова. Этого шага не одобряла и помогавшая ей Германия (см.: [Polvinen 1971: 30; Холодковский 1975: 23–27]). В Беломорскую Карелию были отправлены добровольческие отряды.

¹⁴ Воспоминание участника Тивдийского восстания И. Исакова см.: [Витухновская-Кауппала 2013].

Первый из них, отряд подполковника Карла Вильгельма Мальма пересек границу с Беломорской Карелией 21 марта 1918 г.

Финские добровольческие части ожидали скорого присоединения к ним карельского населения, но этого не случилось. Дневники участников похода, рапорты самого Мальма проникнуты чувством недоумения и обиды: лишь малая часть местных жителей была готова их поддерживать. Так, Мальм писал в Ухте 19 июня 1918 г.: «Народ после кровопролития мировой войны предельно устал. Молодежь, вернувшаяся домой с войны, частично большевистская, частично равнодушная ко всякой политической деятельности. Все же мы заметили в каждой деревне понимание, во всяком случае, некоторыми взрослыми людьми целей нашего похода. Страх исходящей с востока опасности не позволял им сотрудничать с нами. Ни один мужчина не присоединился к нашим войскам»¹⁵.

Но, пожалуй, наибольшее влияние на колебавшихся карелов оказал продовольственный фактор: на Карелию надвигался голод. Теперь, когда северо-запад России оказался отрезанным от ее земледельческих районов, положение Карелии становилось угрожающим. По сути дела, настроения и предпочтения крестьян решающим образом зависели от того, кто даст им хлеба. Финские добровольческие части не только не могли в этом помочь, но и расходовали последние запасы местных жителей. Эти обстоятельства привели к тому, что летом 1918 г. в Кемь под эгидой английского командования был сформирован так называемый Карельский полк, в задачи которого входило изгнание финских формирований из Карелии.

История создания и функционирования Карельского полка хорошо изучена [Churchill 1970: 98–101] и отражена в воспоминаниях как самих участников, так и руководителя отряда, британского полковника Филиппа Вудса, опубликованных Ником Бароном¹⁶. Из этих материалов следует, что «Карельский добровольческий отряд» самоорганизовался в Кемь в конце весны – начале лета 1918 г., сначала под эгидой Кемского Совета, а потом по соглашению с английскими властями, занявшими Кемь [Дубровская 2010]. Со всех волостей Беломорской Карелии в Кемь направились добровольцы, и к августу число бойцов отряда достигло 300 человек. Девизами Отряда (так называли его сами бойцы) были: «Финны, прочь из Карелии!» и «Карелия для карел». По сути дела, в Беломорской Карелии сформировалась национальная крестьянская армия. К октябрю

¹⁵ Suunnitelma, joka ei toteutunut – [КА 7].

¹⁶ Воспоминания участников похода хранятся в Научном архиве Карельского научного центра Российской академии наук: воспоминания И. Ф. Лежоева [НА КарНЦ РАН 4], воспоминания Ф. А. Лесонена [НА КарНЦ РАН 3]. Воспоминания полковника Вудса см.: [Вагон 2007b; Барон 2013].

1918 г. Карельский полк полностью вытеснил финские добровольческие отряды с территории Беломорской Карелии, после чего дислоцировался в Кеми и освобожденных волостях, сформировав здесь заграждение вдоль границы с Финляндией.

На волне деятельности Отряда 16–18 февраля 1919 г. в Кеми был созван съезд карелов, на котором присутствовали делегаты как из Беломорской Карелии, так и из нескольких волостей Олонецкой Карелии¹⁷. Съезд одобрил предложение Ииво Ахавы (см. о нем: [Nevakivi 1967]) о провозглашении независимости Карелии и избрал Карельский национальный комитет в составе пяти человек, который должен был подготовить созыв Учредительного собрания карельского народа. Участники съезда постановили также, что карельское государство должно стать демократической республикой, а природные богатства края должны стать достоянием всего народа [Дубровская 2005а: 146]. Позже, 21 июля 1919 г., это решение было утверждено съездом представителей пяти волостей Беломорской Карелии в Ухте, на котором избрали Временный комитет Беломорской Карелии (Тоймикунта), являвшийся по сути его правительством. Было объявлено о выходе Карелии из состава России. Комитет обратился к финскому правительству с прошением о займе и получил субсидию в два миллиона марок для приобретения продовольствия. Этот заем обеспечил волостям, присягнувшим Комитету, стабильное существование, особенно начиная с сентября 1919 г., когда союзники покинули Мурманский край [Jääskeläinen 1961: 257]. Создание своего, независимого ареала посреди бушующей схватки, на развалинах страны было одной из попыток спастись, такой же крестьянской стратегией, как массовое дезертирство и крестьянские восстания.

В то время, когда в Беломорской Карелии возникло непризнанное карельское протогосударство, в Олонецкой Карелии происходили иные процессы. Здесь под влиянием большевиков углублялась классовая сегрегация деревни, и часть населения обратилась за помощью к правительству Финляндии. Две волости Олонецкой Карелии, Ребольская и Поросозерская, действовали наиболее решительно и добились выхода из России.

Первой была Ребольская волость, принявшая решение о присоединении к Финляндии на общем волостном собрании 31 августа 1918 г. На следующий же день были прерваны все связи с Советской Россией и в волость вошли финские войска [Kaukoranta 1944: 45]. На решение ребольцев повлияли давние экономические связи волости с приграничными

¹⁷ Русскоязычный экземпляр протокола Кемского съезда см.: [Документы 2007: 33–38], копии протокола на финском языке см.: [UA 2].

финляндскими районами и близость финской ветки железной дороги¹⁸. После присоединения Реболы сохранили относительную хозяйственную независимость, но по договору 20% обрабатываемых земель было передано Финляндии. Взамен финское правительство обещало довести до Ребол ветку железной дороги (см.: [Jääskeläinen 1961: 173; Vahtola 1988: 301], см. также: [Rasmus 2001]). Примеру Ребол несколько позже последовала также экономически связанная с Финляндией Поросозерская волость: ее присоединение состоялось летом 1919 г. [Kaukoranta 1944: 53–54]. Обе волости просуществовали под протекторатом Финляндии вплоть до Тартуского мира (14 октября 1920 г.).

Финские и карельские активисты начали готовить новый поход в Карелию. Правительство Финляндии, обсуждавшее этот вопрос в начале марта 1919 г., под международным давлением и без большого энтузиазма поддержало идею добровольческого выступления [Vahtola 1997: 49]. В результате 21 апреля финские добровольческие отряды пересекли границу и двинулись «освободить» своих олонецких братьев. В их рядах было определенное количество карелов-беженцев, шедших отвоевывать у большевиков свои деревни. И если в Беломорской Карелии отряды добровольцев были встречены прохладно, то часть олонецких карелов, уставшая от комбедов и продразверстки, принимала их хлебом-солью. Правда, часть местных жителей в то же время сражалась на стороне большевиков¹⁹.

Финские войска быстро продвигались на восток, захватывая все новые волости. В Олонце из местных жителей финнами было сформировано так называемое Олонецкое правительство. Правда, по мнению исследователей, его роль была скорее представительской, а вся реальная власть была в руках у финнов [Осипов 2006: 127]. На занятой территории осуществлялась хозяйственная деятельность, направленная на спасение населения от голода, создавались шюцкоровские²⁰ отряды. Однако массового подъема населения против большевиков не произошло. Крестьянская масса не имела ясных ориентиров, была запугана, чувствовала чужеродность пришлых «освободителей».

Участник похода, автор записки «Впечатления олонецкого гостя», инструктор по просветительной работе Пааво Корвен-Корпинен писал о местном населении: «Годами длившаяся война оставила мужчин на полях сражений Мировой войны. Те, кто выжил – либо на нашей, либо на боль-

¹⁸ Истории Ребол целиком посвящено издание: [Aunuksen 2001]. Об экономической связи между Реболами и Финляндией см.: [Жуков, Кораблев, Макуров, Пулькин 1999; Витухновская 2006: 93–95].

¹⁹ О так называемом «Олонцеком походе» см.: [Vahtola 1997] и [Осипов 2006: 121–156].

²⁰ Шюцкор (швед. skyddskår, фин. suojeluskunta) – охранный корпус, отряд самообороны.

шевистской стороне. Дома только старики и дети. Старый думает о хлебе, а ребенок – ни о чем, поэтому и нельзя было встретить [здесь] подъема идей независимости. Кроме того, у этого братского племени никогда не было национального пробуждения со своими великими деятелями, как у нас, и мы, старший брат, не делали ничего в прежние десятилетия для подъема нашего спящего родственника к национальной жизни. ... Чудо ли, что эта идея в Олонии не созрела десять лет назад?» [КА 4. Перевод автора]. Участник похода капитан Саура вспоминал о карельских беженцах, отступавших вместе с ним в Финляндию: «Лишь некоторые [из них] понимали цель войны и поддерживали ее, но другие не понимали совсем, даже когда им объясняли. „Рюся“ был плохим, но правителем, „руочи“ – хороший и слабый, таково было обычно [их] представление. [Они] везде желали, чтобы вернулось царское время» [КА 6. Перевод автора].

Несмотря на то что финские войска дошли почти до Петрозаводска, захватив находящуюся в 50 километрах от столицы Олонецкой губернии Пряжу, они не смогли удержать победу. Большевики начали активно теснить финнов, а в самой Финляндии тем временем изменилась политическая ситуация – президент Столберг выступил за мирное сосуществование с Советской Россией. С отступающими финнами в Финляндию двинулись массы карельских беженцев, боявшихся мести большевиков. Последние отряды финнов покинули территорию Олонецкой Карелии в августе 1919 г. С ними ушли в Финляндию по меньшей мере две тысячи карелов [Осипов 2006: 151].

Во второй половине 1919 г. начала обостряться ситуация и в Беломорской Карелии. Администрация белого Временного правительства Северной области, считавшая Кемский уезд подвластной себе территорией, направила туда в декабре 1919 г. карательный отряд под командованием кемского уездного начальника барона Э. П. Тизенгаузена. Он потерпел поражение и был взят в плен, после чего белое правительство не рисковало атаковать регион, подвластный Комитету. В начале 1920 г. генерал Миллер даже отправил к карельскому правительству депутацию под руководством генерала Н. А. Клюева, пытаясь получить от него поддержку в борьбе с большевиками²¹. Миссия Клюева закончилась ничем, а в феврале 1920 г. правительство Северной области пало.

21 марта – 1 апреля 1920 г. в Ухте состоялся съезд представителей волостей, признавших власть Комитета²². В его работе приняло участие

²¹ О походе Тизенгаузена см.: [Холодковский 1975: 175; Новикова 2011: 188]. О переговорах генерала Клюева с представителями Комитета см.: [Безбережьев 1993].

²² О подготовке к этому съезду см.: [Дубровская 1995].

120 депутатов, представлявших 11 волостей Беломорской и северной части Олонецкой Карелии [Churchill 1970: 156–159]. Финские представители в съезде не участвовали, если не считать делегата от Ребольской волости Василия Кейняса²³. По решению съезда Комитет был преобразован во Временное карельское правительство, а также было принято единодушное решение об отделении от Советской России. Вопрос о «будущем политическом положении» региона оставлялся открытым²⁴. Однако через месяц, в мае, большевики захватили регион; Временное карельское правительство и сотни местных жителей были вынуждены бежать в Финляндию.

Эти драматические события сопровождались серьезными внутри- и внешнеполитическими инициативами. Важнейшим для судеб Карелии стало принятое 18 мая 1920 г. Политбюро ЦК РКП(б) решение о создании Карельской Трудовой Коммуны, которая и была образована декретом ВЦИК от 8 июня 1920 г. Одновременно был создан ее временный высший орган – Карельский революционный комитет [Декрет ВЦИК 1920].

1 июля 1920 г. в Петрозаводске начался первый Всекарельский съезд трудящихся карелов, в котором участвовало 142 делегата от 24 карельских волостей, в том числе и от только что занятых красными волостей Кемского уезда. Съезду карелов предстояло констатировать свершившееся: на их территории возникло автономное образование, которое являлось составной частью РСФСР²⁵. В резолюции съезда читаем: «Торжественно от имени карельских трудящихся масс Олонецкой и Архангельской Карелии [...] заявляем, что карельское трудовое население не хочет порвать культурных, экономических, политических и государственных связей с Советской Россией и совершенно не думает о присоединении к белой Финляндии. Карельский народ чувствует себя свободным в пределах Советской России...» [Всекарельский съезд 1990]. Так, в противовес независимому Карельскому государству, провозглашенному в Ухте, была создана карельская автономия, входящая в состав Советской России.

И все же с созданием Карельской Трудовой Коммуны Гражданская война в Карелии не закончилась. Крестьяне по-прежнему пребывали в плену катастрофического голода и тотальной несвободы. В 1920 и 1921 гг. в карельских регионах зрело недовольство, в органы власти поступали многочисленные сигналы «с мест». Крестьяне самых разных

²³ Воспоминания Василия Кейняса о его поездке и участии в съезде см.: [Воспоминания 2013].

²⁴ Протокол этого съезда хранится в архиве Министерства иностранных дел Финляндии: [UA 3].

²⁵ О создании Карельской Трудовой Коммуны см.: [Каурпала 1992; Левкоев 1995а, б; Kangaspuro 1996].

волостей жаловались на непосильность продналога и невозможность его выполнить, на отсутствие самых необходимых продуктов, мануфактуры, нехватку лошадей. Крестьяне Верховского общества Рыпушкальской волости просили, например, в июле 1921 г. отменить продналог на шерсть до будущего года: «наступая период зимних холодов мы граждане Верховского общества не имея ни чулок, [...] ни верхней одежды, ни валенных сапогов и [от] 13 наших овец продолжения года получаем всего с каждой овцы в среднем $\frac{3}{4}$ фунт шерсти...» (орфография оригинала сохранена) [НА РК 2: 120]. Повсеместно сообщалось о невозможности выполнять также и масляную повинность: удои молока были плохими из-за отсутствия кормов, а поскольку не было хлеба, население питалось только молоком. Крестьянство «изолировано от получения продуктов извне, и даже дети крестьян не снабжаются продуктами...» [НА РК 2: 42, 55].

Крестьяне Туломозерского общества в марте 1921 г. сообщали, что уездный посевком не озаботился высылкой им семенного зерна, а у них самих недостаточно телег «и совсем мало лошадей, кои могут еще ходить». «Если не будет оказана помощь, то клин посевной площади [...] остается непросеянным и население снова обречено на голодную смерть...» [НА РК 3: 83об., 84]. Граждане того же общества сообщали, что красноармейцы безжалостно относятся к их лошадям, водят их через топкие участки рек, ездят по-кавалерийски, лошади могут погибнуть, а без лошадей хозяйство существовать не может. «Загоняют последних лошадей до смерти», – жаловались туломозерцы [НА РК 3: 55об., 123об., 124, 136, 136об.].

Росла тревога и «наверху». Комиссар иностранных дел Георгий Чичерин сообщал в апреле 1921 г. о «страшной голодовке в Карелии» (цит. по [Килин 1999: 56]). Стратегически важное положение края приковывало к нему внимание руководства Советской России, которое пыталось исправить положение (см. об этом: [Килин 1999: 55–59]). Стоит, впрочем, отметить, что не в одной Карелии ситуация была угрожающей: 1920 и первая половина 1921 г. ознаменовывались расширением крестьянского антибольшевистского движения по всей России. Специалист по крестьянским выступлениям периода Гражданской войны Т. В. Осипова назвала 1920 г. «девятым валом крестьянского сопротивления» [Осипова 2001: 322]. Виктор Кондрашин считает вторую половину 1920 и первую половину 1921 г. третьим этапом крестьянского сопротивления [Кондрашин 2009: 195], во время которого крестьянское движение переросло в крестьянскую войну. Основной причиной этого исследователь считает катастрофическое ухудшение крестьянского хозяйства, произошедшее в годы продовольственной диктатуры и гражданской войны. В 1921–1922 гг. по всей России голодали

свыше 30 миллионов человек [Алёшкин, Васильев 2010: 171]. По подсчетам ВЧК, только в феврале 1921 г. в 118 волостях России проходили крестьянские восстания [Кантор 2005: 245].

В карельских волостях росли протестные настроения. Подспудно зревшее недовольство, вызванное голодом, притеснениями, несправедливостью властей и прямыми грабежами крестьян, достигло критической массы. Сохранились рапорты начальников воинских застав в волостях Беломорской Карелии, которые свидетельствуют о приближении взрыва. Так, начальник заставы 4 роты Пируев рапортовал 21 октября 1921 г.: «Доношу довашего сведения (орфография оригинала сохранена. – М. В.) что Вокнаволотской волости дер. Вонницы граждане держали между собою собрание. Вопросы говорят были такие. Что здавать ли оружие самовольно или нет и потом пойти на всеобщий обучь или нет. И говорят постановили так, что оружие не здавать и навсеобщий обучь не идти зделать забастовку». Через десять дней встревоженный Пируев пишет: «При сем заявляю Нач. Заставы села Суднозера, что мне необходимо иметь легкое огнестрельное оружие виду тово, что настроение у граждан анти советское. А также как и в вдер. о Супассалми от туда приходили с вопросом. Отом что жить самостоятельным. [...] Вчём и убедительно прошу снабдить меня каким либо револьвером» [КА 8].

Следует учитывать еще один важный фактор: в Финляндии к весне 1921 г. скопилось около 4600 карельских беженцев [Nevalainen 1999: 26; Неваляйнен 2003: 27]. Большая часть из них была настроена решительно: они стремились вернуть независимость Беломорской Карелии. В ноябре 1921 г. в Тунгудской и Юшкозерской волостях началось крестьянское восстание, которое очень скоро распространилось на некоторые другие волости Беломорской Карелии – Летнеконецкую, Маслозерскую, Кимасозерскую и Ругозерскую. К восставшим вскоре присоединились отряды, сформированные в Финляндии и состоявшие в основной своей части из карелов. По оценкам исследователей, в войсках восставших было 2500 карелов и 500 финских добровольцев.

Мы не будем подробно останавливаться на Карельском восстании, которое требует специального исследования. Его ход в общих чертах освещался в работах Ю. Килина и диссертации А. Осипова [Килин 1999: 55–76; Осипов 2006: 172–212]. В руках восставших оказалась почти половина всей Российской Карелии. В воззвании Временного карельского правительства «Карельскому народу» говорилось: «...всех нас вдохновляет только одна цель: свобода, твердое непоколебимое желание самим распорядиться своими делами и делать общую единомышленную работу на пользу любимой Карелии, унаследованной нами от наших предков.

Будем же поэтому только Карелами. Мы должны сейчас принести всё на алтарь нашей отчизны» [КА 9].

Однако силы были неравны. Советское правительство направило на разгром восстания военную группировку из более чем 30 тысяч человек, и это десятикратно превосходившее по численности войско не оставило восставшим шансов. В конце февраля 1922 г. восстание было разгромлено. Вместе с остатками разбитого войска восставших из Карелии в Финляндию бежало около 15 тысяч человек, что составляло около 11 % от всего населения Карельской Трудовой Коммуны. Этим завершилась Гражданская война в Карелии.

Как мы видим, драматические события четырех с лишним послереволюционных лет, противостояние различных политических и военных сил всколыхнули карельские массы, заставили крестьян разрабатывать свои стратегии, искать союзников, пытаться реализовать различные сценарии будущего. Терзаемые голодом, насилием, притеснениями, карельские крестьяне Архангельской и Олонецкой губерний не были единодушны в выборе своего пути, и поэтому выбираемые ими стратегии были различны – от присоединения к большевикам до попыток формирования независимого национального государства или вхождения в качестве протектората в Финляндскую республику. Сложный и драматичный процесс гражданского противостояния в Карелии, ставший частью грандиозного мозаичного полотна Гражданской войны в России, требует дальнейшего пристального изучения и описания.

Источники

АУ ФСБ РК – Архив Управления федеральной службы безопасности по Республике Карелия. Ф. 6. Д. 13.

Безбережьев 1993 – Безбережьев Сергей. Миссия генерала Ключева // Север. 1993. № 7. С. 119–131.

Борьба за установление 1957 – Борьба за установление и упрочение Советской власти в Карелии: Сб. документов и материалов / Ред. В. И. Машезерский, Н. Ф. Славин. Петрозаводск, 1957.

В борьбе за власть Советов 1957 – В борьбе за власть Советов: воспоминания участников борьбы за установление советской власти в Карелии / Отв. ред. Е. С. Гардин. Петрозаводск, 1957.

В боях 1932 – В боях за Советскую Карелию. Очерки и воспоминания / Ред. И. Н. Хропов и Я. В. Олесич. М., 1932.

Вестник 1917 – Вестник Олонецкого губернского земства. 1917. № 16.

Воспоминания 2013 – «Здесь слышалось настоящее биение сердец народа Карелии». Воспоминания учителя В. Кейняса о съезде депутатов одиннадцати карельских волостей в селе Ухта. 1920 г. // Исторический архив. 2013. № 4. С. 99–115.

Всекарельский съезд 1990 – Всекарельский съезд представителей трудящихся карел 1–3 июля 1920 г. Первый Всекарельский съезд Советов 11–18 февраля 1921 г. Протоколы. Петрозаводск, 1990.

Декрет ВЦИК 1920 – Декрет ВЦИК от 8 июня 1920 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. Отдел первый. М., 1920. № 53. Ст. 232.

Документы 2007 – Документы периода подъема национально-демократического движения в Беломорской Карелии (1905–1922 гг.) / Ред. Е. Ю. Дубровская, Н. А. Кораблёв // Нестор. Финно-угорские народы России: проблемы истории и культуры. Источники, исследования, историография / Ред. В. И. Мусаев. СПб., 2007.

За Советскую Карелию 1963 – За Советскую Карелию, 1918–1920. Воспоминания о гражданской войне / Отв. ред. В. И. Машезерский. Петрозаводск, 1963.

Карелия в период восстановления 1979 – Карелия в период восстановления народного хозяйства, 1921–1925 / Ред. А. И. Афанасьева, В. И. Машезерский. Петрозаводск, 1979.

Карелия в период гражданской 1964 – Карелия в период гражданской войны и иностранной интервенции, 1918–1920. Сб. документов и материалов / Ред. Я. А. Балагуров, В. И. Машезерский. Петрозаводск, 1964.

Крестьянское восстание 1994 – Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. «Антоновщина». Документы и материалы. Тамбов, 1994.

Крестьянское движение 2002 – Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922 г.: Документы и материалы. Серия «Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг.: Документы и материалы» / Ред. В. Данилов, Т. Шанин. М., 2002.

Марушевский 1930 – Марушевский В. В. Белые в Архангельске / Ред. П. Е. Щеголев. Предисловие Н. Леман. Л.: Прибой, 1930. 279 с.

НА КарНЦ РАН 1 – Научный архив Карельского научного центра РАН. Ф. 1.

НА КарНЦ РАН 2 – Научный архив Карельского научного центра РАН. Ф. 1. Оп. 20. Д. 36.

НА КарНЦ РАН 3 – Научный архив Карельского научного центра РАН. Ф. 1. Оп. 20. Д. 140.

НА КарНЦ РАН 4 – Научный архив Карельского научного центра РАН. Ф. 1. Оп. 20. Д. 139.

НА РК 1 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. Р-3716 (фонд писателя Яакко Ругова).

НА РК 2 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. Р-194. Оп. 2. Д. 1/8.

НА РК 3 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. Р-56. Оп. 1. Д. 3/36.

Речь М. Чубриева 1918 – Речь М. Чубриева на IV-м (чрезвычайном) Съезде Советов Олонецкой губернии // Отчет о IV-м (чрезвычайном) Съезде Советов Олонецкой губернии (с 25 июня по 4 июля 1918 г.). Петрозаводск, 1918. С. 17–18.

Советская деревня 1998–2005 – Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД 1918–1939. Документы и материалы. В 4-х т. / Ред. А. Берелович, В. Данилов. М., 1998–2005.

Ilmarinen 1927 – Ilmarinen. Metsäsissipäällikön muistelmat. Osa I. Karjalan metsä-sissit nousevat. Porvoo, 1927.

Ilmarinen 1931 – Ilmarinen. Metsäsissipäällikön muistelmat. Osa II. Taistelut Karjalan vapauttamiseksi. Porvoo, 1931.

KA 1 – Suomen kansallisarkisto. Karjalan sivistysseuran arkisto ja säilytysyksiköt. Sihteerin ja toimiston kirjeenvaihto. 1917 F Sidos 32.

KA 2 – Suomen kansallisarkisto. Karjalan sivistysseuran arkisto ja säilytysyksiköt. Puheenjohtajan kirjeenvaihto. Sidos 31.

KA 3 – Suomen kansallisarkisto. Heimosota-asiakirjat. P-Aunus 48.

KA 4 – Suomen kansallisarkisto. Heimosota-asiakirjat. E-Aunus 10.

KA 5 – Suomen kansallisarkisto. Heimosota-asiakirjat. E-Aunus 12.

KA 6 – Suomen kansallisarkisto. Heimosota-asiakirjat. E-Aunus 22.

KA 7 – Suomen kansallisarkisto. Heimosota-asiakirjat. Malm 4.

KA 8 – Suomen kansallisarkisto. Itä-Karjalan työväenhallinto. Kot. 62. Tiedusteluasiakirjoja 1921.

KA 9 – Suomen kansallisarkisto. Karjalan kansannousun arkisto. Kotelo 3.

Kemppainen 1927 – Kemppainen Y. Vienan-Karjalan retkikunnat. «Suomen vaupussota». Toimittaneen Kai Donner, Th. Svediin, Heikki Nurmio. VIII. Jyväskylä, 1927.

Kivinen 1919 – Kivinen Lauri. Muistelmia Vienan Karjalan toisen retkikunnan vaiheista. Helsingissä: Otava, 1919.

Martina 1935 – Martina Paul. Miesten syöjiltä sijöiltä: muisteluksia Vienana ja Aunuksen vainovuosilta. Porvoo, 1935.

Maynard 1928 – Maynard C. M. The Murmansk venture. London: Hodder and Stoughton, 1928.

Swettenham 1967 – Swettenham J. Allied Intervention in Russia, 1918–1919, and the part played by Canada. London: George Allen & Unwin, 1967.

UA 1 – Ulkoasiainministeriön arkisto. Ryhmä 11. Osasto A I. Asia 4.

UA 2 – Ulkoasiainministeriön arkisto. Ryhmä 11. Osasto A II. Asia 2.

UA 3 – Ulkoasiainministeriön arkisto. Ryhmä 11. Osasto A V. Asia 2.

Ullman 1961 – Ullman R. H. Anglo-Soviet Relations, 1917–1921. Princeton: Princeton University Press, 1961.

Viklund 1919 – Viklund Arvo. Aunuksen eteläisellä rintamalla. Hämeenlinna, 1919.

von Hertzen 1921 – von Hertzen Gunnar. Karjalan retkikunta. Jyväskylä, 1921.

Литература

Алёшкин П. Ф., Васильев Ю. А. Крестьянская война в России в условиях политики военного коммунизма и ее последствий (1918–1922 гг.). М.: Голос-Пресс, 2010.

Англичане на Севере (1918–1919 гг.) // Красный архив / Под ред. В. В. Адоратского, В. В. Максакова, М. Н. Покровского, В. П. Полонского, В. М. Фриче. 1926. Т. 6 (19). М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. С. 38–52.

Балагуров Я. А. Борьба за Советы в Карельском Поморье. Петрозаводск: Карелия, 1973.

Барон Ник. Король Карелии. Полковник Ф. Дж. Вудс и британская интервенция на севере России в 1918–1919 гг.: история и мемуары. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013.

Боданов Х. Г. Трудящиеся Ухтинского района в борьбе за власть труда (1918–1921 гг.) // Карело-Мурманский край. 1927. № 10–11. С. 7–13.

Витухновская Марина. Российская Карелия и карелы в имперской политике России, 1905–1917. СПб.: Норма, 2006.

Витухновская-Кауппала Марина. «Карелия для карел!». Гражданская война как катализатор национального самосознания // *Ab Imperio*. 2010. № 4. С. 245–282.

Витухновская-Кауппала М. А. Карельский крестьянин в горниле Гражданской войны, 1917–1922 гг. // Карелы российско-финского пограничья в XIX–XX вв. Сб. статей / Отв. ред. А. М. Пашков. Петрозаводск: ПетрГУ, 2013. С. 198–203.

ВЧК-ОГПУ о политических настроениях северного крестьянства. 1921–1927 годы (По материалам информационных сводок ЧК-ОГПУ) / Сост. Г. Ф. Доброноженко. Сыктывкар: СГУ, 1995.

Гардин Е. С. Разгром белофинской авантюры (1921–1922). Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1947.

Голдин В. И. Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере. 1918–1920. М.: МГУ, 1993.

Голдин В. И. Россия в гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х – 90-е годы). Архангельск: Боргес, 2000.

Гусев К. В. К истории Карельского мятежа (По материалам Комиссии по реабилитации при президенте РФ) // Отечественная история. 1996. № 6. С. 71–83.

Данилов В. П. Аграрные реформы и аграрная революция в России // Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире: Хрестоматия / Сост. Теодор Шанин. М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992.

Данилов В., Шанин Т. Научно-исследовательский проект «Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг.» (Вместо предисловия) // Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. «Антоновщина». Документы и материалы. Тамбов: МИНЦ, 1994. С. 5–6. <http://www.tstu.ru/win/kultur/other/antonov/proekt.htm>.

Дубровская Е. Ю. Из истории подготовки Ухтинского съезда представителей карельских волостей // Вопросы истории Европейского Севера (Проблемы социальной экономики и политики: 60-е годы XIX–XX вв.). Петрозаводск: ПетрГУ, 1995. С. 63–72.

Дубровская Е. Ю. Национальное движение в Беломорской Карелии в 1917–1918 гг. и вопросы национально-государственного самоопределения карелов // Исторические судьбы Беломорской Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2000. С. 88–97.

Дубровская Е. Ю. Общественная жизнь карельского населения Архангельской и Олонецкой губернии в годы российской революции и Гражданской войны (1917–1929) // Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза. М.: Социально-политическая мысль, 2005а. С. 136–152.

Дубровская Е. Ю. Судьбы приграничья в «Рассказах о гражданской войне в Карелии» (по материалам архива КарНЦ РАН) // Межкультурные взаимодействия в полиэтничном пространстве пограничного региона: Материалы междунар. конф. к 75-летию ИЯЛИ КарНЦ РАН. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2005б. С. 102–106.

Дубровская Е. Ю. Карелия и Финляндия: Гражданская война, интервенция и военная повседневность в исторической памяти населения приграничья // Финский фактор в истории и культуре Карелии XX века. Гуманитарные исследования. Вып. 3. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2009. С. 253–262.

Дубровская Е. Ю. Национальные вооруженные формирования в Карелии в годы Гражданской войны: опыт 1918 года // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы XI ежегодной междунар. науч. конф. / Ред. В. Н. Барышников, П. А. Кротов. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2010. С. 81–91.

Жуков А. Ю., Корablёв Н. А., Макуров В. Г., Пулькин М. В. Ребольский край. Исторический очерк. Петрозаводск, 1999.

Иоффе Элеонора. Линии Маннергейма. Письма и документы. Тайны и открытия. СПб.: Изд-во журн. «Звезда», 2005.

История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск: Периодика, 2001.

Кантор Юлия. Война и мир Михаила Тухачевского. М.: Огонек, Время, 2005.

Килин Ю. М. Карелия в политике советского государства, 1920–1941. Петрозаводск: ПетрГУ, 1999.

Килин Ю. М. Карельский вопрос во взаимоотношениях Советского государства и Финляндии в 1918–1922 гг. [Электронный ресурс]. Петрозаводск: ПетрГУ, 2012. 1 электрон., опт. диск (CD-R) <http://elibrary.karelia.ru/book.shtml?levelID=012&id=16560&cType=1>.

Киселев А. А., Климов Ю. Н. Мурман в дни революции и гражданской войны. Мурманск: Кн. изд-во, 1977.

Кондрашин Виктор. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М.: РОССПЭН, 2009.

Красовицкая Т. Ю. Этнокультурный дискурс в революционном контексте февраля-октября 1917 г. Стратегии, структуры, персонажи. М.: Новый хронограф, 2015.

Левкоев А. А. Национальная политика в Советской Карелии (1920–1928 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1995а.

Левкоев А. А. Финляндская коммунистическая эмиграция и образование Карельской автономии в составе РСФСР (1918–1923) // Общественно-политическая история Карелии XX века. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1995б.

Машезерский В. И. Установление Советской власти в Карелии (1917–1918). Петрозаводск: Госиздат КАССР, 1957.

Машезерский В. И. Победа Великого Октября и образование советской автономии Карелии. Петрозаводск: Карелия, 1978.

Миц И. И. Английская интервенция и северная контрреволюция. М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1931.

- Миц И. И.* Интервенция на Севере: в документах. М.: Партиздат, 1933.
- Невалайнен П.* Изгой: Российские беженцы в Финляндии (1917–1939). СПб.: Журн. «Нева», 2003.
- Новикова Людмила.* Провинциальная «контрреволюция»: белое движение и гражданская война на Русском Севере, 1917–1920. М.: НЛЮ, 2011.
- Осипов А. Ю.* Финляндия и гражданская война в Карелии: Дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2006. На правах рукописи.
- Осипова Т. В.* Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М.: Стрелец, 2001.
- Правда* о разбойничьем налете на Карелию. Петроград: Полит. упр. Петрогр. воен. окр., 1922.
- Прибалтийско-финские народы России* / Отв. ред. Е. И. Клементьев, Н. В. Шлыгина. М.: Наука, 2003.
- Соколов-Страхов К. И.* Зимняя компания в Карелии 1921–22 гг. Борьба за обладание Мурманским незамерзающим портом и железнодорожным путем к нему. Л.: Воен. тип. упр. Наркомвоенмор и Р.В.С. С.С.С.Р., 1927.
- Сюкияйнен И. И.* Карельский вопрос в советско-финляндских отношениях в 1918–1920 годах. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Фин. ССР, 1948.
- Тереценков Л. Е.* Работа Карельского Истпарта по формированию исторической памяти о революции и Гражданской войне в Карело-Мурманском регионе // Учен. зап. Петрозаводского гос. ун-та. История. 2010. № 7. С. 23–27.
- Хесин С. С.* Разгром белофинской авантюры в Карелии в 1921–1922 гг. М.: Воен. изд-во, 1949.
- Холодковский В. М.* Финляндия и Советская Россия, 1918–1920. М.: Наука, 1975.
- Хропов И. Н.* Советская Карелия в борьбе за Красный Петроград // Карело-Мурманский край. 1929. № 10. С. 19–21; № 11–12. С. 25–29.
- Хропов И.* Как не следует писать историю // Карело-Мурманский край. 1930. № 2. С. 6–8; № 3. С. 8–10.
- Хропов И.* В борьбе с белофинской авантюрой в Беломорско-Ухтинской Карелии в 1921–1922 гг. // Красная летопись. 1933. № 2.
- Шерман И. Л.* Советская историография гражданской войны в СССР (1920–1931). Харьков: Харьковский гос. ун-т, 1964.
- Шорников П. М.* Молдавская самобытность. Тирасполь: Приднестровский ун-т, 2007.
- Шумилов М. И.* Борьба большевистских организаций Карелии за победу и упорочение Советской власти (1917–1918). Петрозаводск: Госиздат КАССР, 1957.
- Шумилов М. И.* Октябрьская революция на Севере России. Петрозаводск: Карелия, 1973.
- Яккола Николай.* Водораздел. Петрозаводск: Карелия, 1972.
- Яров С. В.* Крестьянин как политик. Крестьянство Северо-Запада России в 1918–1919 гг.: политическое мышление и массовый протест. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999.
- Яров С. В.* Человек перед лицом власти. 1917–1920-е гг. М.: РОССПЭН, 2014.

- Aunuksen Repola* / Toim. Heikki Tarma. Joensuu: Repola-Seura, 2001.
- Baron Nick*. Soviet Karelia: politics, planning and terror in Stalin's Russia, 1920–1939. London; New York: Routledge, 2007a.
- Baron Nick*. The King of Karelia. Col P. J. Woods and the British Intervention in North Russia, 1918–1919. A History and Memoir. London: Francis Boutle Press, 2007b.
- Churchill Stacy*. Itä-Karjalan kohtalo 1917–1922. Itä-Karjalan itsehallintokysymys Suomen ja Neuvosto-Venäjän välisissä suhteissa 1917–1922. Porvoo; Helsinki: WSOY, 1970.
- Harjula Mirko*. Venäjän Karjala ja Muurmanni 1914–1922. Maailmansota, vallankumous, ulkomaisten interventio ja sisällissota. Helsinki: SKS, 2007.
- Jaakkola Nikolai*. Pirttijärven rantamilla. Petroskoi, 1949.
- Jaakkola Nikolai*. Ristiaallokossa. Petroskoi, 1977.
- Jääskeläinen Mauno*. Itä-Karjalan kysymys. Kansallisen laajennusohjelman synty ja sen toteuttamisyrittäykset Suomen ulkopoliitikassa vuosina 1918–1920. Helsinki: WSOY, 1961.
- Kangaspuro Markku*. Suomalainen vai venäläinen Karjala: Neuvosto-Karjala kansallisten aatteiden taistelulenttänä vuosina 1920–1940. Joensuu: Joensuun yliopisto, 1996.
- Kaukoranta Toivo*. Itä-Karjalan vapautentie. Poliittis-kronologinen yleiskatsaus. Helsinki, 1944.
- Kauppalä Pekka*. Sowjet-Karelien 1917–1941: Leistung ja Schicksal eines sozialistischen Regionalexperiments (Diss.). Freiburg 1992. =Freiburger Dokumentenserver: <http://www.freidok.uni-freiburg.de/volltexte/6678/> pp. 3–77.
- Kianto I*. Suomi suureksi, Viena vapaaksi. Sotakesän näkemyksiä. Hämeenlinna: Karisto, 1918.
- Kokko Arvo*. Hallan ukko. Piirteitä maanviljelijä J. A. Heikkisen elämästä ja elämäntyöstä. Porvoo; Helsinki: WSOY, 1939.
- Nevakivi Jukka*. Iivo Ahava punainen heimosotilas // Studia Historica. Oulu: Oulun Historiasseura, 1967. S. 261–283.
- Nevakivi Jukka Taneli*. Muurmannin legioona – suomalaiset ja liittoutuneiden interventio Pohjois-Venäjälle 1918–1919. Helsinki: Tammi, 1970.
- Nevalainen Pekka*. Viskoi kuin Luoja kerjäläistä: Venäjän pakolaiset Suomessa 1917–1939. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura, 1999.
- Niinistö Jussi*. Heimosotien historia, 1918–1922. Helsinki: SKS, 2005.
- Nygård Toivo*. Suur-Suomi vai lähiheimolaisten auttaminen. Aatteellinen heimotyö itsenäisessä Suomessa. Helsinki: Otava, 1978.
- Polvinen T*. Venäjän vallankumous ja Suomi. 1917–1920. Vol. 2. Toukokuu 1918 – joulukuu 1920. Porvoo, Helsinki: Werner Soderstrom, 1971.
- Ranta Raimo*. Vienan Karjalaisten liitosta Karjalan Sivistysseuraksi v. 1906–1922. Tampere, 1997.
- Rasmus T*. Repola Suomen yhteydessä v. 1918–1921 // Annuksen Repola. Joensuu: Repola-Seura, 2001. S. 175–228.

Vahtola Jouko. «Suomi suureksi – Viena vapaaksi». Valkoisen Suomen pyrkimykset Itä-Karjalan valtaamiseksi vuonna 1918. Rovaniemi: Gummerus, 1988.

Vahtola Jouko. Nuorukaisten sota. Suomen sotaretki Aunukseen 1919. Helsinki: Otava, 1997.

Wright Alistair S. The establishment of Bolshevik power on the Russian periphery: Soviet Karelia, 1918–1919. PhD thesis. 2012. <http://theses.gla.ac.uk/3105/1/2011wrightphd.pdf>.

Сведения об авторе. Доктор философии, доцент, Хельсинкский университет.

Светлана Николаевна Филимончик

*Петрозаводский государственный университет,
г. Петрозаводск*

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ ПИСАТЕЛЕЙ СОВЕТСКОЙ КАРЕЛИИ В 1920–1930-е гг.

На материалах Карелии рассмотрены формы взаимодействия властных институтов с творческой интеллигенцией с целью формирования механизмов управления общественным сознанием. Показана тесная связь состава, основных направлений деятельности писательских организаций Карелии 1920–1930-х гг. с изменениями в национальной политике и государственной идеологии в межвоенный период.

Ключевые слова: Карелия, советские писатели, общественные организации, управление массовым сознанием.

В советское время впервые к чтению приобщилась значительная часть жителей Карелии. Став неотъемлемым атрибутом жизни «российской глубинки», чтение содействовало росту интеллектуального потенциала общества, социальной мобильности, формированию ценностных приоритетов, обогащало коммуникативные практики. В 1920–1930-е гг. к литературному творчеству в Карелии обратилось большое число молодежи, впервые развернулась деятельность творческих союзов и литературных обществ. Перед творческой молодежью открылись новые возможности для самореализации, и в то же время настойчиво подавлялась их инициатива и творческая самостоятельность, поскольку сталинский режим рассматривал литературу, прежде всего, как важный инструмент пропаганды идеологии и политики правящей элиты. Изучение деятельности творческих союзов и организаций, объединивших в сталинскую эпоху активную часть лояльных власти граждан, позволяет рассмотреть разной степени цивилизованности формы взаимодействия властных институтов с творческой интеллигенцией с целью формирования механизмов управления общественным сознанием.

Деятельность первых писательских организаций Карелии получила освещение в исследованиях филологов Карелии. Наиболее ценен проведенный ими анализ художественных текстов 1920–1930-х гг. Э. Л. Алто, Ю. И. Дюжев, Е. И. Маркова, Э. Г. Карху, М. Ф. Пахомова и другие литературоведы стремились рассматривать художественные произведения

в контексте культуры своего времени. Ученые касались работы литературных организаций, характеризуя общественную позицию писателей Карелии, деятельность региональных литературно-художественных журналов [Летопись 1963; Очерк 1969; Алто 1997; История литературы Карелии 2000].

Первые работы историков о творческих союзах литераторов опубликованы в годы «перестройки» [Афанасьева 1989; Черненкова 1990]. Большое внимание историки уделили политике государства в области литературы и искусства. Единодушному осуждению ученых подверглась репрессивная политика сталинского режима. Е. И. Черненкова показала, что в 1930-е гг. бюрократия «научилась использовать сложнейшие переплетения интересов различных социальных групп, манипулировать ими» с целью «обеспечить полную лояльность творческой интеллигенции режиму» [Черненкова 1990: 149]. Различные механизмы управления писателями и контроля над художественным творчеством в 1930-е гг. рассмотрел М. Юликангас [Юликангас 2000, 2009]. По ряду вопросов мнения и оценки исследователей 1990–2000-х гг. разошлись. А. И. Афанасьева делала акцент на росте профессиональной и художественной зрелости литературы Карелии, хотя отмечала и ощутимые потери и издержки в художественном творчестве. М. Юликангас пришел к выводу, что к середине 1930-х гг. литература советской Карелии оказалась в тупике, так как слишком мало созданных в то время произведений имели художественную ценность. обстоятельно рассмотрено влияние изменений в национальной политике на судьбы и творчество литераторов Карелии на материалах середины 1930-х гг., влияние политического курса конца 1920-х гг., конца 1930-х гг. на деятельность писательских организаций прослежено в общем виде. Автор данного исследования ставит задачей показать в динамике тесную связь состава, основных направлений деятельности писательских организаций Карелии 1920–1930-х гг. с изменениями в национальной политике и государственной идеологии в межвоенный период. В ходе работы использовались конкретно-проблемный, генетический и историко-сравнительный методы.

Источниковую базу исследования составили документы Российского государственного Архива литературы и искусства, Национального архива Республики Карелия, Научного архива Карельского научного центра РАН. Достаточно полно характеризуют основные направления деятельности Карельской ассоциации пролетарских писателей отчеты о работе, протоколы первых заседаний КАПП, которые хранились в семейном архиве Т. К. Трифионовой, были переданы ее сыном в 1960-е гг. литературо-

веду М. Ф. Пахомовой и теперь находятся в Научном архиве КарНЦ РАН. Хранящиеся там же автобиографии и анкеты позволили представить литературный опыт, ожидания, мотивы вступления в ассоциацию первых членов КАПП. В НА РК и РГАЛИ важными для данного исследования явились протоколы заседаний собраний писателей второй половины 1930-х гг., стенограмма Первого съезда советских писателей Карелии 1940 г., в которых транслируются политические и идеологические установки власти, отражена специфика коммуникации в писательском сообществе, между властью и интеллигенцией. Деятельность писательских организаций широко отражена в республиканской печати. Газетные и журнальные материалы отличаются односторонностью – то уничижительной критикой, то рапортоманией, тем не менее они создавались в соответствии с политическими приоритетами и важны для характеристики изменений политики сталинского режима в отношении творческой интеллигенции. Хранящиеся в НА РК воспоминания А. М. Линевского созданы в брежневскую эпоху. В них освещены в основном вопросы профессиональной коммуникации писателей. Спустя десятилетия, автор критически воспринимал свой первый роман «Доктор Подобин», возвращаться в памяти к его разгромной критике в 1930-е гг. не желал, хотя архивные документы показывают, что в конце 1930-х гг. Линевский отстаивал по мере сил свое право на творческий поиск. В целом имеющиеся в распоряжении автора источники позволяют решать поставленные в данном исследовании задачи.

Первая общественная организация литераторов Карелии возникла в 1926 г. при русскоязычной республиканской газете «Красная Карелия». Газета испытывала острую нехватку журналистов и стремилась вовлечь в орбиту своей деятельности творческую молодежь. При этой газете и прежде создавались литературные объединения, однако они быстро распадались. Появившийся в мае 1926 г. литературный кружок [КК 1], казалось, ждала та же участь. Однако его участники решились выйти за стены редакции, установили связь с Всероссийской ассоциацией пролетарских писателей (ВАПП), получили ее поддержку и 8 июля 1926 г. заявили о создании Карельской ассоциации пролетарских писателей. Целью новой организации провозгласили борьбу «за гегемонию пролетарской литературы» [КК 2].

Большинство членов ассоциации были тесно связаны с политико-просветительной деятельностью – являлись сотрудниками органов советской и партийной печати, служащими республиканских Наркоматов и учреждений, учителями. Литературный опыт большинства – это публикации

в газетах. Только несколько человек являлись авторами книг, в том числе ликвидатор неграмотности Мяндусельской волости Никифор Трифонов [НА КарНЦ РАН 2: 12] и заведующий коммерческо-экономическим отделом Мурманской железной дороги Николай Кашменский [НА КарНЦ РАН 1: 1]. Они издали сборники стихов, весьма далеких от текущей политики. Так, в стихотворении «Над бездной» (сборник «У Полярного круга») Кашменский воспевал мощь Ледовитого океана:

С утра в снастях и скрип, и визг,
Седой простор играет нами,
Летит над шаткими бортами
Несметный рой соленых брызг.
Темны, суровы небеса,
И с каждым часом все угрюмей.
Как жалко тонут в грозном шуме
Земные наши голоса.

[НА КарНЦ РАН 1: 1]

В июле 1926 г. в КАПП входило 17, через полгода – 31 человек [НА КарНЦ РАН 1: 22]. В руководство (бюро КАПП) вошли учитель Тамара Трифонова (ответственный секретарь), врач Терентий Алимов, политэмигрант Ялмари Виртанен (в то время – единственный финн в КАПП). В отчете о работе ассоциации за 1926 г. Т. Трифонова подчеркнула активность и инициативность своих товарищей: «Несмотря на ряд недочетов, работа идет. Важно то, что снизу, совершенно самостоятельно, самодеятельно, добровольно» [НА КарНЦ РАН 2: 23].

В условиях активизации миграционной активности в конце 1920-х – начале 1930-х гг. состав первой литературной организации Карелии значительно обновился. Часть активистов уехала учиться или работать в столичные города (Т. Трифонова, Н. Гаупт и др.), а оттуда прибыли на работу выпускники советских вузов и техникумов (А. Линеvский, С. Колосенок и др.). В годы первой пятилетки активизировалось переселение в Советскую Карелию участников рабочего движения Финляндии, финских иммигрантов из США и Канады. В это время включились в литературную работу в Карелии Э. Виртанен, А. Висанен, Т. Вятяйнен, Л. Косонен, М. Рутанен и др. [Очерк 1969: 94].

КАПП активно поддерживало руководство республики, в котором также ведущую роль играли финны-политэмигранты. Команда Председателя правительства Карелии, в прошлом депутата Финляндского сейма, члена социал-демократической партии Финляндии Эдварда Гюллинга проявила лояльность Сталину во время коллективизации и экономических реформ

конца 1920-х гг. С их точки зрения, успехи индустриализации Карелии показывали трудящимся Северной Европы преимущества социализма, а небывалый экономический кризис на Западе вел к революционной ситуации. Политэмигранты в Карелии готовились к новому штурму капитализма. Местная интеллигенция должна была оказать помощь пролетариату. Важно было создать в искусстве советской Карелии образы героев пятилетки, преодолевающих препятствия, преобразующих действительность. Предполагалось, что после Финляндской революции финно-угорские народы объединятся в едином социалистическом государстве, и литературный финский язык станет языком их общения. С 1929 г. ускорилось введение финского языка в школах, пунктах ликбеза, использование его в деятельности просветительных учреждений, советских и партийных органов, хотя доля финского населения в Карелии в это время не превышала 3%.

К 1932 г. численность членов КАПП выросла до 90 человек. Ассоциация делилась на секции по национальному признаку. Русская секция насчитывала всего 10 человек, в основном это были сотрудники русскоязычных газет [НА РК 3: 38]. Самой многочисленной была финская секция. Значительно усилилось в составе КАПП партийное представительство. Финская секция КАПП в Петрозаводске насчитывала 35 человек, из них 27 являлись членами и кандидатами в члены ВКП(б). В Ребольской ячейке большинство являлись членами или кандидатами в члены ВКП(б), в Кондопоге – каждый третий. Хотя организация стремилась привлечь в литературу рабочих, только ячейка в Кондопоге была пролетарской по составу: в нее входило 15 человек, это были в основном финны, работавшие на Бумажной фабрике. В целом преобладали служащие и интеллигенция. Так, в Ругозере членами КАПП являлись 14 человек, из них половину составляли советские и партийные работники, половину – учителя и библиотекари [НА РК 3: 38].

Финская секция КАПП сотрудничала с финской секцией Ленинградской ассоциации пролетарских писателей (ЛАПП). Литераторы Карелии печатались в литературно-художественном журнале на финском языке «Soihtu» («Факел»), выходившем в Ленинграде в 1927–1930 гг. В журнале прошла дискуссия об искусстве будущего, о концепции личности. Звучали суждения о важности изображения в искусстве «живого человека», мира его души, но доминировала позиция, что «копанье в душе» – просто отрыв от масс. Так, Рагнар Руско прямолинейно утверждал: «Мы должны описывать, изображать и воспевать индустриализацию, пятилетний план, коллективизацию» [Алто 1989: 41].

С 1928 г. финская секция КАПП издавала в Петрозаводске журнал «Punakantele». В декабре 1930 г. он объединился с «Soihtu». Теперь журнал совместно «вели» финские секции КАПП и ЛАПП, хотя организовать спаянную работу оказалось непросто. Возникло много разногласий: ленинградцы упрекали петрозаводчан в недостаточной активности, те критику воспринимали как «выпады против КАПП» [Алто 1989: 57]. В 1932 г., подчеркивая стремление участвовать в «социалистическом штурме», журнал переименовали в «Rintama» («Фронт», 1932–1937).

В 1931 г. появилось печатное издание у русской секции КАПП – журнал «Ударник слова». Его главной задачей стало освещение хода социалистического строительства в Карелии. Больше всего слали в редакцию стихов на злободневные темы, их художественный уровень был низким, однако пристальнее всего всматривались в политический облик авторов. Так, А. Беломорскому, приславшему стихи о всеобуче, редакция советовала «овладеть марксистско-ленинской идеологией, чтобы не писать бесклассовые стихи» [Ударник 1931: 16, 17].

Встречи в литературных кружках, на литературных диспутах дополнились более официальными мероприятиями. В сентябре 1929 г. и в феврале 1931 г. прошли Всекарельские конференции пролетарских писателей. На них были заслушаны доклады о работе финской, карельской и русской секций КАПП, о подготовке кадров драматургов, о развитии литературных кружков. В феврале 1931 г. было избрано правление КАПП, Ялмари Виртанен стал ответственным секретарем ассоциации. Изменилась организационная структура КАПП: основные направления деятельности координировали три сектора – организационный, творческий, учебный.

Анализ литературного процесса на конференциях был подменен «разбором творчества» членов ассоциации. Прежде всего, рьяно («с большевистской прямотой») разоблачались идеологические уклоны [КК 7]. Чаще всего их выявляли в текстах, посвященных жизни деревни.

Особо досталось самым активным членам ассоциации. В 1930–1931 гг. издательство «Кирья» опубликовало два поэтических сборника Леа Хело (наст. имя Тобиас Гуттари). Он учительствовал в сельской глубинке, преподавал в совпартшколе, заведовал Видлицкой школой, был членом сельсовета. В 1929 г. принят переводчиком в редакцию «Красной Карелии», затем заведовал деревенским отделом в республиканской газете «Пунайнен Карьяла». В 1930 г. вступил в партию. В 1927 г. опубликованы его первые стихи, а в 1930 г. Леа Хело уже назначен редактором литературно-художественного журнала «Punakantele» [НА РК 6: 64]. Лирику поэта отличали доверительность и изысканность интонаций,

с сочувствием описывая традиционный крестьянский уклад, он приветствовал ростки нового в жизни земляков [Алто 1997: 48–108]. Однако Леа Хело был обвинен в том, что «неверно» описывал жизнь сельского учителя, подчеркивал трудности деревенского быта и формировал у читателя чувства безысходности и беспросветности. В 1931 г. Леа Хело был снят с поста редактора журнала.

Резкой критике КАПП подвергся Лаури Луото (наст. имя Бруно Шегрен). Он вырос в Финляндии, несколько лет работал лесорубом и шахтером в Америке, вернувшись на родину, включился в рабочее движение, после поражения Финляндской революции 1918 г. эмигрировал в Советскую Россию. Проскальзывали подозрение и зависть к его успехам: в 1925–1929 гг. Лаури Луото издал в Америке четыре книги, в том числе трилогию о Финляндской революции. Он первым попытался художественно осмыслить это переломное событие в жизни своего поколения. Революция предстает в его произведениях как мощная стихия, суровое испытание. Автор надеется преодолеть социальные противоречия через возвращение к традициям крестьянской жизни, к единению с природой, нравственное самосовершенствование [Очерк 1969: 75]. В вину писателю ставилось то, что он представил в своих книгах крестьянское, а не пролетарское видение революционной эпохи [Ударник 1931: 12]. Критике подверглась также книга Лаури Луото о современной жизни советской России – «Ледовитый океан бушует» (1931). Автора упрекали за то, что вместо того чтобы показать классовую борьбу в колхозах, он сосредоточил все внимание на таинствах и мистике Севера [РГАЛИ 1: 38].

Появилась такая форма взаимодействия, как встречи писателей с руководителями республики. В ноябре 1931 г. членов КАПП и бригаду писателей из Ленинграда приняли Председатель СНК КАССР Э. Гюллинг и первый секретарь обкома Г. Ровио. Политики поставили перед литераторами задачу: представить историю Гражданской войны и ход социалистического строительства в Карелии [КК 4]. Через несколько месяцев вышел в свет альманах «Зеленый фронт» (1932). Его название определено главной задачей Карелии в первой пятилетке – наращивать объемы заготовок древесины, так как лесной экспорт давал валюту для индустриализации.

Руководители ассоциаций пролетарских писателей призывали сплотиться вокруг указаний партии, создать «Магнитострой литературы», несмотря на это, в 1932 г. ассоциации были распущены. Одновременно прекращалась деятельность других литературных организаций. В условиях «социалистического наступления» власть усиливала регламентацию

духовной жизни общества. 23 апреля 1932 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло Постановление «О перестройке литературно-художественных организаций», в котором предлагалось объединить всех писателей, поддерживающих платформу советской власти, в единый Союз советских писателей. Новая организация должна была добиться единого коммунистического руководства в литературе, связать творческую работу писателей с политическими задачами современности, установить товарищеское сотрудничество коммунистов с беспартийной «писательской массой», изолировать классовых противников в литературе [Между молотом и наковальней: 14, 128, 221].

Началась работа по созданию единых писательских организаций в автономных республиках и областях РСФСР. Оргкомитет в Карелии развернул активную работу с осени 1933 г. В это время в Оргкомитет входили иммигранты Ялмари Виртанен, Эмили Паррас и Оскар Иоганссон. Они выросли в далекой от литературы среде, воспитывались в рабочих семьях. О. Иоганссон начал трудовой путь чернорабочим в Гельсингфорсе, Я. Виртанен – токарем на одном из петербургских заводов, Э. Паррас – шахтером в США. Я. Виртанен и О. Иоганссон активно участвовали в Финляндской революции 1918 г. После ее подавления бежали в Советскую Россию (Иоганссон – после двух лет тюрьмы). Э. Паррас, проживший более двадцати лет в Америке, был выслан из США в 1932 г. за пропаганду коммунистических идей. Все трое имели большой журналистский и редакторский стаж в рабочей периодике. В то время они были самыми опытными литераторами Карелии: опубликовали сборники стихов (Э. Паррас, Я. Виртанен), романы (Э. Паррас, О. Иоганссон), другие литературные произведения. Судьба организаторов Союза трагична: О. Иоганссон расстрелян в 1938 г., Э. Паррас и Я. Виртанен погибли в заключении в 1939 г.

Помимо известных писателей в 1933 г. в оргкомитет входили начинающие литераторы ленинградец Станислав Колосенок и выросший в Северной Карелии Николай Яккола. Оба прибыли на работу в Петрозаводск в 1931 г. по мобилизации Ленинградского обкома партии. С. Колосенка направили в республиканскую газету «Красная Карелия» и Карельский радиокomitee [НА РК 16: 10]. Карел Н. Яккола возглавил цензурный орган – Карлит, но вскоре перешел на преподавательскую работу в Карельский пединститут. Характерно, что председатель Оргкомитета Н. Яккола и член оргкомитета С. Колосенок в 1934 г. не войдут в состав Союза. В оргкомитете они тащили на себе рутинные организационные обязанности и обеспечивали «идеологическую чистоту».

11 июня 1934 г. в Летнем театре в присутствии членов правительства, ЦИК, ответственных партийных работников Карелии, представителей Ленинградского и Всесоюзного оргкомитетов открылась I Всекарельская конференция писателей. На ней были заслушаны доклады о прозе финских (У. Руханен) и русских (Люфанов) писателей, о русскоязычной (В. Саянов) и финноязычной (Я. Виртанен) поэзии, о национальной драматургии (Р. Руско), о литературной критике (Н. Яккола).

В отличие от конференций КАПП 1929–1931 гг. в выступлениях литераторов на первый план вышла задача повышать литературное мастерство. Критиковали тех, у кого не доставало культуры речи, не получалось выстроить сюжет, преодолеть поверхностность в раскрытии характеров. Докладчики настаивали: в Союз будут принимать только тех, кто действительно талантлив [КК 6].

В КАППовском ключе выстроил выступление заведующий отделом культуры и пропаганды ленинизма обкома ВКП(б) П. Хюппенен, требуя относиться к художественному тексту как к сочинению политическому: «Никакого либерализма, никакого попустительства к произведениям аполитичным или политически вредным мы допускать не должны». П. Хюппенен клеймил «литературную обломовщину», призывал писателей резко критиковать политические ошибки и бороться с местным национализмом [КК 7].

На этой конференции в июне 1934 г. была создана общественная организация – Союз советских писателей Карелии (ССПК). В Союз вступило 13 человек. Их статус внутри организации различался: 8 человек стали членами Союза, 5 человек – кандидатами. Численность новой организации оказалась намного меньше, чем ликвидированной КАПП. Количество членов КАПП в некоторых населенных пунктах (например, в Кондопоге – 15, Ругозере – 13) была сопоставима с численностью новой писательской организации всей республики. Большинство вступивших являлись членами и кандидатами в члены ВКП(б) – из 13 членов 9. Это еще раз показывает, что Союз советских писателей должен был усилить влияние партии среди интеллигенции. Поскольку утверждал членов творческого союза центр и было немало организационной неразберихи, состав республиканской организации после I Всекарельской конференции несколько изменился: в апреле 1935 г. в ССПК входило 12 членов и кандидатов, в том числе 8 финнов и 1 карел [НА РК 7: 5].

Большинство членов Союза советских писателей Карелии составляли эмигранты из Америки и Финляндии. Вновь возглавил общественную организацию писателей Я. Виртанен. Так же как в КАПП, в Союзе

сохранилось деление на русскую и финскую секции. По воспоминаниям А. Линевского, секции действовали изолированно друг от друга. Прежде всего, сказывался языковой барьер: русские литераторы совсем не знали финского языка, из финнов говорили по-русски только Я. Виртанен и Р. Руско [НА РК 31: 5].

В 1935 г. правительство Карелии приняло ряд мер в поддержку членов ССПК: организации выделялась дотация из республиканского бюджета, правительство обязалось повысить авторский гонорар, предоставлять писателям ежегодно оплачиваемый творческий отпуск, выделяло в Доме отдыха Маткачи комнату с двумя годовыми путевками для творческой работы и отдыха членов ССПК [НА РК 8: 22].

Широко праздновались в Карелии юбилеи членов ССПК. В 1936 г. торжественно отмечалось 30-летие литературной деятельности Я. Виртанена. Организацией юбилея занималась Правительственная комиссия, в которую вошли Секретарь Карельского обкома ВКП(б) А. А. Ирклис, Председатель ЦИК КАССР Н. В. Архипов, Председатель СНК КАССР А. И. Бушуев. К юбилею был запланирован выпуск сборников стихов на русском и финском языках. Причем часть тиража должна была быть издана на особой бумаге, с высоким качеством полиграфического оформления для распространения в Америке. В газетах вышли литературные страницы в честь Я. Виртанена, ему посвятили радиопередачу, в библиотеках организовали выставки книг, а в школах и на предприятиях провели собрания в честь юбиляра. В день юбилея в Доме культуры прошел торжественный вечер с участием рабочих и общегородского актива. ЦИК КАССР выделил поэту благоустроенную квартиру в новом Доме специалистов и обязался построить ему дачу. Расходы на проведение юбилея были приняты на счет правительства республики [НА РК 10: 1–7].

28 февраля 1937 г. как «событие большой политической важности» отмечен юбилей Х. Тихля [НА РК 11: 10]. В юбилейном году планировалось издать на русском языке сборник рассказов Х. Тихля. Юбиляру посвятили радиопередачу. В Доме культуры состоялся литературный вечер, а после него товарищеский ужин. Было принято решение выдать писательнице 3 тыс. руб. на оборудование ее дачи на Бараньем Берегу.

Важную роль в развитии литературного процесса играл орган ССПК – финноязычный литературно-художественный журнал «Rintama». С 1934 г. он издавался в Петрозаводске, тираж составлял 1500 экземпляров и более. Ответственным редактором литературно-художественного журнала являлся Урхо Руханен. С конца 1933 г. правительство КАССР отозвало его из аспирантуры Педагогического института имени А. И. Герцена

в Ленинграде для чтения курсов по истории финской и западной литературы в Карельском пединституте. Напряженная педагогическая работа требовала всех сил, и через полгода редакторские обязанности перешли к Я. Виртанену, но и его занятость не позволила сконцентрироваться на журнальной работе. С 1934 по 1937 г. на посту редактора «*Rintama*» сменилось шесть человек, но заместителем редактора оставался У. Руханен, что обеспечивало определенную стабильность деятельности редакции.

В журнале публиковались Я. Виртанен, Э. Паррас, Л. Хело, С. Канкаанпяя, Э. Виртанен, О. Иоганссон и др. Прежде всего, редколлегия стремилась публиковать произведения о современности, на первое место ставилась их идеологическая актуальность, эстетический уровень представлялся менее важным. Тем не менее журнал пытался организовать литературную учебу начинающих авторов, открыл отделы «Нашим внештатным корреспондентам», «Отдел начинающих», «Критика критики». Современное состояние финноязычной литературы обстоятельно анализировали на страницах журнала Л. Хело, Н. Яккола, У. Руханен, А. Висанен и др. В ряде случаев стремление придать публикациям остроту оборачивалось политическими нападками и приклеиванием ярлыков [Алто 1989: 57–83]. В середине 1930-х гг. отдел беллетристики заметно сократился, увеличилось число переводных материалов.

Значительно выросли возможности публикации литературных произведений членов ССПК благодаря тому, что из Ленинграда в Петрозаводск переместилось издательство «Кирия». В нэповскую эпоху кооперативное учреждение, в 1933 г. оно было преобразовано в издательско-полиграфический трест при СНК КАССР. Возглавил «Кирия» Т. Н. Термяля, активный участник революционного движения в Финляндии. На работу в издательство охотно принимали финских иммигрантов. Переселенцы почти не знали русского языка, зато прекрасно владели финским языком, на котором печаталось подавляющее большинство текстов. Передав выпуск газет и журналов «Карпартиздату», издательство «Кирия» сосредоточилось на издании книг, весьма продуманно распределив их по тематике: 27% названий составляли политические издания, 24% – технические, 25% – художественные и детские, 24% – учебные книги [НА РК 19: 2].

Важное место в тематических планах издательства занимала художественная литература. С 1934 по 1936 г. в республике издано 10 книг местных писателей и поэтов, в том числе поэтические сборники Я. Виртанена и Л. Хело, романы Э. Парраса, Х. Тихля, С. Канкаанпяя, повести О. Иоганссона, Э. Раутиайнена, А. Висанена, Хеймоваара, сборник рассказов Ф. Ивачева. Авторами большинства книг являлись

участники революционного движения в Финляндии. Продолжая гуманистические традиции литературы, они стремились представить читателю судьбы крестьянских семей на переломе эпох, борьбу простых людей против обнищания, их социальные ожидания. Финляндская революция 1918 г. стала для многих литераторов переломным событием личной жизни, и в творчестве они пытались осмыслить ее суть и итоги. Писатели изображали революцию возвышенно, видели в ней торжество справедливости, романтизировали революционное насилие [Алто 1997: 80, 85, 86].

В 1934–1935 г. в Петрозаводск приезжал член Союза писателей СССР Н. Ф. Рождественский, он познакомился с литературной, культурной жизнью республики и по итогам поездки подготовил докладные записки о состоянии ССПК для руководства Союза писателей СССР и обзор литературы Карелии для республиканской печати. Его «расклад» литературных сил республики в середине 1930-х гг. интересен как взгляд изнутри системы и в то же время чуть со стороны. Наиболее ценным вкладом в литературу Карелии Рождественский признавал написанный еще в США роман Э. Паррасса «Юмюваара». Роман характеризовался как первое произведение о полувековой борьбе пролетариата Финляндии и как текст высокого художественного уровня: «действующие лица романа живые, настоящие люди». Высокую оценку рецензента получили книги Лаури Луото о Гражданской войне в Финляндии. Рождественский высоко оценил художественный дар и профессионализм Лаури Луото: «За несколько лет им написано столько томов, сколько с трудом смогут осилить многие маститые писатели за десятки лет своей литературной деятельности» [РГАЛИ 1: 3]. Из произведений, посвященных советской Карелии, рецензент выделил очерки об индустриализации республики (О. Иоганссона «Кондопога – ударная работа», С. Норина «Взорванные горы» и др.). Он отметил как важность поднятых в них тем, так и недостаточное мастерство в их раскрытии. Особняком стояла в обзоре характеристика творчества Х. Тихля, автора шести изданных в Финляндии книг. Герои Х. Тихля – маленькие люди старого времени с их повседневными заботами, радостями и переживаниями, что мало соответствовало духу эпохи «социалистического штурма». Однако творчество Х. Тихля оценивалось высоко, подчеркивалось, что ее книги увлекают, легко читаются [КК 5].

В середине 1930-х гг. общественно-политическая ситуация в Карелии существенно изменилась. Сталинское руководство отстранило от работы, а затем и физически уничтожило когорту республиканских управленцев и политиков, выдвинутых в 1920-е – начале 1930-х гг.

Для Гюллинга Советская Карелия была, прежде всего, форпостом социализма на Севере Европы, а в середине 1930-х гг. сталинское руководство, рассчитывая на антифашистский союз с западными державами, горячую пропаганду идей мировой революции притормозило и вообще приписало ее опальному Троцкому. Большевики взяли на вооружение новую идеологическую концепцию, в которой основной упор делался на защиту геополитических интересов России и укрепление патриотизма. Важную роль в формировании гражданских качеств молодежи признали за исторической наукой. Пропаганда стала акцентировать историческую роль русского народа как опоры, «старшего брата» других народов СССР, государствообразующей нации. Вместе с тем возросла подозрительность сталинского режима к так называемым «представителям иностранных государств», в них видели проводников западных ценностей и интересов. В этих условиях центральные власти усилили давление на финских иммигрантов в Карелии. Утверждалось, что, прибыв из-за границы, финны привезли с собой сформированную в недрах буржуазного общества национальную ограниченность, с которой следовало вести непримиримую борьбу [НА РК 2: 46; НА РК 3: 77; НА РК 4: 57; НА РК 5: 50; НА РК 6: 53].

В условиях смены идеологических приоритетов ужесточилась цензура. Если прежде цензорами могли назначить перегруженных работой сотрудников районных отделов народного образования или даже редакторов газет [НА РК 21: 35], то теперь их заменяли выпускники Коммунистических университетов, имевшие партстаж не менее 4–5 лет и военную подготовку, и над ними постоянно висела угроза увольнения из-за «нехватки бдительности» [Ярмолич 2009: 190]. На основе сигнального экземпляра проводилась повторная проверка вышедших изданий. Ранее опубликованные сочинения могли переводиться в спецхран. За политические ошибки Карлит задержал книгу С. Канкаанпя «Интервенция», пьесу Л. Хело «Решение комитета» [НА РК 20: 61, 83]. В 1934 г. «по сигналам читателей» был изъят из библиотек журнал «Ахво» за публикацию стихотворения Я. Виртанена «Марш красных егерей», в котором Красная Армия была представлена наступающей, а карельские егеря – свершителями мировой революции [НА РК 20: 48]. В 1932 г. Карлит разрешил публикацию книги Лаури Луото «Олонецкая равнина», а в 1934 г. изъят ее из библиотек. Причиной стало то, что в книге подробно характеризовалась роль американских переселенцев в коллективизации Олонецкого района [НА РК 22: 46].

ССПК стал также брать на себя функции цензурного ведомства. В январе 1937 г. в Союзе обсуждали роман Отто Ойнонена «Дело Попова». Автор романа – в прошлом секретарь Союза пролетарских писателей

Финляндии, участник знаменитого похода на Кимасозеро, совсем недавно – главный редактор «Rintama», тем не менее его роман признали «классово враждебным». Союз определил судьбу рукописи: «пресек попытки автора протащить роман в издательство» [НА РК 22: 4].

Издательство «Кирия» было обвинено в том, что разжигало межнациональную рознь, опиралось на поддержку из-за рубежа [КК 8], не желало выпускать литературу на русском языке [КК 9; КК 10]. Т. Н. Термяля был уволен с работы и исключен из партии. Он направил апелляцию в Ленинградский обком партии, напомнив о своей революционной работе с 1904 г. Затем поехал искать правду в Москву, побывал в ЦК ВКП(б), ЦК КПФ, в редакции газеты «Правда», но безрезультатно [Такала 1993: 120]. В период «национальных операций» 1937–1938 гг. ведущие сотрудники треста «Кирия» были репрессированы.

Если в 1935 г. «Кирия» выпустила 320 названий книг, то в 1936 г. – 221, в 1937 г. – 146 названий. Книги на финском языке (116 названий) [НА РК 18: 122] тут же списали как «идеологический брак». Убытки составили 1,3 млн руб. [НА РК 17: 8]. Все готовившиеся к изданию книги на финском языке были изъяты из производства. В 1938 г. все учебники, изданные на финском языке, были изъяты из книготорговой сети, из библиотек и школ. Изъятые книги требовали уничтожить.

2 ноября 1937 г. СНК КАССР принял постановление о реорганизации государственного издательства «Кирия» в Карельское государственное издательство – Каргосиздат. Главной задачей издательства была признана «ликвидация последствий вредительства» [НА РК 25: 3].

В это время, когда финский язык в Карелии оказался фактически под запретом, развернулась ширококомасштабная работа по созданию единого литературного карельского языка. Под руководством профессора Д. В. Бубриха начался уникальный эксперимент: в единую систему объединялись важные черты всех диалектов карельского языка. Активное участие в работе по созданию литературного карельского языка принимали сотрудники Карельского НИИ культуры. В конце 1937 – начале 1938 г. были утверждены алфавит единого карельского языка на основе русской графики письма, издана грамматика карельского литературного языка, подготовлены учебники и словари. Осенью 1937 – зимой 1938 г. на карельский язык было переведено преподавание в первых – третьих классах школ карельских районов. В ходе работы встало много проблем: несовершенство грамматики, отсутствие единой терминологии, нехватка специалистов и др. Их решение требовало многолетней вдумчивой работы интеллигенции, финансовой и материальной поддержки государства.

В новых политических условиях тесно связанная с курсом опальных политиков писательская организация оказалась словно на пороховой бочке.

Устав Союза писателей предусматривал исключение из организации в случае «противоречия деятельности члена Союза интересам социалистического строительства» [НА РК 28: 3]. Начиная с 1935 г. исключение из ССПК начало применяться для профессиональной и общественной дискредитации писателей. Первым исключили Лаури Луото. После исключения опальный писатель оказался в социальной изоляции. Уже исключительно, его продолжали обличать на заседании партгруппы Союза, поскольку он «создал вокруг себя группу националистов» [НА РК 9: 19]. От членов Союза потребовали не только публичного разоблачения взглядов коллеги, но и полного прекращения контактов с ним. Осенью 1935 г. Лаури Луото был первый раз арестован и восемь месяцев провел в тюрьме.

Февральско-мартовский пленум ЦК ВКП(б) 1937 г. прошел под лозунгами расширения внутрипартийной демократии и усиления самокритики. Под лозунгом самокритики заседала партийная группа ССПК 7 и 11 июня 1937 г. С докладом выступил ответственный секретарь Союза и политический редактор (то есть цензор) издательства «Кирья» Федор Ивачев. Он клеймил «КАППовское прошлое» писателей и разоблачал буржуазный национализм. В духе самокритики оратор назвал недопустимо либеральным поведение руководства ССПК. Под либерализмом в данном случае понимались товарищеские отношения, терпимость и взаимоуважение. 5 августа 1937 г. в письме секретарю горкома ВКП(б) В. Романову парторг ССПК карел Иван Сергеев упрекал коммунистов Союза в мягкотелости, просил дать четкие указания [НА РК 9: 22], однако выполнить их ему уже не суждено, через две недели Сергеев был арестован, через месяц приговорен к расстрелу [История литературы Карелии 2000: 62].

27 августа 1937 г. на общем собрании был поставлен вопрос «О буржуазных националистах в Союзе советских писателей Карелии». Первым рассматривалось личное дело Леа Хело, автора шести поэтических книг. Известному поэту поставили в вину переезд в Карелию по приглашению «врага народа» Хюппенена («но я не знал его подлого лица»), участие в литературе «Литфронта» («впервые услышал это название в 1931 г., когда „Литфронт“ объявил о своем роспуске»), примыкание к буржуазным националистам и проведение их линии («Я всегда отрицательно относился к узко замкнутому миру финнов-эмигрантов») [Филимончик 2016: 52]. Попытки Леа Хело разбить нелепые обвинения в свой адрес оказались безрезультатны. Воздержались против его исключения из Союза только У. Руханен и Р. Нюстрем, их персональные дела также стояли в повестке дня.

На собрании резко критиковалась политика финнизации в образовании Карелии. Выступавшие отмечали, что в учебниках по литературе для средней школы две трети объема отводилось изучению литературы Финляндии, в программе по литературе в пединституте были излишне детально представлены произведения финноязычных писателей Карелии: «Классику французской литературы, другу СССР Р. Роллану отводилось 2 часа, а изучению литературного „багажа“ О. Иоганссона – 10 час.» [РГАЛИ 3: 12]. В этих перекосах обвинили лично Урхо Руханена, разработчика учебных программ и пособий по литературе. Бесплезны были его попытки оправдаться: «Я проводил финнизацию потому, что от меня этого требовали. Эту общую линию финнизации мне давал Наркомпрос» [НА РК 9: 30]. Из Союза писателей он был исключен, в 1938 г. арестован и восемь лет провел в заключении.

На следующий день собрание началось с критики финнизации театрального дела Карелии. Рассматривалась творческая работа главного режиссера Национального театра Карелии Р. Нюстрема. Ему поставили в вину то, что принимал на работу в театр финнов-иммигрантов, ставил в Национальном театре «националистические пьесы» Лаури Луото. Режиссер пояснил, что актеров из Америки в театр направил Наркомпрос, среди иммигрантов были отличные исполнители с 20–25-летним стажем, все поставленные в театре пьесы были разрешены Главлитом. Согласился он лишь с упреком, что сконцентрировавшись на театральной работе, стал меньше заниматься литературным творчеством: «Я горячо люблю литературу. Может быть, благодаря любви к литературе я стал работать в театре. Театр увлек меня целиком» [РГАЛИ 3: 15]. После исключения из Союза Нюстрем оставался на свободе всего три месяца, он умер в лагере в 1939 г.

На этом же собрании резкой критике подвергли О. Иоганссона. Речь шла уже не просто о схематизме его очерков в книге «Кондопога – ударный труд», а о «крупных политических ошибках», поскольку рассказывалось в очерках исключительно о рабочих-финнах. Иоганссон пояснил, что такова была общая линия, когда рукопись была сдана в производство, редактор вычеркнул из текста все русские фамилии, снял фотографии русских рабочих. Кроме того, в вину Иоганссону было поставлено то, что дал рекомендацию в партию литератору, который оказался «врагом народа», «не порвал с женой», у которой отец оказался шпионом и умер в тюрьме [РГАЛИ 3: 16].

Писателя, пришедшего в литературу с производства, из рабочей среды, С. Канкаанпяя клеймили за то, что издательство вернуло рукопись

его романа на доработку, а изданная книга не имеет художественной ценности. «Я отлично понимаю, что хорошим писателем человек не становится за 1–2 года. У меня еще есть силы, я пойду в лес, буду работать простым лесорубом... Надеюсь новым произведением завоевать право называться советским писателем», – с отчаянием обращался он к товарищам [РГАЛИ 3: 21]. Через несколько месяцев после исключения из Союза С. Канкаанпя был арестован и расстрелян.

30 сентября 1937 г. «Литературная газета» опубликовала статью «На поводу у буржуазных националистов». Ее обсуждали на общем собрании ССПК 29 октября 1937 г. «с большевистской прямоотой и резкостью». На этом собрании присутствовало 13 человек, из них только два человека являлись членами Союза, остальные представляли «актив». К тому времени большинство членов ССПК – финнов по национальности были уже арестованы. Пережили вал репрессий двое – Леа Хело и Х. Тихля. В 1939 – начале 1940 г. они были восстановлены в Союзе.

Решение о руководителе писательской организации приняли партийные органы. 20 февраля 1938 г. Бюро обкома партии вынесло решение о снятии Я. Виртанена с поста председателя правления ССПК в связи с «разоблачением его как врага народа». Были изъяты из библиотек, из продажи и с производства его книги, брошюры, портреты.

Таким образом, общественная организация писателей, следовавшая в фарватере политического курса республиканской властной элиты 1920-х – начала 1930-х гг., в условиях смены этого курса подверглась разгрому. Критика национальной политики «красных финнов» сопровождалась травлей людей, сведением счетов, призывы немедленно покончить со склокой повисали в воздухе. Разгромные «проработки» товарищей, демонстрация «классовой бдительности» усиливали атмосферу отчаяния и страха в литературной среде. Многие литературные произведения оказались в «спецхранах», их авторы стали изгоями или вообще были физически уничтожены. Изменив курс, власть возложила ответственность за «финнизацию» на опальных партийных и государственных работников Карелии и общественных активистов, тесно с ними связанных, в том числе писателей. Когда осенью 1938 г. вал репрессий был остановлен, пришлось вновь создать Оргкомитет ССПК. В него вошли политредактор Всеволод Королев, переводчик на карельский язык Александр Кириллов и журналист Сергей Норин. Начался прием в писательскую организацию, прежде всего, русских и карелов. Членами ССПК стали прежде кандидаты Александр Линевский и Сергей Норин. В писательский Союз был принят заведующий кафедрой литературы пединститута, кандидат филологических наук

Василий Базанов [РГАЛИ 4: 1]. Оргкомитет содействовал изданию поэтических сборников Александра Иванова, Юлии Никоновой, Ивана Кутасова, исторического романа «Возмутители» Виктора Чехова. Когда книги вышли, этих литераторов приняли в Союз. В писательскую организацию вступили также члены редколлегии журнала «Карелия» Всеволод Королев и Федор Исаков [РГАЛИ 5: 5]. В 1939 г. членами Союза советских писателей Карелии стали девять сказителей: карельские крестьяне Мария Ремшу, Матвей Коргуев, Тимофей Туруев, Анисья Вагчиева, русские крестьяне Федор Конашков, Петр Рябинин-Андреев, Фекла Быкова, Анна Пашкова, Федор Свинын. В июне 1939 г. Оргкомитет закончил работу, было избрано Правление ССПК в составе С. Колосенка, В. Чехова, М. Коргуева, В. Королева, Т. Гуттари, В. Базанова, Т. Туруева. Ответственным секретарем Союза стал С. Колосенок [РГАЛИ 5: 4, 8].

Правительство Карелии увеличило дотации ССПК из республиканского бюджета. С 1941 г. содержание творческого союза полностью перешло на государственный бюджет республики. Смета расходов ССПК на 1941 г. составила 138 тыс. руб. Для ведения организационной работы Союзу было выделено 5,5 ставки. Заработная плата ответственного секретаря Союза составляла 900 руб., его заместителя – 800 руб. в месяц [НА РК 29: 65, 71] (для сравнения укажем, что среднемесячная зарплата рабочих и служащих СССР в это время равнялась 328 руб.).

Основной задачей ССПК в 1938–1939 гг. было содействие развитию карельской литературы. У ССПК появился печатный орган на карельском языке – ежемесячный журнал «Карелия» (1938–1940). Состав его редколлегии менялся. В разное время в нее входили П. Соколов, В. Королев, В. Кириллов, Н. Богданов, Н. Гиппиев, Л. Хело и др. Далеко не все члены редколлегии имели литературный и журналистский опыт. Редактором нового журнала был назначен карел Федор Исаков – молодой работник Каргосиздата, автор нескольких стихотворений и рассказов на карельском языке [РГАЛИ 4: 4]. Тираж первых номеров журнала превышал 4 тыс. экземпляров, но постепенно он снизился до 2000–1100 экземпляров [Алто 1997: 110].

В это время в республике насчитывалось около десятка авторов – карелов по национальности. Ко времени создания журнала вышло несколько небольших книг на карельском языке: сборник Ф. Ивачева «Жернова», И. Никутьева «Марфа», А. Кириллова «Бригадир лучшей бригады». Положительно оценила критика сборник рассказов А. Тимонена на северокарельском диалекте, изданный в Петрозаводске в 1933 г., когда автору было всего 18 лет. С этого времени А. Тимонен пытался совмещать

журналистскую и литературную стезю. В 1936 г. он работал над повестью «Каменная школа», в 1938 г. написал ряд небольших рассказов на карельском языке. В 1937 г. в правлении ССПК несколько месяцев занимал должность консультанта по литературе на карельском языке [Дюжев 2014: 50–66]. Однако карельский литературный язык еще только формировался, авторы-карелы находились в начале своего творческого пути и не могли предложить нужное журналу число оригинальных произведений. Выступая на I съезде писателей Карелии, А. Тимонен размышлял: «Буду ли я заниматься литературным трудом? Буду. Но мне надо учиться писать» [НА РК 26: 157].

В этих условиях основное внимание редколлегии журнала уделяла переводческой деятельности. При ССПК была создана секция переводчиков (руководитель Леа Хело). Основным объемом журнала «Карелия» был занят переводами на карельский язык произведений русской классики и советской литературы [Алто 1997: 111].

Расширились возможности публикации фольклорного материала. Огромную собирательскую работу вел Карельский НИИ культуры, а при ССПК действовала фольклорная секция (руководитель Василий Базанов). Высокую оценку специалистов получило двухтомное собрание сказок М. Коргуева, изданное в Петрозаводске в 1939 г. Тогда же были изданы сборники карельских народных песен и сказок. Вышли в свет сборник былин П. И. Рябинина-Андреева (1940), сборник «Былины Пудожского края» (1941).

Не всегда фольклорные тексты легко проходили цензуру. Символично, что в феврале 1938 г., в разгар сталинских репрессий, Карлит потребовал, чтобы в сборнике причитаний Ирины Федосовой были заменены заголовки «Похороны», «Плач на могилах», так как они «не созвучны нашему времени». Когда было набрано больше половины рукописи и часть ее отпечатана, у Карлита вообще возникло сомнение: нужно ли печатать причитания? Тогда издатели сообщили в обком партии, что о волоките с этой книгой узнал писатель Алексей Толстой, он предложил передать материал М. Зощенко и подготовить фельетон для сатирического журнала «Крокодил» [НА РК 12: 75].

В то же время охотно поощрялось создание сказителями «новин». В альманахе «Карелия» публиковались сказы о поимке карельскими охотниками и рыбаками шпионов, о зажиточной колхозной жизни, о великом Сталине и его соратниках. Так, в сказке пудожского крестьянина Ф. Конашкова «Самое дорогое» колхозницы рассказывают: «Мы молочка надоим, сливочки сольем, маслица собьем. В печь поставим, оттворожим,

лепешек напечем, сметаной зальем». Самой счастливой для колхозников оказывается их колхозная жизнь: «Да никогда она не была бы такой, коли бы нам не сказали наши мудрые правители, как жить» [Карелия 1938: 76–78]. Создавая идеалистический образ советской Карелии, сказители не могли опираться на бытовую практику реальной жизни, скорее они ориентировались на утопические легенды о «народном заступнике», «избавителе», «далеких землях», «острове счастья» [История литературы: 95–98]. Многое подсказывали или даже навязывали научные кураторы. На Всесоюзном совещании по фольклору собирательница М. И. Кастрова рассказала о том, как Ф. Конашков работал над упомянутой сказкой «Самое дорогое». В этом докладе встречаем выражения «пришлось мне подсказать», «все время пыталась разъяснить», «я ухватилась за эту мысль», «после моих указаний о политической неправильности задачи», «Ф. А. покорно согласился» и т. д. [Сенькина 2012: 214–216].

В июне 1939 г. Ф. А. Конашков, Т. Е. Туруев, А. М. Пашкова участвовали в работе Всесоюзного слета певцов и сказителей. Делегаты слета прослушали лекции и доклады об итогах XVIII съезда ВКП(б), о международном положении, посетили музей В. И. Ленина и мавзолей. На встречу с ними приезжал участник спасения челюскинцев Герой Советского Союза М. Т. Слепнев. Участники слета осмотрели метрополитен, получили возможность облететь Москву на современном самолете, совершить поездку по каналу Москва – Волга. Они побывали в Большом театре, в музеях, на выставках [КК 11]. В свою очередь, сказители выступили в Доме народного творчества имени Н. К. Крупской, в Доме писателей, в Сокольническом парке культуры и отдыха. В дни съезда коллективно они сложили «письмо великому Сталину» [КК 12].

К каждому сказителю был прикреплен писатель. 14 августа 1939 г. Правление ССПК решило, что Норин будет помогать Свиньину, Базанов – Рябинину, Кутасов – Коргуеву, Ю. Королев – Ватчиевой, Линеvский – Быковой, Колосенок – Пашковой, Гуттари – Ремшу [РГАЛИ 5: 17, 18]. Так, летом 1939 г. поэт Леа Хело ездил к сказительнице М. А. Ремшу, чтобы собрать материал о ее жизни. Над биографиями сказителей активно работали и другие писатели. ССПК оплачивал выступления сказителей перед студентами и другими организованными слушателями, предоставлял безвозвратные денежные ссуды (300–500 руб.), путевки в санаторий.

Власти высоко оценили работу сказителей – членов ССПК. В 1939 г. их наградили орденами «Знак Почета», грамотами Верховного Совета Карелии. Когда в обком партии поступили жалобы, что один из награж-

денных орденом «бывший кулак», их сочли неправомочными, направленными против пожилого человека, художественное значение творчества которого бесспорно [РГАЛИ 5: 42]. Однако повседневная жизнь сказителей оставалась наполненной теми же крестьянскими тяготами, а внимание к ним «верхов» нередко даже раздражало односельчан. В беседе с собирательницей Родиной М. Коргуев сетовал: «В деревне я почувствовал зависть, как меня вызывают. Мужики говорят: „Опять врать поежжает“» [Сенькина 2012: 84].

Общественно-политическую жизнь пограничной Карелии существенно изменило начало Второй мировой войны. Сталин считал, что ему удастся использовать ослабление столкнувшихся в смертельной схватке западных стран для того, чтобы расширить коммунистическое влияние, вернуть территории, утраченные с развалом Российской империи. В марте 1940 г. после Советско-финляндской войны была установлена новая линия границы между Россией и Финляндией. Территории, отошедшие к Советскому Союзу, Сталин передал Карелии, которая была выведена из состава РСФСР и преобразована в Карело-Финскую союзную республику. До разгрома Франции советский лидер еще рассчитывал на секретные договоренности с Гитлером о разделе сфер влияния, на советизацию Финляндии, и в ноябре 1940 г. на переговорах в Берлине Молотов настаивал на дальнейшем укреплении позиций СССР на Севере Европы. Неслучайно важные государственные посты в Карелии получили бывшие члены Народного правительства Финляндии. Запрещалось переименование городов, сел, железнодорожных станций, географических объектов на бывшей территории Финляндии, включенной в КФССР [Веригин: 155, 157]. В 1940 г. работа по созданию литературного карельского языка была резко прекращена, а финский язык вновь стал широко использоваться в образовании и культуре. В докладе Председателя Президиума Верховного Совета КФССР О. В. Куусинена на Первой сессии Верховного Совета КФССР (июль 1940) подчеркивалось: «Мы к финскому языку относимся с почетом, и у нас финский язык является государственным языком, у нас печатаются книги, газеты на финском языке, обучение в школах с осени будет проходить на финском языке» [НА РК 24: 57].

Теперь все силы «Каргосиздата» были брошены на издание учебной литературы на финском языке. В 1940 г. было выпущено 2 учебных пособия на русском языке, 2 – на карельском и 39 учебных пособий на финском языке [НА РК 13: 4, 6]. Вновь издательство лихорадило из-за «кадрового голода». В 1940 г. из 9 редакторов 7 уволено из-за слабого знания финского языка [НА РК 13: 8]. Издательству срочно требовались сотрудники,

хорошо знающие финский язык, и авторы, талантливо на нем пишущие. Для других спешно организовывались языковые курсы [НА РК 15: 62].

Преобразование автономной Карелии в союзную Карело-Финскую ССР внесло изменения в деятельность ССПК. В 1940 г. у Союза появились новые печатные издания на русском и финском языках – журналы «На рубеже» и «Punalippu» («Красное знамя»). Правление ССПК утвердило редактором «Punalippu» В. Королева, с января 1941 г. – А. Эйкия. Ответственным редактором журнала «На рубеже» был назначен С. Колосенок. В условиях дефицита кадров редакторы не являлись «освобожденными», работу в журнале они совмещали с другими должностями. В состав редколлегии «Punalippu» входил также Леа Хело, в редколлегию «На рубеже» – В. Базанов, В. Чехов [НА РК 14: 1]. Активнее всех работал в журнале «На рубеже» И. Кутасов.

Издавать два литературных журнала творческому союзу, в который входило 23 литератора, было невероятно трудно. На заседаниях правления ССПК в 1940–1941 гг. постоянно ставились вопросы о деятельности журналов, об острой нехватке художественных текстов для публикации, о низком качестве переводов из-за плохого знания финского языка неопытными переводчиками [НА РК 27: 15, 24, 32]. Несмотря на трудности, до начала Великой Отечественной войны вышло 10 номеров журнала «На рубеже» и 13 – «Punalippu».

22–25 декабря 1940 г. состоялся первый съезд писателей Карелии. В выступлении ответственного секретаря ССПК С. Колосенка подчеркивалось, что главная задача писателей – художественным способом отображать нашу замечательную действительность, показать героев, преобразующих мир [НА РК 26: 2]. В этой связи немало гневных слов на съезде обрушилось на роман Александра Линевского «Доктор Подобин» (1937). Писателя ругали за то, что у него нашлось много красок для описания обывателей-интеллигентов, а образы большевиков вышли блеклыми, слабыми [НА РК 26: 20]. В докладе секретаря Союза советских писателей Карелии С. Колосенка Подобин характеризовался как вредитель, заядлый враг: «В перспективе он стал бы агентом капиталистических разведок» [НА РК 26: 64].

С докладом «О задачах литературного движения КФССР» на съезде выступил секретарь ЦК КП(б) КФССР И. И. Сюкияйнен. Важнейшей задачей писательской организации он назвал выращивание кадров, работающих на финском языке [НА РК 26: 21]. На съезд прибыл освобожденный в 1940 г. из финской тюрьмы Тойво Антикайнен. Его бурно приветствовали, весь зал встал, финского революционера избрали в президиум съезда.

Об изменении политики по отношению к финноязычным писателям свидетельствовало то, что на съезде предоставили слово Хильде Тихля. Она призвала изображать жизнь правдиво, но не быть фотографом, а о литературных дискуссиях сказала так: «К молодым писателям нужно относиться чутко, критиковать не в грубой форме и, критикуя, указывать достоинства» [НА РК 26: 182, 183].

Лучшим современным произведением на финском языке на съезде была названа поэма Армаса Эйкия о Т. Антикайнене «Песня орла». Активный участник коммунистического движения Финляндии, редактор рабочих газет, А. Эйкия создал ее в тюремном застенке [История литературы Карелии 2000: 186–189]. В Карелию он прибыл как сотрудник Коминтерна, в его трудовой книжке в графе профессия было написано – политработник [НА РК 30: 2]. После Советско-финляндской войны он возглавлял Управление по делам искусств при правительстве республики. Членом ССПК А. Эйкия был избран в ноябре 1940 г. Представляя его писательскому сообществу, Т. Гуттари напомнил о преследованиях поэта финской охранкой, о его семилетнем тюремном заключении за политическую деятельность. В. Королев сказал, что познакомился с поэзией А. Эйкия в январе 1940 г., когда во фронтовой землянке услышал бодрую песню на его слова [НА РК 27: 45]. В начале 1941 г. недавно принятый в Союз А. Эйкия возглавил писательскую организацию Карелии. В начале Второй мировой войны новый натиск рабочих на империалистические правительства казался не за горами, и вновь был востребован образ писателя – революционера и интернационалиста.

Таким образом, общественные организации писателей играли важную роль в общественно-политической жизни Карелии во второй половине 1920-х – 1930-е гг. Они осуществляли профессиональную коммуникацию, оказывали материальную помощь, в целом расширили публикаторские возможности. Их печатными органами являлись литературно-художественные журналы на финском, карельском и русском языках. В то же время через писательские организации правящая элита транслировала устраивающее ее видение реальности, обозначала творческие приоритеты, осуществляла преследование неугодных. Первая общественная организация писателей была создана при содействии партийных и советских органов, в нее активно вступали политпросветработники, русские по национальности. Поначалу литературный опыт большинства был мало связан с текущей политикой. В первой половине 1930-х гг., когда Карелия рассматривалась как форпост социализма на Севере Европы, актив писательских организаций республики составляли

коммунисты-политэмигранты из Америки и Финляндии, воспевавшие интернационализм, революционный подвиг пролетариата и пафос социалистического строительства. В период сталинских репрессий они были обвинены в «буржуазном национализме» и исключены из писательской организации. Преследования и гибель ведущих писателей привели к фактическому распаду организации. В условиях усиления государственно-охранительных тенденций в идеологии первоочередную поддержку возрожденного Союза получили литературные и фольклорные произведения на русском и карельском языках. В конце 1930-х гг. более трети писательского союза составляли сказители – носители традиционной культуры карелов и русских. В начале Второй мировой войны, когда вновь оживились надежды на революционный взрыв в Европе и советизацию Финляндии, важной задачей Союза было провозглашено формирование кадров писателей, владеющих финским языком, и создание финноязычных художественных произведений. Несмотря на общественный статус, писательская организация действовала по характерным для государственного учреждения иерархическим правилам и в конце рассматриваемого периода стала полностью финансироваться из государственного бюджета.

Источники

- Карелия – Карелия: литературно-художественный альманах. 1938. Книга 4.
КК 1 – Красная Карелия: орган Карельского обкома ВКП(б) и ЦИК КАССР. 1926. 18 мая.
КК 2 – Красная Карелия. 1926. 10 июля.
КК 3 – Красная Карелия. 1931. 7 ноября.
КК 4 – Красная Карелия. 1931. 14 ноября.
КК 5 – Красная Карелия. 1934. 15 марта.
КК 6 – Красная Карелия. 1934. 15 июня.
КК 7 – Красная Карелия. 1934. 18 июня.
КК 8 – Красная Карелия. 1935. 6 апреля.
КК 9 – Красная Карелия. 1935. 17 апреля.
КК 10 – Красная Карелия. 1935. 20 апреля.
КК 11 – Красная Карелия. 1939. 30 июня.
КК 12 – Красная Карелия. 1939. 4 июля.
Между молотом и наковальней 2010 – Между молотом и наковальней. Союз советских писателей СССР. Документы и комментарии. Т. 1. М.: РОССПЭН, 2010. 1021 с.
НА КарНЦ РАН 1 – Научный архив Карельского научного центра РАН. Разряд XI. Оп. 1. Д. 19.
НА КарНЦ РАН 2 – Научный архив Карельского научного центра РАН. Разряд XI. Оп. 1. Д. 54.

- НА РК 1 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. 3. Оп. 3. Д. 99.
НА РК 2 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. 3. Оп. 3. Д. 108.
НА РК 3 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. 3. Оп. 3. Д. 111.
НА РК 4 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. 3. Оп. 3. Д. 112.
НА РК 5 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. 3. Оп. 3. Д. 114.
НА РК 6 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. 3. Оп. 3. Д. 118.
НА РК 7 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. 3. Оп. 3. Д. 362.
НА РК 8 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. 3. Оп. 3. Д. 364.
НА РК 9 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. 3. Оп. 3. Д. 365.
НА РК 10 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. 3. Оп. 4. Д. 149.
НА РК 11 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. 3. Оп. 4. Д. 365.
НА РК 12 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. 3. Оп. 5. Д. 196/149.
НА РК 13 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. 8. Оп. 1. Д. 16/148.
НА РК 14 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. 8. Оп. 1. Д. 39/427.
НА РК 15 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. 235. Оп. 2. Д. 4/46.
НА РК 16 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. 243. Оп. 1. Д. 1/1.
НА РК 17 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. 630. Оп. 1. Д. 112/1060.
НА РК 18 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. 700. Оп. 1. Д. 208/1509.
НА РК 19 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. 700. Оп. 1. Д. 211/1541.
НА РК 20 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. 757. Оп. 1. Д. 1/5.
НА РК 21 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. 757. Оп. 1. Д. 1/9.
НА РК 22 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. 757. Оп. 1. Д. 2/4.
НА РК 23 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. 757. Оп. 2. Д. 1/1.
НА РК 24 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. 1215. Оп. 1. Д. 1/1.
НА РК 25 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. 1230. Оп. 19. Д. 78/79.
НА РК 26 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. 2923. Оп. 1. Д. 1/1.
НА РК 27 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. 2923. Оп. 1. Д. 1/3.
НА РК 28 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. 2923. Оп. 1. Д. 1/5.
НА РК 29 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. 2923. Оп. 1. Д. 1/7.
НА РК 30 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. 2923. Оп. 5. Д. 165.
НА РК 31 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. 3262. Оп. 3.
Д. 4/44.
РГАЛИ 1 – Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 631.
Оп. 6. Д. 46.
РГАЛИ 2 – Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 631.
Оп. 6. Д. 105.
РГАЛИ 3 – Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 631.
Оп. 6. Д. 181.
РГАЛИ 4 – Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 661.
Оп. 6. Д. 233.
РГАЛИ 5 – Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 631.
Оп. 6. Д. 270.
Ударник 1931 – Ударник слова. 1931. № 1.

Литература

Алто Э. Л. Советские финноязычные журналы 1920–1980. Петрозаводск: Карелия, 1989. 163 с.

Алто Э. Л. Финноязычная литература Карелии // История литературы Карелии. Т. 2. СПб.: Наука, 1997. 244 с.

Афанасьева А. И. Великий Октябрь и становление советской культуры в Карелии. 1918–1927. Петрозаводск: Карелия, 1983. 238 с.

Афанасьева А. И. Культурные преобразования в Советской Карелии. Петрозаводск: Карелия, 1989. 277 с.

Веригин С. Г. Карелия в годы военных испытаний. Петрозаводск: ПетрГУ, 2009. 541 с.

Дюжев Ю. И. Народный писатель Карелии Антти Тимонен. Очерк жизни и творчества. Петрозаводск: Северное сияние, 2014. 541 с.

История литературы Карелии / Гл. ред. Н. С. Надъярных. Т. 3. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2000. 458 с.

Летопись литературной жизни Карелии / Сост. М. Ф. Пахомова, Н. С. Полищук. Петрозаводск: Карельское книжное изд-во, 1963. 510 с.

Очерк истории советской литературы Карелии / Отв. ред. Э. Г. Карху, Н. С. Надъярных. Петрозаводск: Карельское книжное изд-во, 1969. 375 с.

Сенькина Т. И. Забытые и неизвестные страницы истории фольклористики Карелии: Очерки и материалы. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2012. 216 с.

Такала И. Р. Репрессивная политика в отношении финнов в Советской Карелии 30-х годов // Вопросы истории Европейского Севера: Сб. ст. Петрозаводск, 1993. С. 111–128.

Филлимончик С. Н. Деятельность Союза советских писателей Карелии в 1930-е годы // Учен. зап. Петрозаводского гос. ун-та. 2016. № 7. С. 49–56.

Черненкова Е. И. Писательская организация Карелии в 1930-е годы // Север. 1990. № 6. С. 143–149.

Юликангас М. «Равняйте ряды!» Писатели и власть в Советской Карелии в 1920–1930-х годах // Нормы и ценности повседневной жизни. Становление социалистического образа жизни в России в 1920–1930-е годы. СПб., 2000. С. 406–473.

Юликангас М. Финское литературное движение в Карелии 1920–1930-х годов // Финский фактор в истории и культуре Карелии XX века. Гуманитарные исследования. Вып. 3. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2009. С. 184–207.

Ярмолич Ф. К. Советская политическая цензура в эпоху «тоталитаризма» (на материалах Карелии) // Вестн. СПбГУ, сер. 2. 2009. Вып. 2. С. 187–190.

Сведения об авторе. Кандидат исторических наук, доцент Института истории, политических и социальных наук, ПетрГУ.

Ирина Рейевна Такала

*Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН,
Петрозаводский государственный университет,
г. Петрозаводск*

ЭТНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕПРЕССИВНОЙ ПОЛИТИКИ В СОВЕТСКОЙ КАРЕЛИИ 1920–1930-х гг.¹

Широк наш путь, открыты дали,
Страна цветущая растет,
Рукой испытанною Сталин
Народы братские ведет.

(О чем в веках мечтали.

Музыка А. Титова, слова А. Лугина, 1939 г.)

В статье на примере Карелии рассматриваются этнические (национальные) аспекты репрессивной политики государства в приграничье и доказывается, что национальная компонента, являясь важной составляющей государственной политики, не была определяющей при выборе средств управления обществом даже в этих конфликтных регионах. Постоянно разрастающееся в межвоенное двадцатилетие государственное насилие следует рассматривать шире, как продукт меняющихся у руководства страны под воздействием различных обстоятельств представлений об окружающем мире, месте в нем советского общества и новых техник государственной интервенции.

Ключевые слова: Карелия, большевики, национальная политика, финский фактор, массовые репрессии, этнизация террора.

Споры об особенностях, истинных целеполаганиях, удачах и провалах национальной политики большевиков ведутся давно. В работах последних десятилетий конкурируют, в частности, два мнения относительно конечных целей этой политики. Одни исследователи, рисуя детальную картину того, каким образом большевики вели национальное строительство и поощряли национальное сознание масс, считают, что попыток построить «советскую нацию» вообще не существовало [Slezkine 1994: 435;

¹ Исследование велось по Программе фундаментальных научных исследований РАН «Социально-гуманитарные аспекты устойчивого развития и обеспечения стратегического прорыва России», подпрограмма «Культурно-сложные общества: понимание и управление».

Suny 1995: 190; Brubaker 1996: 28; Брубейкер 2012: 109–110]². Поддерживая создание и развитие нерусских территориальных образований, элит, языков и культурных учреждений, принимая русские национальные институты и культуру, большевики вполне сознательно пытались создать «империю положительной деятельности» (по выражению Терри Мартина), т. е. централизованное, многонациональное социалистическое государство [Мартин 2011а: 425; Мартин 2011б: 103–107]. Другие авторы, призывая не уравнивать этническое с национальным, а многоэтническое с имперским, считают, что и в царском, и в советском государстве лидеры искали прежде всего не имперскую или этнонациональную, а гражданскую национальную основу для политической общности. По мнению Джозуа Сэнборна, нации обычно действуют на основе принципа скорее метафорического, чем реального родства, и поэтому вполне правомерно говорить о планах создания советской политической общности, что было аналогично другим проектам национального строительства, пусть даже в нем отсутствует сам термин «нация» [Sanborn 2000; Сэнборн 2011].

Крутой поворот в национальной политике в 1930-х гг. – трансформация статуса русских, переход к русской националистической пропаганде, с одной стороны, и учащающиеся практики террора, направленного против индивидов и целых народов исключительно на основании их национальной принадлежности, с другой, – породили к жизни тезис об этнизации сталинского террора. Национальные операции НКВД 1937–1938 гг., а также этнические чистки и депортации военного времени оцениваются как кульминационные результаты и главные доказательства эволюции сталинского режима от классовой парадигмы к парадигме этнической. По мнению Йорга Баберовски, большевики мечтали об «этнически гомогенном ландшафте» и проект этот невозможно было осуществить без масштабных этнических чисток [Баберовски 2007: 187]. При этом возможность политической ликвидации враждебных наций укоренилась в головах сталинских партийных руководителей задолго до того, как она реализовалась на практике в 1930-х гг. [Баберовски 2006: 183]. Тимоти Снайдер, обращаясь в своей нашедшей книге «Кровавые земли» к репрессиям в СССР конца 1930-х гг., называет Сталина «пионером в области национальных массовых уничто-

² Впрочем, Рональд Суни признает, что в 1930-е гг. Сталин начал интегративный проект по достижению «транснациональной формы советской национальной идентичности», однако создание советской нации не было линейным процессом, национальная интеграция испытывала взлеты и падения, и в довоенные годы достижение хороших результатов такого грандиозного плана было невозможным [Суни 2014: 27–28].

жений». Описывая национальную составляющую репрессий на примере польской операции (об остальных линиях есть лишь краткие упоминания), он называет эту операцию «самой кровавой главой Большого террора» и характеризует как этническое убийство [Снайдер 2015: 127, 145, 428]. Норман Неймарк, доказывающий в своей книге, что «массовые сталинские убийства 1930-х годов следует классифицировать как геноцид» [Naimark 2010: 1], также считает, что во время Большого террора карательная политика кардинально меняет свое направление от социальных к национальным группам.

Однако многие исследователи, особенно те, кто знаком с региональными особенностями советской репрессивной политики, относятся к тезису об этнизации сталинизма достаточно сдержанно. На наш взгляд, вполне аргументированно звучат выводы тех авторов, которые пишут о необходимости учитывать многомерность, неоднозначность и местную специфику национальных операций [Кодин 2010; Савин 2012]. При их проведении многие факторы – этнические, социальные, политические, классовые – тесно переплетались, как и сами массовые операции.

И в целом этнические аспекты репрессивной государственной политики и ее региональные особенности исследованы еще недостаточно. В данной статье мы намерены показать на примере Карелии, что этническая компонента, являясь важной составляющей политики большевиков, не была определяющей при проведении массовых репрессивных акций и выборе методов управления обществом.

Карельская специфика

Работы, где специально и в комплексе рассматривалась бы специфика политических практик власти в национальных приграничных регионах северо-запада России, практически отсутствуют. Вместе с тем полиэтничность и близость к внешнему миру неизбежно вели к формированию специфических методов управления приграничьем, причем на разных участках границы выбор и варьирование этих методов находились в постоянной зависимости от множества факторов, не слишком важных для управления другими регионами и, тем не менее, корректирующих всю внутреннюю политику страны в целом. Деятельность власти в приграничье в большей степени увязывалась с интересами государственной безопасности и дифференцировалась в зависимости от конкретных политических условий и складывающихся отношений с сопредельными странами.

В свою очередь, население этих регионов, связанное с соседями многовековыми кроссграничными контактами, острее могло реагировать на мероприятия новой власти. Спонтанные реакции приграничного социума расценивались большевиками как государственная угроза и провоцировали дальнейшее насилие. Насилие это эволюционировало вместе с властью и обществом, а нараставшие между ними противоречия, усиливавшиеся в обществе фрустрационные процессы создавали ту критическую массу, при которой власти, чтобы удержаться, уже невозможно было отойти от репрессивных методов.

К концу 1920-х гг. политика насилия, носившая ранее в значительной мере реактивный характер, трансформируется в превентивные репрессии, постепенно становящиеся системообразующим фактором. Именно в приграничье эта превентивность террора просматривается наиболее отчетливо. Обусловливалась она стремлением государства превратить пограничные территории из контактных зон в зоны отчуждения, психологической напряженности и концентрации негативной социально-психологической энергии, которую можно использовать и как защитный, и как наступательный ресурс. Новая политическая концепция государственной границы с ее преимущественно барьерными функциями предполагала формирование «оппозиционной» модели политической и этнической идентичности жителей приграничья, что быстро можно было сделать, лишь запугав население или очистив стратегически важные зоны от недовольных и несогласных. Поэтому массовые зачистки приграничных периферий («прифронтовых» зон) стали основным методом решения многих вопросов уже на рубеже 1920–1930-х гг.

Одним из главных аргументов, оправдывающих усиление террора, стал тезис о «внешней угрозе», который из жупела контрреволюции периода Гражданской войны постепенно эволюционирует в «военные тревоги» конца 1920-х гг. и шпиономанию 1930-х. В конце 1920-х гг. основным противником СССР в будущей войне на западном направлении руководство страны считало Польшу, опирающуюся на финансовую и политическую поддержку Англии и Франции и выступающую в возможном союзе с Румынией, Эстонией и Латвией [Мелия 2004: 18–19]. В 1930-е гг. в число главных врагов включаются Германия и Япония. Отношения с Финляндией во второй половине 1920-х гг. оставались холодными и напряженными; однако считалось, что на советско-финляндской границе ситуация нормализовалась. С начала 1930-х к Финляндии вновь стали относиться как к безусловному противнику, чему способствовали перемены в ее внешней (сближение с Эстонией и Польшей) и внутренней

(лапуаское движение³, запрет деятельности компартии) политике. Это не могло не повлиять на усиление репрессивной политики в карельском приграничье.

Карелия, расположенная по обе стороны финляндско-российской границы, относится к многочисленным в Европе приграничным регионам, которые часто становились яблоком межгосударственного раздора. Специфика этого пространства российско-финляндского порубежья заключалась в том, что, с одной стороны, это была арена многовековой борьбы Швеции и России, а в XX в. – СССР и Финляндии, и линия культурного разлома, разделявшая западную и восточную цивилизации. С другой стороны, Карелия долгое время оставалась широкой контактной зоной, местом взаимопроникновения культур, чему в немалой степени способствовал длительный мирный период XIX в. **Тесные контакты приграничного населения**, связанного экономическими, родственными, языковыми и культурными нитями, продолжались вплоть до конца 1920-х гг.

Граница в ее многочисленных проявлениях и значениях всегда оставалась важным, если не ключевым элементом в конструировании региона и региональной идентичности. В случае с Финляндией отношения с восточным соседом неизменно выступали в роли конструирующего фактора ее европейскости и «финскости» [Anssi 1996: 155–163; Соломещ 2009: 34–36]. Для Восточной Карелии граница была фактором, повышавшим ее значимость как форпоста на границах российского государства (сначала как форпоста православия, а после 1917 г. как форпоста социалистического мира).

В межвоенное двадцатилетие XX в. **советско-финляндская граница** обретает новые смыслы, судьбоопределяющие для десятков тысяч жителей карельского порубежья. Наряду с барьерными функциями, связанными с охраной государственной безопасности, «карельский фронтир» наделялся большевиками и другой задачей – использование трансграничных этнических связей для распространения своего влияния на соседние страны.

Отсюда вторая особенность Советской Карелии, которая заключалась в том, что автономия строилась усилиями красных финнов – небольшой группы политэмигрантов, покинувших Финляндию после поражения в гражданской войне 1918 г. Ее создание во многом обуславливалось военно-стратегическими и внешнеполитическими факторами: Карельская

³ Радикальное антикоммунистическое движение в Финляндии в 1929–1932 гг., получившее по месту своего возникновения (местечко Лапуа) название лапуаского. В марте 1932 г. после попытки вооруженного мятежа в Мянсяля было запрещено правительством (см.: [Oksanen 1994; Stubbergaard 1996]).

Трудовая Коммуна (АКССР с 1923 г.) должна была, по замыслам Москвы и красных финнов, стать некоей буферной зоной, проводником советского влияния на Финляндию и Скандинавию⁴. С 1920 по 1935 г. республику возглавлял бывший член финляндского парламента от СДПФ, доктор философии Эдвард Гюллинг. В 1920-е – начале 1930-х гг. финская диаспора Карелии быстро увеличивается за счет иммиграции из Финляндии (красные финны, перебежчики), а также Северной Америки, и к 1935 г. численность финнов в республике достигла 15 тыс. человек. Составляя лишь 3 % от всего населения края, финны занимали видные должности в советском, партийном, государственном аппарате, руководили крупными предприятиями, учреждениями, организациями, работали в области культуры, образования, науки (так называемый финский период истории Карелии, 1920–1935 гг.) (подробнее см.: [Такала 2009]).

Привлечение красных финнов для управления новым автономным образованием позволило центру решить проблему отсутствия в регионе проверенных большевистских кадров и национальной интеллигенции, а также активно использовать трансграничные этнические связи политэмигрантов для распространения своего влияния на Финляндию и сопредельные государства. Правда, границы автономии, как и ее действительные возможности, оказались отличными от первоначальных замыслов, предложенных финским руководством республики. Это вполне соответствовало советским реалиям, видоизменявшимся под воздействием конкурирующих императивов: поддержка нацистроительства – необходимость экономической модернизации и централизации – многоуровневый политический и внешнеполитический контекст. По мере трансформации сталинского режима трансграничное видение Карелии красными финнами перестало устраивать центр, все больше склонявшийся к централизации распоряжения ресурсами и изоляционизму [Барон 2011: 376].

Что касается карелов, давших имя автономному образованию, то они составляли в республике большинство (60 %) лишь первые два года существования Карельской Трудовой Коммуны. В результате преобразований 1922–1924 гг. (присоединение новых территорий, образование АКССР) к концу

⁴ См. письмо Гюллинга: [Всекарельский съезд 1990: 258]. «Принцип Пьемонта», предложенный Терри Мартино, здесь, однако, не работает, поскольку речь шла о территории с коренным русским и карельским населением. Последние к 1923 г. даже не составляли большинство, хотя и дали название автономии. Буферные этнические республики, создаваемые на границах советского государства в начале 1920-х гг., скорее были частью политики, вдохновленной идеей мировой революции. Возможность влияния на сопредельные государства интересовала большевиков лишь в той мере, в какой она способствовала дальнейшему всемирному продвижению социалистических идей (ср.: [Мартин 2011а: 20–21]).

1924 г. на территории республики проживало около 233 тыс. человек, из них примерно 54 % русских, 40,6 % карелов, 3,8 % вепсов, 0,5 % финнов⁵.

С середины 1920-х гг. национальное население, несмотря на усилия красных финнов (миграционная политика Гюллинга (см.: [Такала 2009: 122–126]), быстро размывалось пришлым населением, вербовавшимся в различных регионах России прежде всего для лесных работ. Если в 1920 г. родившиеся вне Карелии составляли 8,6 % всех ее жителей, в 1926 – 14,4 %, то в 1933 уже 32,8 %, т. е. около трети [Перепись 1935: 47; Покровская 1978: 47]. Численность карельского населения продолжала расти до конца 1930-х гг., однако в процентном отношении доля карелов неуклонно снижалась на фоне механического прироста населения: 1926 г. – 37,4 %, 1933 – 29,3 %, 1937 – 21,7 %.

Тем не менее в большинстве пограничных районов доля карельского населения в середине 1930-х гг. превышала 80 % (в Олонецком и Пряжинском – более 90 %). Пограничное положение основных районов расселения карелов делало их главными жертвами операций органов госбезопасности на протяжении всех 1920-х и первой половины 1930-х гг.

Карельское приграничье в 1920-е гг.

Гражданская война и установление советской власти в Карелии затянулись на четыре года.

Внешняя граница РСФСР была определена Тартуским миром с Финляндией (октябрь 1920 г.), однако окончательно утвердиться в приграничных районах большевики смогли после возвращения перешедших к Финляндии в 1918–1919 гг. Ребольской и Поросозерской волостей и подавления крестьянского восстания в Беломорской Карелии (январь – февраль 1922 г.)⁶. Это восстание, в котором приняло участие около 2,5 тыс. карелов (в основном из числа тех, кто ушел за границу после подписания Тартуского мира) [Осипов 2006: 193, 198], очень напугало большевиков. Жестокое подавление Карельского восстания привело к массовому бегству: только за короткий период в начале 1922 г. из Беломорской Карелии в Финляндию ушло свыше 11 200 человек [Nygård 1980: 72]. По данным республиканского ГПУ к августу того же года на территории Финляндии скопилось до 12–13 тыс. беженцев [НА РК 1: Оп. 1. Д. 80. Л. 79]. В целом количество беженцев, включая примерно 3 тыс. крестьян, ушедших за границу в 1919 г.

⁵ Подсчитано по: [АКССР 1925: 10, 27; Очерки 1964: 181].

⁶ О событиях Гражданской войны и интервенции в Карелии см.: [Карелия в период гражданской 1964; Churchill 1970; Vahtola 1988; Гусев 1996; Осипов 2006].

из Олонецкой Карелии, оценивалось органами безопасности в 15 тыс., что составляло около 11 % от общей численности населения КТК. Северные территории республики лишились свыше трети своего населения, из некоторых волостей за границу бежало до 80–90% жителей [Килин 1999: 66]⁷.

Однако далеко не все решились покинуть родину навсегда, оставив дома родных и имущество. Возвращение людей началось уже с 1922 г. в соответствии с Соглашением между РСФСР и Финляндией об эвакуации на родину граждан обоих государств [СУ РСФСР 1922: № 50. Ст. 634]. До 1 мая 1923 г. из Финляндии вернулись 4299 человек [История Карелии 2001: 445]. Предусмотренная условиями Тартуского мира [СУ РСФСР 1921: № 71. Ст. 573] и объявленная декретом ВЦИК от 30 апреля 1923 г. амнистия карельским беженцам [СУ РСФСР 1923: № 39. Ст. 405; СУ РСФСР 1924: № 2. Ст. 20 (продление сроков амнистии)] ускорила этот процесс. Желаящим вернуться выдавались паспорта с въездными визами, 400 финских марок на дорогу, разрешалось брать с собой все имущество, включая лошадей и прочий домашний скот [НА РК 2: Оп. 1. Д. 2/26. Л. 22].

Власти были заинтересованы в скорейшем возвращении беженцев в обезлюдевшие районы, опасаясь к тому же, что длительное их нахождение в Финляндии будет использовано финляндскими властями для политической обработки восточных карелов. Летом 1922 г. начальник карельского ГПУ В. Домбровский докладывал в обком партии, что «фин-правительство, прекрасно учитывая свое положение, использует идущую из Финляндии в Карелию массу беженцев-карел, проводя ее частично через специальную обработку для подготовки будущих активистов, агитаторов, вообще лиц, могущих будировать массу» [НА РК 1: 79]. По данным чекистов, несколько сот человек обучались в финских военных школах, а карельскими активистами по всей Финляндии среди беженцев велась усиленная антисоветская агитация и шла вербовка их в охранную гвардию, контрразведку, военные организации [Неизвестная Карелия 1997: 27–29]. При этом органы безопасности достаточно трезво оценивали ситуацию. По данным Домбровского, из 15 тыс. беженцев 8 тыс. участвовало в восстании «сравнительно пассивно», около 5 тыс., «совершенно не сочувствующих бандитизму», было уведено за рубеж насильно и лишь «максимум 10–12% общего числа» ушло в Финляндию по собственной инициативе, проявив себя как «активный элемент» [Килин 1999: 67].

Тем не менее именно так называемые «карбеженцы» или «каравантюристы» на долгое время становятся главным объектом внимания карель-

⁷ По данным П. Невалайнена, в 1917–1922 гг. в Финляндию ушли 16500 восточных карелов [Невалайнен 2003: 36].

ского ОГПУ: миф о возможности повторения «карельской авантюры» стал чем-то вроде идефикс у органов безопасности в 1920–1930-е гг.

Возвращение людей продолжалось до 1926 г., когда постановление об амнистии окончательно утратило свою силу, а земли и имущество оставшихся в Финляндии (несмотря на протесты родственников) были пущены с торгов или переданы неимущим [НА РК 3: Оп. 5. Д. 29. Л. 89–90; Оп. 6. Д. 32. Л. 17]. В целом по разным оценкам домой вернулись от 6,7 до 8,2 тыс. человек, около 5 тыс. карелов остались в Финляндии [НА РК 1: Оп. 5. Д. 276. Л. 92; НА РК 4: Оп. 1. Д. 601. Л. 1; 10 лет Советской Карелии 1930: 10; Невалайнен 2003: 59]. Все беженцы проходили тщательную проверку и карантин [НА РК 2: Оп. 1. Д. 2/26. Л. 18, 22–23 и др.], часть из них уже тогда были признаны «активистами и полуактивистами» и подверглись арестам. В общей сложности в ходе и после восстания было арестовано 1165 человек по обвинениям в «бандитизме и шпионаже», из которых позже в амнистии было отказано 397 человекам как «активным повстанцам» [Осипов 2008: 50].

Списки возвращавшихся домой «карбеженцев» дополнили оперативные учеты органов безопасности. Примечательно, что беженцы, возвращавшиеся домой до амнистии, должны были подписывать документ, называвшийся «Торжественное обязательство», гарантируя не нарушать законов РСФСР и КТК. Была в документе и такая фраза: «Всякое возмездие со стороны органов Советской власти за нарушение данного мною торжественного обязательства я буду считать законной репрессией» [НА РК 4: Оп. 1. Д. 1/7; 2/17]. Власть заранее оговаривала свое право на последующие преследования беженцев.

Причисленные изначально к категории «нежелательные элементы», карельские беженцы стали первыми жертвами целенаправленных массовых акций 1920-х гг. по зачистке приграничных территорий. Например, крупные масштабы приобрела операция ГПУ 1925 г., когда только в Олонецком уезде по обвинению в шпионаже было репрессировано 95 человек. В двух волостях Петрозаводского уезда тогда же арестовали 85 крестьян, поводом для обвинения стали найденные у людей ржавые патроны и одна пулеметная лента, хранившиеся, очевидно, со времен Гражданской войны [НА РК 1: Оп. 1. Д. 675. Л. 13–14]⁸.

В 1927 г. все участники Гражданской войны в Карелии, воевавшие против советской власти (в том числе и амнистированные этой властью), были

⁸ Следует отметить, что в донесениях часто сообщалось, что арестованы местные жители, а «шпионы убежали» (см., напр.: Недельные информационные сводки ГПУ за 1924 г. [НА РК 4: Оп. 1. Д. 4/41]).

поставлены на оперативный учет с заведением дел-формуляров на каждого [Органы безопасности 2008: 72]. В 1928 г. ГПУ Карелии начало интенсивную переписку с руководством Полномочного Представительства ОГПУ в Ленинградском военном округе, стремясь убедить его в росте антисоветских настроений, усилении активности финских спецслужб, направленной на подготовку новой авантюры, и реальности финского военного вторжения в приграничные районы республики. Во многом это были не обоснованные ничем домыслы замначальника карельского ГПУ Ф. Ульдрика и начальника контрразведки А. Озолина, за что они вскоре поплатились своими должностями. Тем не менее весной 1929 г. карельская контрразведка начала подготовку массовой операции по изоляции «каравантуристов» и их пособников [Там же: 80–82], начало которой пришлось отсрочить в связи с развернувшейся борьбой с кулачеством.

Образ чужого

Параллельно с устрашающими репрессивными акциями власти вели активные агитационно-пропагандистские кампании по формированию у карелов нового образа соседней Финляндии.

Задача «отвлечь внимание карела от Финляндии» [КК 1: 10 января] была поставлена сразу после окончания военных действий. В документах органов безопасности 1922 г. появляются директивы о необходимости усиления среди жителей приграничных территорий антифинской пропаганды. «Финская агитация, – писал в одном из таких документов В. Домбровский, – свила и свивает себе прочное гнездо на советской территории и надо противопоставить для пресечения ее работы внутреннюю контрфинагитацию партийных сил» [НА РК 1: Оп. 1. Д. 72. Л. 60]. Эту «контрфинагитацию» во многих местах вели красные финны, которых правительство Э. Гюллинга посылало устанавливать советскую власть в национальные карельские районы. Большинство из них были простыми рабочими с революционным энтузиазмом, минимальным образованием и полным непониманием особенностей местного крестьянского быта, что вызывало дополнительные проблемы при общении с населением. Политэмигранты с готовностью клеймили «финляндский белогвардейский режим», но эффективно бороться с голодом им не всегда было по силам, тем более что в некоторые отдаленные районы Карелии из-за отсутствия дорог хлеб можно было доставлять только через Финляндию [СЗ СССР 1924: № 14. Ст. 145; СЗ СССР 1925: № 66. Ст. 494].

Еще больше запутывало людей то, что в дискурсе пропагандистов и местной прессы с самого начала присутствовал двойной образ Финляндии и финнов. Наряду с образом белофинна, «протягивающего свои грабитель-

ские лапы к богатствам Олонецкой губернии и стремящегося превратить Карелию в колонию Финляндии» [ОК 1: 30 апреля, 2 мая, 3 мая; К 1: 29 ноября; ОК 2: 28 июня; КК 1: 3 января], в газетах возникает и образ «истерзанной обескровленной красной Финляндии», которой суждено возродиться и стать «братом и ближайшим союзником» революционных русских и карельских крестьян [ИОГС 1: 12 мая, 24 ноября; ОК 1: 24 июля; КК 1: 6 февраля]. В первые послереволюционные годы население пограничных районов, непосредственно задействованное в событиях Гражданской войны и сильно пострадавшее от военных действий, могло вполне сочувственно относиться к сообщениям о «финской опасности» и испытывать вражду по отношению к «белофинским бандитам». Если, конечно, газетные лозунги становились известными крестьянам – большинство населения Карелии газет тогда вовсе не читало. Однако чем ближе к границе, тем сложнее было убедить население в том, что их главным врагом являются соседи-финны. Реагируя на то, что происходит вокруг, люди скорее были склонны винить в наступившей разрухе новую власть, принесшую голод и безработицу.

Как следствие, происходит своеобразное наложение образов: население экстраполирует предлагаемый властями образ белофинна-завоевателя на местных руководителей – красных финнов. Вот, например, как суммирована эта противоречивая ситуация, складывавшаяся в Карелии, в спецполитсводке ОГПУ за 23 февраля 1923 г.: «Настроение крестьян в общем неудовлетворительно. Отношение их к Советской власти и РКП большей частью безразлично, местами даже враждебно, вследствие различных налогообложений, крайне подрывающих экономическое положение крестьян и в первую очередь бедноты. Отношение крестьян к бандитизму отрицательно, так как большая часть крестьян еще не может оправиться от прошлогоднего нашествия финнов <...>. Сельсоветы и волисполкомы работают слабо и почти не справляются с задачами, возложенными на них <...>. Авторитетом волревкомы среди населения никаким не пользуются, так как в них большей частью работают финны» [СС 1: 692]. В документах Карельского ГПУ 1920-х гг. можно встретить много примеров противостояния между местным населением и политэмигрантами. Сводки пестрели высказываниями типа: «У нас сидят пришельцы – финны, от них все беды», «Почему все финны занимают должности, а карелы нет», «Финны живут как в раю – все начальники и господа. Погибла Карелия» (см.: [НА РК 1: Оп. 2. Д. 365. Л. 39, 41; НА РК 5: Оп. 1. Д. 39, 99–102; НА РК 4: Оп. 1. Д. 28/325. Л. 47]).

Резкое противостояние между финским руководством районов и местным населением вызывала и так называемая политика «карелизации». С середины 1920-х гг. в республике начинается активное расширение

функций и сферы влияния финского языка, что было связано с политикой «коренизации», проводившейся по всем национальным образованиям Советского Союза. В Карелии политика «коренизации» называлась «карелизацией», но подразумевала введение финского языка (прежде всего в сфере народного образования) и выдвижение на руководящие посты как карелов, так и финнов. В русле концепции о едином «карело-финском языке», в соответствии с которой карельским диалектам отводилась функция устного применения, а литературный финский язык должен был стать письменной формой выражения карельской речи, большинство школ национальных районов КАССР с середины 1920-х гг. переводилось на финский язык. К 1929/30 учебному году лишь половина всех школ республики работала на русском языке, в шести национальных пограничных районах не было ни одной русскоязычной школы [Такала 2010: 18–19].

Карельское население пыталось сопротивляться коренизации, все больше принимавшей форму финнизации [НА РК 4: Оп. 1. Д. 15/145. Л. 79, 118; НА РК 3: Оп. 5. Д. 29. Л. 12], однако центр, заинтересованный в проведении этой политики из стратегических соображений, поддерживал красных финнов в их языковом, образовательном и культурном строительстве вплоть до начала 1930-х гг. (подробнее: [Такала 2015: 294–305]. У органов безопасности была другая задача – отслеживать настроения населения. В Обзоре политического состояния СССР за май 1928 г. карельская ситуация характеризовалась следующим образом: «Среди карельского населения в довольно широких размерах отмечаются антагонистические настроения к финнам, что вызвано, с одной стороны, введением изучения в школах финского языка, а с другой – наличием в центральном советском аппарате АКССР работников-финнов. Это же вызывает разговоры о возможности присоединения Карелии к Финляндии: „У нас во главе правительства находятся финны, в школах преподают финский язык, и как бы нас не присоединили к Финляндии“. Кулацко-зажиточные слои карельского населения пытаются обострить эти настроения, агитируя: „Пока у нас у власти будут финны, нам будет плохо жить, так как они издадут неправильные законы“, и в ряде случаев заявляют: „Нам нужно создать свою организацию и выгнать всех финнов из правительства“» [СС 6: 279].

На самом деле в низовых документах органов безопасности подобного рода высказываний не так много. Республиканское правительство людей, особенно живущих в глубинке, интересовало слабо. Более того, так называемая «пограничная политика» Гюллинга, нацеленная на экономический подъем приграничных национальных районов, постепенно приносила свои плоды, увеличивая здесь авторитет власти [Левкоев 1996; Такала 2015: 288–

294]. Недовольство населения было обращено, прежде всего, на местное руководство, которое всегда на виду. Людей не устраивали порядки на местах, однако обобщения иногда выглядели очень опасно с точки зрения государственной безопасности. Некоторые возвращавшиеся домой «карбеженцы», например, говорили о том, что в Финляндии к ним относились очень хорошо, в то время как здесь «всем руководят финны, жизни от них нет», и призывали: «Прочь красных подлецов из Карелии» [НА РК 4: Оп. 1. Д. 5/52. Л. 78]. Подобного рода недовольство высказывалось и рабочими на предприятиях, которыми руководили финны: отмечалась дискриминация русских по сравнению с карелами и финнами в оплате труда, а также замкнутость финнов, их желание отдалиться, «держаться своей национальной группы». На Кондопожской бумфабрике рабочие говорили: «В Карелии есть два класса, господствующий финны и угнетенный русские и карелы, это надо изжить пока не поздно» [НА РК 4: Оп. 1. Д. 8/81. Л. 11; Д. 15/145. Л. 87, 91–92; НА РК 1: Оп. 2. Д. 365. Л. 16, 62].

Вполне очевидно, что противоречия между красными финнами и местными жителями, по сути, являлись конфликтом населения с советской властью. Точно такой же антагонизм наблюдался в местах, где у руководства стояли сами же карелы, русские или, скажем, еврей⁹.

В целом к концу 1920-х гг. в республике складывался весьма противоречивый образ Финляндии и финнов. Буржуазная Финляндия и ее революционный пролетариат, «страдавший под игом белого террора», были где-то очень далеко, а красные финны находились рядом, и именно они порой воспринимались населением как «господа», мечтающие лишить карелов их родины, а то и просто как «пятая колонна»: «Теперь при советской власти есть много финнов – советских служащих и, если будет война, то они изменят, как изменили в былое время при Николае немцы» [НА РК 1: Оп. 2. Д. 365. Л. 39об.]. И этот образ «чужого» в 1920-е гг. порой затмевал образ внешнего врага, навязываемый властями. Тем более что влияние Финляндии на приграничное население оставалось достаточно сильным, а воспоминания о прежней жизни на фоне тяжелого настоящего провоцировали такие высказывания: «Присоединили бы нас к Финляндии и было бы жить лучше. Если бы финны в 1920 г. не отдали Карелии, то мы жили бы баронами» [СС 6: 279]. Население погранрайонов в конце 1920-х слушало почти исключительно финляндское радио,

⁹ Жители карельских волостей Кемского уезда, например, говорили: «В Карелии одна революция была, но придется сделать вторую, т. к. к нам нагнали много русских совработников». Рабочие Медвежьегорского лесозавода заявляли о «еврейском засилии», поскольку «руководящие должности заполнены преимущественно евреями» [НА РК 6: Оп. 1. Д. 365. Л. 65; НА РК 4: Оп. 1. Д. 8/81. Л. 26, 68].

что, как с тревогой отмечалось в партийных документах, не могло не отразиться «на политически малоразвитых слушателях» [НА РК 1: Оп. 2. Д. 117. Л. 67].

Перемены, происходившие в стране на рубеже 1920–1930-х гг., вели лишь к дальнейшему нагнетанию социального напряжения в обществе. Принятие первого пятилетнего плана, курс на индустриализацию и коллективизацию привели к ликвидации экономической автономии республики и свертыванию «пограничной политики» Гюллинга. Карелия все больше превращалась в поставщика сырья для советской промышленности, экономическая ситуация вновь резко ухудшилась.

Архивные данные свидетельствуют о неугасающих и периодически волнообразно нараставших антисоветских настроениях в Карелии, особенно в пограничных районах, находившихся в наиболее бедственном экономическом положении. Несмотря на расширяющиеся репрессии и усиленную пропаганду, политический климат в республике был далек от того, что хотели бы видеть власти. В большинстве случаев это нельзя назвать открытой оппозицией, просто люди продолжали оценивать события самостоятельно и высказывать собственное мнение, хотя все меньше публично. Зачастую пропагандистские кампании неожиданно для их организаторов сами провоцировали нежелательные разговоры и настроения, как это было, например, с «военными тревогами»¹⁰.

Все это время разобщенное и атомизированное карельское общество, сугубо крестьянское и аполитичное в основной своей массе, жило в состоянии постоянной политической, социальной, национальной конфронтации между населением и властью, карелами и финнами, партийными и беспартийными, зажиточными крестьянами и деревенской беднотой, местными рабочими, мигрантами из других регионов России и трудовой эмиграцией из-за рубежа и т. д. Шла непрекращающаяся борьба внутри республиканского руководства по вопросам экономического развития края и политики коренизации, с конца 1920-х гг. постепенно нарастало противостояние между финским руководством республики и центром.

¹⁰ В пограничной полосе, хотя и не только там, реакция на военную угрозу часто принимала открыто антисоветский характер: «Скоро будет война и тогда начнем бить коммунистов и комсомольцев и резать тех, кто стоит за советскую власть» [Советская деревня 2000: 19]. В Карелии в 1927 г. тоже был отмечен всплеск пораженческих настроений и слухов о скорой войне, причем ожидание очередной войны пугало людей само по себе, предполагаемый противник был не важен: «через месяц будет наступление со стороны Финляндии», «в районе с. Реболы идут разговоры, якобы будет война с Китаем», «вот скоро вспыхнет война, народ воевать не пойдет, и тогда увидим, что будет с коммунистами» [НА РК 3: Оп. 6. Д. 5. Л. 18–20, 46–171; НА РК 1: Оп. 1. Д. 675. Л. 1–14; Оп. 2. Д. 178. Л. 59–72].

Геополитическое положение автономии и специфика отношений СССР с соседней Финляндией стабильности не прибавляли.

В этих условиях вектор государственного управления приграничьем все больше смещается в сторону прямых репрессивных действий.

Репрессии первой половины 1930-х гг.

Начавшаяся в стране коллективизация положила конец «пограничной политике» Гюллинга – раскулачивание в пограничных районах «ввиду их близости с Финляндией» проводилась независимо от процента коллективизации. Впервые о «кулацкой опасности» в республике заговорили в 1928 г. Карельская специфика коллективизации и раскулачивания заключалась в том, что земледелие здесь носило натурально-потребительский характер и играло подсобную роль в народном хозяйстве. Колхозы явились удобной формой мобилизации рабочей силы на лесозаготовки. Большинство трудоспособных мужчин и рабочего скота были заняты в лесу и на сплаве, а в сельском хозяйстве главной рабочей силой стали женщины [Никитина 1997: 116]. Вынужденные выполнять установки центра, карельские власти на первых порах все же сумели несколько смягчить методы проведения коллективизации. В 1930 г. ее уровень в республике был 15%, т. е. в 4 раза ниже, чем средний по СССР, и одним из самых низких среди национальных районов [Там же: 117]. Лишь после нажима центра и усиления репрессий Карелия стала «догонять» другие регионы.

Отнесение приграничья к районам сплошной коллективизации означало самый жесткий вариант развития событий. Удельный вес кулацких хозяйств в республике в среднем не превышал 1,7% от всех хозяйств, а в районах, намеченных к сплошной коллективизации, – 1,3% [Из истории раскулачивания 1991: 51]. Признаки кулацких хозяйств определялись центральными и республиканскими постановлениями, причем карельские власти даже расширили их перечень, чтобы суметь выполнить установки центра [НА РК 1: Оп. 2. Д. 607. Л. 101–102]. Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» количество хозяйств, ликвидируемых по трем категориям, определялось в 3–5% всех крестьянских дворов, по Карелии – в 2–3% [Из истории раскулачивания 1991: 3–4], это означало, что раскулачиванию подлежала и часть середняцких хозяйств, а не только кулацких. Проведение сплошной коллективизации в республике по планам Москвы должно было завершиться к весне 1931 г. [ТСД 2: 46].

Выполняя решения центра, Карельский обком ВКП(б) в феврале 1930 г. принял свое постановление о мероприятиях по ликвидации кулачества как класса. ОГПУ было предложено «немедленно приступить к изъятию наиболее активных контрреволюционных элементов», препятствующих коллективизации и выполнению плана лесозаготовок [НА РК 1: Оп. 2. Д. 423. Л. 34]. Уже к маю органами безопасности была «ликвидирована 31 антисоветская контрреволюционная группировка» и арестовано 119 человек [НА РК 1: Оп. 2. Д. 494. Л. 1–3]. Как следствие – если в январе – феврале 1930 г. коллективизация не превышала 3 %, в апреле уже почти 15 % хозяйств вступили в колхозы [ТСД 2: 365].

Решающими факторами для нежелающих вступать в колхозы крестьян стали массовая операция «по изъятию кулацкого и антисоветского элемента из деревни», проведенная органами ОГПУ в феврале – марте 1931 г. (арестовано не менее 90 человек) [НА РК 1: Оп. 2. Д. 593. Л. 5], и сентябрьская акция по раскулачиванию и выселению кулацких хозяйств из пограничных районов [НА РК 1: Оп. 2. Д. 525. Л. 70–71]. Всего в 1931 г. из 12 районов республики было выселено 243 семьи (1045 человек) [История Карелии 2001: 552]. Семьи арестованных выселяли вместе с другими раскулаченными, основным местом для переселения стал Пудожский район (спецпоселки каменных разработок на острове Гольцы и в Кашиной Горе) [Из истории раскулачивания 1991: 44, 76–77]. Методы возымели свое действие: коллективизация резко возросла, причем в районах, где продолжали проводиться карательные акции, она была в 2–3 раза выше, чем в среднем по республике.

В результате всех этих мер численность населения приграничных территорий значительно сократилась, без рабочих рук остались многие колхозы национальных карельских районов. Обезлюдившие земли власти пытались заселить более «благонадежным контингентом»: взамен разрушенных в погранзоне начинают строить так называемые красноармейские колхозы, куда на работу направлялись демобилизованные из армии солдаты. По замыслам властей они должны были превратиться в мощные передовые хозяйства, стать фактором укрепления погранполосы и «опорными точками», имеющими большое политическое значение [НА РК 1: Оп. 65. Д. 6. Л. 12–21]¹¹. Постановление СНК РСФСР «Об организации красноармейских колхозов» было принято в мае 1931 г., создавались они в Ленинградской и Западной областях, Карелии и Дальневосточном

¹¹ То же самое происходило и в других приграничных регионах, но мы бы не стали связывать эту акцию с этническими чистками. Стать «символом советской ксенофобии» [Мартин 2011а: 442] красноармейским колхозам было не суждено.

крае. Средства, необходимые для строительства колхозов нового типа, лишь на 7–10% покрывались из бюджета (причем за счет ассигнований на погранполосу, сельское хозяйство и образование), остальные местным властям предписывалось изыскивать при помощи кредитования и средств населения [ТСД 3: 123–124]. К 1935 г. в Карелии их было уже 10 в пяти пограничных районах. Они владели жалкое существование из-за нехватки средств и постоянной текучки – люди из них разбегались, не получив обещанного жилья и причитающихся за переселение денег. Надзирающие органы с тревогой отмечали, что никакого политического и экономического эффекта от этих колхозов нет, скорее наоборот – происходит дискредитация самой политической идеи их создания [НА РК 1: Оп. 3. Д. 314. Л. 20–24].

«Борьба с кулачеством» множила практический опыт органов безопасности по осуществлению крупных «оперативных» мероприятий и приносила нужные плоды. К лету 1934 г. в Карелии было коллективизировано 65,5% хозяйств, а в 1935 г. – уже 83,6% вместо 80%, предписанных Госпланом СССР [ТСД 4: 300; История Карелии 2001: 554].

За происходившим в погранрайонах внимательно следили в Финляндии, хотя финские власти и многочисленные прокарельские организации не всегда адекватно оценивали ситуацию, а некоторые действия последних лишь усугубляли положение соплеменников в Восточной Карелии. Например, активность, проявленная в начале 1930-х ЦК Племенных организаций (образован в 1928 г.), его донесения и обращения за финансовой помощью к финляндскому правительству [УМА 1] внимательно отслеживались карельскими чекистами [НА РК 1: Оп. 2. Д. 365. Л. 38–42] и стали поводом для дальнейших массовых «зачисток» погранполосы.

Акции, начатые в 1920-х гг. по очистке приграничья от «неблагонадежных элементов», в начале 1930-х были продолжены широкомасштабной операцией, проведенной ОГПУ в регионах, непосредственно соприкасающихся с территориями Финляндии, Эстонии, Латвии, Польши, Румынии, Турции и Ирана. Операция по очистке погранполосы весны 1933 г. была первой крупномасштабной акцией органов безопасности в европейской части СССР, которая продемонстрировала, что борьба со шпионажем является удобным предлогом для массовых политических репрессий. Управлениями ГПУ Украины, Белоруссии, Западной области, Закавказья и Ленинградского военного округа было репрессировано свыше 19 тыс. человек, около пяти тысяч из них были объявлены резидентами иностранных разведок, остальные – участниками диверсионно-повстанческих организаций и групп [Органы безопасности 2008: 84–85].

В финляндском приграничье операция носила название «Дело о Заговоре финского Генерального штаба». Кропотливая работа по созданию дела проводилась ГПУ Ленинградского военного округа с октября 1932 по май 1933 г. Главными его исполнителями были начальник карельского ГПУ Николай (Карп) Шершевский, заместитель полномочного представителя ОГПУ в ЛВО Иван Запорожец, замначальника особого отдела ЛВО Дионис Янишевский¹². Громкое название «Заговор финского генштаба» следователи обосновывали утверждением, что непосредственное руководство всей контрреволюционной разведывательной работой против СССР в этом регионе осуществлялось Вторым отделом Фингенштаба, возглавляемым Эриком Малмбергом¹³, а также центрами «финно-карельской белогвардейской эмиграции» – Карельским Академическим обществом, Восточно-карельским комитетом, Ингерманландским союзом и ЦК Племенных организаций.

Согласно материалам дела, «разветвленной сетью финской агентуры» были охвачены 15 районов Карелии и 8 ингерманландских районов Ленинградской области. В своей предварительной справке по делу в апреле 1933 г. Запорожец рисовал страшную картину, сложившуюся в Карелии к тому времени:

«1. В Ухтинском районе: В декабре 1932 и в январе 1933 г. население примешивало в хлеб древесную кору.

2. В Медвежьегорском районе: В феврале текущего года значительное количество женщин вступило на путь массовой проституции в погоне за хлебом, получаемым от заключенных Белбалтлага.

3. В Кемском районе: В марте т. г. зафиксированы на почве голода случаи тяжелых опуханий.

4. В Пряжинском районе: В январе 1933 г. значительная часть населения употребляла почти исключительно древесную кору с незначительным количеством примеси хлеба».

По выводам Запорожца массовый голод в Карелии был не следствием политики властей, а «результатом контрреволюционной деятельности повстанческих и вредительских элементов» [АУФСБ РК 1: 166–167].

Судя по числу репрессированных, операция, проведенная ГПУ Ленинградского военного округа и АКССР, оказалась одной из самых масштабных в стране, ее итоги докладывались Сталину [Чухин 1999: 24]. Всего по «делу о Заговоре ФГШ» было арестовано 2982 человека, более половины

¹² Запорожец, кстати, за эту операцию по представлению карельского правительства был награжден орденом «Красного знамени» [НА РК 1: Оп. 3. Д. 10. Л. 84].

¹³ Подполковник Эрик Малмберг в 1921–1925 и 1927–1934 гг. был начальником отдела статистики генштаба, в котором была полностью сосредоточена военная разведывательная деятельность против СССР [Elfvengren, Laidinen 2012: 354].

из них – 1641 человек – были причислены к диверсионным и повстанческим организациям и шпионским резидентурам финского генштаба, еще 427 человек оказались шпионами эстонского генштаба [Органы безопасности 2008: 84]. Судя по обвинительным заключениям, такие факторы, как «сосредоточие» карелов в пограничных районах, «засоренность» этих районов «бывшими каравантюристами», систематическое отставание в выполнении различных народнохозяйственных планов, являлись для ОГПУ неоспоримым доказательством наличия здесь контрреволюционных организаций.

Социальный и национальный состав репрессированных со всей очевидностью свидетельствовал о том, что основным назначением операции была расправа над недовольными политикой коллективизации и последствиями форсированной индустриализации, а также запугивание остальных. Абсолютное большинство арестованных составили карельские и ингерманландские крестьяне, половина проходивших по делу в Карелии оказались «бывшими каравантюристами». Существенно был почищен и низовой руководящий аппарат – председатели и члены сельсоветов, РИКов, колхозных правлений [АУФСБ РК 1: 163–165]. Проведенная Военным трибуналом Северного военного округа в 1956–1962 гг. проверка доказала, что «дело» было полностью сфальсифицировано органами безопасности (подробнее см.: [Репухова 1996; Такала 1998: 176–179]).

Параллельно (и «форсировано», по заявлению Запорожца) велось следствие по группе командиров Отдельной Карельской Егерской бригады, обвиненных в шпионаже. Были репрессированы десятки офицеров, в основном из числа красных финнов, названных в деле «финскими боевиками». Многие из них по постановлению коллегии ОГПУ от 22 сентября 1933 г. были расстреляны как финские шпионы [Такала 1994: 124].

Летом 1933 г. в трех отделениях Белбалтлага органами ОГПУ были раскрыты и несколько «контрреволюционных повстанческих организаций заключенных», планировавших «отторжение территории АКССР к Финляндии вместе с Беломорско-Балтийским водным путем» [Чухин 1990: 193–200].

Некоторые современные исследователи при оценке «Дела о Заговоре финского Генерального штаба» подчеркивают, что создание и обкатка методики конструирования дел о шпионских заговорах базировались на использовании реальных эпизодов. В подтверждение приводят, как правило, «предательство» Армаса Утриайнена, арестованного и расстрелянного по делу финского генштаба [Былинин, Зданович, Коротаев, Седунов, Тотров 2008: 73; Белоусов 2014а; Белоусов 2016: 236].

Конечно, финские спецслужбы – военная разведка и Центральная сыскная полиция (контрразведка) – вели работу на территории Карелии.

Активно действовали и расположенные вдоль границы нелегальные резидентуры, в 15 приграничных городах находились разведпункты финской военной разведки, в частности, в Выборге, Сортавале, Каяни (см.: [Turvallisuuspoliisi 75 vuotta 1994; Kosonen 2001; Лайдинен, Веригин 2004; Elfvengren, Laidinen 2012]). Финляндские спецслужбы тесно сотрудничали со спецслужбами Швеции, Германии, Англии, Латвии, Эстонии, Польши. По данным некоторых исследователей, всего с 1918 по 1939 г. по заданию финских спецслужб в СССР было направлено 326 человек, многие из них годами ходили через границу [Лайдинен, Веригин 2004: 175]¹⁴. В Советскую Карелию за тот же период было отправлено 135 агентов, на 80% состоявших из карбеженцев. Пик их деятельности пришелся на 1921–1927 гг., а затем интенсивность забросок резко снижается [Elfvengren, Laidinen 2012: 306–307]¹⁵.

Разведывательная деятельность финнов не шла ни в какое сравнение с активной работой советской разведки на территории Финляндии, которая велась, в частности, и при помощи финских коммунистов-подпольщиков. В 1933 г., например, Центральная сыскная полиция задержала около трех тысяч человек, подозреваемых в шпионаже, из которых 516 были судами признаны виновными в государственной измене [Rislakki 1986: 166].

Представляется, что массовые операции ОГПУ 1933–1935 гг. на западных границах, помимо основной цели – зачистка приграничья, были обусловлены и серией громких провалов центральных резидентур IV Управления ГРУ в 1932–1933 гг. в целом ряде европейских стран (Австрия, Латвия, Германия, Финляндия, Франция). Наиболее крупным считается провал в Финляндии, где в октябре 1933 г. финская полиция арестовала в Хельсинки нелегального резидента IV Управления ГРУ Марию Шуль-Тылтынъ, трех ее помощников, а также значительную часть советской агентурной сети (26 человек).

Практически во всех исследованиях, упоминающих об этом провале, вина за него до сих пор возлагается на предательство начальника пункта разведывательных переправ 4-го отдела штаба ЛВО Армаса Утриайнена (см.: [Колпакиди, Прохоров 2000: 73; Лурье, Кочик 2003: 477; Прудникова, Горчаков, Попов, Цветков, Папоров 2005: 324; Болтунов 2011: 25]). Это наследие, доставшееся нам от «творчества» следователей ОГПУ начала 1930-х гг. Утриайнен работал в штабе ЛВО до мая 1932 г., затем он был

¹⁴ Знаменитым пограничным шпионом, например, был Пекка Паукку. До своего первого задержания советскими пограничниками в 1926 г. он более 30 раз переходил финско-советскую границу (см.: [Иванович 1928]).

¹⁵ Авторы отмечают, что их данные являются приблизительными.

завотделом кадров Стройтреста КАССР и никакого отношения к границе не имел. Резидентура Марии Шуль-Тылтынь в Финляндии состояла из трех независимых друг от друга групп – две в Хельсинки и одна в Выборге (в целом около 50 человек) – и вела свою деятельность всего семь месяцев, с марта 1933 г. Утриайнен был арестован в Петрозаводске 25 марта 1933 г. и 22 сентября приговорен к расстрелу. На допросах он признался, что до ареста был секретным сотрудником финской охраны и разведки. Однако истинной причиной провала стало нарушение всех мыслимых правил конспирации [Колпакиди, Прохоров 2000: 73; Горбунов 2007; Тумшис, Папчинский 2009: 267–268]. «Признание» Утриайнена, по всей вероятности, должно было скрыть эти очень неприятные для чекистов факты и стать тем «реальным эпизодом», которым можно оправдать масштабы репрессий. Сведения о реабилитации Армаса Утриайнена появились лишь совсем недавно [Лайдинен, Веригин 2004: 273].

Таким образом, в условиях социально-экономического и политического кризиса начала 1930-х гг. власти потребовались уже достаточно широкие устрашающие акции, которым в приграничных регионах вполне уместно было придать шпионскую окраску. В значительной степени также можно охарактеризовать и мероприятия середины 1930-х гг. по очистке 22-километровой погранполосы КАССР «от кулацкого и антисоветского элемента» и последовавшую затем паспортизацию жителей 50-километровой погранзоны [НА РК 1: Оп. 65. Д. 6. Л. 3–7, 11]¹⁶.

Целенаправленная зачистка западных границ началась еще в 1930 г. депортацией «социально-опасного элемента» из 22-километровой приграничной полосы УССР и БССР в Западную Сибирь и на Дальний Восток. Высылки населения из погранрайонов Украины, Ленинградской области и Карелии были продолжены весной 1935 г. в гораздо более серьезных масштабах. Поскольку во многих из этих районов население было смешанным, с большой долей национальных меньшинств (немцы, поляки, финны-ингерманландцы), многие исследователи относят эти депортации к первым этническим чисткам (см. [Полян 2001: 86–88; Земсков 2005: 78; Сталинские депортации 2005: 789–791; Мартин 2011а: 447–449, 451–453]). Отметим, однако, что в официальных документах национальный состав репрессируемых никак не определялся, критерии для выселения были другими.

Согласно распоряжению Генриха Ягоды, переданному по телефону начальнику УНКВД Ленинградской обл. Леониду Заковскому 23 марта 1935 г., первая очередь операции по очистке 22-километровой погран-

¹⁶ Пограничная полоса шириной в 50 км для Карелии была установлена Постановлением СНК СССР от 19.03.1935 и закреплена приказом НКВД № 105 от 4.05.1935.

полосы Ленинградской обл. и Карелии должна была быть проведена с 1 по 25 апреля. Выселению подлежали лица, связанные «с закордоном», родственники бежавших за кордон, родственники репрессированных за шпионаж, повстанческую и диверсионную деятельность, лица, замеченные в хищении соцсобственности, вычищенные из колхозов, ранее репрессировавшиеся, ведущие антисоветскую агитацию и распространяющие провокационные слухи, деклассированный и бродяжнический элемент, бежавшие из ссылки кулаки – всего 3547 семей. Всех глав и заменяющих их трудоспособных членов семей выселяемых надлежало арестовать за 5–7 дней до начала операции [ТСД 4: 417–418, 934 (прим. 120)].

Следует отметить, что понятие 22-километровой зоны для Карелии было достаточно условным. Еще с конца 1920-х гг. статус пограничной полосы имели полностью территории семи приграничных районов республики [НА РК 7: Оп. 1. Д. 129. Л. 18], из которых и осуществлялись массовые высылки. Точные цифры до сих пор не известны, но очевидно, что жертвами этих операций стали несколько тысяч человек. Только за два дня, 24–25 апреля 1935 г., с полосы действия 1-го (Ухтинского) и 3-го (Петрозаводского) погранотрядов было выселено 275 семей общей численностью 1433 человека¹⁷. Основным населением этих районов были карелы и русские. Специальными эшелонами людей отправляли в Западную Сибирь и Казахстан, разрешив взять с собой лишь самое необходимое и двухмесячный запас продовольствия.

К июню 1935 г. из Ленинградской обл. и Карельской АССР было выселено 5059 семей – 23 217 человек [ТСД 4: 934 (прим. 120); Земсков 2005: 78].

Таким образом, специфика карельского приграничья заключалась в превалировании финского шпионского дискурса в репрессивной политике советской власти, а также в размахе «антишпионских» акций органов безопасности, практиковавшихся задолго до Большого террора и направленных в первую очередь на местное карельское население. Дело о «Заговоре финского генштаба» по числу репрессированных оказалось на втором месте в СССР после дела Наркомата земледелия (6 тыс. человек). Кроме этой операции и массовых высылок, с 1929 по 1936 г. 3-й отдел ГПУ/НКВД АКССР (борьба со шпионажем) произвел 1719 арестов, 75 % всех репрессированных, т. е. около 1290 человек, составляли финперебежчики [АУФСБ РК 2: Оп. 1. П. 42. Л. 171–174].

Присутствие в республике пусть и небольшой, но очень влиятельной финской ирреденты не могло остаться без внимания органов безопаснос-

¹⁷ Подсчитано по: [Чухин 1999: 27].

ти. По мере роста финского населения Карелии интерес к иммигрантам, большинство из которых, цитируя сводки ГПУ, являлись «элементом неблагонадежным», нуждавшимся в постоянной «разработке» [НА РК 4: Оп. 1. Д. 8/81. Л. 178–179], возрастал. Прежде всего, это касалось перебежчиков из Финляндии, причем так в документах зачастую называли всех, кто нелегально переходил советско-финляндскую границу, т. е. и красных финнов, и финских крестьян, спасавшихся от голода, и карельских беженцев, и русских эмигрантов.

В начале 1930-х гг. понятие «финперебежчик» обрело более конкретное значение – так стали называть прежде всего людей, массово, семьями переходивших финляндско-советскую границу на всем ее протяжении, что явилось следствием экономического кризиса в Финляндии. Перебежчики хотели найти работу в России, спасаясь от нужды, а порой и от политических преследований (некоторые заподозренные в симпатиях к коммунистам покидали родину под грубым нажимом лапуасцев). По сведениям финляндских властей, широкая волна самостийных переходов советско-финской границы началась летом 1931 г. и к ноябрю в СССР ушло 1500–2000 человек. В сентябре 1932 г. число эмигрировавших на восток достигло 10 тыс. человек, а в январе 1933 г. газеты писали уже о 12 тыс. тайных перебежчиков [УМА 2]. По оценкам финляндских исследователей, всего в начале 1930-х гг. в СССР эмигрировало из Финляндии 12–15 тыс. человек [Kostiainen 1988: 57–64].

В отечественных документах начало массового наплыва финперебежчиков датируется 1930 г. (см., напр.: [НА РК 1: Оп. 5. Д. 276. Л. 84]). По сведениям Главного управления погранвойск СССР, за 1930–1934 гг. на советско-финляндской границе было задержано 12950 нарушителей (пик в 1932 – свыше 7 тыс. человек) [Пограничные войска 1972: 8]. Сколько человек благополучно пересекло границу, минуя погранзаставы, остается неизвестным. В любом случае перебежчики сразу же попадали в тюрьмы или карантинные лагеря ОГПУ и после проверки направлялись оттуда на работу в различные регионы Советского Союза или в систему ГУЛАГа.

До 1932 г. перебежчиков старались размещать подальше от границы, вывозя их на Урал, в Сибирь, Казахстан и т. д. Однако у карельского правительства, проводившего политику формирования национальных рабочих кадров и делавшего ставку на привлечение в республику иностранных рабочих, были свои планы относительно эмигрантов из Финляндии. С разрешения Москвы и Ленинградского ОГПУ все большее число перебежчиков, начиная с 1932 г., направляется на работу во внутренние (не пограничные) районы Карелии. Основными местами размещения эмигрантов стали лесные поселки Медвежьегорского и Пудожского районов и известняковые

разработки Заонежья. Все они находились на особом положении: состояли под надзором ГПУ, не имели права самовольно покидать место работы, вместо паспортов были специальные удостоверения перебежчиков, что облегчало работу органов безопасности – в случае побега человеку без паспорта скрыться было негде.

Условия проживания в поселках финперебежчиков были чудовищны: временные бараки, холодные, кишевшие насекомыми; отсутствие самого необходимого – мебели, постельных принадлежностей, посуды, одежды, обуви; безобразное питание, мизерная медицинская помощь, огромная детская смертность (подробнее см.: [Takala 1994; Такала 2002: 54–61]). Естественно, что недовольство и отчаяние людей росли постоянно. Карательные органы внимательно следили за настроениями перебежчиков, скрупулезно фиксируя все, что говорили озлобленные голодом и невзгодами люди. Главным средством борьбы с недовольными были аресты, которые производились на протяжении всех 1930-х гг. Сначала «изымались» наиболее активные, не желавшие смириться со своим рабским положением. После сентября 1935 г., когда в республике была провозглашена «борьба с финским буржуазным национализмом», аресты среди финперебежчиков приобретают массовый характер. Как и в случае с карбеженцами, слово «финперебежчик» в следственных документах становится синонимом словам «контрреволюционер» и «шпион».

Красные финны и североамериканские переселенцы тоже не остались без внимания, под наблюдение компетентных органов попадали и люди, занимавшие достаточно высокие номенклатурные должности, причем фиксировался чуть ли не каждый вздох человека [НА РК 4: Оп. 1. Д. 8/81. Л. 28–29, 178–179; НА РК 8: Оп. 1. Д. 904, 978, 980 и др.]¹⁸. Впоследствии материалы, собранные районными отделениями ГПУ, легли в основу дел против «финских буржуазных националистов». Аресты среди финнов-иммигрантов начинаются уже в 1920-е гг. Например, весной 1925 г. контрразведывательный отдел ГПУ АКССР начал в Ухте «разработку оппозиционной группы финнов-эмигрантов», которая якобы стремилась к объединению с другими «оппозиционерами» [НА РК 4: Оп. 1. Д. 8/81. Л. 178–179]¹⁹. Тем не менее основным контингентом, разрабатываемым органами безопасности по подозрению в контрреволюционной деятельности и шпионаже, вплоть до середины 1930-х гг. оставалось местное

¹⁸ Следует отметить, что с не меньшим интересом за соотечественниками пытались следить и в ведомстве Эско Риекки (начальник финской тайной полиции в 1923–1938 гг.). См., напр.: [КА 1; УМА 3] и др.

¹⁹ Судя по контексту, речь шла о сторонниках Троцкого в КПФ.

коренное население, что свидетельствовало о главном назначении репрессивных акций властей – борьба с недовольными режимом. В качестве «пятой колонны» позиционировалась не финская ирредента, а практически все население республики.

Большой террор и национальные операции в Карелии

Исследователи традиционно выделяют две основные составляющие Большого террора – так называемую «кулацкую» и «национальные» операции. Формально они были разведены специальными приказами и директивами, нацеленными на конкретные категории населения, предписывавшими особый порядок ведения следствия и способы вынесения приговоров. Если изучение так называемой «кулацкой» операции значительно продвинулось за последнее десятилетие, прежде всего за счет введения в научный оборот и анализа материалов региональных архивов, то к национальным операциям исследователи обращаются гораздо реже и, как правило, лишь в общем контексте, при анализе более широких проблем. Несмотря на наличие хороших работ, посвященных главным образом польской и немецкой операциям, в комплексе этот феномен до сих пор не рассматривался.

Число национальных операций с августа 1937 по февраль 1938 г. постоянно расширялось, хотя специальными документами (приказы № 00439, 00485, 00593 и директивы НКВД) четко были определены лишь восемь линий: немецкая, польская, румынская, харбинская, латвийская, греческая, иранская и афганская [ИСГ 1: 267–268, 275–277, 281–283]. Однако параллельно появлявшиеся документы постепенно расширяли эти направления за счет других национальностей. В декабре 1937 г. в состав репрессируемых по «латвийской линии» специальной директивой были включены «перебежчики финны, эстонцы, литовцы и болгары» [ИСГ 1: 285–286; Лубянка 2004: 652 (прим. 62)]. В Директиве НКВД СССР от 1 февраля 1938 г. о продлении операции «по разгрому шпионско-диверсионных контингентов из поляков, латышей, немцев, эстонцев, финн, греков, иранцев, харбинцев, китайцев и румын» было указание провести «аналогичную операцию» в отношении болгар и македонцев [Лубянка 2004: 468–469]. Всего в документах названы представители 17 национальностей, включая первых депортируемых (корейцы, курды). При этом следует иметь в виду, что перечисленными в документах народами аресты не ограничивались, да и национальный состав репрессированных по той или иной линии мог оказаться весьма пестрым.

**Число репрессированных по основным национальным линиям
в 1937–1938 гг.²⁰**

Линия	Осуждено (тыс. чел.)	В том числе к ВМН	
		всего	%
Польская	139,8	111,1	79,4
Немецкая	55,0	41,9	76,2
Харбинская	46,3	31,0	66,9
Латышская	21,3	16,6	77,8
Иранская	13,3	2,0	15,4
Греческая	12,6	10,5	84,0
Финская	11,1	9,1	82,0
Эстонская	9,7	8,0	82,2
Румынская	8,3	5,4	65,6
Афганская	1,6	0,4	23,5
Всего по основным линиям	319,0	236,0	74,0

Центром как основные рассматривались три «линии»: польская, харбинская (харбино-японская) и немецкая, что хорошо прослеживается в итоговых цифрах. В целом по стране репрессированные по национальным приказам составили примерно 40%.

Если обратиться к конкретным регионам, то распределение национальных линий и численность репрессируемых национальных контингентов будет выглядеть везде по-разному и иначе, чем в целом по Союзу. Например, в Карелии число репрессированных по национальным линиям превышает число арестованных и осужденных по приказу № 00447 (55% и 45%, соответственно), а главной линией оказалась финская, по которой специального приказа не было. По этой линии в республике было арестовано и осуждено 5,6 тыс. человек, или 93,3% от всех репрессированных по национальным приказам (по польской линии – 4,6%, по немецкой – 0,8%, по харбинской – 0,7%). Финны, чья численность в Карелии в середине 1930-х гг. едва превышала 3% населения, составили свыше 41% всех репрессированных (карелы – 27%, русские – 25%). Среди осужденных по национальным приказам доля финнов была еще выше – 74% (карелы – 16%, русские – 3%)²¹.

²⁰ Таблица составлена по данным, приведенным Н. Охотиным и А. Рогинским: [Охотин, Рогинский]. Цифры в разных исследованиях несколько варьируются и, по общему мнению, не являются окончательными, поэтому в таблице округлены до тыс. человек. Но тенденция и степень жестокости той или иной операции в них прослеживаются хорошо.

²¹ Подсчеты произведены по материалам Архива УФСБ по РК, подробные данные (см.: [Такала 1998]).

Внешне это могло бы выглядеть как ярко выраженная этническая чистка, однако следует анализировать эти данные, принимая во внимание специфику региона.

Детальное исследование Большого террора в Карелии и региональной специфики массовых операций еще впереди²², хотя именно здесь террор носил наиболее жесткий и кровавый характер, что было обусловлено, прежде всего, пограничным положением республики.

Следует отметить, что об окончательных цифрах репрессированных жителей Карелии во время Большого террора говорить еще рано. Приведенные выше расчеты сделаны по документам архива УФСБ Карелии (обобщающие сводки 1939 г. и первичные материалы к ним). Если обратиться к книге памяти Республики Карелия [Поминальные списки 2002], точнее к ее несколько дополненному варианту в базе данных «Жертвы политического террора в СССР», изданной в 2007 г. обществом «Мемориал» [Жертвы 2007], то цифры за аналогичный период (1.01.37–15.11.38) получаются другими:

Сравнительная таблица данных источников²³

Осуждено 1.01.37– 15.11.38	Источник	Всего	Русские	Карелы	Финны
	Архив УФСБ РК	11 341	2874	3059	4688
	% осужденных	100	25,3	26,9	41,3
	% от населения 1937 г.	2,2	0,9	2,8	33,4
	БД Мемориала (книга памяти РК)	12 989	4636	3123	3006
	% осужденных	100	35,7	24,0	23,1
	% от населения 1937 г.	2,5	1,4	2,8	21,4

²² До сих пор нет научной обобщающей работы по Большому террору в Карелии. В работах общего характера сведения о Большом терроре представлены крайне невнятно и фрагментарно, без какого-либо анализа (см., напр.: [История Карелии 2001: 498–502; Органы безопасности 2008: 99–102]). Раздел о Большом терроре в книге Н. Барона [Барон 2011: 322–351] написан в основном по источникам из московских архивов и подчинен основной теме исследования – центральная власть и периферийное сопротивление в рамках «пространственной истории», что не позволяет автору углубиться в конкретику и сужает взгляд на феномен в целом. Единственной непосредственно посвященной теме остается книга И. Чухина [Чухин 1999], основным достоинством которой является публикация сведений из недоступных многим исследователям архивов ФСБ и МВД. Но за прошедшие двадцать лет опубликовано много новых документов, появилась огромная историография о массовых операциях 1937–1938 гг., что существенно корректирует наше сегодняшнее видение Большого террора.

²³ Составлена по: [АУФСБ РК 3; БДК; Всесоюзная перепись 1937 г. 2007].

Разночтения можно объяснить тем, что в издании 2002 г. «Поминальные списки Карелии» есть немало ошибок и опечаток, оставшихся и в базе данных «Мемориала». Кроме того, в целом ряде случаев национальность осужденного не указана, и эти люди в выборку не попадают. Следует учитывать и то, что в республиканской книге памяти в число репрессированных за указанный период вошли заключенные лагерей, или люди, приговоренные не карельскими несудебными органами. В архивных же данных 1939 г. приведена статистика деятельности только карельских «троек» и «двоек». К тому же результаты этой «деятельности» (осужденных карельскими внесудебными органами финнов, например) мы находим в книгах памяти других областей (Ленинградский мартиролог, книга памяти Мурманской области). Отсюда большая разница в общем количестве осужденных и в данных по русским и финнам.

Тем не менее анализ базы данных позволяет выявить карельскую специфику массовых операций Большого террора²⁴.

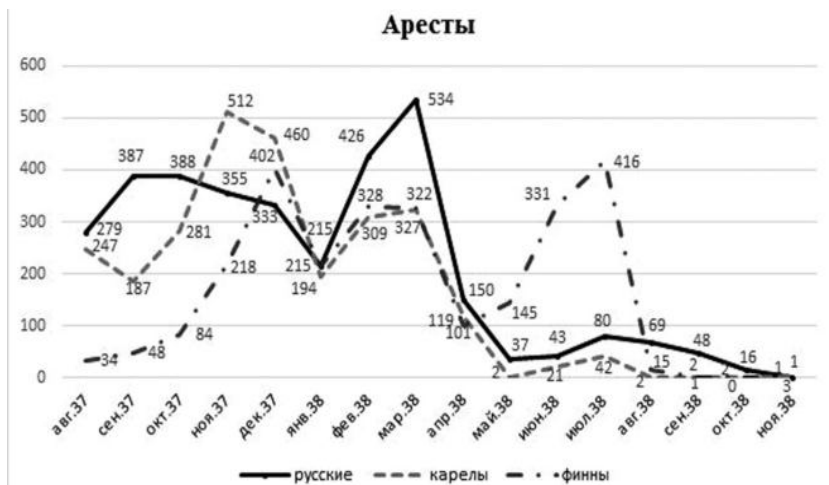
Если сопоставлять сведения о количестве арестованных и осужденных по Карелии, сохранившиеся в Архиве УФСБ по РК, с данными переписи населения 1937 г., то в ходе массовых операций в республике было репрессировано примерно 2,2% населения, а по БДК – даже 2,5%. Это является одним из самых высоких показателей по стране: в среднем по СССР в 1937–1938 гг. было репрессировано 0,8% населения²⁵. Доля репрессированных карелов в сравнении с населением 1937 г. составила 2,8%, а доля финнов выглядит совсем беспрецедентной – от 22,4 до 33,4%, т. е. каждый третий.

Около 70% репрессированных карелов было арестовано и осуждено по приказу № 00447. В национальных районах (Олонецком, Петровском, Пряжинском и Ребольском) карелы составляли свыше 80% арестованных, пики их арестов пришлось на ноябрь – декабрь 1937 и март 1938 г., т. е. на завершающие этапы первой и второй фаз «кулацкой» операции.

Пики арестов финнов – это декабрь 1937, когда латышская операция была распространена на финнов, эстонцев, литовцев, болгар, затем февраль – март и июль 1938 как результат решений Политбюро о продлении национальных операций сначала до 15 апреля, а затем до 1 августа [ТСД 5: 34–35; Лубянка 2004: 538; АУФСБ РК 2: Оп. 1. П. 54. Л. 12–13].

²⁴ Подобный анализ книг памяти жертв политических репрессий по пяти регионам РСФСР (в том числе и Карелии) и по той же базе данных был предпринят Л. А. Лягушкиной в ряде статей и кандидатской диссертации с целью выявления социального портрета репрессированных. См.: [Лягушкина 2014, 2016]. В этой статье мы приводим собственные подсчеты, которые несколько отличаются от данных Лягушкиной.

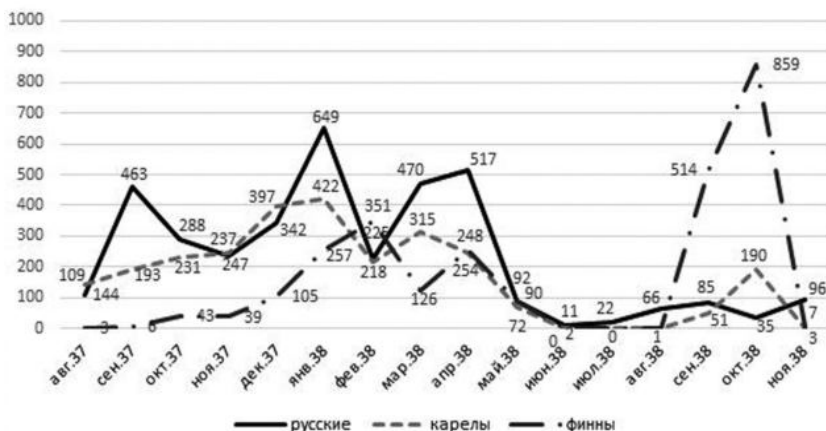
²⁵ Подсчитано по: [Охотин, Рогинский; Всесоюзная перепись 1937 г. 2007: 32].

Графики приговоров, в том числе расстрельных, у карелов и русских также свидетельствуют о том, что среди них основные репрессии шли по «кулацкой» линии. Пики приговоров, вынесенных финнам, – это январь, апрель 1938 г. (окончание первого и второго этапов национальных операций) и самый большой – сентябрь 1938 г. как результат деятельности карельской Особой тройки НКВД.

Расстрелы

До осени 1938 г. судьбы репрессированных по оперативным приказам НКВД решали внесудебные органы – «тройки» и «двойки».

Тройки как внесудебный карательный орган не были новацией 1937 г. В 1920-е – начале 1930-х гг. они создавались при всех полномочных представительствах ГПУ, хотя специального аппарата не имели, а использовали оперативный состав органов ГПУ и Уголовного розыска. Тройки, созданные на местах летом 1937 г. [Лубянка 2004: 234–235], имели совсем иной состав, утверждаемый Москвой (начальник местного УНКВД – председатель, первый секретарь ЦК/обкома/крайкома партии и прокурор), и самые широкие полномочия, включая право массовых расстрелов. Судьи не видели обвиняемых, сам процесс происходил очень быстро – об этом говорит статистика приговоров. В один день тройка могла осудить 200–500 человек, а были случаи, когда и больше тысячи [Бордюгов, Биннер 2008: 51–52].

Состав карельской тройки неоднократно менялся, так как в ходе расправ судьи нередко превращались в обвиняемых. За полтора года массовых операций в республиканской тройке сменилось четыре секретаря обкома (Никольский, Леонинок, Иванов, Куприянов) и два наркома внутренних дел (Тенисон, Матузенко). Постоянной оставалась лишь фигура прокурора Георгия Михайловича, сумевшего продержаться на своем посту до начала 1939 г.

Польский и харбинский приказы еще больше упростили процедуру принятия решений, впервые введя в практику НКВД «альбомный» поря-

док осуждения, с тем чтобы одним росчерком пера можно было решить судьбу сразу нескольких десятков человек. На каждого арестованного по национальным линиям составлялась короткая справка с предложением о приговоре (расстрел или заключение в лагерь на 5–10 лет), справки комплектовались в специальные списки-альбомы, которые подписывали начальник УНКВД и местный прокурор. Затем альбом направлялся в Москву, где окончательное решение выносила так называемая «двойка», комиссия, состоящая из наркома внутренних дел Н. Ежова и прокурора СССР А. Вышинского. По возвращении альбомов на места приговоры приводились в исполнение.

В Карелии первые списки-альбомы появляются в декабре 1937 г., по первым 9 альбому, составленным с 4 по 30 декабря, прошло 900 человек, 727 из них (80,8%) были приговорены к расстрелу. Существенным образом изменился и национальный состав обвиняемых, 64,2% которых теперь составляли финны. Карельская тройка за декабрь рассмотрела 1007 дел, приговорив к расстрелу 972 человека [Такала 1998: 190; Чухин 1999: 146–147, прил. 9 (подсчеты)].

Последним аккордом массовых операций стали события осени 1938 г. 15 сентября Политбюро принимает постановление об образовании на местах Особых троек для рассмотрения дел на арестованных по национальным приказам. В двухмесячный срок Особые тройки должны были рассмотреть дела в отношении лиц, арестованных до 1 августа 1938 г., приговоры по первой категории предписывалось приводить в исполнение немедленно [Лубянка 2004: 549]. Через день Ежовым был подписан соответствующий приказ НКВД № 00606.

Главным предназначением Особых троек была оперативная физическая ликвидация людей, осужденных в альбомном порядке по национальным операциям, что можно расценить как подготовку к завершению Большого террора. Их персональный состав не требовал утверждения Политбюро, в отличие от троек, созданных по приказу 00447 и уже прекративших свое существование. В Особую тройку входили только первые лица: начальник УНКВД, местный партийный руководитель и прокурор, решения были окончательными и не требовали утверждения в Москве.

Особая тройка при НКВД КАССР в составе наркома С. Матузенко, секретаря обкома Г. Куприянова и прокурора республики Г. Михайловича начала свою работу через три дня после принятия приказа № 00606. 20 сентября она вынесла свое первое решение: 110 человек, все финны, по стандартному обвинению «шпионская работа в пользу Финляндии»

были приговорены к расстрелу [Такала 1998: 199]. Тем же днем помечен еще один протокол заседания тройки – рассмотрено 100 дел (список-альбом № 2), 96 человек приговорено к расстрелу. 21 сентября была решена судьба 499 человек, 485 постановили расстрелять [Чухин 1999: 148, прил. 10]. Всего за неполный месяц было оформлено 32 протокола заседаний Особой тройки (последнее 10 октября) и осуждено 1805 человек, 1708 из них (94,6%) приговорены к расстрелу. Большинство приговоров было приведено в исполнение тогда же: в сентябре – октябре расстреляли 1530 человек, 73% из них в окрестностях Петрозаводска [Там же: 157, прил. 16 (подсчеты)].

Приведенные данные свидетельствуют о широком масштабе и особой жестокости массовых операций в Карелии. Наиболее наглядно жесточайшая статистика приговоров карельских внесудебных органов выглядит в сравнении со среднестатистическими данными по стране:

Из общего числа осужденных в 1937–1938 гг.	В среднем по СССР в %	В Карелии в %
Приговорено к расстрелу (всего)	50	89
Доля приговоренных к расстрелу внесудебными органами (всего)	65	90
Тройками	53	80
Двойкой	74	94
Особой тройкой	69	95

Подавляющим большинством репрессированных были мужчины. Женщины составили примерно 4% от всех осужденных в ходе массовых операций в Карелии, что сопоставимо со средними данными по стране. Среди русских этот процент был около трех, среди карелов – около четырех, а доля репрессированных женщин среди финнов доходила до 9%. Однако приговоры в отношении женщин в Карелии были гораздо суровее, чем в целом по стране²⁶. По нашим подсчетам русских женщин приговаривали к ВМН (расстрел) в 63% случаев, финнок – в 64%, карелок – в 66%.

Обращает на себя внимание и большое число молодых карелов, подвергшихся репрессиям, – 20% в возрасте 21–30 лет (по стране данные колеблются, как правило, в диапазоне 10–15% [Кодин 2011: 24; Лягушкина

²⁶ Л. Лягушкина приводит следующие данные по изученным ею регионам: в Башкирии женщин приговаривали к ВМН в 5,2% случаев, в Горьковской области – в 12%, в Северной Осетии – в 14,4%, в Алтайском крае – в 27%. В Карелии этот показатель был 60%. Русских женщин ВМН ожидала в 49% случаев, а финнок – в 62% [Лягушкина 2014: 40].

2014: 39]). Вполне вероятно, что в данном случае речь идет о подростках карбеженцев.

Если говорить непосредственно о «финской операции», то ее отчет можно начинать уже с осени 1935 г., когда после снятия финского руководства республики, наряду с перебежчиками, главным объектом внимания органов безопасности становятся политэмигранты, в первую очередь активисты КПФ (подробнее см.: [Такала 2002: 54–61, 93–107]). Следственные дела финских коммунистов, представших перед судом в 1935–1936 гг., уже вполне сопоставимы с документами периода Большого террора.

В этой связи стоит обратить внимание и на другие, предваряющие Большой террор, директивы центра. Еще в марте 1936 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О мерах, ограждающих СССР от проникновения шпионских, террористических и диверсионных элементов», согласно которому политэмигранты оказались одними из главных «агентов разведывательных и полицейских органов капиталистических государств». В Циркуляре НКВД СССР «Об иностранцах» (август 1937 г.) названа была уже 21 страна (в том числе и Финляндия), гражданам которых предписывалось прекратить продление видов на жительство [Охотин, Рогинский].

Этот циркуляр объясняет появление в карельских документах таких «национальных» линий, как английская, турецкая, шведская, французская, итальянская и венгерская [АУФСБ РК 3: Д. 169. Т. 1. Л. 5–8]. И в целом документы, появлявшиеся параллельно с так называемыми «национальными» приказами и директивами, со всей очевидностью свидетельствуют, что расширение репрессируемых контингентов происходило не столько по этническому, сколько по политическому, в том числе внешнеполитическому, принципу. Об этом же свидетельствуют и приговоры, вынесенные осужденным по национальным линиям, в которых преобладают обвинения в шпионаже и повстанческой контрреволюционной деятельности.

Этнизацию террора, точнее создание впечатления об усилении репрессий по национальному принципу, можно приписать скорее деятельности местных властей, старавшихся истово выполнять указания центра. В Карелии самые кровавые события разворачивались в 1938 г.: за февраль – август число репрессированных финнов увеличилось в 3,3 раза по сравнению с 1937 г.

С конца января, в связи с директивой о продлении массовых операций, из Петрозаводска в районы идут многочисленные распоряжения об активизации работы «по разгрому шпионско-диверсионных контингентов». Поначалу это вызвало серьезное замешательство у начальников районных

отделов и Погранотрядов. Из районов следовали просьбы о разъяснении ситуации – кого арестовывать, кого нет – и жалобы на то, что «нет материала на выход» [АУФСБ РК 2: Оп. 1. П. 53. Л. 2, 10–13, 19, 73–82]. Разъяснения нового руководителя Карельского НКВД С. Матузенко по поводу «окончательного разгрома работы иноразведок среди финской колонии» и его указания – арестовывать практически всех финнов [АУФСБ РК 2: Оп. 1. П. 53. Л. 26–34] – быстро навели порядок.

По мере развития операции органы безопасности на местах входили во вкус и становились все активнее. И если в феврале Петрозаводск подгонял РО, то в марте – начале апреля из районов уже лавиной идут списки финнов, подлежащих аресту, с просьбой о санкциях, которые следовали незамедлительно, иногда даже по телефону²⁷. При этом список мог сопровождаться запиской такого содержания: «Прошу дать санкцию на арест 9 финперебежчиков, особоучетников НКВД, проживающих в Матросах. Показаний на вышеуказанных финнов у нас нет, но народ очень интересный. Их нужно немедленно изолировать» [АУФСБ РК 2: Оп. 1. П. 52. Л. 135].

Не забывали следователи и о других национальных линиях, в Кондопоге, например, была вскрыта «турецкая шпионская организация»: три работника артели «Дружба Турции» после недолгой обработки признались, что являются агентами турецкой разведки [АУФСБ РК 2: Оп. 1. П. 42; Л. 199–201]. Всего по данным УНКВД на территории Карелии шпионскую работу вели иностранные разведки 10 государств – Японии, Германии, Англии, Франции, Польши, Латвии, Эстонии, Турции, Норвегии и, конечно же, Финляндии [АУФСБ РК 4: Оп. 1. П. 82. Л. 17]. В целом осужденные за шпионаж составляли в Карелии примерно 35% от всех репрессированных, что в два раза превышало среднестатистический показатель по стране²⁸.

Следует упомянуть еще об одной операции, которую пытались инициировать, но не успели реализовать карельские власти.

Перед самым завершением Большого террора нарком С. Матузенко и первый секретарь обкома ВКП(б) Г. Куприянов начали разворачивать

²⁷ Например, врид начальника Калевальского РО сержант Мартынов, еще недавно жаловавшийся на «отсутствие материала», 2 апреля писал начальнику 3 отдела Антонову следующее: «Просим в связи с ограниченным сроком до окончания следствия аресты санкционировать телеграфно, чтобы успеть до 15 апреля „обработать“ дела...» [АУФСБ РК 2: Оп. 1. П. 52. Л. 263].

²⁸ Если анализировать данные, приведенные в книге О. Мозохина, то в среднем по СССР доля осужденных за шпионаж среди репрессированных в 1937–1938 гг. составила около 17% (подсчитано по: [Мозохин 2006: 333, 336, 338, 340].

борьбу с «карельским буржуазным национализмом» (см.: [Такала 1993: 127]. Связано это было очевидно с тем, что «финская линия» была уже практически отработана, а руководство республики, не уловив сигналов из Москвы о переходе к завершающему этапу массовых репрессий, продолжало проявлять активность и выказывать рвение в борьбе с «врагами народа». Примером для Куприянова послужило активно разрабатываемое с февраля 1938 г. чекистами Калининской области так называемое «Карельское дело» (см.: [Карельское «дело» 1991]), по материалам которого проходил и второй секретарь обкома, калининский карел Дмитрий Смирнов [НА РК 1: Оп. 5. Д. 86. Л. 92–96]. В качестве повода для начала новой операции очень подходила ситуация с развитием карельской письменности (об этом подробнее: [Анттикоски 1998]). Руководителями обнаруженной в республике «карельской националистической шпионской организации» были объявлены секретарь обкома Смирнов, председатель терминологической комиссии по развитию карельской лексики, нарком просвещения Владимир Филимонов, ответственный редактор газеты «Советской Карелия» Петр Савельев и научный сотрудник Карельского научно-исследовательского института Матти Хямяляйнен [Белоусов 2014б]. Правила карельского литературного языка и их создатели были объявлены виновниками хаоса, возникшего в республиканском образовании в результате ликвидации финского языка и ускоренного введения новой письменности. Развернуть антикарельскую кампанию на полную мощность они не успели – Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» Большой террор был остановлен [Лубянка 2004: 607–611].

В целом анализ архивных документов показывает, что решающими факторами для включения потенциальной жертвы в списки «национальных» операций была та или иная связь человека с границей, а не его этническая принадлежность. В Петрозаводске, например, где число репрессированных было самым большим по республике, финны-иммигранты составили 51 % всех жертв массовых операций при доле в 7 % от населения города. Примечательно и то, что из числа репрессированных в столице Карелии уроженцы республики составляли лишь 20 %. В приграничных же национальных районах главными жертвами стали карелы²⁹, что объясняется не только однородностью их национального состава, но и давними (экономическими и родственными) связями местного населения с Финляндией.

²⁹ За исключением Калевальского района, где доля репрессированных финнов составила 57 %.

Выводы о несостоятельности тезиса об этнизации террора мы находим и в других исследованиях. Авторы работы по национальным операциям в Грузии подчеркивают, что там решающим фактором для репрессий по национальным линиям был не этнический фактор, а связи с зарубежьем, «антисоветское» поведение и «подозрительный» социальный статус репрессируемого (см.: [Большевистский порядок 2015]). Собственно, это определялось самими «национальными» приказами, среди которых был и «харбинский». Действия НКВД по этой линии уж никак нельзя считать этнической чисткой.

Представляется, что национальные операции Большого террора следует рассматривать в общем контексте массовых репрессий как один из элементов «политики населения» и новых техник государственной интервенции (по определению Питера Холквиста). Насилие государства в 1930-е гг. было радикальным расширением и распространением ранее существовавших стремлений большевиков вылепить своё население, отсекая либо ликвидируя «вредоносные элементы», стоящие на пути построения социалистического общества [Холквист 2011: 166–167].

Острые национальных операций было направлено на те категории людей, чье истинное или мнимое инакомыслие было порождено знакомством с другими системами организации общества. Новое советское поколение, выросшее после революции, не должно было знать об этой другой жизни, чтобы ему не с чем было сравнивать окружающую их действительность. Недаром главными жертвами национальных линий стали политэмигранты, перебежчики и иностранные специалисты. Они видели жизнь других стран и во многом успели разочароваться в социалистической идее. Региональные различия при проведении национальных операций были достаточно велики – в приграничных регионах по очевидным причинам они оказались жестче, чем во внутренних районах страны. И потому эффект от них оказался сильнее. В Карелии, где физически были уничтожены тысячи финнов, причем мужчины из числа перебежчиков и политэмигрантов едва ли не поголовно, запугать уцелевших в этой бойне удалось настолько, что они замолчали на пятьдесят лет (см.: [Golubev, Takala 2014: 142–155, 171–173]).

Источники

- АКССР 1925 – АКССР. Статистический обзор 1923–24. Петрозаводск, 1925.
- АУФСБ РК 1 – Архив УФСБ по РК. Дело № П-18456. Т. 17.
- АУФСБ РК 2 – Архив УФСБ по РК. Ф. СДП, п/ф. КРО.
- АУФСБ РК 3 – Архив УФСБ по РК. Ф. КРО.

- АУФСБ РК 4 – Архив УФСБ по РК. Ф. СДП, п/ф. Секретариат.
- БДК – Книга памяти Республики Карелия по базе данных «Жертвы политического террора в СССР» [Электронный ресурс]. 4-е изд. М.: Звенья, 2007.
- Всекарельский съезд 1990 – Всекарельский съезд представителей трудящихся карел. Первый всекарельский съезд советов. Протоколы. Петрозаводск, 1990.
- Всесоюзная перепись 1937 г. – Всесоюзная перепись 1937 г.: Общие итоги. Сборник документов и материалов. М.: РОССПЭН, 2007.
- Жертвы 2007 – Жертвы политического террора в СССР [Электронный ресурс]. 4-е изд. М.: Звенья, 2007. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
- Из истории раскулачивания 1991 – Из истории раскулачивания в Карелии, 1930–1931 гг.: Документы и материалы. Петрозаводск, 1991.
- ИОГС 1 – Известия Олонецкого Губернского Совета. 1918.
- ИСГ 1 – История Сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. Собрание документов в семи томах. Т. 1: Массовые репрессии в СССР. М., 2004.
- К 1 – Коммуна. 1921.
- КК 1 – Карельская коммуна. 1922.
- Карелия в период 1964 – Карелия в период гражданской войны и иностранной интервенции. 1918–1920. Сборник документов и материалов / Под ред. Я. А. Балагурова и др. Петрозаводск, 1964.
- Лубянка 2004 – Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М.: МФД, 2004.
- НА РК 1 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. П-3.
- НА РК 2 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. Р-202.
- НА РК 3 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. П-11.
- НА РК 4 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. Р-689.
- НА РК 5 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. П-35.
- НА РК 6 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. П-12.
- НА РК 7 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. Р-690.
- НА РК 8 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. П-16.
- Неизвестная Карелия 1997 – Неизвестная Карелия: Документы спецорганов о жизни республики. 1921–1940 гг. Петрозаводск, 1997.
- ОК 1 – Олонецкая Коммуна. 1919.
- ОК 2 – Олонецкая Коммуна. 1920.
- Перепись 1935 – Перепись населения АКССР 1933 г. Вып. III. Петрозаводск, 1935.
- Поминальные списки 2002 – Поминальные списки Карелии, 1937–1938: Уничтоженная Карелия. Ч. 2. Большой террор. Петрозаводск, 2002.
- СЗ СССР 1924 – Собрание законов СССР. 1924.
- СЗ СССР 1925 – Собрание законов СССР. 1925.
- Советская деревня 2000 – Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. Т. 2. 1923–1929. М.: РОССПЭН, 2000.

- СУ РСФСР 1921 – Собрание узаконений РСФСР. 1921.
СУ РСФСР 1922 – Собрание узаконений РСФСР. 1922.
СУ РСФСР 1923 – Собрание узаконений РСФСР. 1923.
СУ РСФСР 1924 – Собрание узаконений РСФСР. 1924.
ТСД 2 – Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. В 5-ти т. Т. 2: 1923–1929. М.: РОССПЭН, 2000.
ТСД 3 – Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 3. Кн. 1: 1930–1931. М.: РОССПЭН, 2003.
ТСД 4 – Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 4: 1935–1939. М.: РОССПЭН, 2004.
ТСД 5 – Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 5. Кн. 2: 1938–1939 гг. М.: РОССПЭН, 2006.
КА 1 – КА. ЕК-Valpo 1. 22, 27–30;
UMA 1 – Ulkoasiainministeriön arkisto (Helsinki). Ryhmä 11. F. 4a. Heimojärjestöjen Keskusvaliokunnan anomus koskien Karjalan ja Inkerin asioita; 4b. Heimojärjestöjen Keskusvaliokunta 1930–1932; 4c. Heimojärjestöjen Keskusvaliokunta – *apuraha-anomus* 1933.
UMA 2 – UMA. 22 K Neuvostoliittoon salatein menneet suomalaiset.
UMA 3 – UMA. 34, 100: 89.

Литература

- 10 лет Советской Карелии. Петрозаводск, 1930.*
Анттикоски Э. Стратегия карельского языкового планирования в 1920-е и 1930-е годы // В семье единой: национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920–1950-е годы. Петрозаводск, 1998. С. 214–218.
Баберовски Й. Сталинизм и нация: Советский Союз как многонациональное государство 1917–53 // *Ab Imperio*. 2006. № 1. С. 177–196.
Баберовски Й. Красный террор: История сталинизма. М.: РОСПЭН, 2007.
Барон Н. Власть и пространство. Автономная Карелия в Советском государстве, 1920–1939. М.: РОССПЭН, 2011.
Белоусов К. Ф. «Заговор финского генштаба» как полигонное испытание при переходе к «массовым операциям» // Политическая история России: Прошлое и современность. Исторические чтения. Выпуск XII. «Гороховая, 2». СПб., 2014а. С. 106–116.
Белоусов К. Ф. Лингвист ≠ Фашист или дело о несостоявшемся процессе // *Север*. 2014б. № 1–2. С. 178–185.
Белоусов К. Ф. Заговор финского генштаба – полигонное испытание при переходе к массовым операциям // *Север*. 2016. № 1–2. С. 236–239.
Болтунов М. Дипломаты в погонах. М.: Кучково поле, 2011.
Большевистский порядок в Грузии. В 2-х т. Т. 1: Большой террор в маленькой кавказской республике / Сост. М. Юнге, Б. Бонвеч. М.: АИРО-XXI, 2015. С. 169–207.

Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447. М., 2008.

Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.

Былинин В. К., Зданович А. А., Коротаев В. И., Седунов А. В., Тотров Ю. Х. Иностранцы разведки в Прибалтике и их взаимодействие со спецслужбами лиминотрофных государств, направленные против СССР: 1918–1941 гг. // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. 4. М., 2008.

Горбунов Е. Основательная встряска военной разведки. С цепью крупнейших провалов советской агентуры разбирался сам Сталин // Независимое военное обозрение. 2007. 20 апреля. С. 7.

Гусев К. В. К истории Карельского мятежа (по материалам Комиссии по реабилитации при президенте РФ) // Отечественная история. 1996. № 6. С. 71–83.

Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М.: Наука, 2005.

Иванович П. Финляндские шпионы. Дело Пауку и др. в Военном трибунале Ленинградского военного округа // Суд идет. 1928. № 4. С. 194–197.

История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск: Периодика, 2001.

Карельское «дело». Дело о так называемой «Карельской буржуазно-националистической, террористической, контрреволюционной организации». Тверь: Упрполиграфиздат, 1991.

Килин Ю. М. Карелия в политике Советского государства, 1920–1941 гг. Петрозаводск: ПетрГУ, 1999.

Кодин Е. В. Большой террор на Смоленщине: национальные операции, 1937–1938 годы // Известия Смоленского гос. ун-та. 2010. № 4. С. 301–329.

Кодин Е. В. Репрессированная российская провинция. Смоленщина. 1917–1953. М.: РОССПЭН, 2011.

Колтакиди А. И., Прохоров Д. П. Империя ГРУ. Кн. 1. М.: Олма-Пресс, 2000.

Лайдинен Э. П., Веригин С. Г. Финская разведка против Советской России. Петрозаводск: Риф, 2004.

Левкоев А. А. «Правильная политика». Крестьянский фон политики финляндского коммунистического руководства Советской Карелии в 1920-е гг. // Национальная государственность финно-угорских народов северо-западной России (1917–1940). Сыктывкар, 1996. С. 23–28.

Лурье В. М., Кочик В. Я. ГРУ: дела и люди. СПб.: Издательский дом «Нева», 2003.

Лягушкина Л. А. Социальные характеристики репрессированных в годы Большого террора (1937–1938 гг.) в Карельской АССР // Вестник Пермского ун-та, сер. «История». 2014. № 3. С. 36–44.

Лягушкина Л. А. Социальный портрет репрессированных в РСФСР в ходе Большого террора (1937–1938 гг.): сравнительный анализ баз данных по региональным «Книгам памяти» [Дис. ... канд. истор. наук]. М., 2016.

Мартин Т. Империя положительной деятельности. Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011а.

Мартин Т. Империя положительной деятельности: Советский Союз как высшая форма империализма // Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина / Под ред. Р. Г. Суни, Т. Мартина. М.: РОССПЭН, 2011б. С. 88–116.

Мелия А. А. Мобилизационная подготовка народного хозяйства СССР. М.: Альпина Бизнес Букс, 2004.

Мозохин О. Б. Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953). Жуковский; М.: Кучково поле, 2006.

Невалайнен П. Изгои: Российские беженцы в Финляндии (1917–1939). СПб.: Журнал «Нева», 2003.

Никитина О. А. Коллективизация и раскулачивание в Карелии (1929–1932 годы). Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1997.

Органы безопасности Карелии. Петрозаводск: Скандинавия, 2008.

Осинов А. Ю. Финляндия и гражданская война в Карелии. [Дис. ... канд. истор. наук]. Петрозаводск, 2006.

Осипов А. Ю. Карельская Освободительная Армия: между Финляндией и советской Россией // Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов. Гуманитарные исследования. Вып. 1 / Ред. О. П. Илюха, И. И. Муллонен. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2008. С. 45–52.

Охотин Н. Г., Рогинский А. Б. «Большой террор»: 1937–1938. Краткая хроника [Электронный ресурс]. URL: http://old.memo.ru/history/y1937/hronika1936_1939/hronika.html (25.10.2018).

Очерки истории Карелии. Т. 2. Петрозаводск: Кариздат, 1964.

Пограничные войска СССР. 1929–1938. М., 1972.

Покровская И. П. Население Карелии. Петрозаводск: Карелия, 1978.

Полян П. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М.: Мемориал, ОГИ, 2001.

Прудникова Е. А., Горчаков О. А., Попов А. Ю., Цветков А. И., Паноров Ю. Н. Легенды ГРУ. СПб.: Издательский дом «Нева», 2005.

Репухова О. Дело о контрреволюционном заговоре в Карелии в 1932–1933 гг. («Заговор финского генштаба») // Корни травы: Сборник статей молодых историков. М., 1996. С. 35–44.

Савин А. И. Этнизация сталинизма? «Национальные» и «кулацкая» операции НКВД: сравнительный аспект // Россия XXI. 2012. № 3. С. 40–61.

Снайдер Т. Кровавые земли: Европа между Гитлером и Сталиным. Киев: Дуліби, 2015.

Соломец И. Торговля и культура // *De Urbe Uloa 2008: Barentsin alueen tulevaisuuskonferenssi* 25–26.11.2008. Suomen Kotiseutuliiton julkaisu A: 22. Oulu, 2009. S. 34–42.

СС 1 – «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. Т. 1. Ч. 2. М.: ИРИ РАН, 2001.

СС 6 – «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. Т. 6. М.: ИРИ РАН, 2002.

Сталинские депортации. 1928–1953 / Под общ. ред. акад. А. Н. Яковлева; Сост. Н. Л. Поболь, П. М. Полян. М.: МФД Материк, 2005.

Суни Р. Г. Советское и национальное: единство противоречий // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы: Материалы VI междунар. науч. конф. Киев, 10–12 октября 2013 г. М.: РОССПЭН, 2014. С. 17–40.

Энборн Дж. Семья, братство и национальное строительство в России 1905–1925 гг. // Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. М.: РОССПЭН, 2011. С. 117–134.

Такала И. Р. Репрессивная политика в отношении финнов в Советской Карелии 30-х годов // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск: ПетрГУ, 1993. С. 111–128.

Такала И. Репрессивная политика в отношении финнов в Советской Карелии 30-х годов // *Studia Slavica Finlandensia*. Helsinki, 1994. Т. XI. С. 141–166.

Такала И. Р. Национальные операции ОГПУ/НКВД в Карелии // В семье единой. Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе в 1920–1950-е годы. Петрозаводск: ПетрГУ, 1998. С. 186–206.

Такала И. Р. Финны в Карелии и в России: История возникновения и гибели диаспоры. СПб.: Журнал «Нева», 2002.

Такала И. Р. Финны советской Карелии и их вклад в развитие республики (1920-е – первая половина 1930-х годов) // Финский фактор в истории и культуре Карелии XX века. Гуманитарные исследования. Вып. 3. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2009. С. 107–148.

Такала И. Р. Финский язык в России: история и судьба. Лекция. Петрозаводск: ПетрГУ, 2010.

Такала И. Финны-иммигранты в России XX в. // *Русский Сборник: исследования по истории России*. Т. XVII: Финляндия и Россия. М.: Модест Колеров, 2015. С. 272–311.

Тумиис М., Папчинский А. 1937. Большая чистка. НКВД против ЧК. М.: Яуза; Эксмо, 2009.

Холквист П. Вычислить, изъять и истребить: Статистика и политика населения в последние годы царской империи и в Советской России // Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. М.: РОССПЭН, 2011. С. 139–179.

Чухин И. Канало-армейцы. Петрозаводск: Карелия, 1990.

Чухин И. И. Карелия-37: идеология и практика террора. Петрозаводск: ПетрГУ, 1999.

Anssi P. Territories, Boundaries and Consciousness: The Changing Geographies of Finnish-Russian Border. Chichester et al., 1996.

Brubaker R. Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

Churchill S. Itä-Karjalan kohtalo. 1917–1922. Porvoo, 1970.

Elfvingren E., Laidinen E. Vakoilu itärajan takana – yleisesikunnan tiedustelu Neuvosto-Karjalassa 1918–1939. Helsinki: Minerva, 2012.

Golubev A., Takala I. The Search for a Socialist El Dorado: Finnish Immigration to Soviet Karelia from the United States and Canada in the 1930s. East Lansing, MI: Michigan State University Press, 2014.

Kosonen M. Raja railona aukea, tiedustela Neuvosto-Karjala 1920–1930-luvulla. Joensuu: Joensuu Yliopistopaino, 2001.

Kostiainen A. Loikkaarit. Keuruu, 1988.

Naimark N. M. Stalin's Genocides. Princeton: Princeton University Press, 2010.

Nygård T. Itä-Karjalan pakolaiset 1917–1922. Jyväskylä, 1980.

Oksanen A. Lapuan liike Suomen ulkopolitiikan ongelmana 1930. Helsinki: Helsingin yliopisto, 1994.

Rislakki J. Maan alla. Porvoo, 1986.

Sanborn J. The Mobilization of 1914 and the Question of the Russian Nation: A Reexamination // *Slavic Review*. 2000. 59. N. 2. P. 267–289.

Slezkine Y. The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // *Slavic Review*. 1994. 53. N 2. P. 414–452.

Stubbergaard Y. Stat, kris och demokrati: Lapporörelsens inflytande i Finland 1929–1932. Lund: Arkiv, 1996.

Suny R. G. Ambiguous Categories: States, Empires and Nations // *Post-Soviet Affairs*. 1995. 11. N 2. P. 185–196.

Takala I. Loikkareiden kohtalo Neuvosto-Karjalassa asiakirjojen kuvaamana // *Kahden Karjalan välillä. Kahden Riikin riitamaalla*. Joensuu, 1994. S. 173–180.

Turvallisuuspoliisi 75 vuotta. Helsinki Painekeskus Oy, 1994.

Vahtola J. «Suomi suureksi – Viena vapaaksi». Valkoisen Suomen pyrkimykset Itä-Karjalan valtaamiseksi vuonna 1918. Rovaniemi, 1988.

Сведения об авторе. Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник МНОЦ NORDICA, ИЯЛИ КарНЦ РАН; доцент Института истории, политических и социальных наук, ПетргУ.

Арина Николаевна Танана

*Государственный историко-архитектурный
и этнографический музей-заповедник «Кижский»,
Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, г. Петрозаводск*

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ГАЗЕТНОЙ ПРОПАГАНДЫ ФИНСКИХ ОККУПАЦИОННЫХ ВЛАСТЕЙ В КАРЕЛИИ В 1941–1944 гг.

Статья посвящена нашедшим отражение на страницах газет периода финской оккупации различным аспектам политики военной администрации в отношении населения, причисленного на основе этнического фактора к родственному. Материалы, публиковавшиеся в газетах, были направлены на формирование пиетета к новой власти и формирование представления о историческом и культурном единстве населения Восточной Карелии и Финляндии. Результатом пропагандистско-просветительской деятельности совместно с прочими мероприятиями оккупационных властей должно было стать воспитание из представителей родственных народов истинных граждан Великой Финляндии.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Восточная Карелия, оккупация, этническая политика, печатная пропаганда, газеты.

В ходе Второй мировой войны в период с лета 1941 по лето 1944 г. значительная часть территории Карело-Финской ССР была оккупирована финскими войсками. В финских документах она носила название Восточная Карелия и должна была войти в состав Великой Финляндии. Для управления захваченной территорией было организовано Военное управление Восточной Карелии. Местное население было поделено на две примерно равные группы на основе этнического фактора [Laine 1982: 106]. Представители неродственных финским национальностей, в основном являвшиеся русскими, рассматривались как чуждое население, были размещены в концлагерях или проживали отдельно¹. Они подлежали

¹ В населенных пунктах, где родственные финнам этнические группы и ненациональное население проживали совместно, проводилось переселение. В Петрозаводске жители были расселены по национальному признаку по разные стороны реки Лососинки [Куломаа 2006: 99]. Согласно отчету Военного управления эти меры были необходимы, поскольку в тех местах, где проживало смешанное население, настроение людей и их доверие к финской администрации было на порядок ниже [По обе стороны 1995: 415]. Такой подход обосновывался причинами безопасности, а также стремлением ограничить контакты карелов с русскоязычным населением.

последующей депортации за пределы Восточной Карелии на территории, захваченные немецкими войсками. Представители родственных финнам народов, или «национальное население» (карелы, вепсы и т. д.), должны были стать полноправными гражданами Великой Финляндии и находились на привилегированном положении.

С причислением людей к той или иной группе часто возникали проблемы, поскольку часть карелов и вепсов по происхождению не знали национального языка и носили русские имена. Основным критерием было происхождение, дополнительными – место рождения человека, школа, в которую он ходил, или даже его окружение. В спорных случаях вопрос обычно решался в пользу отнесения к национальному населению [Rosen 1998: 48].

Чтобы способствовать «финнизации» родственного населения, были задействованы экономические рычаги. Принадлежность к той или иной национальной группе влияла на заработную плату, распределение продовольствия, свободу передвижения [Веригин 2009: 314]. Родственному населению предоставили право приобретения земельных участков во временное пользование с правом приобретения его после войны в частную собственность [Веригин 2012: 107–109]. Из воспоминаний представителей национального населения следует, что в период оккупации экономическое положение этих людей было лучше, чем в послевоенные годы. Так, в воспоминаниях сестер Е. А. и Т. А. Кильпиляйнен можем прочесть, что при финнах они «голода не знали», но после окончания войны «голоду натерпелись», «на одном клевере жили» [Устная история 2007: 43, 48]. Т. И. Максимова вспоминает, что при финнах они были «и сытые, и хоть кое-как, но одевались. А после войны сколько у нас всего было... Ничего не было – голая, босая... Финны человечнее отнеслись» [Там же: 81–82].

Улучшая материальное положение родственного населения, финская администрация старалась завоевать доверие к себе и подчеркнуть хорошее отношение и заботу о своих соплеменниках. Вместе с тем, акцентируя внимание на более выгодном положении национального населения, оккупационные власти стремились усилить размежевание между двумя национальными группами.

Исходя из целей оккупационного правительства выстраивалась и пропагандистско-просветительская работа. К началу Второй мировой войны пропаганда не только признавалась эффективным средством влияния на массы людей, но и считалась мощным оружием. Идеологическое оружие может нанести не меньший вред, чем грубая военная сила, поскольку его последствия могут оказаться более долгосрочными и тяжело обратимыми [Зульцман 1957: 516, 545].

Для проведения соответствующей работы с населением, в Военном управлении Восточной Карелии был создан специальный просветительский отдел. Таким образом, пропаганда и просветительская деятельность проводились единым органом, что позволило подчинить все формы работы общей цели – завоеванию доверия национального населения и его подготовке к принятию статуса гражданина Великой Финляндии. Просветительский отдел включал в себя три подразделения: информационный отдел, отдел по работе со школьниками и молодежью и отдел по делам религий. Направлениями работы информационного отдела были: выпуск газет, радиовещание, проведение праздников, организация киносеансов, переименование населенных пунктов. Отдел по работе со школьниками и молодежью занимался организацией народных школ для детей, а также различных курсов для молодежи внешкольного возраста как на территории Восточной Карелии, так и в Финляндии. Отдел церковных дел должен был осуществлять проведение духовного воспитания среди населения всех возрастов, создавать церковные и вечерние школы, подготавливать места для проведения богослужений [НА РК 5: 19–24; Веригин 2009: 308–309]. Основной задачей просветительского отдела было воспитание «истинных граждан Великой Финляндии».

В литературе можно встретить утверждение, что во время Второй мировой войны одним из главных источников информации, с помощью которых осуществлялась пропаганда, являлись газеты, в том числе и среди населения, оказавшегося под контролем финского оккупационного правительства [Лайне 1995: 103; Бормотова 2014]. Теория говорит, что степень воздействия периодической печати на аудиторию ограничена и зависит от личностных особенностей людей и окружающей их обстановки. Максимальное воздействие возможно, если наблюдается сильный дефицит информации о происходящих событиях, ограничена возможность выбора источника информации и когда общество находится в состоянии нестабильности, неопределенности [Назаров 2002: 212; Семенова 2010: 41]. Такие ситуации можно наблюдать во время войны. Для некоторых групп населения чтение газет было практически единственным способом узнать о происходящих событиях. Это относится к жителям оккупированных противником областей и к военнопленным, находившимся в положении полной информационной блокады. Естественно, что издававшиеся для них газеты выполняли не только информационную, но и пропагандистскую функцию.

Для населения Восточной Карелии издавалась газета «*Vapaa Karjala*», выпускавшаяся систематически, раз в неделю [НА РК 2: 19], на протяжении всего периода оккупации. Название символично и переводится

как «Свободная Карелия». Первый номер газеты вышел в августе 1941 г. тиражом в 5 тыс. экземпляров. К концу этого года тираж достиг 10 тыс. экз., а в 1943 составлял уже 11 700 экземпляров [Веригин 2009: 316–317; Laine 1982: 167]. За время ее издания тираж вырос более чем в два раза, что говорит о значимости роли, отводимой газете просветительским отделом. **Каждый номер старались посвятить определенному вопросу**, например: высшему народному училищу, средней школе, народной школе, организации Красный Крест, эпосу «Калевала», Иванову дню, Рождеству [По обе стороны 1995: 414]. «*Vapaa Karjala*» являлась органом Военного управления Восточной Карелии. Предназначавшаяся для многотысячного национального населения газета имела большое значение, ее содержание требовало ответственного и грамотного подхода. Это повлияло на качественный состав людей, работавших над ней. Это были специалисты в своих областях: политики, писатели, языковеды, историки, богословы. Все члены редакции являлись представителями Академического Карельского общества (АКС) – организации, которая распространяла идею Великой Финляндии, в том числе и два председателя АКС: Вилхо Хеланен и Урьё Вуорйоки. Это свидетельствует об идеологической ориентации членов редакции. Некоторые из них занимали должности в Военном управлении Восточной Карелии, а значит, хорошо представляли текущую обстановку, о которой они знали не понаслышке.

Военным управлением также выпускалась газета «*Raateneen viesti*» («Паданские вести») на финском языке, ее тираж составлял 1400 экземпляров. Отличало «*Raateneen viesti*» **лишь большое количество местных новостей** о событиях в Паданах и окрестных селениях – Янгозере, Сельгах и др. Общее же направление содержания статей было схожим с «*Vapaa Karjala*». Для русскоязычного населения существовала газета «Северное слово», ее издавали в оккупированном Петрозаводске для военнопленных, а в 1943 и 1944 гг. выпускали к ней приложения для гражданского населения [Веригин 2009: 317–318].

Для обеспечения порядка на оккупированной территории и для дальнейшей идеологической обработки населения первым делом предстояло доказать благие намерения Финляндии и справедливый характер захвата Восточной Карелии, который обосновывали стремлением «освободить братьев по крови». На страницах газет утверждалось, что Восточная Карелия исторически относится к Финляндии и населяющие их народы являются родственными: «как известно Восточная Карелия с незапамятных времён была населена финским племенем карелов, которые, несмотря на то, что были вынуждены находиться под русским владычеством,

сохранили свой родной финский язык... и также и обычаи. Эти особенности были сразу замечены финскими солдатами при вступлении их в Восточную Карелию. Они поняли, что продвигаются по чисто финским областям» [Северное слово. 1942. № 13: 3]. В газете «*Varaa Karjala*» была опубликована большая статья с иллюстрациями, где рассказывалось о народах севера с акцентированием внимания на сходстве коренных жителей Финляндии и жителей Карелии: «вот как похожи емь и северяне». Рядом размещалась карта Великой Финляндии, в границы которой включалась и Восточная Карелия [Vараа Karjala. Pikkü sanansaattaja. 1942. № 2: 2–3].

Газеты подчеркивали, что Восточная Карелия изначально была заселена именно карелами и вепсами, а русские появились гораздо позднее и состояли из мигрантов и заключенных, а следовательно, они не имеют здесь никаких корней. При этом население Восточной Карелии определялось как часть финского народа, но не отдельный народ. Это утверждение поддерживалось тем, что карельский и вепский языки трактовались лишь как диалекты финского [По обе стороны 1995: 265].

Наличие родственных связей между людьми из Карелии и Финляндии не было редким явлением, финнов воспринимали как соседей, а не врагов. Согласно воспоминаниям, даже после Зимней войны 1939–1940 гг. финны не рассматривались жителями Карелии в качестве врага, лишь как военные противники [Никулина 2009: 28–30]. Жители Карелии вспоминают, что к простым людям неприязни не было, а виноватыми в войне считались финские власти. Таким образом, к простым финнам изначально относились если не хорошо, то нейтрально. Однако просветительскому отделу следовало изменить отношение вчерашних жителей Советского Союза к новой власти, тем более необходимо было оправдать захватнические действия финской армии.

Ставка делалась на культивирование обид населения на советскую власть и обещания культурного и экономического развития Карелии после вхождения ее в состав Великой Финляндии. Газета «Северное слово» писала: «Коренная Финляндия и Восточная Карелия образуют вместе единое целое. Лишь став финской, Восточная Карелия сможет подняться и духовно и экономически» [Северное слово. Приложение. 1943. № 3: 1].

Большое количество публикаций было посвящено успехам финской администрации в Восточной Карелии. Газеты освещали в положительном свете все мероприятия, проводимые новыми властями, в том числе переименование населенных пунктов оккупированной территории, ставшее еще одним шагом по внедрению финской культуры в среду местного населения. Вот что писала по поводу переименования улиц Петрозаводска

в апреле 1943 г. газета «*Vapaa Karjala*»: «В истории г. Петрозаводска переименование улиц на новый национальный лад представляет собой значительное событие. Таким образом, город приобретает подлинно национальный характер, который ему и подобает иметь... В стирании следов рюсся² в городе этим сделан еще один большой шаг вперед, и Петрозаводск таким образом получает новый наглядный знак того, что это финский город, а не русский... что со временем распространится и на другие города Восточной Карелии» [По обе стороны 1995: 312–313]. Данная цитата позволяет сказать, что финнизация топонимии происходила не только для использования ее в государственном языке и в официальных целях, но и с целью минимизировать то, что напоминало жителям Карелии о жизни в советской России.

Большое число газетных статей посвящено таким вопросам, как работа социального обеспечения и оказание общественной помощи в Финляндии [Северное слово. 1942. № 37: 3], благосостояние трудящихся в Финляндии [Северное слово. 1942. № 49: 3]. Газетные полосы рисуют прекрасную жизнь граждан Финляндии, которыми теперь становились и представители родственного населения Карелии.

Особое внимание уделяется темам сельского хозяйства, дается как общая информация об условиях сельскохозяйственного производства в Финляндии [Северное слово. 1943. № 25 (98): 3; № 26 (99): 3; № 32 (105): 3], так и расписываются все преимущества финского крестьянина [Северное слово. 1942. № 40: 1; *Vapaa Karjala. Pikku sanansaattaja*. 1942. № 25: 1]. Просветительский отдел умело использовал тему отнятой при советской власти экономической самостоятельности, затрагивая больной вопрос: «Финский крестьянин свободно распоряжается продукцией своего хозяйства, оставляет на потребности, свободно продает избыток» [Северное слово. 1942. № 17: 4], «Крестьянин коренной Финляндии сам себе хозяин. Владеет собственной землей» [*Vapaa Karjala. Pikku sanansaattaja*. 1942. № 6: 1]. При советской власти вся земля находилась в коллективной собственности, распределение продуктов было не в пользу крестьян, а приусадебные участки слишком малы, чтобы позволяли прокормить себя. В ход шли политико-сатирические агитки: «Мы живем в раю у Сталина вот уж двадцать с лишком лет. И у русского крестьянина ни еды, ни дома нет. Все советские учения и все бредни Ильича я отдаю без сожаления за два свежих калача» [Северное слово. Приложение. 1942. № 40: 1]. В газетных текстах даже дети («языком ребенка глаголет истина») хорошо понимают, насколько плачевна жизнь простого народа

² «*Ryssä*» – презрительное наименование русских.

при советской власти. Так, в одном из рассказов, помещенных в колонке юмора, на вопрос о том, колхознику или единоличнику лучше живется, маленький советский мальчик дает ответ: «колхозной свинье Машке» [Северное слово. 1943. № 43 (116): 4]. Суть данной темы наиболее ярко раскрывает карикатура «Колхозное иго сброшено!», размещенная рядом со статьей «Сгинь, ненавистный колхоз!». Рисунок изображает толпу радостных крестьян, которые с танцами и песнями под гармонь несут длинный гроб с надписью «колхоз» на еврейское кладбище [Там же. 1942. № 24: 2]. Здесь хотели показать и инициативу создания колхозов «сверху», и их ненародное и даже нерусское происхождение, и то ликование, с которым население должно приветствовать новый (или старый) характер землевладения: «теперь не со слезами, а с великой радостью будет русский крестьянин возделывать землю» [Там же. 1942. № 24: 2]³.

На страницах газет регулярно встречаются рекомендации по организации личного хозяйства, грамотному уходу за землей и скотом (см. напр. [Varaa Karjala. 1942. № 14: 7; № 20: 6]). Звучат призывы самостоятельно выращивать овощи, табак, разводить скот. Это было обусловлено также условиями военного времени и дефицита продовольствия, необходимостью перехода захваченной территории на самообеспечение хотя бы частично. Необходимостью самообеспечения можно также объяснить агитацию на сбор и заготовку ягод и грибов [Там же. № 30: 6], призывы учить молодежь еще не забытому стариками умению самостоятельно изготовлять одежду, выращивая лен [Там же. № 14: 2].

Информация на страницах газет, ее суть регулярно повторяется. Особенно это бросается в глаза, когда материалы касаются идеи Великой Финляндии. Утверждения о том, что Восточная Карелия является частью Великой Финляндии, а национальное население – частью финского народа, многократно воспроизводится в различных формулировках и в различном контексте. Например: «Родина восточных карел – Великая Финляндия. Восточная Карелия принадлежит к Великой Финляндии. Население Восточной Карелии является частью финского народа. Житель Восточной Карелии! Помни, что ты принадлежишь к финскому племени! Восточная Карелия – часть Финляндии» – и это все в пределах одной статьи [Varaa Karjala. 1942. № 17]. При этом используются простые для понимания фразы, что особенно важно для газеты на финском языке. Акцент

³ Надо заметить, что в некоторых цитатах употребляется слово «русский» не только потому, что они из русскоязычной газеты. Хотя обычно «русский» выступает противоположностью «карелу», образ его имел двойственный характер и мог, в некоторых случаях, нести положительное значение, о чем будет подробнее рассказано в статье позднее.

делается на освободительной миссии, постоянно повторяется утверждение, что «финская армия пришла в Восточную Карелию не грабить и уничтожать, она хочет принести лучшую жизнь, чем большевики давали» [НА РК 3: 2]. Происходит подмена понятий, на страницах газеты оккупация называется освобождением. При этом утверждается, что «карелы сами просили их освободить». Помимо того, надлежало говорить не о народе Восточной Карелии, а о населении Восточной Карелии, не о карельском языке, а о диалекте. Тем самым старались сделать упор на единстве карельского и финского народов, при этом карельскому населению отводилась роль требующего заботы младшего брата, как то было выгодно для новых властей.

Одним из важных аспектов политики, осуществлявшихся в отношении родственного населения, было повсеместное введение финского языка. Поскольку велась подготовка национального населения к переходу в финляндское гражданство, его государственным языком становился, разумеется, финский. Согласно статистическим данным Военного управления, национальным (родным) языком владело 93% родственного финнам населения [НА РК 6: 1]. Однако даже если эти данные верны, национальный язык чаще всего был не финским, а карельским или вепским. Финский стал языком, на котором шло преподавание в школах. Учеников всех классов, начиная со второго, приходилось заново учить письму и чтению. Главной задачей преподавателей было научить языку правильной литературной формы учащихся, говоривших на карельском и вепском «диалектах» [По обе стороны 1995: 371]. Основой для изучения финского могли стать карельский и вепский языки, но постепенно дети должны были привыкать говорить, читать и писать по-фински [Петрозаводск и петрозаводчане 2005: 57].

Скорейшее распространение финского языка среди населения должно было вытеснить русский язык как фактор, связывавший его с прежней жизнью. Чтобы как можно быстрее стереть у населения память о жизни при советской власти, из личного пользования и библиотек начали изымать советскую печатную продукцию. Согласно приказу, изъятию подлежали все книги, карты, изображения и плакаты, напечатанные в Советском Союзе. Людям разрешили сохранить личные фотографии, чисто художественные и образовательные издания на финском языке и газеты, используемые в качестве обоев. Книги, выпущенные в советское время, изымались у жителей и из библиотек, а в дальнейшем вывозились либо уничтожались [Mäkinen 2006].

Издание на финском языке газет «*Vapaa Karjala*» и «*Paateneen viesti*», считавшихся важным средством воздействия на население, также должно

было поспособствовать распространению этого языка. Как писалось в самой газете, «*Vapaa Karjala*» предназначалась для тех жителей Восточной Карелии, которые научились читать в школе и понимают финский язык. Следует отметить, что и в праздничных выпусках «Северного слова», издававшегося на русском, на первой странице всегда печатались поздравления на финском языке: *Rauhallista Pääsiäistä! Hauskaa Joulua!* (см. напр. [Северное слово. 1943. № 16–17: 1; № 76–77 (149–150): 1]). Иногда в газетах печатались материалы на карельском языке, но в основном это были стихотворения. Хотя в конце 1930-х гг. в СССР был официально утвержден алфавит на основе кириллицы, на котором в советской Карелии началось обучение школьников, финские власти для текстов на карельском использовали латиницу, что также могло стать средством сближения с финской культурой. Многие карелы и вепсы не знали финского языка и, соответственно, не могли понять содержание газет [Rosen 1998: 48]. Таким образом, газета теряла значительную часть читателей, что было недопустимо.

В каждом выпуске помещался небольшой словарь основных финских слов, который помогал бы читателям как при чтении газеты, так и в изучении финского языка. Для тех, кто изучал письменный язык, выпускалось приложение «*Pikku sanansaattaja*» («Малый вестник») с текстами в легком изложении. Владеющих финским агитировали читать газету для малограмотных. Даже иллюстрация, сопровождающая заголовок приложения, ориентировала на это: мальчик читает вслух сидящим вокруг него и внимательно слушающим старикам, старушкам и детям [Там же. № 3: 1]. Подобные коллективные читки являлись стандартной практикой в советский период, и, вполне возможно, они продолжались и в оккупационный период. В газете «*Paateneen viesti*» также встречаются подобные призывы: «Грамотная молодежь! Читайте газету родителям, которые не умеют читать по-фински!» [НА РК 1: 1об.]. Таким образом, детям и молодежи нужно было не только усвоить финский самим, но также стать проводником языка и информации для других.

Еще одной из предписанных финскому гражданину ценностей, помимо любви к новой родине и финского языка, являлась вера. Религиозное воспитание с самого начала оккупации преследовало цель возрастания финского влияния, также оно рассматривалось как одно из самых действенных антикоммунистических мер. Согласно словам одной из газет, для финляндских священников завоевание Восточной Карелии было своего рода крестовым походом против большевизма, в ходе которого они стремились как можно скорее обратить в веру местных жителей [Северное

слово. 1942. № 51–52: 2]. Разумеется, основная работа по распространению религии осуществлялась отделом церковных дел, но информационный отдел, отвечавший за печатные издания, также оказывал поддержку.

Согласно сложившейся в Восточной Карелии религиозной ситуации и последующему решению главнокомандующего фельдмаршала Маннергейма, предполагалось, что и лютеранская, и православная церкви должны иметь равные возможности [НА РК 2: 13]. Однако на страницах газет приоритет отдавался лютеранству. Большая часть статей, посвященных истории церкви в Карелии, рассказывает об истории лютеранской церкви, в частности, о кладбище лютеранской общины, на месте которого большевики построили парк развлечений [Varaa Karjala. 1942. № 19: 3], о существовавших в Карелии, но разрушенных большевиками лютеранских церквях [Северное слово. 1942. № 16: 3].

Газеты часто публиковали материалы на религиозные темы. Как правило, на первой странице каждого номера «*Varaa Karjala*» и в некоторых выпусках «*Paateneen viesti*» находился раздел «*Viikon tunnussana*» («Изречение недели»), в начале которого помещалось предложение из Библии, служившее опорой либо главной темой для последующего текста. Здесь можно было встретить различные наставления, подобные тому, что во время службы в церкви следует вести себя тихо и не мешать другим прихожанам молиться. Статьи газет были посвящены основам духовной жизни и веры: «Как поверить в Бога тем, кто не верит в то, чего не видит» [Северное слово. 1942. № 24: 2], «Карелы! Учитесь читать святое Слово Божие. Научитесь слышать, о чем говорит Бог», «Иисуса нельзя увидеть, он в церкви, он в словах и таинствах» [Varaa Karjala. 1942. № 16: 1; № 19: 1].

Подчеркивалось, что инициатива возвращения людей к церкви идет со стороны местного населения: «Религиозное самосознание... в народе не угасло и возгорается с прежней силой, несмотря на двадцатипятилетие владычества воинствующих безбожников... Освободившись от большевистского владычества, крестьяне... восстановили церковь. Туда едут венчаться (уже 8 пар). Там крестят детей» [Северное слово. 1944. № 4 (154): 5].

На страницах газет веру людей в Бога и качество их жизни иногда увязывали вместе. Так, в газете «*Varaa Karjala*» читаем письмо подростка на финском языке: «В советское время говорили... что в Финляндии живут плохо, хоть и верят в Бога» [Varaa Karjala. 1942. № 20: 8]. В одном из анекдотов девочка рассказывала басню Крылова «Ворона и лисица» и на замечание мальчика о том, что Бога нет, ответила, что потому у них и сыра теперь нет [Северное слово. 1942. № 47: 4]. Таким образом,

в переплетении с религиозной осуществлялась и политическая пропаганда. Возможность свободного вероисповедания, возвращения на «путь веры... отцов и дедов» [Северное слово. 1943. № 26 (99): 4] ставилась в заслугу новым властям и одновременно служила поводом для критики советского режима.

Как видим, параллельно с воспитанием доверия к новой власти и обоснованием родственности с финскими историей и культурой формировался разрыв с советским прошлым, решалась задача отделения карелов и вепсов от русских. Газеты использовали собственные методы, добиваясь понимания разницы между родственными и неродственными народами.

Для газеты «*Vapaa Karjala*» характерно оперирование словом «*ryssä*» в отношении русских людей, использовавшегося так же широко и с той же ненавистью, как в советской пропаганде использовалось слово «фашист». «*Ryssä*» – это вековой враг финского народа и населения Восточной Карелии. Также это воплощение всех дурных качеств человека, абсолютно противоположных тем, которыми обладают финны: «финн и „рюсся“ словно огонь и вода...». «*Ryssä*» приписывались нечистоплотность, не предприимчивость, несдержанность, коварство и жестокость. В то же время о финских народах говорилось, что они любят порядок, предприимчивы, старательны, честны и законопослушны [НА РК 4: 31; *Vapaa Karjala*. 1942. № 17: 4]. Аналогия со словом «фашист» не совсем полная. «Немец-фашист» в советской пропаганде отождествлялся с беспощадным зверем [Кринко 2005: 333; Сенявская 1997: 45]. «*Ryssä*» же можно описать скорее формулой врага из «Северного слова», это «жидо-большевистская шайка / банда / свора» (см. напр. [Северное слово. 1943. № 14 (8): 4]. Таким образом, ассоциация идет не с жестоким зверем, а скорее с разбойниками, грабящими других и живущими за их счет. Первоочередной задачей было не настроить на сражение с «*ryssä*», а отвлечь от них национальное население.

«*Ryssä*» и «*bolsevikki*» (большевик) используются в равных значениях. На страницах газеты уничижительное «*ryssä*» всегда употребляется, когда говорится о враге, когда нужно вызвать негативные эмоции у читателя. «*Ryssä*» не употребляется, когда говорится об общих ценностях, о достижениях в культуре, об исторических личностях досоветской России. В этом случае пользуются нейтральным вариантом – «*venäläinen*».

Немаловажно понять, каким был образ врага на страницах финских оккупационных газет. Кто же им являлся: русские люди или лишь советское правительство? Ответ неоднозначен. Разоблачение советского режима

и идеологии являлось постоянной темой. Враг персонифицировался в советской правящей верхушке и, главным образом, в Сталине. Советские власти обвинялись в том, что пренебрегали интересами и нуждами народа в угоду идее мировой революции. Как результат подобного руководства выступало бедственное положение населения. В анекдотах на вопрос «как ты живешь в Советском Союзе?» собеседник отвечает: «как моль – проедаю свое последнее пальто», «как Ленин в Мавзолее – и не кормят, и не хоронят» [Северное слово. 1942. № 44: 4; 1943. № 8 (81): 4]. Население Советского Союза на страницах газет не только не сомневается в недееспособности советского режима, но и желает, чтобы большевики ушли от власти. Руководство страны изображалось как безграмотное и бездарное в управлении. Сталин и вся верхушка власти сравнивались с ослами и кровопийцами, живущими за счет простого народа [Северное слово. 1943. № 29 (102): 4; № 36 (109): 4; *Vapaa Karjala*. 1942. № 24: 3, 5].

Сталин как глава страны являлся идеальным объектом для персонификации всех негативных качеств, которые приписывались советской правящей верхушке. На иллюстрациях в газетах Сталин появляется всегда лишь в карикатурном виде, фотоизображения отсутствуют. В основном глава советского государства представляется либо в виде глупого руководителя и командующего, либо бесчеловечного угнетателя. Воплощая образ жестокого врага, карикатуры рисовали Сталина, пересаживающего маленького мальчика из детской коляски в танк, кидающего солдат в «пожар войны», награждающего искалеченных солдат орденами [Северное слово. 1942. № 33: 2; № 44: 4; 1943. № 43 (116): 2]. В напрасных смертях обвинялось также и безграмотное руководство генералитета Красной армии. Высшее командование наделялось такими качествами, как трусость и жестокость. Готовые первыми сбежать, генералы кидают в бой солдат, не считаясь с потерями, что приводит к истощению людских ресурсов и отсутствию резервов.

Одной из основных черт образа большевиков, которой их наделяли на страницах газеты, является лживость, проявлявшаяся в невыполнении своих обещаний достойной жизни и свобод для народа, а также в характере советской пропаганды, как старой, так и нынешней [*Vapaa Karjala*. 1942. № 24: 12]. Сводки Совинформбюро («от слова „соврать“») характеризовались как фальшивые, преувеличивающие успехи Красной армии [Северное слово. 1942. № 31: 2; № 37: 4]. Лживой советской пропаганде противопоставлялась правдивая информация, публикуемая в финских газетах: «Большевистские газеты полны лжи, они подчиняются Москве и Ленинграду. Они не желают добра населению Восточной Карелии.

Им нельзя верить. „Varaa Karjala“ – собственная газета Восточной Карелии. Это газета всех жителей Восточной Карелии» [Varaa Karjala. Pikku sanansaattaja. 1942. № 3: 1].

Отдельно стоит отметить стремление разоблачить рисовавшиеся непонятными, неестественными попытки советских властей обратиться к до-советским ценностям, памяти прошлого, например взывание к теням великих полководцев: А. Суворова, М. Кутузова, Александра Невского [Северное слово. 1942. № 33: 2]. Примером может послужить карикатура «Сталинский маскарад» с подписью слов Сталина: «Сейчас мы генеральную линию поворачиваем в сторону историко-патриотическую и на данном этапе – молчок про пролетариат и мировую революцию!» [Там же. 1943. № 14 (77): 2]. Сталин критикуется за то, что для спасения своей гибнущей власти он и большевики объявляют себя защитниками и поборниками христианства [Там же. 1942. № 16: 2; 1943. № 4 (77): 2]. В одном из номеров газеты опубликован фельетон, в котором бывший председатель полковой ячейки воинствующих безбожников товарищ Бублик назначается полковым священником [Там же. 1943. № 29 (102): 4]. Подобными публикациями опять же старались подчеркнуть двуличие большевиков, фальшивость слов и поступков советских руководителей.

Интерпретация военных событий в газетах должна была показать слабость и несогласованность действий войск противника, подчеркнуть военное превосходство финской и немецкой армий.

В противовес Сталину и его «жидо-большевистской банде» ставился образ фельдмаршала Маннергейма. Маннергейм представлялся умелым полководцем. Встречаются даже специальные выпуски, посвященные Маннергейму, например, ко дню рождения, где описываются таланты и заслуги «освободителя Восточной Карелии», пишут о нем как о «друге восточных карел», «друге финских детей». Что интересно, Маннергейму в газетах уделяли гораздо больше внимания, чем президенту Финляндии Ристо Рюти, видимо, опять же из-за роли освободителя и лидера в борьбе за независимость (см. напр. [Varaa Karjala. 1942. № 19: 1; № 20: 1–2; № 24: 2]).

Мы видим, что в газетах создавался негативный образ правящей верхушки Советского Союза, в качестве жертвы которой выступал не только карельский, но и русский народ, русское государство. Его также освобождают финская и немецкая армии: «Но заботу финских патриотов, их подвиги в борьбе за освобождение русской земли от большевиков русский народ никогда не забудет» [Северное слово. 1942. № 15: 1]. Итак, образ русского, советского человека не совпадает с образом большевика. В качестве отрицательных действующих лиц выступают Сталин, Калинин,

абстрактный большевик или еврей. Простые же советские люди изображаются либо в положении, вызывающем сочувствие, либо видящими и разоблачающими правду.

Означало ли это, что к русскому человеку не относились как к врагу, а лишь как к соседу? Отвечая на этот вопрос, необходимо различать понятия чужого и врага. Само по себе выделение чужих не предполагает враждебного к ним отношения, это просто носители другой культуры [Никулина 2005: 329]. К чужому народу, его истории, достижениям в науке и искусстве можно относиться с уважением, что также присутствует на страницах рассматриваемых газет, чаще в русскоязычном «Северном слове».

Ярким примером служит рубрика «Знаете ли вы историю России?», публиковавшаяся в номерах газеты за 1942 г. Здесь можно увидеть, к примеру, вопрос: «За что Ярослав получил прозвище Мудрого?» Ответ на него в следующем номере: «За очень большую по тому времени образованность и за издание первого писаного закона „Русская правда“». Ответом на вопрос, «чем отмечена деятельность Ярослава Мудрого», служит: «большим загишем междоусобия, хорошо организованным отпором половцам, справедливым судом и очень умеренными сборами податей с населения» [Северное слово. 1942. № 27: 4; № 28: 4]. Мы видим, что ответы уважительные, в них признаются добрые личностные качества и достижения правителей. Подобным образом выглядят и другие задания: победы русских князей и Петра I характеризуются как блестящие [Там же. № 35: 4], но в соседней же рубрике юмора высмеивается бездарность Сталина как военачальника. Таким образом, если позиция по отношению к прошлому России на страницах газет уважительная, то к советскому периоду формируется противоположное отношение.

Однако одной из главных задач, стоявших перед редакцией газет, была необходимость убедить национальное население, что оно является частью не русского, а финского народа. А значит, родственное и неродственное население следовало противопоставлять. В текстах русские начинают выступать и в негативном свете. Например, как обманщики, которые говорили, что «Восточная Карелия – это часть России» [Vараа Karjala. 1942. № 22: 1] или что Бога не существует [Там же. № 20: 8]. Также о русских, а не только уже большевиках, писали как о тех, под чьим владычеством находились карелы, кто пытался отнять свободу и заменить язык на русский [Северное слово. 1942. № 23: 3; Vараа Karjala. Pikku sanansaattaja. 1942. № 2: 4].

Таким образом, национальное население и русские оказываются равны в том, что одинаково пострадали от советской власти и большевиков, к прошлому и достижениям русского народа относятся с уважени-

ем. В этом случае русский народ и советское правительство находятся на противоположных полюсах. Но уже при сравнении самих русских и национального населения, образы народа и Сталина с правящей верхушкой начинают сближаться.

При создании газет старались учитывать круг потенциальных читателей. Поскольку на оккупированной территории число женщин превалировало, особое место в деятельности просветительского отдела занимало создание такого образа женщины, которому должны были соответствовать будущие гражданки Великой Финляндии.

Газеты стремились привлечь внимание женской аудитории, рассказывая, к примеру, о равноправии мужчин и женщин в вопросах образования и работы в коренной Финляндии. Статьи обильно дополнялись иллюстративным материалом, фотографиями финок, как отдыхающих, так и принимающих активное участие в жизни страны: «Финские девушки принимают солнечные ванны», «Лотты⁴ принимают деятельное участие в снабжении войсковых частей продовольствием», «Мийна Силланпяя⁵ в своем рабочем кабинете» [Северное слово. 1942. № 17: 3].

Как отмечает А. В. Голубев, именно женщины были выбраны также в качестве проводников финского влияния среди населения. Девушек набирали на различные учительские и религиозные курсы и временную работу в Финляндии [Голубев 2009: 287–288]. Оккупационные власти считали такую политику вполне оправдывающей себя: «Военное управление Восточной Карелии наметило в течение начавшейся зимы для группы молодых восточно-карельских женщин создать возможность поработать в Финляндии в качестве домработниц в приличных сельских домах и, таким образом, на практике ознакомиться с тем, как ухаживать за домом и вести хозяйство... Знакомство с условиями жизни в Финляндии и распространение об этом реальных сведений после возвращения людей домой было бы хорошей пропагандой в пользу Финляндии» [По обе стороны 1995: 292].

Как мы видим из приведенной выше цитаты, стать хорошей хозяйкой должна была стремиться любая женщина. В газете «*Varaa Karjala*» часто публиковали материалы, советы по эффективному ведению домашнего хозяйства, по воспитанию детей. Широко обращались газеты к теме детей, их благополучия: «Для каждой народности главное – дети»

⁴ Лотта – член добровольной женской организации помощи военным «Лоття Свард», существовавшей в Финляндии с 1919 по 1944 г.

⁵ Мийна Силланпяя – первая женщина, ставшая министром в Финляндии, большое внимание уделяла социальной политике и являлась активным борцом за интересы женщин.

[Северное слово. 1942. № 23: 3]. Это могло привлекать внимание женщин. Рекламировалось здравоохранение Финляндии, уделяющее внимание детям [Varaa Karjala. 1942. № 31: 3]. Наиболее часто писали об открытии школ и школьных столовых [Северное слово. Приложение. 1942. № 3: 2], которые начали свою работу уже осенью 1941 г.

В газетах печатали материалы не только о детях, но и для детей. По данным переписи Военного управления Восточной Карелии за декабрь 1941 г. дети младше 16 лет составляли половину всего населения [НА РК 6: 2]. Естественно, что просветительский отдел не мог игнорировать наличие такого большого пласта населения.

Работа по воспитанию молодежи была аспектом деятельности просветительского отдела, которому уделялось особое внимание. В газете «Северное слово» это объяснялось тем, что «перед молодежью встает большая и важная задача: стройка новой, свободной от гнета и насилия Восточной Карелии. Но мало кто из молодежи сейчас еще способен на это, так как в них сильно еще влияние советского воспитания и всех его мировоззрений» [Северное слово. 1944. № 30 (162): 5]. Отсюда одной из задач было искоренение коммунистической идеологии и привитие идеи о том, что их родиной является не «Россия, а Великая Финляндия – общий дом и единое отечество для финнов», как прозвучало в одной из радиопередач для гражданского населения [Сентября 1995: 118]. Задачей «культурных сил Финляндии» было «привить детям и молодежи христианское мировоззрение, любовь к родине и святость семьи и брака» [НА РК 7: 41об.].

То, что духовный мир детей и молодежи находится в состоянии становления и не сформировался окончательно, являлось благодатной почвой для их воспитания в качестве будущих граждан Великой Финляндии. Дети некритично воспринимали информацию, прочитанную где-либо или услышанную в школе, а затем делились полученными знаниями в семье. Отсюда следует, что получаемая информация косвенно оказывала влияние и на семью.

Однако подростки и молодежь уже успели впитать идеи большевизма, что особенно было характерно для молодых людей, уже выросших из школьного возраста. Финской администрации, так же как и немецким союзникам на всей оккупированной территории Советского Союза, предстояло проводить «дебольшевизацию».

В газетах старались показать слабость советской государственной системы. Детям карелов и вепсов внушали, что финны – их родственники. И хотя они единый народ, в Финляндии живет намного лучше, потому что в Восточной Карелии русские угнетали местное население.

Теперь же финны освободили своих братьев и принесли перемены к лучшему [Лардо 2000: 30.]. Газета констатировала: «Молодежи Восточной Карелии. Финский народ ждет великое будущее» [Varaa Karjala. 1942. № 34: 1].

Идеи, вокруг которых строилась политика финских оккупационных властей в отношении детей, совпадали с тем, что пропагандировались среди взрослого населения. Однако специфика возраста требовала других средств для их распространения. В каждом номере помещалась иллюстрированная история в виде комикса по мотивам народной сказки про Антти Пуухаара⁶ – способ приобщения детей к финской культуре, облеченный в развлекательную форму. Для детей и молодежи в газете «*Varaa Karjala*» **отдельная страница отводилась под специальную колонку «Nuorten osasto» («Молодежный раздел»)**. Здесь размещались стихи, рассказы и сказки, материалы нравоучительного характера, новости о спортивных мероприятиях в школах, особенно часто о лыжных соревнованиях. Особенно стоит выделить публиковавшиеся письма сверстников, где они рассказывали, как учатся в школе, о своих поездках в Финляндию. Все письма акцентируют внимание на том, как теперь хорошо живется в качестве граждан Великой Финляндии, иногда встречается критика в отношении прежней жизни при советской власти, рассказывается о лживости большевиков. Приведем перевод части письма, автором которого указан курсист, обучающийся в Финляндии: «При советской власти в школе говорили, что Иисуса нет. Что в Финляндии народ живет плохо, хоть и верят в Бога. Но сейчас в Финляндии мы видим, что большевики вралы, живут лучше, чем мы, будучи в колхозах» [Varaa Karjala. 1942. № 20: 8; № 21: 8]. Писали также про то, как проходят сами курсы в Финляндии и как там славно учиться. В газете «*Varaa Karjala*» отмечалось, что курсы выполняют свое дело, когда «Бог, дом и Финляндия как Родина войдут в души учеников» [Varaa Karjala. 1942. № 17: 1].

У детей вырабатывали привычку ведения личного хозяйства в отличие от советской кооперативной колхозно-совхозной традиции. Помимо отработки на школьных участках, каждый ученик обязан был обустроить овощные грядки рядом с домом. Как уже говорилось в начале статьи, газеты регулярно публиковали призывы к юным читателям устраивать свои огороды, выращивать овощи, давали советы по растениеводству. Таким

⁶ Антти Пуухаара – персонаж старых финских народных сказок, который с первого дня своей жизни сталкивается со многими трудными ситуациями, но справляется с ними не только благодаря удачливости, но и своим сообразительности, силе и честности.

образом, роль хозяина-собственника должна была осваиваться уже с детского возраста.

Материалы газет были призваны обучить юного читателя размышлять, поступать и думать по-новому, примеряя свои собственные поведенческие нормы и практики под некий нормативный (идеальный) детский образ. В целом образ ребенка на страницах газет – идеал будущего гражданина Великой Финляндии. Ребенок не только говорит по-фински, любит Финляндию, свою родину, приобщен к церкви, но и является транслятором новой культуры, новых ценностей и идеалов в отношении взрослых. Он должен читать газету неграмотным родителям, слова, опубликованные от его имени, должны вызывать доверие, его счастливый образ должен поднимать и поддерживать авторитет новой власти.

К сожалению, не представляется возможным проследить степень влияния газет на население, исходя из обратной реакции читателей. Отзывы читателей, публиковавшиеся на страницах «*Vapaa Karjala*», «*Paateneen viesti*» и «Северного слова», являются тенденциозными и не могут служить достоверным материалом. Воспоминания же современников о военном времени содержат лишь единичные упоминания о газетной информации, что не может дать полноценной картины.

Несмотря на некоторые обстоятельства, накладывавшие ограничения на эффективность газетной пропаганды, в числе которых недостаточная грамотность населения и незнание финского языка, финская печатная продукция обладала информационной монополией на оккупированной территории. То, что газеты являлись одним из источников информации, позволяло финским оккупационным властям рассчитывать на них как на потенциально эффективный способ воздействия на людей. Материалы периодической печати были нацелены на воспитание из карелов и вепсов истинных граждан Великой Финляндии. Газеты являются тем источником, который достаточно полно отражает этнические аспекты осуществлявшейся новыми властями политики. Принадлежность к национальному населению позволяла иметь лучшее экономическое и социальное положение. Родственные народы на страницах имеют более высокие моральные качества и предстают в лучшем свете, чем «русские».

Источники

Лардо 2000 – Лардо Р. У чужого порога: Повесть-хроника. Петрозаводск: Verso, 2000.

НА РК 1 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. П-5002. Оп. 5. Д. 16.

НА РК 2 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. Р-804. Оп. 1. Д. 1.

НА РК 3 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. Р-804. Оп. 1. Д. 3.
НА РК 4 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. Р-804. Оп. 1. Д. 52.
НА РК 5 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. Р-805. Оп. 1. Д. 1.
НА РК 6 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. Р-805. Оп. 1. Д. 16.
НА РК 7 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. Р-1192. Оп. 2.
Д. 18/173.

По обе стороны 1995 – По обе стороны Карельского фронта, 1941–1944: Документы и материалы / Сост.: А. В. Климова, В. Г. Макуров. Петрозаводск: Карелия, 1995.

Северное слово (1942–1944).

Устная история 2007 – Устная история в Карелии: Сборник научных статей и источников / Сост. и науч. ред. А. В. Голубев, А. Ю. Осипов. Вып. 3: Финская оккупация Карелии (1941–1944). Петрозаводск: ПетрГУ, 2007.

Vараa Karjala (1942).

Литература

Бормотова А. Р. Внешнеполитические материалы немецких оккупационных газет как средство пропаганды и агитации в 1941–1943 гг. (на материалах Курской области) // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2014. № 3 (31). [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnepoliticheskie-materialy-nemetskih-okkupatsionnyh-gazet-kak-sredstvo-propagandy-i-agitatsii-v-1941-1943-gg-na-materialah-kurskoj-data-obrasheniya:14.05.2019>.

Веригин С. Г. Карелия в годы военных испытаний: политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны, 1939–1945 гг. Петрозаводск: ПетрГУ, 2009.

Веригин С. Г. Предатели или жертвы войны: коллаборационизм в Карелии в период Второй мировой войны, 1939–1945 гг. Петрозаводск: ПетрГУ, 2012.

Голубев А. В. Идеология и повседневность: женщины в политике финского оккупационного режима и практике повседневной жизни в Карелии (1941–1944 годы) // Финский фактор в истории и культуре Карелии XX века. Гуманитарные исследования. Вып. 3. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2009. С. 284–296.

Зульцман Р. Пропаганда как оружие в войне // Итоги второй мировой войны: Сб. ст. М.: Изд-во иностранной литературы, 1957. С. 516–545.

Кринко Е. Ф. Оккупанты и население в годы Великой Отечественной войны: проблемы взаимовосприятия // Военно-историческая антропология. Новые научные направления: ежегодник, 2003/2004. М.: РОССПЭН, 2005. С. 329–344.

Куломаа Ю. Финская оккупация Петрозаводска, 1941–1944. Петрозаводск: Военно-ист. об-во Республики Карелия, 2006.

Лайне А. Национальная политика финских оккупационных властей в Карелии // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1995. С. 99–106.

Назаров М. М. Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследований. М., 2002. С. 131–233.

Никулина Т. В. Советско-финляндская война в памяти гражданского населения Карелии: (по материалам устных опросов) // Военно-историческая антропология. Новые научные направления: ежегодник, 2003/2004. М.: РОССПЭН, 2005. С. 316–328.

Никулина Т. В. О «той войне незначимой...»: память гражданского населения Карелии о Зимней войне // Учен. зап. Петрозаводского гос. ун-та. Общественные и гуманитарные науки. 2009. № 10 (104). С. 27–33.

Семенова А. В. Контент-анализ СМИ: проблемы и опыт применения. М.: Институт социологии РАН, 2010.

Сенявская Е. С. Человек на войне. Историко-психологические очерки. М.: Институт российской истории РАН, 1997. 232 с.

Сеппяля Х. Финляндия как оккупант в 1941–1944 годах // Север. 1995. № 6. С. 108–128.

Laine A. Suur-Suomen kahdet kasvot. Itä-Karjalan siviiliväestön asema suomalaisessa miehityshallinnossa, 1941–1944. Helsinki: Otava, 1982. 490 s.

Mäkinen I. Fates of books and archives during the war between Finland and the Soviet Union, 1939–1940 and 1941–1944. [Электронный ресурс] / Knygotytra 2007–48. Электрон. дан. URL: <http://www.journals.vu.lt/knygotytra/article/view/8136/6007> (дата доступа 09.05.2019).

Rosen G. Suomalaisina Itä-Karjalassa. Sotilashallinnon ja Suomen Punaisen Ristin yhteistoiminta 1941–1944. Helsinki: Suomen Historiallinen Seura, 1998. 274 s.

Сведения об авторе. Аспирант, ИЯЛИ КарНЦ РАН, научный сотрудник Государственного историко-архитектурного и этнографического музея-заповедника «Кижы».

Зинаида Ивановна Строгальщикова

*Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН,
г. Петрозаводск*

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В КАРЕЛИИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ЭТНОНАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ)¹

На этническое развитие карелов, финнов и вепсов Карелии в советский период повлияло политическое противостояние Финляндии и России. Оно являлось основной причиной изменений государственно-правового статуса Карелии, в соответствии с которым менялись приоритеты в области языковой политики. Итогом этих преобразований стало лишение карельского и вепсского языков в конце 1930-х гг. письменности, учреждений культуры и образования, работающих на родных языках. Миграционные волны «размыли» этническую среду в местах традиционного проживания карелов и вепсов, способствовали их быстрой ассимиляции в результате широкого распространения межнациональных браков. В годы перестройки по инициативе карельской и вепсской общественности была воссоздана карельская и вепсская письменность, были созданы условия для их изучения, использования СМИ и культурной деятельности. До конца 1990-х гг. карельская и вепсская общественность являлась основным инициатором и актором всей деятельности по возрождению своих языков и культур.

Ключевые слова: карелы, вепсы, финны, этнонациональная политика.

Формирование этнонациональной политики Карелии в постсоветский период проходило на фоне кардинальных изменений в общественной жизни страны, последовавших за периодом перестройки. На фоне демократических преобразований в сфере межнациональных отношений, основная идеология которых была предложена Пленумом ЦК КПСС 19–20 сентября 1989 г. в «Платформе по национальной политике в современных условиях», каждая из республик вырабатывала свои программы национального возрождения [Материалы Пленума 1989: 212].

¹ Исследование велось по Программе фундаментальных научных исследований РАН «Социально-гуманитарные аспекты устойчивого развития и обеспечения стратегического прорыва России», подпрограмма «Культурно-сложные общества: понимание и управление».

По материалам социологических исследований к концу 1990-х гг. республики по социальной динамике титульных национальностей и остального населения подразделялись в основном на три группы. Сходную динамику (развивались вместе и вровень) имели Татарстан, Адыгея, Горный Алтай, Хакасия, Карачаево-Черкесия. Опережающее развитие (по доле занятых высококвалифицированным трудом среди титульных народов, доле их представителей в органах власти) наблюдалось в Саха (Якутии), Бурятии, к ним приближалась также и Калмыкия. Карелия входила в список республик (Дагестан, Кабардино-Балкария, Мордовия, Тува, Удмуртия, Чувашия), где титульные народы находились в стадии «догоняющего развития» [Дробижева 2003: 10].

В целом, несмотря на общую для конца 1990-х гг. идеологию процесса демократизации в сфере национальных отношений, появление на федеральном уровне соответствующей законодательной базы, процесс формирования этнонациональной политики в регионах шел разными темпами. Это зависело от многих причин: стартовых условий, в которых находились те или иные народы накануне периода демократизации, их статуса в существовавшей иерархии народов, задач, которые выдвигались национальными движениями, и активности их действий в целях защиты своих интересов, характера их взаимоотношений с региональной властью, реакции местных элит на изменение курса в национальной политике в конце 1990-х гг.

К оценке стартовых условий: наследство из прошлого

Карелия к периоду перестройки по многим характеристикам этнического развития значительно отличалась от других автономных республик страны. Как известно, жизнеспособность народов наиболее зримо видна сквозь призму его демографического состояния, которое является результатом длительного воздействия политических, экономических, культурных факторов. В конце 1990-х гг. демографическая ситуация у карелов являлась крайне неблагоприятной. По данным переписи 1989 г. карелы оказались самым малочисленным народом, имеющим свою республику, с самой низкой долей титульного этноса (10%), язык которого являлся бесписьменным.

Убыль карельского населения в стране началась после 1939 г. В России численность карелов с 1939 по 1989 г. уменьшилась вдвое – с 250 до 125 тыс. человек, а в Карелии – на четверть – с 108 до 79 тыс. Еще более высокими темпами – почти в три раза – за тот же период в стране сократилась численность вепсов – с 32 до 12 тыс. и финнов – с 139 до 47 тыс. человек

[Всесоюзная перепись 1992: 57–59]. В Карелии в конце 80-х гг. XX в. проживало 6 тыс. вепсов и 18,4 тыс. финнов [Национальный состав 1990: 51, 104]. В основном это были финны-ингерманландцы, выселенные в разные годы со своей родины – пригородных районов Ленинградской области.

Карелия резко отличалась от большинства республик «неукорененности» своего населения. Доля лиц, проживающих в месте своего рождения, в городах равнялась 51 %, а на селе – 36 % [Что нужно знать 1999: 137]. Большинство карелов (61,8%), вепсов (65,3 %) стали горожанами [Итоги 1990: 18]. Карелия в 1989 г. занимала второе место в СССР по удельному весу этнически-смешанных браков (36,3%) и была единственной республикой, где их доля на селе была выше, чем в городе [Бирин 2003: 218]. Семей, в которых муж и жена были карелами, оказалось всего 7,6 %, а средний размер однонациональной семьи составлял всего 2,9 человека [Численность населения 1991: 57, 62]. К концу 1980-х гг. каждый второй брак, заключенный женихом или невестой карельской национальности в течение года в сельской местности, и каждые три брака из четырех в городах были межнациональными. Межнациональная брачность стала основным каналом языковой, а следом и этнической ассимиляции.

В конце 80-х гг. XX в. немногим более половины карелов и трети вепсов считали свой язык родным. Особенно тревожной выглядела ситуация среди детей до 14 лет. Родным карельский язык был назван родителями у одного из девяти, вепсский – у одного из тридцати, у финнов – у одного из тринадцати детей. У их родителей, 20–39-летних карелов, родным считала язык своей национальности треть, у вепсов – только пятая часть [Клементьев 2013б: 154]. Эти данные говорили о уже состоявшемся разрыве межпоколенных связей, затрудняющем передачу родных языков через семейное воспитание.

Ассимиляционные потери вели к сильному старению коренных народов. В 1989 г. средний возраст русских в Карелии составлял – 33,3, карелов – 39,6, вепсов – 45,9, финнов-ингерманландцев – 43,1 года [Некоторые показатели 1993: 7]. По уровню образования карелы и вепсы занимали последние места в республике. Среди населения Карелии лиц с высшим образованием насчитывалось 10 %, а у карелов и вепсов – около 6 % [Основные показатели 1991: 4]. Доля карелов, занятых преимущественно умственным трудом, оказалась 27 %, в среднем по республике – 32 % [Численность населения 1991: 62]. Перспективы для социального роста карелов были слабые: среди студентов республиканских вузов карельская молодежь составляла лишь 7,4 % [Основные показатели 1991: 48].

По заключению специалистов положение карельского народа в конце 80-х гг. XX в. в сравнении с другими титульными этносами России выглядело как самое сложное. Подчеркивалось, «что хотя пока этнос не подорван окончательно, однако при сохранении нынешних тенденций он может быть ассимилирован в течение 3–4 поколений» [Что нужно знать 1999: 140]. Ситуация с вепсами и финнами Карелии, еще более обрусевшими и имеющими по сравнению с карелами более старое по возрасту население, вызывала серьезные опасения за их дальнейшее существование как этнических общностей.

Таким образом, накануне перестройки стартовые условия для национального возрождения, которое проходило во всех республиках, в Карелии были крайне неблагоприятными.

Первыми открыто об угрозе полной ассимиляции коренных народов республики заговорили представители национальной интеллигенции. Роль средств массовой информации на данном – «просветительском» этапе (1987–1990 гг.) оказалась очень важной в формировании общественного мнения о проблемах этнического развития прибалтийско-финских народов Карелии. Представители гуманитарных наук – историки, фольклористы, этнографы, языковеды – составили самую активную часть «пропагандистов» за возрождение своих народов. При этом у каждого из этих народов были свои болевые точки исторической памяти: у карелов и вепсов ликвидация в конце 1930-х гг. письменностей²; у финского населения республики политические репрессии 1930–1950-х гг. и их последствия³. Национальная интеллигенция являлась инициатором проведения двух крупнейших форумов – Петрозаводского регионального межведомственного совещания «Вепсы: проблемы развития экономики и культуры в условиях перестройки» (28–29 октября 1988 г.) [Вепсы 2007: 17] и научно-практической конференции «Карелы: этнос, язык, культура, экономика» (25 мая 1989 г.) [Карельское национальное движение 2009: 20–25]. Рекомендации данных форумов стали основой программ деятельности общественных организаций, сформировавшихся из их организаторов и сторонников. Они учитывались и органами власти при формировании национальной политики в Карелии. В сентябре 1989 г. Президиум Верховного Совета Карелии зарегистрировал «Общество карельской культуры» и «Общество вепсской культуры»,

² Материалы прессы, заявлений, программ возрождения по карелам см.: [Карелы 2005], по вепсам см.: [Вепсы 2007].

³ Документы о репрессиях финского населения СССР см.: [Ингерманландские финны 2006].

в декабре – «Ингерманландский Союз финнов Карелии». По оценке экспертов данные организации на рубеже 1980–1990-х гг. являлись самыми заметными и влиятельными общественными формированиями в республике, показав пример самоорганизации [Цыганков 1996: 42]. Их просветительская деятельность по национальным проблемам, вызывавшая интерес у значительной части населения республики, оказала существенное влияние на процессы демократизации общественной жизни, способствуя становлению гражданского общества [Клементьев 1996: 62].

Совет Министров КАССР 20 апреля 1989 г. утвердил подготовленные в ИЯЛИ Карельского филиала АН СССР в 1987 г. алфавиты – вепсского (авторы Н. Г. Зайцева, М. И. Муллонен) и карельского (ливвиковское наречие, автор Л. Ф. Маркианова) языков. В ноябре 1990 г. Коллегия министерства народного образования Карельской АССР утвердила «Программу обновления и развития национальной школы в Карельской АССР на 1991–1995 гг.» [Программа 1991]. Принятие данных решений свидетельствовало о завершении полувекowego бесписьменного периода карельского и вепсского языков.

Одной из самых актуальных тем стало переосмысление истории Карелии, в которой искали истоки столь уязвимого современного состояния коренных народов Карелии. Наибольшее внимание в этой связи привлекает история создания в 1920 г. карельской автономии – Карельской Трудовой Коммуны (с 1923 г. – Автономная Карельская ССР, с 1937 г. – Карельская АССР).

КТК создавалась по инициативе «красных финнов» – революционеров из Финляндии, потерпевших поражение в социалистической революции 1918 г. и вынужденных переехать в Россию [Всекарельский съезд 1990: 257–259]. КТК по решению В. Ленина возглавил Э. Гюллинг, доктор философии, депутат финского парламента, один из руководителей революционного правительства.

Историография «финского периода» истории Карелии, как зарубежная, так и отечественная, обширна. Ведущими темами являются исследование истории становления КТК, роли внешнеполитических факторов в ее создании и развитии, судьбе финской диаспоры в России, языковой политике⁴. Неоднозначно оцениваются последствия деятельности финнов, стоявших во главе руководства Карелии для этнокультурного развития карелов и вепсов. В период перестройки история «красных финнов» в Карелии вышла за пределы научных исследований, став

⁴ Ю. Килин, А. Бутвило, Маркку Кангаспуру, П. Кауппала и др., судьбе финской диаспоры в России – И. Такала. Последний по данной теме сборник: [Карелия – приграничный регион 2018].

темой для дискуссий в прессе по истории советского периода Карелии [Кангаспуро 1997; Карельское национальное движение 2018: 180–190].

Решение правительства России о передаче Э. Гюллингу и его соратникам управления приграничным регионом кроме веры в неизбежность мировой социалистической революции опиралось на тесные и давние связи между финскими социал-демократами и большевистским руководством Советской России. Многим российским революционерам приходилось скрываться от преследований царской власти в Финляндии. По подсчетам историков, В. И. Ленин бывал в Финляндии 26 раз и провел здесь в общей сложности около трех лет [Коронен 1968: 3]. Финляндия являлась транзитной зоной и для его поездок в Европу. Э. Гюллинг как вице-председатель Совета народных уполномоченных революционного правительства Финляндии играл одну из центральных ролей при заключении договора 1 марта 1918 г. в Петрограде «Об укреплении дружбы и братства между Финляндской Социалистической Рабочей Республикой и правительством Советской России», который с российской стороны был подписан В. И. Лениным, И. В. Сталиным и Л. Д. Троцким [Россия и Финляндия 2017: 211–217]. После поражения социал-демократической революции Э. Гюллинг, доказывая, что революционеры действовали в национальных интересах Финляндии, писал, что они стремились путем переговоров с Советской Россией к обмену «близко расположенных к Петербургу дач» на Олонецкую и Беломорскую Карелию, в результате чего «Финляндия приобрела бы значительные территории и естественные границы» [Левкоев 1995: 24–25]. Среди финской политической элиты, независимо от классовых убеждений, была весьма распространенной идея «Великой Финляндии» – государства, объединяющего местности, населенные финно-угорскими народами. В разное время его пределы мыслились по-разному. Более реалистично настроенные политики между Первой и Второй мировыми войнами ограничивались намерениями о включении в состав Финляндии Карелии и Ингерманландии, Кольского полуострова, но Карелия мыслилась как ее неотъемлемая часть [Мусаев 2004: 84–85].

Создание Коммуны преследовало и политические цели, которые сейчас представляются утопическими: примером своего успешного развития воспламенять сердца трудящихся желанием достижения коммунизма и тем самым ускорить приход мировой социальной революции в Финляндию и страны Скандинавии. Основу экономического развития Коммуны должны были обеспечить богатые природные ресурсы, в первую очередь лесные, и энергичное, компетентное руководство [Всекарельский съезд 1990: 69].

Принятию решения советским правительством о создании Коммуны помогли и обострение обстановки в Северной Карелии, где в 1920 г. усилилось движение за образование независимого карельского государства. В с. Ухта 21–22 марта 1920 г. прошел съезд представителей карельских волостей, принявший решение об отделении их от России [Там же]. И хотя уже в мае следующий съезд карельского народа принял резолюцию о сохранении Карелии в составе России, необходимо было решить карельский вопрос в соответствии с проводимой практикой национально-государственного строительства. Создание карельской автономии, как предполагалось, должно было приостановить сепаратистские устремления и помочь заключению мирного договора между Финляндией и Россией, подготовка которого велась с весны 1919 г. В нем предполагалось отразить и вопросы положения карелов и ингерманландцев в России.

Создание Карельской Трудовой Коммуны опиралось на ст. 11 Конституции РСФСР, которая предусматривала, что в областях, отличающихся особым бытом и национальным составом населения, могут быть созданы автономные образования, входящие в состав РСФСР на началах федерации. Согласно постановлению Президиума ВЦИК от 8 июня 1920 г. в ее состав передавали местности, населенные карелами в Олонецкой и Архангельской губерниях. Решение ВЦИК было одобрено Всекарельским съездом представителей трудящихся карел, который прошел 1–3 июля 1920 г. в г. Петрозаводске и подтвердил свою связь с Россией [Там же: 74].

Задачи, поставленные перед КТК в экономическом и политическом развитии, требовали значительно большей территории и трудовых ресурсов, чем определялось постановлением ВЦИК. Поэтому руководство КТК в сложнейшем противостоянии с органами власти Олонецкой губернии добилось в 1922 г. ее упразднения. После преобразования КТК в 1923 г. в Автономную КССР ее территория увеличилась за счет присоединения местностей, населенных русским и вепским населением. По данным переписи 1920 г. население КТК составляло около 147 тыс. человек: из них около 85 тыс. человек (60%) – карелы, 37% – русские. В 1926 г. ситуация оказалась прямо противоположной: карельское население составляло 100,8 тыс. человек, или 37,4% от всего населения республики (269,7 тыс. человек), вепское – 8,6 тыс., или 3,2%, и финны – 2,5 тыс., или 0,9% [Покровская 1978: 43].

Время «финского правления» (1920–1935 гг.) совпало с периодом активного национально-государственного строительства, который традиционно рассматривается исследователями как этап реализации в стране ленинской национальной политики. Механизмом ее проведения стала

принятая на XII партийном съезде в 1923 г. тактика «коренизации», включавшая целую систему мер, направленных на формирование местной национальной элиты и просвещение прежде «отсталых» народов с целью приобщения их к делу социалистического строительства и обеспечения им равенства с передовыми нациями. Коренизация предусматривала создание письменности для ранее бесписьменных народов, введение преподавания в школах на родных языках, перевод делопроизводства на местные языки, вовлечение «националов» в сферу управления, формирование национального пролетариата.

Часть современных политологов, рассматривающих полиэтничность страны как фактор, ослабляющий ее стабильность, полагает, что разрушившая СССР идея национального самоопределения была «вскормлена» именно на недолговременной, но результативной политике коренизации. По их мнению, она стала не только «основой национального возрождения», но и «заложила семена будущих межнациональных раздоров», эхом отозвавшихся в конце 1980-х гг. мощной волной национальных движений [Что нужно знать 1999: 478]. При всей примитивности такой трактовки причин развала СССР, коренизация, несомненно, сыграла важнейшую роль в становлении национального самосознания титульных народов, развитии их культуры и образования, формировании национальной интеллигенции в союзных и в автономных республиках. Не случайно демократизация в сфере национальной политики в период перестройки началась с лозунга «назад в прошлое», где время «коренизации» рассматривалось как наиболее успешный этап решения национальных проблем в стране. Для многих нерусских народов страны, значительно менее готовых к восприятию идей национального возрождения, чем карелы, период коренизации являлся фундаментом для их этнического развития, который не был заложен у карелов и вепсов Карелии. Финское руководство Карелии, стремясь создать себе более прочную социальную базу, активно проводило политику привлечения финского населения из-за пределов Карелии. В 1929 г. оно получило одобрение Политбюро ЦК ВКП(б) своей инициативы о поселении в Карелии американских финнов [Левкоев 1994: 101]. Финская диаспора с 1920 г. к 1933 г. увеличилась в Карелии с 0,5 до 12 тыс. человек, среди которых около половины составили финны-эмигранты из Финляндии, США, Канады [Устная история 2007: 5].

В отличие от политики центра по проведению на местах всей культурно-образовательной работы на родных языках, в Карелии языковая политика, выступающая в официальных документах как «карелизация», фактически являлась «финнизацией». Руководство Карелии, возглавляемое Э. Гюллингом, не стало придерживаться решения Всекарельского съезда

трудящихся карелов о равном использовании в КТК трех языков: родного, финского и русского. Через год на II Всекарельском съезде Советов в октябре 1921 г. оно было пересмотрено: создание карельской письменности признавалось «ненужным и невыполнимым делом». Языками просвещения и делопроизводства объявлялись «для русских – русский язык, для карелов – русский и финский – в зависимости от того, на каком карелы в тех или иных местах хотят обучаться». Е. И. Клементьев, комментируя такое решение с осознанием невозможности изменить прошлое, писал: «Только советская национальная политика могла родить такой парадокс: карельский язык, сыгравший исключительно важную роль в развитии финской литературной традиции, познакомивший мировую общественность с „Калевалой“, оказался неспособным поднять духовный и культурный уровень своего народа», стать основой его просвещения [Клементьев 2013а: 58]. В числе причин отказа от создания карельской письменности указывалось наличие значительных диалектных различий в карельском языке.

В 1923 г. при преобразовании КТК в АКССР вторым официальным языком республики наряду с русским в Карелии был утвержден «карело-финский язык», реально роль которого исполнял финский язык [Советы Карелии 1993: 100]. В проекте Конституции АКССР, подготовленном Э. Гюллингом, *карельско-финский и русский языки* признавались равноправными государственными языками в пределах АКССР [Конституция 1926: 3]. Термин «карело-финский» делал менее заметным курс на финнизацию карельского и вепсского населения республики. В печати и документах это преподносилось как «карелизация».

В августе 1929 г. финский язык был утвержден в местах традиционного проживания карельского населения как единственный язык делопроизводства и обучения [История Карелии 2001: 494]. Обучение на финском языке среди карельского населения значительно успешнее проходило в северо-западных районах: Ухтинском, Ребольском, Кестеньгском, Ругозерском, где местные диалекты карельского языка наиболее близки к финскому литературному языку, на котором велась вся культурная работа. По заявлению ее идеологов, в южной Карелии, и особенно у вепсов, они столкнулись с трудностями [Ровио 1931: 19]. В июле 1935 г. в газете «Вепсская правда» Винницкого национального района Ленобласти, где языком обучения в начальной школе являлся родной язык, была опубликована статья Э. Гюллинга «Нам помогли Ленин и Сталин», где он, стремясь объяснить обучение карелов и вепсов на финском языке в Карелии, писал, что такое решение принималось с одобрения тов. Сталина [Гюллинг 1935].

Политика «коренизации» официально стала подвергаться пересмотру уже в середине 1930-х гг. Как полагают, он начался с заявлений И. В. Сталина в его Отчетном докладе на XVI съезде ВКП(б), состоявшемся в январе 1934 г., о том, что местный национализм не менее опасен, чем великодержавный русский шовинизм [Мусаев 2007: 85]. Жертвами начавшейся борьбы с «местным/буржуазным национализмом», в первую очередь, становилась управленческая элита и нарождающаяся интеллигенция нерусских народов, реализующая политику «коренизации».

В конце октября 1935 г. Э. Гюллинг был отстранен от руководства республики и отправлен на научную работу в Москву. Языковая политика в Карелии резко меняется. Прекращается преподавание в школах на финском языке. Финнизация подвергается жесткой критике и позднее станет основой для масштабных репрессий против финского населения Карелии, в числе жертв которых окажется и Э. Гюллинг [Белоусов 2010: 110].

С 1936 г. начинается реализация идеи Д. В. Бубриха о создании единого письменного языка для всех карелов страны [Нагурная 2015]. По времени эта работа совпала с началом периода делатинизации алфавитов народов СССР, что осложнило этот процесс. Перевод школ с карельским и вепским составом учащихся начался только осенью 1937 г. Происходило это уже после принятия 17 июля 1937 г. первой Конституции Карельской АССР. В ней хотя и не было введено понятие государственных языков, предписывалось публиковать все решения органов власти, вести судопроизводство, использовать надписи на флаге и гербе на трех языках – карельском, финском и русском – и провозглашалось, что право на образование обеспечивается и «обучением в школах на родном языке» [Конституция 1937: 12, 25, 33–34]. В апреле 1938 г. Карельский обком партии обратился с секретным письмом к И. В. Сталину с просьбой «исключить финский язык из числа государственных языков КАССР и внести соответствующие изменения в Конституцию КАССР» [Советы Карелии 1993: 200–201]. Разрешение на изъятие положений о финском языке из Конституции было получено, и в июле 1938 г. из всех статей Конституции упоминание о финском языке было снято. Официальными языками КАССР до решения ее преобразования в Карело-Финскую ССР в июле 1940 г. являлись русский и карельский [Там же: 521].

После советско-финляндской войны 1939–1940 гг. КАССР преобразуется в союзную Карело-Финскую ССР. Единый карельский язык, утвержденный 10 февраля 1938 г. приказом Народного комиссара просвещения РСФСР, был отменен. Вторым официальным языком наряду с русским снова стал финский язык. По мнению Г. М. Керта, это говорило о том, что

«в геополитических планах И. Сталина было воссоединение Финляндии с „финноязычной“ Карелией» [Керт 2000: 80]. Наступление второго периода «финнизации» в Карелии вепские школы не затронуло. Карельская и вепская письменность была запрещена как в Карелии, так и за ее пределами. Это политическое решение явилось сильным ударом по будущему карельского и вепского народов. После завершения в 1930-х гг. массовых репрессий против проводников коренизации во всех республиках, кроме Карелии, и даже у части малочисленных народов сохранялось использование языков титульных народов в образовании, на них издавалась художественная литература, что являлось основой для формирования национальной интеллигенции. Ее наличие и зрелость являлось показателем этнической консолидации народа. Это особенно проявилось в перестроечные годы.

В сфере административного управления все нормы по использованию языков в таком же объеме, как и предусмотренные Конституцией 1937 г., были оставлены в Конституции КФССР лишь за финским и русским языками [Конституция 1940: 7, 15, 19, 20].

В период оккупации финской армией части территории Карелии во время Великой Отечественной войны обучение вепских и карельских детей проводилось на финском языке [Веригин 2017: 33]. После войны финский язык преподавался как предмет в г. Петрозаводске и школах карельских районов. Возвращение Карелии в 1956 г. прежнего статуса автономной республики не изменило положения дел. Роль национального языка, как необходимого атрибута автономной республики, осталась за финским языком.

Политические расчеты высшего руководства страны, стоявшие в основе преобразований карельской государственности, не без оснований, считают «самым ярким примером голого администрирования в решении национальных вопросов за все время существования Советского Союза» [Вихавайнен 1998: 13].

В условиях жесткого административного управления из центра, периодически усиливающегося при возникновении политического или военного обострения отношений между Финляндией и СССР, карелы не смогли противостоять политике этнической ассимиляции. Известный карельский писатель Якко Ругоев по этому поводу написал: «Жили по известной житейской заповеди, выраженной в старой народной пословице: „под какой елкой живешь, ту елку и слушаешь“» [Ругоев 1995: 344]. Таким же было отношение к этническому развитию карелов и руководителей республики. Председатель Совета Министров КФССР П. С. Прокконен в своей речи на III сессии Верховного Совета КФССР

24 апреля 1956 г. необходимость преобразования республики в автономную объяснил изменением национального состава населения республики: «...нынешнее построение Карело-Финской ССР не соответствует национальному составу населения, и поэтому следует преобразовать республику из союзной в автономную и в связи с этим назвать ее Карельской Автономной Советской Социалистической Республикой... В результате роста количества населения в нашей республике за счет переселения для работы в лесной промышленности, главным образом, русских и других национальностей, удельный вес коренного населения значительно сократился. По предварительным данным из 615 тысяч человек населения, проживающего в Карело-Финской ССР, карел и вепсов насчитывается около 110 тысяч человек, или 17,8 процента, финнов немногим более 13 тысяч человек, или 2,2 процента из общего состава населения. Около 80 процентов населения республики составляют другие национальности и, главным образом, русские. При этом надо иметь в виду, что удельный вес коренного населения и в дальнейшем будет уменьшаться, так как все возрастающий объем промышленного производства, особенно лесной, бумажной и деревообрабатывающей промышленности будет требовать притока значительного количества населения в нашу республику из других братских республик Великого Советского Союза» [Третья сессия 1958: 3]. Отсутствие письменности у карелов ставило их на уровень «социалистической народности» в существовавшей в то время иерархии этнических общностей [Пименов, Тарова 1970: 246].

Негативное влияние политических решений на этническое развитие карелов было усилено последствиями экономической политики Центра, направленной на интенсивную, по сути, колонизаторскую эксплуатацию лесных ресурсов края. В республику привлекалась значительная по объему дополнительная рабочая сила. Численность этнически близких переселенцев – финнов, ингерманландцев, тверских карелов, вепсов – оказалась намного меньше планируемой. Основную часть мигрантов составили русские, белорусы и украинцы. С 1939 по 1989 г. население Карелии удвоилось и составило 790 тыс. человек. Миграционный поток охватывал и ареалы исконного проживания коренных народов. Во вновь возводимые поселки стягивалось карельское и вепское население, преимущественно молодежь, что создавало почти повсеместно этнически-смешанную среду, способствующую широкому распространению межнациональных браков. Уже в 1960-е гг. в этнически смешанных семьях, если один из родителей был русским, детей, как правило, «записывали»

русскими. В карельско-белорусских и карельско-украинских семьях детей «записывали» карелами [Там же: 238].

До конца 1960-х гг. сохранялся строгий запрет на обсуждение проблем развития карельского и вепсского языка, хотя их научное исследование возобновилось. Особенно активно сбор полевого материала по вепсскому и карельскому языкам проводился в 1960–1970-е гг. Г. М. Керт писал, что «поощрялась работа по карельской и вепсской диалектологии, однако ни словом нельзя было заикаться о письменностях для этих народов» [Керт 2000: 76].

Первые обзорные статьи об истории карельской письменности А. П. Баранцева [Баранцев 1967: 89–103] и вепсской – М. И. Муллонен [Муллонен 1967: 105–109] появились в 1967 г. В них не просматривалась возможность восстановления письменной традиции. Для того времени исследователям важно было рассказать о ее былом существовании. Как позднее писала М. И. Муллонен, после запрета вепсской письменности в 1937 г. «в течение полувека никто не осмеливался даже заикнуться о том, чтобы восстановить прерванный процесс» [Муллонен 2002]. Весьма пессимистическим у А. П. Баранцева выглядит и взгляд на будущее карельского языка. По его мнению, если учесть, что по переписи 1939 г. 85 % населения Карельской АССР в возрасте от восьми лет было грамотным по-русски, то «эксперименты с единым карельским языком начались слишком поздно и мало что дали карельскому населению автономной республики». Финский язык, «оставаясь по-прежнему вторым письменным языком населения Карельской АССР... не имеет широкого распространения и существенного значения среди карельского населения республики... Финский литературный язык не привился и не получил распространения среди карельского населения республики. Но его нельзя рассматривать как национальный письменный язык карельского народа» [Баранцев 1967: 104]. Решение о создании в конце 30-х гг. XX в. единого карельского языка запоздало – считали А. П. Баранцев и ведущие этнографы Карелии В. В. Пименов и Р. Ф. Тароева. По их мнению, «карельский язык в быту остается важнейшим средством общения карелов, которые, впрочем, в подавляющем большинстве двуязычны, а в северной Карелии некоторая часть их трехязычна. Карельский язык – это, наконец, язык фольклора и отчасти художественной самодеятельности». В республике единственным языком общения и административной работы является русский язык. Финский язык употребляется некоторой частью финского населения и очень немногими карелами как средство общения в быту (семейной жизни), хотя имеется право его использо-

вания за любым жителем республики, но «в действительности потребность в этом почти не возникает» – заключают авторы статьи [Пименов, Тароева 1970: 236]. Это подтверждали и высокие показатели языковой ассимиляции у финского населения Карелии по переписи 1989 г., несмотря на существование всех необходимых культурных институтов, поддерживающих развитие финского языка (пресса, радио, театр, обучение в вузе). Круг интеллигенции, которая обслуживала работу учреждений на финском языке, и создатели профессиональной культуры – писатели, выходцы из северной Карелии Якко Ругоев, Ортье Степанов, Антти Тимонен – составляли творческую часть интеллигенции республики. В период процесса возрождения, в отличие от других республик страны, где представители писательской общественности становились лидерами национального движения, карельские писатели первоначально выступили против восстановления карельской письменности. Это обстоятельство ослабляло карельское движение, вызывало споры внутри сообщества [Карелы 2005]. Возникла дилемма: какой язык – карельский или финский – должен быть в Карелии государственным? Отсутствие по этому поводу четкой позиции к началу работы избранного в марте 1990 г. на первых альтернативных выборах Верховного Совета КАССР, где с мая по август 1990 г. обсуждалась Декларация о государственном суверенитете КАССР (далее Декларация), не позволило в ней указать карельский язык государственным⁵. В других республиках указание в Декларациях их титульных языков государственным почти автоматически переносилось в конституции республик, что обуславливало подготовку соответствующих республиканских законов об их использовании в качестве государственных. Первый съезд карелов, где было принято обращение к Верховному Совету Карелии о придании карельскому языку статуса государственного, состоялся 28–29 июня 1991 г., почти через год после принятия Верховным Советом Карельской АССР Декларации о государственном суверенитете КАССР [Карельское национальное движение 2009: 61–62]. С началом деятельности в 1991 г. в республике Карельской региональной общественной организации «Карельское движение» и продолжившего его политику «Карельского конгресса», выступавших за признание государственным финского языка, разногласия среди карельской общественности по этому поводу усилились. По мнению А. С. Григорьева, возглавлявшего Карельское движение и Карельский конгресс, государственным языком в Карелии

⁵ Проекты Деклараций о государственном суверенитете Карельской АССР и ход их обсуждения см. [Карельское национальное движение 2018: 10, 11, 25–28].

должен быть финский⁶. Исполнительный орган Съезда карелов – Совет уполномоченных съезда карелов и «Общество карельской культуры» (с 1991 г. Союз карельского народа) на всех своих съездах, которые проводятся через четыре года (последний состоялся в 2016 г.), продолжает выступать за придание карельскому языку статуса государственного.

Отсутствие решения о государственном языке в Карелии в начале 1990-х гг. связано и с нерешительностью партийного руководства Карелии в продвижении идей, сформулированных в «Платформе по национальной политике в современных условиях».

В деятельности формирующихся общественных движений не принимали участие влиятельные представители карельской национальности из партийной и государственной номенклатуры. Как показывает вся предшествующая история карельской государственности, в республике практически полностью отсутствовала национально-ориентированная элита. Считалось, что голосом карельского народа были писатели из северной Карелии, пишущие на финском языке, весьма авторитетные и близкие руководству республики.

Отношение партийного и советского руководства Карелии к национальным проблемам

О восприятии в Карельском обкоме КПСС происходящих в период перестройки в республике событий свидетельствует письмо В. С. Степанова – Секретаря Карельского обкома КПСС, направленное 30 декабря 1988 г. в ЦК КПСС «О ходе подготовки Карельской областной партийной организации к Пленуму ЦК КПСС „О совершенствовании межнациональных отношений в СССР“». Оно имеет гриф «Секретно», хотя в течение 1988 г. в связи с проведением в Карелии в октябре регионального межведомственного совещания «Вепсы: проблемы развития экономики и культуры в условиях перестройки» в печати активно обсуждались вопросы по проблемам этнического развития вепсов и карелов. Проведение совещания в письме подается как работа Обкома. Интересен абзац, в котором изложена проблема с отсутствием карельской и вепской письменностей: «Несмотря на то, что в Карельской АССР, характеризующейся прочными интернациональными традициями, межнациональные

⁶ Запись о прекращении деятельности Карельской региональной общественной организации «Карельский конгресс» была внесена в Единый государственный реестр юридических лиц 03.11.2015 г. О деятельности «Карельского движения» и «Карельского конгресса» см. [Карельское национальное движение 2018].

отношения в условиях многонационального населения развиваются без какого-либо этнического напряжения, нельзя утверждать, что в республике не существует национальных проблем во всей их реальности и противоречивости. Прежде всего, это вопрос, почему у карельского народа, насчитывающего только в самой Карелии более 80 тысяч человек, имеющего глубокую историю, самобытную культуру, богатый опыт, нет своей письменности. Не имеет своей письменности и другая народность, проживающая в Карелии, – вепсы». Ликвидация этих письменностей признается одной из ошибок национальной политики конца 30-х гг. При перечислении мер, которые проводятся в республике по их устранению, говорится, что «завершена работа над созданием вепсского алфавита, букваря, в Шелтозерской средней школе второй год ведется преподавание вепсского языка... проводится работа по восстановлению карельской письменности на основе ливвиковского диалекта. Создан алфавит, подготовлен букварь, свод орфографических правил... министерство народного образования готовится в 1989–1990 учебном году в экспериментальном порядке начать преподавание карельского языка в школах Олонецкого и Пряжинского районов». В заключение идут заверения, что «демократизация общественных отношений позволяет выявить противоречия и проблемы в развитии народностей Карелии и своевременно их решать... карельский обком продолжит работу по дальнейшему изучению, совершенствованию межнациональных отношений в республике, рассмотрит в 1989 году эти вопросы на заседаниях бюро и пленуме»⁷.

В письме не затрагивался важнейший вопрос об утверждении карельской и вепсской письменностей, проекты алфавитов которых были подготовлены в ИЯЛИ еще в 1987 г. Как показывает переписка Министерства просвещения и Совета Министров республики 1987–1988 гг. (письмо старшего референта Министерства просвещения Карельской АССР от 13.08.1987 г.) по вопросу утверждения вепсского алфавита, принятие решения министерством было приостановлено из-за того, что «эта проблема идеологического характера и должна решаться в Карельском обкоме... в обкоме изучается представленный материал и требует длительной проработки» [Строгальщикова 2005: 277]. Проработка длилась почти два года. Ситуация долго оставалась неопределенной: формально карельская и вепсская письменности не были утверждены, а преподавание карельского и вепсского языков велось уже в нескольких школах. Не сообщалось в письме В. С. Степанова и о работе по созданию в Карелии вепсского национального района, хотя им такое предложение

⁷ Письмо опубликовано: [Строгальщикова 2016: 175–177].

вепсской общественности было поддержано⁸. В мае 1988 г. он обратился в ЦК КПСС с просьбой рассмотреть этот вопрос. Решение о создании национальных районов как экспериментальных для вепсов Карелии, Ленинградской и Вологодской областей 4 июля 1989 г. было подписано М. С. Горбачевым⁹. Решением бюро Карельского обкома от 11 августа 1989 г. «разъяснительная и массово-политическая работа, проведение сходов населения вепсского края по созданию Шелтозерского национального района на базе Шелтозерского, Шокшинского и Рыборецкого сельских советов поручалась Прионежскому райкому и Прионежскому райисполкому». Выбор «отцов основателей» был неудачен. Некоторые варианты организации будущего района не ограничивались выделением трех вепских сельских советов из состава Прионежского района, но предусматривали его упразднение как самостоятельной административной единицы. Принятие решения затянулось.

Обещанный пленум «по совершенствованию межнациональных отношений» в Карелии, единственной из всех автономных республик, не был проведен. Очевидно, это было связано с итогами первых альтернативных выборов народных депутатов СССР, которые прошли 26 марта 1989 г. В Карелии из 71 кандидата только 13 являлись представителями коренных народов (9 карелов, 2 вепса и 2 финна). Из них поддержку на окружных собраниях получили только 5. Все они выборы проиграли, в том числе и первый секретарь Карельского обкома КПСС В. С. Степанов. Предостережение о возможности утраты представительства малочисленных народов при проведении альтернативных выборов, что с тревогой обсуждалось на сентябрьском Пленуме ЦК КПСС при рассмотрении «Платформы по национальной политике в современных условиях», стало в Карелии реальностью. Карельская творческая элита – Я. Ругоев, О. Степанов, П. Мутанен, композитор Г. Синисало, художники В. Добрынин, К. Буторов и др. – обратились с «Открытым письмом к жителям Карелии», опубликованным 5 апреля 1989 г. в газете «Ленинская правда». В нем случившее характеризовалось как крупный срыв в интернациональном воспитании населения Карелии, нежелание «разобраться в существующих межнациональных отношениях в нашей

⁸ Предложения о создании автономного объединения вепсской народности по заданию Карельского обкома КПСС были подготовлены ИЯЛИ Карельского филиала АН СССР в апреле 1988 г. См. [Вепсы 2007: 193–195].

⁹ В ЦК КПСС считали возможным «для накопления практического опыта положительно отнестись к предложениям о создании вепсского национального района в Карельской АССР, сельских и поселковых Советов в Ленинградской и Вологодской областях» после проведения переписи 1989 г. См. [Вепсы 2007: 195–197].

многонациональной республике». Вину возложили также на мигрантов, чуждых истории и культуры края и его «первожителям». В ответе на «Открытое письмо» («Ленинская правда», 11 апреля) многие поддержали призыв к гарантированному представительству карелов, вепсов и финнов, но выступавшие против привилегий по национальной принадлежности предложили его авторам вспомнить и о времени, когда строго соблюдалось представительство в Совете Национальностей Верховного Совета СССР карелов и финнов. «А что они дали, что сделали для земли, которая их делегировала?». В. С. Степанов в конце 1989 г. выехал из Карелии.

Руководство республики не смогло выработать механизмы для обеспечения представительства коренных народов и на предстоящих альтернативных выборах в Верховный Совет (далее ВС). Подготовка соответствующего законопроекта по внесению изменений в Конституцию КАССР и закона о выборах поручалась комиссии, назначенной Президиумом Верховного Совета. Итоги работы комиссии рассматривались на последней сессии ВС (30.10–1.11.1989 г.), избранного еще в условиях командно-административной системы, где треть депутатов представляли карелы, вепсы и финны. Как заявил председатель Президиума ВС К. Ф. Филатов, комиссия предложила образовать национальные округа по выборам в Верховный Совет КАССР и права выдвижения в них предоставлять только карелам, вепсам и финнам. Но комиссия не вынесла на сессию данное предложение, поскольку оно противоречит ст. 36 Конституции СССР [Заседание 1990: 165]. С инициативой создания парламента из двух палат – национальной и народной – выступил депутат В. Б. Чехонин. По его схеме национальную палату предлагалось сформировать после выборов, не выделяя отдельно национально-территориальных округов. Национальная палата должна обеспечивать соблюдение национальных интересов, сохранение и развитие самобытности, культуры всех наций и народностей, проживающих на территории Карелии, иметь право вето на законы, ущемляющие права лиц коренной национальности или свободу развития языка, культуры [Там же: 23]. Предложение В. Б. Чехонина было отклонено. По мнению депутата В. Е. Богданова, «нужна более серьезная проработка и принятие сегодня данного предложения преждевременно» [Там же: 31]. Комиссия ограничилась пожеланием избирателям, что «поддержка и избрание депутатами тех, чьи деловые, нравственные качества, способность защищать в ВС интересы своей нации, народности, заслуживают уважения, бесспорно, содействовали бы удовлетворению культурных и социально-экономических запросов населения той или иной территории» [Там же: 16].

Весь ход обсуждения поднятых перестройкой новых вопросов отчетливо показал общественности, что признание властными структурами проблем национальных меньшинств еще не означает готовности их решать. Попытки решения некоторых из них предпринимались с большим опозданием. Отсутствие четко и публично высказанной позиции по дискуссионным вопросам свидетельствовало, что процессами, происходящими в данной сфере общественной жизни, органы власти в то время уже не управляли. Показательно в этом отношении выступление в «Ленинской правде» 3 октября 1989 г. его редактора А. Осипова о явно затянувшейся дискуссии по проблеме карельской письменности: «Мнения, суждения, предложения повисли в воздухе, было неясно, кому они адресованы и кто их должен учитывать».

Постановление Совета Министров Карелии об утверждении алфавитов – карельского языка на латинской основе, вепсского языка в двух вариантах – на кириллице и латинской основе, как уже говорилось, было принято только в апреле 1989 г. [Строгальщикова 2005: 278].

Вопросы национальной политики в период суверенизации республики

Большим разочарованием для национальной общественности стало избрание на выборах в марте 1990 г. в Верховный Совет Карельской АССР, который впервые становился высшим органом власти республики, всего 9 карелов, 4 финнов и 2 вепсов из 120 депутатов. Их оказалось значительно меньше, чем в прежнем ВС, где по ранее существовавшей разрядке доля «националов» составляла треть. Но численность избранных депутатов соответствовала доле их народов в населении республики. Общество вепсской культуры и Ингерманландский Союз финнов Карелии смогли провести своих представителей в ВС КАССР.

Незначительное представительство коренных народов на фоне предвыборных лозунгов о передаче реальной власти советам, возвращении Карелии статуса союзной республики или расширении ее полномочий до союзного уровня ставило в определенной мере под сомнение легитимность этих претензий к центральным властям от «национальной» республики. На первой сессии предлагалось даже сформировать национальные округа и провести довыборы в ВС 20–30 депутатов карельской, вепсской и финской национальностей. Эта тема прозвучала и в программном выступлении С. И. Кириллова, одного из претендентов на пост Председателя ВС [Первая сессия 1991: 26–28]. Он повторил идею В. Б. Чехонина о двухпалатном ВС. К подобной реорганизации депутаты оказались не готовы. Председателем ВС был избран В. Н. Степанов.

На первой сессии был поднят вопрос и о необходимости подготовки Декларации «О суверенитете Карельской республики»¹⁰. Как заявили инициаторы, «используя принцип самоопределения, Карелия должна иметь свою государственность... статус суверенной республики, равноправного партнера в Советском Союзе». Ее принятие, по мнению депутата Г. А. Киреева, должно снять двусмысленность современного положения республики, где за «ширмой автономии... с псевдопарламентом, псевдоминистрами, за этими громкими титулами по сути кроется обыкновенный облсовет» [Первая сессия 1991: 11]. Работа над декларацией началась на следующей сессии, и ее значительно ускорило принятие 12 июня 1990 г. Декларации о государственном суверенитете РСФСР на Первом Съезде народных депутатов РСФСР. Декларация, провозгласив право каждого человека на «свободное развитие и пользование родным языком, а каждому народу – на самоопределение в избранных ими национально-государственных и национально-культурных формах», дала правовую основу для принятия автономными республиками своих Деклараций о государственном суверенитете. В них многие республики заявили об отказе от статуса автономных, определили принципы взаимоотношений с центром, пути реформирования собственного государственного устройства. Ряд автономных областей в этот период приняли решение об их преобразовании в республики. Это явление, получившее несколько пренебрежительное название «парад суверенитетов», положило начало становлению новых федеративных отношений в РСФСР и стало толчком для преобразований в национально-государственном устройстве внутри регионов. Важнейшие положения деклараций вошли в обновленные тексты их конституций.

Карельская АССР была второй из автономных республик, принявшей Декларацию о государственном суверенитете [Карельское национальное движение 2018: 27–28]. В отличие от деклараций других республик она практически полностью лишена притязаний на этнический характер государственности. Носителем суверенитета и источником власти в КАССР провозглашался ее народ, что отражает скорее территориальный, а не национальный характер ее государственности. В карельской декларации не было заявлено, что КАССР как государство возникло в результате реализации права карельского народа на самоопределение или что карелы являются источником (основателем) ее государственности, не включено положение о равноправном функционировании карельского и русского

¹⁰ Тексты Декларации о государственном суверенитете Карельской АССР и обсуждаемых проектов см.: [Карельское национальное движение 2018: 25–28].

языков или о признании государственным карельского языка. В заверении, что «Республика гарантирует: соблюдение прав и свобод человека, предусмотренных общепризнанными нормами международного права, Конституцией Карельской АССР; свободное национальное и культурное развитие всех народов на ее территории; возрождение национальной самобытности коренных народов», о коренных народах упоминается в последнюю очередь и без указания, о каких из них идет речь. Такая «безликость» субъектов возрождения свидетельствовала о том, что в целом ВС довольно сдержанно относился к признанию за коренными народами республики особых прав, хотя эта тема и являлась предметом обсуждения. Декларация в этом отношении оказалась значительно менее конкретна, чем ее проект, предложенный Конституционной комиссией ВС, в котором заявлялось, что «законодательством Карельской АССР гарантируется представительство карельского, финского и вепского народов в органах государственной власти» [Карельское национальное движение 2018: 26–27]. При его обсуждении против выступил народный депутат СССР С. В. Белозерцев, назвав аморальным положение «о благоприятных условиях для участия национальных меньшинств», скажем так, потому что придется законодательство как-то строить таким образом, чтоб благоприятные условия обеспечить [Вторая сессия 1991: 26]. Признание особого статуса коренных народов отражалось и во втором проекте Декларации, доработанном с учетом поступивших замечаний и представленном на сессию, где было записано, что «Карельская АССР учитывает особенности и создает благоприятные условия для развития карельского, финского и вепского народов, обеспечивает их участие в органах власти республики». Но данная поправка не была поддержана депутатами [Вторая сессия 1991: 113].

Формирование правовой базы по национальной политике

В период деятельности Верховного Совета народных депутатов XII созыва (апрель 1990 – май 1994 г.) в республике были приняты решения, заложившие основу для реализации прав коренных народов на развитие своей культуры и языка, формировалось соответствующее республиканское законодательство. Основная деятельность в этом направлении проводилась комиссией по национальной политике, культуре, языку и охране исторического наследия ВС. Ее задачами были утверждены: разработка законопроектов, решений и предложений по вопросам социально-культурного развития коренных народов, обеспечивающих защиту их интересов; участие в разработке программ развития языков

и культур коренных народов; определение приоритетов государственной политики в сфере культуры [Четвертая сессия 1991: 265].

Работа началась с подготовки закона «О правовом статусе национального района, национальных поселкового и сельского советов Республики Карелия». Председатели Шокшинского, Шелтозерского, Рыборецкого сельских советов народных депутатов Прионежского района направили в адрес второй сессии официальный запрос рассмотреть на ВС их предложения о создании Вепского национального округа [Вторая сессия 1991: 10–11]. С инициативой о придании им статуса национального выступал и Калевальский район. В марте 1991 г. в статью 71 Конституции Карелии было включено положение о возможности образования в Карелии национальных административно-территориальных единиц, а в ноябре – принят закон [Ведомости 1992 2]. Основой для его подготовки стал Закон СССР от 26 апреля 1990 г. «О свободном национальном развитии граждан СССР, проживающих за пределами своих национально-государственных образований или не имеющих их на территории СССР» [Ведомости съезда 1990]. Национальные районы, поселковые и сельские советы создавались по итогам местных референдумов в местах компактного проживания коренных малочисленных народов (карелов и вепсов) и финнов. В соответствии с законом государственные органы власти в рамках своих полномочий обязаны были оказывать им содействие в организации охраны среды обитания, развитии культуры, искусства, традиционных ремесел и промыслов, в улучшении социально-экономического положения.

По решению местных органов власти в национальных территориях во всех сферах деятельности (образовании, культуре, делопроизводстве, работе государственных учреждений и т. д.) наряду с русским могли использоваться и языки народов, в интересах которых они создавались. Данная правовая норма была особенно важна в связи с очевидными трудностями получения карельским языком статуса государственного. Карельский язык только обрел письменность, его считали родным лишь половина карелов, а их доля среди населения республики была незначительна. Вопрос, какой из языков – карельский или финский – должен быть государственным, оставался дискуссионным даже среди карельской общественности. Поэтому одной из важных задач закона было предоставления права принятия решений по интенсивному развитию языков коренных народов в самой заинтересованной среде – в местах их компактного проживания.

Для финансирования дополнительных мер по развитию национальных языков и культуры в национальных территориях в соответствии со статьей 10 данного закона Советом Министров в мае 1992 г. был

создан Фонд национального возрождения малочисленных народов Карелии [Ведомости 1992 5]. Закон устанавливал и особые нормы представительства от национальных образований в вышестоящих органах власти путем формирования избирательных округов с численностью избирателей меньшей на одну треть, чем в округах других территорий республики.

В периодическом докладе, представленном Российской Федерацией в 1994 г. в Комитет ООН по правам человека о соблюдении Международного пакта о гражданских и политических правах, Закон Республики Карелия «О правовом статусе национального района, национальных поселкового и сельского Советов в Республике Карелия» приведен в числе аналогичных нормативных актов других субъектов РФ (Бурятия, Кемеровской области) о национально-административных единицах как пример регионального законодательства, соответствующего «международным нормам о правах человека и национальных меньшинств, поднимающих статус граждан в национальной сфере до уровня международных стандартов» [Документ]. В 1992 г. по итогам местных референдумов статус национальных получили карельский Калевальский район и вепсский Шелтозерский сельсовет [Ведомости 1992 3], а в 1993 г. – вепские Рыборецкий и Шокшинский сельсоветы Прионежского района [Ведомости 1993]. В декабре 1993 г. депутаты вепских сельских советов приняли решение об объединении их в единую единицу местного самоуправления – Вепскую национальную волость. Их решение было утверждено постановлением Верховного Совета РК в 1994 г. [Ведомости 1994]. Вепская волость как самостоятельное муниципальное образование получила права, равные районам и городам республики, поскольку местное самоуправление в целом по республике была организовано в границах прежних районов и городов. Попытки проведения референдумов в других местах компактного проживания карелов по приданию им статуса национальных оказались неудачными. К сожалению, возможностями, предоставляемыми данным законом, в полной мере не воспользовались и те территории, которые получили статус национальных. В Вепской волости с 1994/95 учебного года ввели преподавание вепского языка как обязательного предмета во всех трех школах. В Калевальском районе предпочтение долгое время отдавалось преподаванию финского языка, хотя постепенно увеличивается и число изучающих карельский язык. Национальные языки очень слабо применяются в работе культурных учреждений, а попытки использования их в работе административных органов даже не предпринимались.

В первой половине 90-х гг. XX в. в республике создается сеть республиканских государственных учреждений и организаций, ответственных

за развитие карельского, вепского и финского языков и культуры: издательство «Периодика», издающее прессу и литературу на карельском, вепском и финском языках, Республиканский центр национальных культур, в 1994/95 году открылась в г. Петрозаводске Финно-угорская школа с преподаванием карельского, вепского и финского языков.

Важной инициативой комиссии стала подготовка совместно с общественными организациями ингерманландских финнов Карелии и Ленинградской области проекта Постановления Верховного Совета Российской Федерации «О реабилитации российских финнов и неотложных мерах по ее осуществлению»¹¹. Проект как законодательная инициатива был внесен Председателем Верховного Совета Республики Карелия В. Н. Степановым в 1992 г. В 1993 г. Верховный Совет Российской Федерации принял Постановление «О реабилитации российских финнов» [Ингерманландские финны 2006: 95–96]. Это политическое решение положило начало массовой миграции финского населения в Финляндию, которая на фоне продолжающейся его ассимиляции привела к значительному сокращению численности финнов в России. С 1989 по 2010 г. оно сократилось с 47,1 до 20,2 тыс., из них только 8,7 тыс. жители Карелии.

Основное внимание и усилия национальной общественности были направлены на содействие использованию карельского, вепского и финского языков в системе образования. В отличие от прежней языковой политики их противопоставления как литературных (финского) и младописьменных (карельского и вепского) все управленческие решения принимались с позиций равенства языков. С учетом норм Федерального закона «О языках народов России» от 25 октября 1991 г. в Карелии 19.03.2004 г. был принят закон Республики Карелия «О государственной поддержке карельского, вепского и финского языков в Республике Карелия» [Собрание законодательства 2004]. Определяющую роль в подготовке кадров играет Петрозаводский университет, где в 1990 г. на филологическом факультете открылась кафедра карельского и вепского языков. В 1993 г. вместе с кафедрой финского языка образовали факультет прибалтийско-финской филологии и культуры [Зайков 2002: 13]. Несмотря на многочисленные реформы в системе образования, система подготовки их в ПетрГУ сохранена, выпускники университета – специалисты по финскому, карельскому и вепскому языкам работают в учреждениях культуры, образования, СМИ. Методическое обеспечение преподавания данных языков (примерные образовательные программы, подготовка учебников, включая электронные версии, и пособий для учителей) соответствует Федеральным

¹¹ Все материалы по данной теме см.: [Ингерманландские финны 2006].

государственным образовательным стандартам на таком же уровне, как организовано преподавание языков, имеющих статус государственных. Постановлением Правительства Республики Карелия от 4 апреля 2017 г. № 182р-П утверждена Концепция развития этнокультурного образования в Республике Карелия (языки и культура карелов, вепсов и финнов) на 2017–2025 гг. В последние годы довольно устойчиво сохраняется и число изучающих карельский, вепский и финские языки. Изменения могут произойти в 2019/20 учебном году, когда в соответствии с поправками в Федеральный закон «Об образовании» их изучение как предмета в рамках учебного плана будет проводиться по желанию родителей.

Последнее решение значительно ограничивает сферу использования государственных языков в республиках. Оно свидетельствует об углублении тенденции на унитаризацию их использования в системе образования. В первое постсоветское десятилетие и в течение нескольких предшествующих лет, рассматривающихся как революционный период, федеральная этнонациональная политика была направлена на поддержку этнокультурного развития меньшинств, что позволило в регионах, опираясь на демократические преобразования, создать соответствующее законодательство. Оно составляло основу для законотворчества и в Карелии, принципиально изменив политику в области развития языков, местного самоуправления, механизмов взаимодействия общественности и государственных структур, содействовало решению о реабилитации финнов-ингерманландцев.

В наступившую в 1990-х гг. «эпоху стабилизации», которую связывают с правлением В. В. Путина, по инициативе которого началось приведение регионального законодательства в соответствие с федеральным, в Карелии тоже произошли изменения в этнонациональной политике. В июне 2001 г. Законодательным Собранием Республики Карелия был отменен закон «О правовом статусе национального района, национальных поселкового и сельского советов в Республике Карелия» как не соответствующий изменившемуся законодательству о местном самоуправлении [Собрание законодательства 2001]. Попытка Правительства Карелии заменить его законом «О национальных муниципальных образованиях в Республике Карелия» оказалась неудачной, проект не был принят Законодательным Собранием, хотя в Конституции Карелии сохранилось положение, что в республике «могут быть образованы национальные муниципальные образования». В 2006 г. была упразднена Вепская национальная волость, создание которой оказалось очень сложным и потребовало много усилий со стороны вепской общественности.

Все решения по развитию карельского и вепсского языков в постсоветский период не оказали положительного влияния на демографическое развитие карелов и вепсов: при неблагоприятной в целом динамике населения Карелии – численность населения республики с 1989 по 2010 г. снизилась с 790 до 643 тыс. – темпы потерь среди карелов оказались значительно выше – с 79 до 45,6 тыс. человек, у вепсов – с 6 до 3,4 тыс. Доля карелов в составе населения республики снизилась с 10 до 7,1%, вепсов – с 0,8 до 0,6%. Средний возраст карелов в 2010 г. составил 49,2, вепсов – 52,4 года, значительно превышая средний возраст в целом населения Карелии – 39,6 года. Это обстоятельство будет определять их негативную динамику и в последующем.

Было принято несколько решений, которые сократили специальные формы поддержки работающих с языком: из закона «О культуре» (1994 г.) изъята статья о 25% надбавке к окладу специалистам, использующим карельский, вепсский и финский языки в редакционно-издательской работе, библиотеках, музеях, архивах, на радио, телевидении и в других учреждениях, связанных с культурной деятельностью. В 2007 г. было закрыто подготовительное отделение при ПетрГУ для поступающих на кафедру карельского и вепсского языков; Республиканская термино-орфографическая комиссия при Главе Республики, ответственная за нормирование новописьменных карельского и вепсского языков, лишилась трех штатных сотрудников и стала работать на общественных началах. В Конституцию Республики Карелии в 2000 г. вошла статья 11, в которой при определении русского государственным языком в Республике Карелия возможность другого государственного языка Республики Карелия предусматривается «на основании прямого волеизъявления населения Республики Карелия, выраженного путем референдума». При современной демографической ситуации такое ограничение для представителей карельской общественности лишает надежды на придание карельскому языку статуса государственного. По мнению В. А. Кряжкова, положения статьи 11 Конституции Карелии не согласуются с требованиями Конституции РФ о справедливости, демократическом федеративном правовом государстве, равенстве и праве на самоопределение народов в Российской Федерации [Кряжков 2018: 59]. В настоящее время данная статья Конституции является источником напряженности между органами власти и карельской общественностью.

Перечисленные решения только формально можно связать с изменениями федерального законодательства, они могли быть скорректированы и на региональном уровне. Здесь скорее действует правило: права национальных меньшинств реализуются только там, где они востребованы.

Источники

- Ведомости 19922 – Ведомости Верховного Совета. 1992. № 2 (14). Ст. 256, 257.
Ведомости 19923 – Ведомости Верховного Совета. 1992. № 3 (15). Ст. 270.
Ведомости 19925 – Ведомости Верховного Совета. 1992. № 5 (17). Ст. 319.
Ведомости 1993 – Ведомости Верховного Совета. 1993. № 7–8 (19–20). Ст. 531.
Ведомости 1994 – Ведомости Верховного Совета. 1994. № 3–4 (39–40). Ст. 625.
Ведомости Съезда 1990 – Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 19. Ст. 331.
- Вепсы 2007 – Вепсы: модели этнической мобилизации: Сб. материалов и документов / Сост.: Е. И. Клементьев, А. А. Кожанов, З. И. Строгальщикова. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2007. 336 с.
- Всекарельский съезд 1990 – Всекарельский съезд представителей трудящихся карел, 1–3 июля 1920 г.; Первый Всекарельский съезд Советов, 11–18 февр. 1921 г.: протоколы. Петрозаводск: Карелия, 1990.
- Всесоюзная перепись 1992 – Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. М.: Наука, 1992.
- Вторая сессия 1991 – Вторая сессия Верховного Совета Карельской АССР (Двенадцатый созыв) 6–10 августа 1990 года. Стенографический отчет. Петрозаводск: Карелия, 1991. 158 с.
- Документ 1995 – Документ ООН CCPR/c/84/Add.2.22. February 1995. Page 59.
- Заседание 1990 – Заседание Верховного Совета Карельской АССР 11 созыва. 31 октября – 1 ноября 1989 г. Стенографический отчет. Петрозаводск: Карелия, 1990.
- Ингерманландские финны 2006 – Ингерманландские финны: модели этнической мобилизации. Сб. материалов и документов / Сост.: В. Н. Бирин, Е. И. Клементьев (рук.), А. А. Кожанов, З. И. Строгальщикова. Петрозаводск, 2006. 258 с.
- Итоги 1990 – Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Сборник III. Национальный состав населения Карельской АССР. Петрозаводск: Карелия, 1990. 48 с.
- Карелы 2005 – Карелы: модели языковой мобилизации. Сб. материалов и документов / Сост.: В. Н. Бирин, Е. И. Клементьев, А. А. Кожанов. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2005. 281 с.
- Карельское национальное движение 2009 – Карельское национальное движение. Ч. 1. От Съезда к съезду. Сб. материалов и документов / Сост.: Е. И. Клементьев (рук.), А. А. Кожанов. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2009. 248 с.
- Карельское национальное движение 2018 – Карельское национальное движение. Сб. материалов и документов. Ч. 3. Радикальное крыло (1990–1993) / Сост.: Е. И. Клементьев (рук.), А. А. Кожанов. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2018. 242 с.
- Конституция 1926 – Конституция Автономной Карельской Социалистической Советской Республики. Проект. Петрозаводск: Карелгосиздат, 1926. 18 с.
- Конституция 1937 – Конституция (Основной закон) Карельской Автономной Советской Социалистической Республики. Петрозаводск: Кирия, 1937.

Конституция 1940 – Конституция (Основной закон) Карело-Финской Советской Социалистической Республики. Петрозаводск: Карелгосиздат, 1940.

Материалы Пленума 1989 – Материалы Пленума Центрального комитета КПСС 19–20 сентября 1989 г. М.: Политиздат, 1989. 255 с.

Национальный состав 1990 – Национальный состав населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М.: Респ. информ. издат. центр, 1990. 752 с.

Некоторые показатели 1993 – Некоторые показатели, характеризующие национальный состав населения Российской Федерации. По данным переписи 1989 года. Т. III. Ч. 1. М., 1993. 109 с.

Основные показатели 1991 – Основные показатели социально-экономического развития национально-государственных образований. М., 1991.

Первая сессия 1991 – Первая сессия Верховного Совета Карельской АССР (Двенадцатый созыв). Стенографический отчет. Петрозаводск: Карелия, 1991. 320 с.

Программа 1991 – Программа обновления и развития национальной школы в КАССР на 1991–1995 гг. Петрозаводск, 1991. 36 с.

Россия и Финляндия – Россия и Финляндия: от противостояния к миру. 2017–2020: Сб. документов. М., 2017. 502 с.

Собрание законодательства 2001 – Собрание законодательства Республики Карелия. 2001. № 6. Ст. 712.

Собрание законодательства 2004 – Собрание законодательства Республики Карелия. 2004. № 3. Ст. 251.

Советы Карелии 1993 – Советы Карелии, 1917–1992 гг: документы и материалы. Петрозаводск: Карелия, 1993. 549 с.

Третья сессия – Третья сессия Верховного Совета Карело-Финской ССР 24 апреля 1958 года. Стенографический отчет. Рукопись. 48 с.

Четвертая сессия – Четвертая сессия Верховного Совета Карельской АССР (двенадцатый созыв). Стенографический отчет. Петрозаводск, 1991.

Численность населения 1991 – Численность населения и некоторые социально-демографические характеристики национальностей и народов РСФСР. Статистический сборник. М.: Росинформцентр, 1991. 109 с.

Литература

Баранцев А. П. Карельская письменность // Прибалтийско-финское языкознание. Вопросы фонетики, грамматики и лексикологии. Л.: Наука, 1967. С. 84–104.

Белоусов К. Ф. Лингвист не равно Фашист, или Дело о не состоявшемся процессе // Клио. 2010. № 1. С. 107–113.

Бирин В. Н. Тенденции демографического развития // Прибалтийско-финские народы России. Серия «Народы и культуры». М.: Наука, 2003. С. 212–219.

Бутвило А. И. Карельская Трудовая Коммуна. Петрозаводск: ПетрГУ, 2011. 235 с.

Веригин С. Г. Карельский вопрос в национальной политике Финляндии в период Второй мировой войны // Вестник СПбГУ. История. 2017. Т. 62. Вып. 1. С. 26–42.

Вихавайнен Тимо. Введение // В семье единой. Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920–1950 гг. Петрозаводск: ПетрГУ, 1998. С. 9–14.

Гюллинг Э. Нам помогли Ленин и Сталин // Вепская правда. 1935. 11 июля.

Дробищева Л. М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М.: Институт социологии РАН, 2003. 376 с.

Зайков П. М. О преподавании карельского языка в Петрозаводском государственном университете // Бубриховские чтения: Проблемы прибалтийско-финской филологии и культуры. Сб. науч. ст. Петрозаводск: ПетрГУ, 2002. С. 12–17.

История Карелии: с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск: Периодика, 2001. 994 с.

Кангаспуро М. Взлет и падение красных финнов // Север. 1997. № 11–12. С. 114–123.

Карелия – приграничный регион России в XX–XXI веках: формирование и становление карельской государственности в составе СССР/России: Сб. докл. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию образования карельской государственности (7–8 июня 2018 года, г. Петрозаводск). Петрозаводск: ПетрГУ, 2018. 150 с.

Керт Г. М. Очерки по карельскому языку. Петрозаводск: Карелия, 2000. 111 с.

Клементьев Е. И. Становление гражданского общества и национальные движения в Республике Карелия (некоторые вопросы методологии исследования) // Гражданское общество на Европейском Севере: понятие и контекст. Материалы междунар. семинара. СПб., 1996. С. 62–65.

Клементьев Е. И. Некоторые черты языковой ситуации в Карелии: тенденции развития, современное состояние (на примере карелов, вепсов и финнов) // Клементьев Е. И. Языковые процессы в Карелии на примере карелов, вепсов и финнов: Сб. ст. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2013а. С. 57–64.

Клементьев Е. И. Современная языковая ситуация и национальная школа // Там же. 2013б. С. 154–158.

Коронен М. М. В. И. Ленин и финские революционеры // Вопросы истории. 1968. № 10. С. 3–17.

Кряжков В. А. Государственный язык республики в контексте карельской ситуации: конституционно-правовые вопросы // Государство и право. 2018. № 5. С. 52–59.

Левкоев А. А. Карельская автономия в системе советско-финляндских отношений 1930-х гг. // Новое в изучении истории Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1994. С. 101–121.

Левкоев А. А. Финляндская коммунистическая эмиграция и образование карельской автономии в составе РСФСР (1918–1923) // Общественно-политическая история Карелии XX века: Очерки и статьи. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1995. С. 24–50.

Муллонен М. И. Вепская письменность // Прибалтийско-финское языкознание: Вопросы фонетики, грамматики и лексикологии. Л.: Наука, 1967. С. 105–109.

Муллонен М. И. Десять лет преподавания языка в Петрозаводском университете // Бубриховские чтения: Проблемы прибалтийско-финской филологии и культуры. Сб. науч. ст. Петрозаводск: ПетрГУ, 2002. С. 18–25.

Мусаев В. И. Политическая история Ингерманландии в конце XIX – XX вв. СПб.: Нестор-История, 2004.

Мусаев В. Прибалтийско-финское население Северо-Запада России и советская национальная политика в 1920–1930-е гг. // *Studia Slavica Finlandensia. Tomus XXIV. Вепсы и этнокультурные перемены XX века.* Helsinki: Venäjän ja Itä-Europan. Inst., 2007. С. 76–94.

Нагурная С. В. Роль Д. В. Бубриха в создании единого карельского языка // Бубриховские чтения: Гуманитарные науки на Европейском Севере. Материалы. Петрозаводск: ПетрГУ, 2015. С. 259–267.

Пименов В. В., Тароева Р. Ф. Этнические процессы в Советской Карелии // 50 лет Советской Карелии. Петрозаводск: Карелия, 1970. С. 214–247.

Покровская И. П. Население Карелии. Петрозаводск: Карелия, 1978. 192 с.

Ровио Г. Проблема языка в национальной политике АКССР // Карело-Мурманский край. 1931. № 1–2. С. 16–21.

Ругоев Я. Письмо Эдварду Гюллингу // Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов. Ювяскюля: Атена, 1995. С. 335–345.

Строгальщикова З. И. Формирование правовой базы по преподаванию прибалтийско-финских языков в Республике Карелия // Бубриховские чтения: Проблемы исследования и преподавания прибалтийско-финской филологии. Петрозаводск: ПетрГУ, 2005. С. 270–278.

Строгальщикова З. И. Вепсы в этнокультурном пространстве Европейского Севера. Петрозаводск: Периодика, 2016. 200 с.

Устная история в Карелии. Сб. науч. ст. и источников. Вып. II. Североамериканские финны в Советской Карелии 1930-х годов. Петрозаводск: ПетрГУ, 2007. 212 с.

Цыганков А. М. Политические и общественные организации Карелии: 1985–1995 гг. // Гражданское общество на Европейском Севере: понятие и контекст. Материалы междунар. семинара (Санкт-Петербург, 18–19.01/96). СПб., 1996. С. 41–45.

Что нужно знать о народах России: Справ. для гос. служащих. М.: Скрипторий, Рус. мир, 1999. 583 с.

Сведения об авторе. Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора этнологии, ИЯЛИ КарНЦ РАН.

ЭЛЕКТРОННАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ НА КАРЕЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ¹

Карельская письменность, возрождение которой началось около тридцати лет назад, получает развитие в настоящее время не только в традиционной форме – в книгах, учебниках, но и в электронном пространстве. Использование языка в сети Интернет не только способствует развитию его функциональности и, в частности, словарного состава, но и повышает интерес к языку со стороны всех пользователей сети. Письменный язык задействован в социальных сетях, электронных публикациях, он представлен в образовательных ресурсах, кроме того, формируется национальный языковой корпус.

Ключевые слова: электронное информационное пространство, карельский язык, письменность.

Языки и электронное информационное пространство

В современном цифровом мире, неотъемлемой частью которого стало электронное информационное пространство, представленность языка в данной среде является, с одной стороны, индикатором его реального функционирования и востребованности и, с другой стороны, условием для его дальнейшего развития. Интернет стал новой площадкой для расширения функциональности языков, в том числе языков малочисленных народов. «В эпоху Интернета, мощного развития ИТ-технологий и создания единого информационного пространства проблема выживания малых национальных языков встает острейшим образом не только в сфере их традиционного использования, но и с точки зрения наличия электронной письменности» [Федина, Чемышев, Степанов 2015: 5]. Выход языка на новый, цифровой уровень функционирования дает ряд ценных возможностей: во-первых, открываются новые сферы применения языка, во-вторых, использование языка в интернете способствует привлечению новых социальных групп, в-третьих, выходя за рамки традиционной

¹ Исследование велось по Программе фундаментальных научных исследований РАН «Социально-гуманитарные аспекты устойчивого развития и обеспечения стратегического прорыва России», подпрограмма «Культурно-сложные общества: понимание и управление».

бумажной формы, язык привлекает внимание общественности к себе в целом и своим возможностям и проблемам в частности [Федина 2016: 111].

Актуальными тенденциями при создании электронной письменности являются развитие блогосферы, социальных медиа, создание языковой инфраструктуры и современного контента для носителей языка. Использование языка в сети создает возможность не только его сохранения, но и развития, совершенствования, создания новых терминологических пластов. Электронная письменность получает развитие в таких формах, как электронные словари, онлайн-библиотеки, форумы и чаты в социальных сетях, образовательные ресурсы и др. Сеть выполняет и не менее важную – экстралингвистическую функцию: она стимулирует интерес к языку, формирует мотивацию к его изучению, расширяет функциональное пространство. «Киберпространство... где идет общение между реальными людьми, часто является идеальным средством внутригруппового общения, имеющего большое значение для мотивационной пропаганды, которая необходима для устойчивого развития языка» [Каран 2015: 105].

Идеи более широкого использования возможностей современного медиaprостранства в целях сохранения малых языков высказывались на XII Конгрессе (2015 г.) МАФУН. В резолюции конгресса подчеркивалось, что в условиях современности медиа выступает ключевым каналом трансляции идентичности и культуры, создания единой повестки для каждого народа в отдельности в условиях географической дисперсности расселения и нехватки официальных институций, создает среду функционирования языка для малоиспользуемых финно-угорских языков. МАФУН призвала стимулировать развитие блогосферы и социальных медиа на национальных языках, создавать языковую инфраструктуру и «языковой рынок» для носителей уральских языков, современный контент на уральских языках, приложения и электронные словари для ежедневного использования [Резолюция XII Конгресса].

Проблемы функционирования языков в сети в последние десятилетия стали одной из наиболее популярных тем исследований в лингвистике. Венгерский лингвист Андраш Корнай в статье «Цифровая смерть языка» (2013) говорит о том, что 96% языков относятся к группе мертвых языков в цифровом пространстве и только 2% от всех существующих языков можно отнести к категории процветающих или жизнеспособных в цифровой сфере [Kornai 2013]. К «цифровому вымиранию» может привести уменьшение числа цифровых контекстов использования языка [Сория 2015: 119].

Изучая сетевую активность миноритарных языковых сообществ, исследователи указывают на корреляцию сетевой ипостаси языка с его фактичес-

ким современным статусом [Орехов, Решетников 2016: 261]. Для успешного существования сетевой версии малых языков релевантными оказываются такие параметры, как наличие или отсутствие государственного или иного официального статуса; количество носителей; степень активности и количество энтузиастов, использующих и продвигающих язык в сети; культурно-образовательная, спонсорская и организационная деятельность государства и заинтересованных учреждений, направленная на создание благоприятных внесетевых условий для бытования языка [Там же: 277].

В научный оборот введено понятие «цифрового языкового домена», возможность использования в котором миноритарных языков зависит от ряда факторов: технического, образовательного, личного, фактора престижа (считают ли пользователи языка свой миноритарный язык «достойным» усилий, направленных на то, чтобы использовать его в цифровых каналах) [Феньвеш 2015: 71].

Одним из наиболее крупных проектов по изучению языков в цифровом домене в России стал проект «Языки России в Интернете», осуществленный группой исследователей под руководством к. ф. н. Б. Орехова [Языки России в Интернете]. В ходе проекта исследовалась социальная сеть «ВКонтакте» и было установлено, что для выхода в социальную сеть языку нужно иметь не менее 40 тысяч носителей, однако со временем этот порог будет снижаться. По наблюдениям исследователей, типичный пользователь сети «ВКонтакте», носитель миноритарного языка в России, – это человек в возрасте от 19 до 31 года, проживающий в титульном регионе. Являясь носителем миноритарного языка, он, тем не менее, намного лучше и чаще говорит на русском языке. Для языкового сообщества, использующего миноритарный язык в сети, характерен тот факт, что посты на миноритарном языке составляют лишь треть от общего количества постов, при этом они преимущественно короткие (не более пяти слов).

Карельский язык в интернет-среде

Наряду с другими финно-угорскими языками, карельский язык все активнее осваивает интернет-пространство. В 2016 г. были опубликованы результаты анализа присутствия финно-угорских языков России в интернет-среде [Федина 2016]. Согласно этим данным, карельский язык в достаточной степени представлен в таких сферах электронного пространства, как социальные сети, электронные версии СМИ, радио- и телевидение на языке в сети, электронные словари, электронные образовательные ресурсы.

Социальная сеть «ВКонтакте» стала удобной с точки зрения результативности и широты охвата аудитории площадкой для размещения материалов на карельском и о карельском языке. С 2012 г. программы национального вещания ГТРК «Карелия» «Omin silmin» («Свой взгляд») транслируются на карельском языке с субтитрами на русском (<https://vk.com/club23517911>). С новостями республики телеканала «Россия 1» на карельском языке можно познакомиться на одной из страничек «ВКонтакте» – «VIESTIT – KARJALA» («Вести – Карелия», <https://vk.com/viestitkarjala>).

Одной из наиболее популярных групп «ВКонтакте» является группа «Карельский язык / Pagizemmo Karjalakse» (<https://vk.com/karjalanlanguage>), насчитывающая около трех тысяч подписчиков. По словам администратора группы Н. Гилоевой, созданию сообщества предшествовала публикация постов на карельском языке в сети «Facebook». На страницах группы представлены разнообразные образовательные, новостные материалы, тематические подборки «Карельского словарика», информация культурной направленности, видеоматериалы (в том числе мультипликационные фильмы) на карельском языке.

Ряд культурных инициатив последних лет были направлены на популяризацию карельского языка, среди них и возрождение национальной карельской игры «Кууккӧ», карельских городков, вошедшей в региональный комплекс ГТО. С 2013 г. в сети «ВКонтакте» открыта группа, на страницах которой представлены материалы на карельском и русском языках об истории карельских городков, правилах игры, анонсы соревнований (<https://vk.com/kuykkakarjala>).

Материалы еженедельной общественно-политической газеты на карельском языке «Oma maa» («Своя земля») публикуются в группе «Oma maa – paras lehti» (<https://vk.com/club17159843>).

С детской литературой на карельском языке можно познакомиться в группах «Luvemmo yhtes / Читаем вместе» (<https://vk.com/club49692726>) и «Karjalankielizet runot lapsih näh / Стихи для детей на карельском языке» (<https://vk.com/club49524633>). Появление группы «Luvemmo yhtes», по словам одной из ее создательниц и автора текстов Т. Барановой, было обусловлено дефицитом литературы на карельском языке для детей. Первоначально в группе публиковались короткие детские рассказы на карельском языке, сопровождаемые забавными иллюстрациями. Впоследствии подбор материалов значительно расширился, сейчас группу можно назвать полноценным образовательным ресурсом. Внимание подписчиков сообщества привлекают переводы на карельский язык афо-

ризмов, философских цитат, текстовых статусов. Подобные материалы подтверждают, что возможности карельского языка не ограничиваются бытовым пространством, язык становится своеобразным посредником между читателем и миром философии.

В последние годы социальная сеть буквально пестрит разнообразием групп на карельском языке (или использующих карельский), удовлетворяющих самые разные интересы подписчиков. В сообществе «Pajatammo karjalakse / Поем по-карельски» (https://vk.com/pajatammo_karjalakse) представлены караоке-версии известных песен на карельском языке. Рэп-альбом на карельском языке можно прослушать в группе «Ondrei. Karjalankielen räppäri» (<https://vk.com/karjalanrappi>). Подписчикам предлагаются «...национальный язык и национальные мотивы под классические биты, смешение старины и современности, живые музыкальные инструменты и многое другое».

Культурно-просветительскую миссию выполняют сообщества «Карельские пословицы / Karjalan sananpolvet» (<https://vk.com/karjalanprivutkat>) (группа дублируется в Твиттере – <https://twitter.com/sananpolvet>), «Karjalazien uskomukset / Вераования карел» (<https://vk.com/karjalazienuskomukset>), «Карельская литература в цитатах» (<https://vk.com/club84023440>). Образовательными ресурсами служат группы «Учим карельский язык» (https://vk.com/karjalan_kieli) и «Karjalan kieli laskoile / Карельский для лентяев» (<https://vk.com/karjalankieli>). Злободневные проблемы современной языковой ситуации обсуждаются на страницах сообществ «Карельскому языку – официальный статус в Карелии» (<https://vk.com/club79741361>), «Onko karjala siun oma kieli / Носители карельского языка» (<https://vk.com/club2562309>), «Karjalan rahvahan liitto / Союз карельского народа» (<https://vk.com/karjalanrahvahanliitto>).

Информация на карельском языке о событиях в «Доме карельского языка»² и о работе «языкового гнезда» размещается в группе «Karjalan kielen kodi / Дом карельского языка» (<https://vk.com/karjalankielenkodi>). Карельские тексты даны с переводом на русский язык.

За годы возрождения карельского языка выросло поколение молодой карельской интеллигенции, активно участвующей в процессах сохранения, популяризации и развития карельского языка. С сентября 2016 г. активисты карельского движения приступили к переводу интерфейса социальной сети «ВКонтакте» на карельский язык, работа была завершена к 2018 г. Перевод осуществлялся на собственно карельское наречие

² «Дом карельского языка» – Карельская региональная общественная организация, основанная в 2013 г. в селе Ведлозеро Пряжинского национального района.

карельского языка, на котором говорят преимущественно в северных районах Карелии. В интервью «Радио Карелии» (запись от 01.02.2017) участница проекта Н. Воробей сообщила: «Современный мир диктует свои условия. Традиционная среда уходит, уходит лексика, связанная с ней. На смену приходит новая лексика; карельский язык – живой, он развивается. Молодежь убеждается, что карельский – это не только язык бабушек и дедушек, он годится не только на рыбалке, но способен стать языком современного молодежного контента». По словам координатора проекта М. Кундозеровой, в процессе работы активистам пришлось иметь дело с большим количеством современной лексики, связанной с информационными технологиями, программированием, языком разметки, программным обеспечением всевозможных гаджетов. Современные словари карельского языка подобной лексики практически не содержат, поэтому специальную лексику переводчикам приходилось создавать. Появление карельской версии интерфейса популярной социальной сети позволило пользователям поупражняться в языке, освоить новую лексику, погрузиться в карельский мир «без отрыва от производства», поскольку в соцсетях многие проводят большое количество времени. За время работы по переводу интерфейса участницы проекта составили словарь. При переводе интернет-терминологии зачастую выручал финский язык, часть терминов была образована путем калькирования, для обозначения некоторых употреблялись английские заимствования, но были использованы и собственные ресурсы карельского языка. Так, при переводе глагола «подписаться» в значении «follow» был использован карельский глагол *tarkkual'ŕ'a* (*tarkkual'e*), например, «подписаться на автора» – *tarkkual'e kirjuttajua*. В финском языке в данном случае используется глагол «*seurata*», которого нет в карельском языке. В значении «подписаться» «*subscribe*» переводчики применили глагол *tilata* (*tilua*), например, «подписаться на SMS» – *tilua SMS-uutisie*.

Из электронных образовательных ресурсов можно отметить портал «Этнокультурное образование в Республике Карелия», освещающий новости национальной образовательной политики (<http://edu-rk.ru/index.php/edu/info>). Карельский и вепсский языки стало возможным изучать посредством сети Интернет. Для прохождения онлайн-курсов желающим достаточно зарегистрироваться на сайте электронных образовательных ресурсов Петрозаводского государственного университета.

В 2015 г. Информационным агентством «Республика» в сети Интернет реализовался национальный проект «Уроки карельского» (<http://rk.karelia.ru/special-projects/uroki-karelskogo/uroki-karelskogo-karjalua-tundies/>), на страницах которого публиковалась информация об истории, быте,

вере, о современной жизни карелов. Заголовки статей, а также часть материалов даны с переводом на карельский язык. Статистика сайта показала, что в среднем каждый выпуск «Уроков карельского» собирал около 2000 просмотров в первый месяц, т. е. проект имел свою постоянную аудиторию.

В 2017 г. на странице интернет-радио Пенсионного фонда Карелии появился новый раздел «Слушаем на карельском». С материалами «пенсионных» новостей жители Карелии имеют возможность ознакомиться по-карельски (<http://pfkarelia.ru/2017/02/02/penzien-ballat-da-ruadovuvvet-2/>).

Согласно указанному исследованию о представленности карельского языка в сети, в незначительной степени он присутствует в электронной библиотеке и совершенно не представлен на сайтах государственных учреждений, кроме того, на карельском языке нет автоматической проверки правописания. На момент проведения исследования (2016 г.) не существовало национального корпуса карельского языка [Федина 2016: 115]. «Значение национального корпуса языка определяется предоставляемыми им почти безграничными возможностями не только для разностороннего научного исследования и реализации образовательных целей, но и как базы для разработки следующих электронных продуктов на данном языке, а также в качестве реального инструмента сохранения всего письменного наследия народа в виде цифровых копий, передачи будущим поколениям культуры народа» [Там же: 116]. В связи с этим стоит отметить, что с 2016 г. в Карельском научном центре РАН стал разрабатываться открытый корпус вепского и карельского языков ВепКар (адрес доступа: <http://dictopus.krc.karelia.ru/ru>), включающий на сегодняшний день около 22 000 статей и около 2000 текстов на диалектах карельского и вепского языков. Корпус карельского языка содержит три подкорпуса: собственно карельский (29 диалектов), ливвиковский (10 диалектов) и людиковский (4 диалекта) [Крижановский, Крижановская, Новак 2019]. Младописьменные варианты карельского языка представлены севернокарельской, тверской, ливвиковской и людиковской формами.

Процессы ревитализации карельского языка, начавшиеся около 30 лет назад в России, послужили толчком для аналогичных процессов в Финляндии, где в 2009 г. карельский язык был признан официальным языком меньшинства. Получили развитие электронные ресурсы на карельском языке³. «Карельский» сегмент Интернета в Финляндии был исследован в ходе проекта «The digital language diversity project» («Цифровое языковое многообразие»), реализованного по программе

³ Например, интернет-газета Karjal Žurnalu (<https://www.karjal.fi/verkolehti/>).

Европейского Союза Erasmus+. В проекте рассматривалось использование в цифровом пространстве четырех европейских языков национальных меньшинств: языка басков в Испании, бретонцев во Франции, сардинцев в Италии и карельского языка в Финляндии. По использованию карельского языка в сети Интернет в Финляндии опубликован рапорт, содержащий следующие выводы:

Большинство опрошенных респондентов согласилось с тем, что карельский язык следует использовать во всех сферах жизни, в том числе в сети Интернет. Использование языка в мировой паутине может стать доказательством того, что карельский язык является «современным» языком.

Что касается социальных сетей, респонденты в основном используют карельский язык в сети Facebook. Были получены отдельные сведения об использовании языка в Twitter, Google+, LinkedIn, Instagram и Snapchat, но они незначительны по сравнению с Facebook. Большинство из тех, кто сообщил об использовании карельского языка в Facebook, на карельском языке читают и пишут.

Цифровой контент карельского языка развивается, но все еще требует большой работы. У респондентов отмечена высокая языковая самооценка, что подтверждается желанием использовать карельский язык он-лайн. Востребованность карельского языка в Интернете особенно важна для его возрождения, поскольку говорящие на карельском языке респонденты проживают дисперсно на территории всей Финляндии [Karelian – a digital language].

Электронное функциональное пространство карельского языка получает развитие, что в целом способствует сохранению его жизнеспособности, расширению лексической базы, повышению престижа карельского языка.

Литература

Марк Каран. Мотивация к сохранению и развитию языков: эффективное использование вики, блогов, постов, твитов и смс // Языковое и культурное разнообразие в киберпространстве: Сб. материалов III междунар. конф. (Якутск, 28 июня – 3 июля 2014 г.) / Сост. Кузьмин Е. И., Паршакова А. В., Игнатова Д. Д. М.: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2015. С. 90–107.

Крижановский А. А., Крижановская Н. Б., Новак И. П. Представление диалектов в Открытом корпусе вепского и карельского языков (VepKar) // Тр. междунар. конф. «Корпусная лингвистика-2019». СПб., 2019. С. 288–295.

Орехов Б., Решетников К. Государственные языки России в Википедии. К вопросу о сетевой активности миноритарных языковых сообществ // Настройка языка: управление коммуникациями на постсоветском пространстве. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 261–279.

Резолюция XII Конгресса МАФУН (адрес доступа: <http://uralistica.com/profiles/blogs/rezolucija-12-kongressa-mafun>).

Клаудиа Сория. На пути к пониманию «цифрового многоязычия» // Языковое и культурное разнообразие в киберпространстве... 2015. С. 111–126.

Федина М. С. Финно-угорские языки Российской Федерации в электронном информационном пространстве: опыт, проблемы и перспективы // Финно-угорский мир. 2016. № 3. С. 111–121.

Федина М. С., Чемышев А. В., Степанов В. А. Финно-угорские языки в электронном информационном пространстве: Учебное пособие. Сыктывкар: ГОУ ВО КРАГСиУ, 2015. 96 с.

Феньвеши А. Поддержка коренных народов под угрозой исчезновения путем разработки языковых компьютерных средств: о проекте Финугревита // Арктика. XXI век. Гуманитарные науки. 2015. № 1 (4). С. 69–74.

Языки России в Интернете (адрес доступа http://web-corpora.net/wsgi3/minor-langs/static/files/presentations/langs_rf_rusrep_2016.pdf).

Karelian – a digital language? Tuomo Salonen. Reports on Digital Language Diversity in Europe. 2017.

András Kornai. Digital language death. PLOS ONE 8 (10): e77056. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0077056>.

Сведения об авторе. Кандидат филологических наук, ученый секретарь ИЯЛИ КарНЦ РАН.

Светлана Эркиевна Яловицына

*Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН,
г. Петрозаводск*

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В РЕСПУБЛИКЕ КАРЕЛИЯ. 1990–2015 гг.¹

Статья характеризует миграционные процессы на территории Республики Карелия в 1990–2015 гг. Внимание сосредоточено на динамике демографических, социальноэкономических и социокультурных явлений рассматриваемого периода; вызовах, связанных с миграциями; миграционной политике республиканских властей.

Ключевые слова: Республика Карелия, миграционные процессы, демографические процессы, население, занятость, культурная и региональная идентичность, миграционная политика.

В 2013 г. по данным ООН в мире насчитывалось 232 млн международных мигрантов, тогда как в 1990 г. эта цифра составляла 154 млн. Ежегодный прирост в среднем составлял 4,6 млн человек (2,3%) [Международная миграция и развитие 2016]. Изменение мобильности населения мира серьезно повлияло на внешнюю и внутреннюю политику стран, которые активно принимают переселенцев; поставило новые вопросы, связанные не только с обеспечением достойной жизни мигрантов, но и с их влиянием на социокультурную среду, в которой они оказались. Политики, исследователи и непосредственно сами участники переселений и приема мигрантов заговорили о миграционном кризисе в мире.

Эта проблема не обошла стороной и Россию. Об озабоченности российских властей миграционными проблемами свидетельствует динамика редакций законов Российской Федерации (далее РФ) о правовом положении иностранных граждан (около 50 редакций с 2007 по 2017 г.) [Обзор изменений 115], о гражданстве (около 10 редакций с 2007 по 2017 г.) [Обзор изменений 62].

Концепция государственной миграционной политики РФ до 2025 г. отводит миграционным процессам значимую роль в социально-экономи-

¹ Исследование велось по Программе фундаментальных научных исследований РАН «Социально-гуманитарные аспекты устойчивого развития и обеспечения стратегического прорыва России», подпрограмма «Культурно-сложные общества: понимание и управление».

ческом и демографическом развитии страны. «Привлечение иностранных работников по приоритетным профессионально-квалификационным группам в соответствии с потребностями российской экономики является необходимостью для ее дальнейшего поступательного развития» [Концепция].

Исследователи, анализирующие динамику миграционных процессов в России последних 20–25 лет, отмечают, что с переходом к «спокойным» условиям развития рыночной экономики после 2000 г. межстрановые перемещения рабочей силы с участием России активизировались: емкость российского рынка труда и возросшая мобильность россиян обусловили рост миграционных потоков [Бальчюнене].

До настоящего времени Россия в целом является «принимающей» страной – численность трудовых мигрантов в России (ежегодно 1,5–2 млн человек) [Рязанцев: 25] существенно превышает количество россиян, выезжающих на работу за границу (около 70 тыс.).

Однако на этом фоне с 2006 г. в России началось абсолютное снижение численности населения в трудоспособном возрасте. В 2012–2030 гг. по прогнозу Росстата численность населения в трудоспособном возрасте сократится на 10,3 млн человек, а в 2012–2017 гг. численность такого населения будет ежегодно сокращаться более чем на 1 млн человек [Шумилова, Шумилова]. В этих условиях потребность России в привлечении новых рабочих рук из-за рубежа возрастает.

Миграционный потенциал российских соотечественников, по мнению специалистов, практически исчерпал себя. Поэтому основу миграционного потока составят иноэтничные мигранты из Средней Азии, поток которых растет высокими темпами. С 2000 по 2010 г. доля мигрантов из этих стран увеличилась с 6,3 до 54,8% среди имеющих разрешение на работу, а в 2011 г. она достигла 71% [Политика интеграции].

Таким образом, России следует готовиться к росту миграционного потока в страну в XXI в., вызванному низкими уровнями жизни и оплаты труда в ряде стран-«поставщиков» мигрантов в Россию и значимым сокращением трудоспособного населения на рынках труда регионов России [Бальчюнене].

Изменения миграционных потоков вызывают тревогу и у властей в Республике Карелия (далее РК). В особой степени усилили внимание к миграционной теме события 2006 г. в Кондопоге [Григорьев 2013]. Они стали поводом для целой серии государственных программ и мероприятий, осуществляющихся по сей день². Проблема миграции, как вызова безопас-

² Например, Региональная целевая программа «Гармонизация национальных и профессиональных отношений, формирование гражданского согласия в Республике Карелия на 2007–2011 годы» («Карелия – территория согласия»).

ности, звучала в РК в 2007 г. особенно остро. «В настоящее время миграционная ситуация требует новых подходов с тем, чтобы миграционные процессы стали фактором, способствующим позитивному развитию нашего общества, исходили из потребностей экономики, интересов национальной безопасности, охраны общественного порядка и здоровья населения при строгом соблюдении международных обязательств Российской Федерации» [Из приветственного слова 2008]. В те годы обращалось внимание не на недостаточность усилий по работе с приезжими в Карелии. «В настоящее время решение проблем социально-культурной адаптации мигрантов носит точечный характер» [Там же]. Реакцией на кондопожские события, наряду с судебным расследованием произошедшего, стали: создание в 2008 г. Общественной приемной Общественно-консультативного совета при УФМС России по Республике Карелия для организации приема и консультирования граждан по вопросам миграции непосредственно представителями общественных объединений [Об итогах работы]; образование в 2007 г. Консультативного совета по вопросам взаимодействия с национальными общественными объединениями и национально-культурными автономиями при Министерстве РК по вопросам национальной политики и связям с религиозными объединениями; формирование нового Общественного совета при Главе Республики Карелия по профилактике экстремистской деятельности; заключение соглашения республиканских властей о взаимодействии с Региональной общественной организацией «Центр толерантности Карелии», издание «Общенациональной газеты Карелии», освещающей проблемы миграции и адаптации мигрантов; учреждение серии центров социально-культурной адаптации мигрантов³ в Петрозаводске, Кондопоге, Олонце, Сортавале и Костомукше и пр. [Из доклада А. А. Манина 2008].

Конфликт в Кондопоге стал зримым проявлением комплекса проблем, возникающих в последнее время во взаимоотношениях разных этнокультурных, конфессиональных и социальных групп. В особой степени это касается ситуаций, когда особые культурные признаки носят выраженный характер (например, языковой акцент; антропологические особенности; особенности поведения, которые могут трактоваться как специфические, и т. п.) и наслаиваются на экономические или иные противоречия. Результаты опросов того времени сигнализировали о существовании этих проблем. Их проявлением являлись обидные клички, негативные стерео-

³ Под «социокультурной адаптацией» также понимается формирование установки на позитивное восприятие и понимание иных культур в условиях динамических изменений демографической, социальной, этнической структуры населения.

типы. В Аналитическом обзоре, составленном по результатам опроса молодежи Карелии 2006 г., более 50% опрошенных продемонстрировали антикавказские установки [Этническая идентичность 2006: 16]. Авторы Аналитического отчета также заметили, что интолерантность молодежи Карелии часто носила скрытый характер, что способствовало накоплению «горючего материала» для открытого конфликта.

Сравнение русского и финно-угорского молодежного сообщества в указанный период показало высокий уровень нетерпимости финно-угорской молодежи. У них была более выражена локальная территориальная идентичность [Этническая идентичность 2006: 7, 12, 15], которая легко могла стать основой для националистических территориальных претензий в случае угроз со стороны, например, мигрантов.

Наряду с конфликтогенной составляющей миграций, проблемами сохранения региональной идентичности, в повестке дня был и остается вопрос об экономической потребности РК в мигрантах. Суждения сотрудников Министерства экономического развития по РК, а также Министерства по вопросам национальной политики и связям с религиозными объединениями РК разделились при ответе на вопрос об экономической необходимости мигрантов. По мнению некоторых из них, «иностранная рабочая сила может удовлетворить потребность в высококвалифицированной рабочей силе по рабочим специальностям и профессиям, связанным с высокими технологиями» [Результаты]. Другие утверждали, что профессиональное качество переселенческого потока на сегодняшний день не удовлетворяет этим требованиям.

Население РК постепенно сокращается, причиной этого является естественная убыль населения, связанная с ростом смертности, которая превышает уровень рождаемости почти в 2 раза. В Республике Карелия ежегодно численность населения уменьшается на 1%. В течение 1990-х гг. простое воспроизводство населения (не менее 16,0 рождений на 1000 населения) не обеспечивалось ни одной административно-территориальной единицей республики [Блог В. А. Тишкова]. К 2001 г. по сравнению с 1989 г. общая численность населения сократилась почти на 34 тыс. человек. В дальнейшем тенденция лишь усугублялась.

Определенное влияние на сокращение численности населения оказывала миграция. До 1998 г. число прибывших в республику превышало число выбывших. Для 1998–1999 гг., напротив, характерен отток населения. С 2000 г. миграционный прирост стал вновь нарастать [Там же].

Для некоторых лет характерен почти паритетный обмен выбывшими и прибывшими. Например, в 2005 г. в республику прибыло 15,1 тыс.

человек, а убыло 15,0 тыс. человек (положительное сальдо миграции 100 человек) [Из ответа].

Доля привлекаемых иностранных работников в общей совокупности занятого населения республики в 2008 г. составила 1,2%. Иностранные граждане работали в основном на лесозаготовках (38%) и в строительной отрасли (22%) [Из доклада О. Н. Колесникова 2008].

Федеральный закон № 109-ФЗ от 18 июля 2006 г. упростил правила и порядок миграционного учета иностранных граждан в Российской Федерации. Анализ отчетов УФМС по РК показывает, что изменение нормативно-правовой базы, регулирующей вопросы гражданства РФ, послужило причиной увеличения числа лиц, получивших гражданство Российской Федерации. Также произошли изменения в структуре привлечения иностранной рабочей силы в РК. По сравнению с 2006 г. увеличилось число иностранных работников из Таджикистана (с 2,4 до 10,5%), Азербайджана (с 1,2 до 7,8%) и Узбекистана (с 4 до 13%). Претерпела некоторые изменения отраслевая структура распределения иностранной рабочей силы. Так, в строительной отрасли было занято на 8% больше иностранных работников, на транспорте – больше на 3,8%, а в сфере оптовой и розничной торговли – меньше на 3,3% [Из доклада О. Н. Колесникова 2008].

Республиканские власти, сталкиваясь с различными последствиями миграционных процессов, нацелены на рассмотрение миграции, как:

1) способа демографического регулирования населения Карелии (компенсация оттока населения и др.);

2) способа регулирования экономических процессов в республике (нахождения баланса между трудоспособным и нетрудоспособным населением республики);

3) способа адаптации к глобализационным процессам в мире (стимулирование территориальной и социальной мобильности и быстрой адаптации к новым условиям).

Рассмотрим указанные компоненты миграционной ситуации в РК на конкретном статистическом материале последних 25 лет.

Изменения в составе постоянного населения Карелии

На протяжении XX в., до начала 1990-х гг., в Карелии зафиксировано несколько организованных миграционных волн. Переселенцев-белорусов в 1950-е гг. приглашали для работы в лесной промышленности, так же как ранее, в 1930-е гг., американских и канадских финнов. Попыткой усилить финно-угорский компонент в населении республики можно считать массовый переезд финнов-ингерманландцев в конце 1940-х гг. Наряду с этим,

в нашу северную республику приезжали «стихийные переселенцы», волею судеб оказавшиеся связанными с Карелией.

В 1992 г. органами государственной статистики РК была впервые зафиксирована естественная убыль населения. Это происходило на фоне сокращения объема промышленного производства (с 1991 по 1999 г. более чем в 1,5 раза), реальных денежных доходов населения (более чем втрое). Около четверти жителей имели доходы ниже прожиточного минимума. Сходная ситуация была характерна и для соседних регионов Севера России. Однако в Карелии темпы сокращения населения были почти в 2,5 раза выше, чем по России в целом [Шумилова 2000]. Одной из причин, как и в соседней Мурманской области, было широкое обсуждение вопроса о возможном отказе (в последующем не подтвержденном) включить Карелию в состав регионов с выплатой «северных коэффициентов». С 1992 по 1998 г. убыль по Карелии составила 38 тыс. человек. Пик пришелся на 1994–1995 гг. – 6,1 и 6,5 тыс. человек в год. На 25–30% она компенсировалась миграционным приростом населения, который имел свои особенности.

Данные табл. 1 показывают, что в 1990-е гг. набирает силу тенденция снижения притока населения в республику. Не столь быстрыми темпами снижается и отток⁴. В 1990-е гг. разница между численностью выбывших и прибывших сокращалась. Особенно это касалось сельского населения.

Таблица 1

Численность прибывших в Карелию и выбывших из Карелии. 1990–1998 гг.

	Численность прибывших и выбывших по годам, чел.								
	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998
Прибывшие в Карелию, все население	38 567	33 818	26 479	22 763	23 008	21 867	19 312	17 160	16 080
Городское население	30 044	26 293	20 400	16 235	17 057	15 792	14 061	12 418	11 724
Сельское население	8 523	7 525	6 079	6 528	6 031	6 075	5 251	4 742	4 356
Выбывшие из Карелии, все население	34 997	30 902	24 388	23 955	22 440	19 872	19 292	16 919	16 275
Городское население	26 227	23 520	18 995	16 051	15 317	14 014	13 775	11 700	11 375
Сельское население	8 770	7 382	5 393	7 904	7 123	5 858	5 517	5 219	4 900

Примечание. Рассчитано по: [Экономическое 1998: 41–45].

⁴ В отличие от Карелии в Республике Коми, Архангельской и Мурманской областях «основным фактором демографической динамики являлся миграционный отток» [Шумилова 2000: 105].

Анализ миграционного движения населения показывает, что оно не компенсировало колоссальные потери населения в РК, связанные с высокой смертностью и низкой рождаемостью в эти годы (табл. 2).

Таблица 2

Численность населения РК, общий и миграционный прирост. 1990–2008 гг.

Год	Численность населения на 1 января года, чел.	Общий прирост, абс.	Миграционный прирост, абс.
1990	791 719	-260	-2750
1991	791 459	-1950	-2624
1992	789 509	-3421	-1564
1993	786 088	-7970	-3154
1994	778 118	-7428	-900
1995	770 690	-7330	-1214
1996	763 360	-7357	-2626
1997	756 003	-6166	-2090
1998	749 837	-6264	-2361
1999	743 573	-8111	-2553
2000	735 462	-6649	-940
2001	728 813	-7275	-1511
2002	721 538	-6325	-137
2003	715 213	-6517	+334
2004	708 696	-5616	+156
2005	703 080	-5559	+138
2006	697 521	-4371	+407
2007	693 150	-2497	+1191
2008	690 653	-3153	+299

Примечание. Источник: [ДЕ РК 2009: 10].

Несмотря на присутствие значительной миграционной составляющей в населении республики, место рождения основной части современных жителей РК преимущественно связано с территорией проживания. По переписи 2002 г. в республике около половины населения проживало в Карелии с рождения. Но уже в 2010 г. доля родившихся в месте своего постоянного проживания (на территории РК) в населении Республики Карелия составляла 38,2% [О продолжительности].

Данная тенденция к снижению закрепленности людей к месту рождения говорит об увеличении мобильности населения Карелии. Это особенно проявляется в сельских населенных пунктах, в которых доля проживающих не с рождения увеличилась в 1,4 раза (2002 г. – 52%; 2010 г. – 72%). Следовательно, сельская среда теряет своих постоянных жителей более высокими темпами.

В 2010 г. среди жителей республики уроженцами РФ являлись 571,2 тыс. человек, или 91,8% населения РК.

Из родившихся на территории РФ, но не в РК, 4,4% родились в Центральном федеральном округе, в Приволжском и Сибирском федеральных округах, соответственно, 2,7% и 1,1%. В остальных федеральных округах родились от 0,8 до 0,6%. Такое распределение свидетельствует о преимущественно северных уроженцах, переселившихся в Карелию, но не родившихся здесь.

Численность жителей РК, родившихся вне России, в 2002 г. составляла 65,9 тыс. человек, или 9,3%. В 2010 г. этот показатель уменьшился почти на 15 тыс. человек (50,9 тыс. человек, 8,2%). Среди них (данные по 2010 г.) уроженцы Беларуси – 36,1%, Украины – 29,2%, Казахстана – 10,3%. В странах Балтии родилось 4,5%, в Узбекистане и Азербайджане – по 3,1%. Родившихся на территориях Грузии – 2,4%, Армении, Киргизии, Молдавии, Таджикистана – от 1,9 до 1,7% от общего числа родившихся в зарубежных странах [О продолжительности: 2].

Подавляющее большинство нероссийских уроженцев происходит из других республик бывшего СССР. Однако за истекший период произошли важные изменения в составе прибывших. За период между переписями 2002 и 2010 гг. (табл. 3) увеличилось число мигрантов, родившихся в Кыргызстане (на 7,5%), Таджикистане (на 22,4%). Одновременно сократилось число родившихся в Беларуси (на 31,2%), странах Балтии (на 23%), Украине (на 21,7%), Грузии (на 16,6%). Частично снижение численности уроженцев Украины и Беларуси связано с их довольно «старой» возрастной структурой и, следовательно, естественной убылью, которая не компенсируется прибытием новых мигрантов (в 2002 г. 41% уроженцев Беларуси и 33% уроженцев Украины были старше 60 лет) [О продолжительности: 2].

Перепись 2010 г. зафиксировала общее сокращение на 20,3% по сравнению с 2002 г. численности уроженцев стран дальнего зарубежья. Видимо, рабочие места в региональной экономике республики недостаточно привлекательны для граждан дальнего зарубежья.

Распределение миграционного прироста по странам⁵ представлено в табл. 4. Достаточно устойчивые положительные значения прироста дает Украина, Армения, Азербайджан, Грузия, Казахстан, Таджикистан, Узбекистан, Молдова. При этом порядок показателя от страны к стране меняется, и в каждом случае можно наблюдать фазы взлетов и падений.

⁵ Не следует путать с распределением по национальностям.

**Распределение мигрантов Республики Карелия по месту рождения.
2002, 2010 гг.**

	Численность, чел.		2010 г., в % к 2002 г.	На 1000 человек, указавших страну рождения	
	2010	2002		2010	2002
Численность населения, указавшего страну рождения, всего	622 097	711 250	87,5	1000	10 000
Родившиеся в РФ	571 159	645 356	88,5	918	907
Родившиеся в других странах	50 938	65 894	77,3	82	93
В том числе:					
В странах бывшего СССР	49 223	63 741	77,2	79	90
Азербайджан	1574	1846	85,7	3	3
Грузия	1203	1442	83,4	2	2
Кыргызстан	916	852	107,5	1	1
Армения	990	999	99,1	2	1
Беларусь	18 396	26 739	68,8	30	38
Казахстан	5240	6109	85,8	8	9
Молдова	914	1029	88,8	1	1
Таджикистан	857	700	122,4	1	1
Узбекистан	1562	1578	99,0	2	2
Страны Балтии (Латвия, Литва, Эстония)	2290	2973	77,0	4	4
Туркменистан	411	505	81,4	1	1
Украина	14870	18979	78,3	24	27
В других странах, за пределами бывшего СССР	1715	2153	79,7	3	3
Территория не указана	21451	5031			

Примечание. Источник: [О продолжительности].

Таблица 4

Миграционный прирост в Карелии по странам выхода мигрантов, чел.

	Всего по стра- нам мира	Азербайджан	Армения	Беларусь	Вьетнам	Германия	Грузия	Казахстан	Киргизия	Латвия	Литва	Молдова	США	Таджикистан	Туркменистан	Украина	Финляндия	Эстония		
1997	435	64	67	-136	3	-52	68	262	18	32	8	40	-39	46	57	50	202	-279	69	
1998	216	91	51	-175	3	-76	47	260	4	8	7	14	-25	38	27	65	201	-375	88	
1999	-72	90	47	-190	17	-67	48	209	10	9	2	19	4	8	17	47	47	-360	14	
2000	663	169	72	-25	79	-49	158	210	41	71	2	59	-6	30	11	91	197	-454	4	
2001	973	170	132	-75	н/с	-38	205	149	63	17	9	83	-2	78	23	135	275	н/с	6	
2002*	1090																			
2003	-201	29	29	-17	2	-35	10	10	15	6	-2	21	-17	-1	10	15	23	-275	2	
2004	-167	5	13	19		-58	2	116	16	7	-1	12	-7	6	11	20	44	-349	6	
2005	-44	25	41	-9	1	-36	20	49	24	3	-1	11	-17	17	13	38	106	-302	4	
2006	56	31	63	-9	4	-21	19	56	14	5	-1	26	-9	19	5	51	108	-262	3	
2007	965	224	248	14	40	-3	101	57	30	2	1	45	-8	92	5	73	296	-262	12	
2008	730	209	170	7	9	-9	67	47	28	3		55	-2	90	5	58	251	-245	0	
2009	623	179	172	-15	5	-7	70	45	27	4	3	64	-6	127	2	67	249	-352	7	
2010	417	110	116	11	13	-20	47	16	18	3	6	28	-4	121	1	60	141	-231	6	
2011*	756																			
2012*	1029																			
2013*	1102																			
2014*	939																			
2015	865	0	-39	10	-6	-10	62	7	12	-6	-6	14	-9	27	-1	23	948	-157	5	

Примечание. Рассмотрены страны СНГ, Балтии, а также страны дальнего зарубежья, где прирост хотя бы в один год из периода исчислялся значениями выше 10 человек; «*» – база данных не включала дифференцированных по странам сведений. Рассчитано по: [Единая].

Большинство трудовых мигрантов приезжало в Карелию из стран СНГ, их доля в общей численности, как правило, превышала 90% трудовых мигрантов (в целом по РФ 75%). В составе мигрантов наиболее многочисленные группы приехали из стран, представленных в табл. 5. Как видим, первые строчки в 2002 г. занимали Украина, Азербайджан, Армения. Однако если сравнить эту таблицу с предыдущей (табл. 4), то можно заметить, на первый взгляд, хаотичное поведение миграционного прироста по странам и годам наблюдения. Безусловно, конкретные историко-политические, экономические и иные обстоятельства значительно влияют на мобильность населения и выбор места жительства переселенца. К сожалению, автору не были доступны все необходимые данные о численности приехавших из указанных стран для детального расчета по годам.

Таблица 5

**Наиболее крупные группы мигрантов (иностранных граждан)
из стран СНГ в Республику Карелия. 2002 г.**

Иностранные граждане стран:	Доля в составе приехавших из стран СНГ, %
Азербайджана	21,7
Армении	15,9
Белоруссии	12,6
Грузии	10,4
Казахстана	3,4
Киргизии	1,0
Молдавии	2,3
Таджикистана	3,3
Туркмении	0,6
Узбекистана	2,4
Украины	26,5

Примечание. Источник: [Национальный состав 2004: 1932–1933].

Распределение переселенцев по возрастным группам (см. табл. 6) позволяет продолжить наблюдения над их составом⁶. Статистические данные демонстрируют меньшую в сравнении с постоянным населением численность старшего поколения (старше 60 лет), выражаемую однородными показателями (за исключением украинцев и белорусов). Даже у тех, чей возраст превышает 50-летний рубеж, только выходцы Украины, Белоруссии и Армении исчислялись десятками.

⁶ Обратите внимание, что в табл. 6 представлены недавние (применительно к 2002 г.) переселенцы, так как они еще имеют гражданство стран выхода, т. е. не имеют российского. Факты двойного гражданства учтены отдельно.

Население Республики Карелия по гражданству и возрастным группам. 2002 г., чел.

	Всего	В том числе в возрасте, лет										70 и бо- лее	Не указан
		0-9	10-19	20-29	30-39	40-49	50-59	60-69	70 и бо- лее	Не указан			
Все население	716281	63314	116046	110024	99097	125475	79611	67881	54704	129			
В том числе													
граждане России	708031	65572	114847	108579	97512	124080	78817	67318	54254	52			
Из них имеющие два гражданства	201	12	16	46	43	34	19	15	16				
Иностранные граждане	2955	325	433	621	720	440	173	122	115	6			
Из них имеющие гражданство													
стран СНГ	2736	302	413	576	665	405	151	109	109	6			
Азербайджана	593	96	118	106	174	77	8	5	4	5			
Армении	435	69	76	96	99	61	23	8	3				
Белоруссии	345	14	32	55	83	57	35	35	34				
Грузии	285	37	60	60	69	44	10	3	2				
Казахстана	92	11	15	25	12	11	9	4	5				
Киргизии	27	1	3	7	5	3	6	1	1				
Молдавии	63	4	5	15	14	12	5	3	5				
Таджикистана	89	11	12	26	30	9	0	0	1				
Туркмении	16	2	4	4	2	4	0	0	0				
Узбекистана	66	11	9	15	10	9	6	4	2				
Украины	725	46	79	167	167	118	49	46	52	1			
Других стран мира	219	23	20	45	55	35	22	13	6				

Окончание табл. 6

	Всего	В том числе в возрасте, лет							70 и бо- лее	Не указан
		0–9	10–19	20–29	30–39	40–49	50–59	60–69		
Афганистана	4	0	0	1	1	1	1	0	0	
Болгарии	5	1	0	1	0	1	2	0	0	
Вьетнама	28	6	0	4	16	2	0	0	0	
Германии	1	0	0	0	0	1	0	0	0	
Израиля	2	0	0	1	0	1	0	0	0	
Латвии	17	2	2	2	4	3	1	3	0	
Литвы	36	3	6	3	9	7	4	2	2	
Сирии	3	0	0	2	1	0	0	0	0	
США	11	0	0	3	5	1	1	1	0	
Турции	1	1	0	0	0	0	0	0	0	
Финляндии	34	5	1	5	9	7	6	1	0	
Эстонии	11	1	3	2	0	1	2	2	0	
Без гражданства	538	86	111	81	123	68	24	17	28	
Гражданство не указано	4757	331	655	743	742	887	597	424	307	71

Примечание. Источник: Национальный состав 2004: 1932–1933].

Статистика свидетельствует, что среди мигрантов России абсолютно преобладали лица от 19 до 49 лет. В Карелии этот показатель можно сузить до границ 19–39 лет, так как возрастные максимумы концентрируются в этом диапазоне (см. табл. 7).

Таблица 7

Распределение иностранцев из стран СНГ в Республике Карелия по возрастным группам. 2002 г., %

Иностранцы в Республике Карелия из:	Возрастные группы, лет								
	0–9	10–19	20–29	30–39	40–49	50–59	60–69	70 и более	Возраст не указан
стран СНГ	11,0	15,1	21,1	24,3	14,8	5,5	4,0	4,0	0,2
Азербайджана	16,2	19,9	17,9	29,3	13,0	1,3	0,8	0,7	0,8
Армении	15,9	17,5	22,1	22,8	14,0	5,3	1,8	0,7	0,0
Белоруссии	4,1	9,3	15,9	24,1	16,5	10,1	10,1	9,9	0,0
Грузии	13,0	21,1	21,1	24,2	15,4	3,5	1,1	0,7	0,0
Казахстана	12,0	16,3	27,2	13,0	12,0	9,8	4,3	5,4	0,0
Киргизии	3,7	11,1	25,9	18,5	11,1	22,2	3,7	3,7	0,0
Молдавии	6,3	7,9	23,8	22,2	19,0	7,9	4,8	7,9	0,0
Таджикистана	12,4	13,5	29,2	33,7	10,1	0,0	0,0	1,1	0,0
Туркмении	12,5	25,0	25,0	12,5	25,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Узбекистана	16,7	13,6	22,7	15,2	13,6	9,1	6,1	3,0	0,0
Украины	6,3	10,9	23,0	23,0	16,3	6,8	6,3	7,2	0,1

Примечание. Рассчитано по: [Национальный состав 2004: 1932–1933].

**Изменения в составе трудоспособного населения РК.
Потребность в трудовых ресурсах**

Численность населения в Республике Карелия сокращается, а с ним уменьшается и трудоспособная часть граждан. Как видно из данных табл. 8, за 1999–2015 гг. численность жителей республики сократилась на 159 186 человек и составила по состоянию на 1 января 2015 г. 632,5 тыс. человек [ДЕ РК 2015]. За период между двумя последними переписями (2002 г., 2010 г.) по республике в целом численность трудоспособного населения уменьшилась на 56,1 тыс. человек, или на 12,5 %.

Особенно значительно доля трудоспособного населения сократилась с 2002 по 2010 г. у белорусов (на 44,7%), финнов (на 44,1%), украинцев (на 43,2%). Также произошло сокращение лиц этого возраста среди русских на 9,7%, вепсов на 33,7% и карелов на 33% [О демографических].

Таблица 8

**Численность трудоспособного населения в Республике Карелия
в 1990–2015 гг. (на начало года)**

1990	1991	1992	1993	1994	1996	1997	1998	1999	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Население, всего																
791 719	791 459	789 509	786 088	778 118	763 360	756 003	749 837	743 573	735 462	689 601	648 718	642 582	639 681	636 932	634 402	632 533
В том числе в трудоспособном возрасте, тыс. чел.																
440,9	462,7	463,2	462,6	460,6	460,7	460,7	462,8	467,4	447,9	442,2	401,8	392,5	384,6	376,9	369,1	361,7
Удельный вес численности населения в трудоспособном возрасте в общей численности населения, %																
55,7	58,5	58,7	58,8	59,2	60,4	60,9	61,7	62,9	60,9	64,1	61,9	61,1	60,1	59,2	58,2	57,2

Примечание. Рассчитано по: Сведения за 1991–1999 гг.: [Правительство РК]. Сведения за 2000–2015 гг.: [Шумилова, Шумилова]. Расчет удельного веса за 1991–1999 гг. – авторский.

Показатель демографической нагрузки в республике увеличился с 591 человека в 2002 г. до 633 человек в 2010 г. Увеличение характерно для всех наиболее многочисленных национальностей. Особенно значительно у белорусов – с 744 до 939 человек, у вепсов – с 809 до 920 человек, у украинцев – с 476 до 712 человек, у финнов – с 650 до 788 человек.

Иная ситуация по показателю «доля трудоспособного населения» складывается у новых мигрантов в РК: она ожидаемо высока и превышает общереспубликанские показатели (см. табл. 9).

Таблица 9

Доля трудоспособного населения среди иностранных граждан Республики Карелия, 2002 г.

Иностранные граждане стран:	Доля трудоспособного населения, %
Азербайджана	68,0
Армении	69,2
Белоруссии	69,0
Грузии	73,0
Казахстана	70,7
Киргизии	85,2
Молдавии	68,3
Таджикистана	78,7
Туркмении	75,0
Узбекистана	65,2
Украины	72,8
Все граждане РК	62,8

Примечание. Источник: [Национальный состав 2004: 1932–1933].

Следует отметить, что для развития экономики имеют значение не только объективные демографические показатели, как например трудоспособный возраст, но и иные социально-экономические факторы, такие как структурные изменения экономики, усиление конкуренции на рынке труда. Под их действием численность экономически активного населения республики снижается. За период с 2010 по 2014 г. численность экономически активных мужчин уменьшилась на 11,5 тыс. человек (на 6,6%), женщин – на 10,4 тыс. человек (на 6,0%) [Шумилова, Шумилова]. Следовательно, анализируя вклад миграции в баланс трудоспособного и остальных групп населения, важно учитывать потенциал новых переселенцев с точки зрения не только воспроизводства населения, но и экономики.

Каких переселенцев ждет Карелия? Профессиональная характеристика мигрантов Республики Карелия

По оценкам специалистов, мировая экономика в ближайшие годы будет предъявлять все большие требования к профессиональной подготовке работников. «В течение ближайших 20 лет будет закрыта половина действующих рабочих мест. И открыто не меньше новых – для тех, кто способен обслуживать „Индустрию 4.0“» [Шумилова, Шумилова]. «Внедрение индустриального Интернета создаст миллионы новых рабочих мест для инженерно-технических работников в области IT, которые будут работать на производстве, подобно тому, как благодаря обычному Интернету они уже получили миллионы рабочих мест в сфере услуг и в заводских конторах» [Шумилова, Шумилова]. «Четвертая промышленная революция изменит ситуацию с распределением рабочей силы. Западные компании будут возвращать производство из развивающихся стран (которые в большей степени полагаются на традиционное хозяйство) в развитые страны или группироваться у себя дома в производственные кластеры, как, например, в Силиконовой долине. Таким образом, главные производства будут размещаться ближе к „мозговым центрам“ – в США и Германии» (цит. по [Шумилова, Шумилова]).

Заместитель директора Федеральной миграционной службы РФ А. Кузнецов считает необходимым снимать административные барьеры для привлечения иностранной рабочей силы, упрощать законодательство и создать условия для привлечения высококвалифицированных работников на основе долгосрочных трудовых договоров.

Не заглядывая далеко вперед, видим, что в начале второго десятилетия XXI в. в среднем в РК от работодателей в банк вакансий поступало 36–38 тыс. заявлений в год о свободных рабочих местах. В то же время искали работу и были зарегистрированы безработными в среднем 60 тыс. человек. Однако «закрыть» существующие вакансии не удастся по причине нехватки квалифицированных кадров, например, в горнодобывающей промышленности, обрабатывающих производствах, машиностроении, лесопромышленном, горном, строительном комплексах. «Существует дефицит рабочих профессий разного уровня квалификации (станочники, наладчики, электрики, газосварщики, слесари-сантехники, токари, фрезеровщики, облицовщики-плиточники, каменщики, трактористы на трелевке и вывозке леса и др.)» [Когда в России 2007].

Профессиональная структура имеющих разрешение на работу иностранцев в Карелии вряд ли соответствует этим требованиям времени. Хотя доля неквалифицированных рабочих среди них существенно ниже, чем

в России, – 9,5%, уровень квалификации остальных не вполне соответствует потребностям карельской экономики. Присутствие среди мигрантов рабочих горных, горно-капитальных, строительно-монтажных и ремонтно-строительных работ (458 человек, 25,8% всей численности) дополняется значимым удельным весом работников средней или низкой квалификации (например, водителей – 448 человек – более 25% общего числа). Представители последней категории рабочих конкурируют с местными безработными за рабочие места.

Кто уезжает из Карелии?

Из Карелии ежегодно выезжает примерно 2 тыс. человек. Жители республики мигрировали в соседние и центральные регионы, среди которых можно выделить города Санкт-Петербург, Москва, а также в Центральный федеральный округ. Небольшая убыль зафиксирована в связи с оттоком учащихся на территорию Финляндии.

Доля выехавших из РК лиц с высшим профессиональным образованием ниже среднероссийской примерно вдвое (2012 г. – 19%, 2009 – 24%), доля лиц со средним профессиональным образованием выше (2012 г. – 41,3%, 2009 – 61,2%). В то же время просматривается однозначная тенденция возрастания среди выезжающих на работу за рубеж доли лиц со средним общим образованием (38,5% в 2012 г. против 16,5% в 2005). Вероятно, эти лица рассчитывают не только на временное трудоустройство, но и на продление занятости.

Наблюдаемый отток населения из республики связан в первую очередь с замедлением темпов экономического развития, изменением структуры производства (понижением удельного веса наиболее трудоемких видов промышленной деятельности), оптимизацией издержек на рабочую силу, переходом к новым сетевым формам и технологиям работы бизнеса [Шумилова, Шумилова].

Влияние миграций на национальный состав населения Карелии

Изменение национального состава населения по данным переписей характеризуется следующими данными (см. табл. 10). Увеличивается доля представителей таких национальностей, как русские, а также азербайджанцы, армяне, узбеки, цыгане, грузины.

Изменения в национальном составе населения обусловлены действием трех факторов. Первый фактор связан с различиями в естественном воспроизводстве групп населения [Богоявленский]. Второй фактор связан

с процессами смены этнического самосознания. У всех народов (не считая русских) повысилась доля лиц, назвавших своим родным языком русский язык. Самые высокие темпы роста наблюдались у карелов и финнов, у которых доля лиц, назвавших родным русский язык, повысилась с 1989 по 2010 г. в 1,5 раза [О демографических]. Третий фактор – это внешняя миграция (пополнение этнической диаспоры республики новыми членами).

Таблица 10

**Изменения численности и доли представителей
многочисленных национальностей Карелии
по данным переписей населения 1989, 2002, 2010 гг.**

	Человек			В % к указавшим национальную принадлежность		
	1989 г.	2002 г.	2010 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.
Все население	790 150	716 281	643 548			
В том числе указавшие национальную принадлежность	790 140	711 395	617 668	100	100	100
Из них						
Русские	581 571	548 941	507 654	73,6	77,2	82,2
Карелы	78 928	65 651	45 570	10,0	9,2	7,4
Белорусы	55 530	37 681	23 345	7,0	5,3	3,8
Украинцы	28 242	19 248	12 677	3,6	2,7	2,0
Финны	18 420	14 156	8 577	2,3	2,0	1,4
Вепсы	5 954	4 870	3 423	0,8	0,7	0,5
Татары	2 992	2 628	1 888	0,4	0,4	0,3
Поляки	4 077	3 022	1 849	0,5	0,4	0,3
Азербайджанцы	620	1 753	1 793	0,1	0,2	0,3
Армяне	527	1 599	1 606	0,1	0,2	0,3
Цыгане	1 184	1 098	1 055	0,1	0,2	0,2
Чуваши	1 763	1 298	867	0,2	0,2	0,1
Литовцы	1 458	1 074	733	0,2	0,2	0,1
Узбеки	378	273	554	0,1	0,0	0,1
Мордва	1 179	808	534	0,1	0,1	0,1
Немцы	670	772	490	0,1	0,1	0,1
Молдаване	775	628	490	0,1	0,1	0,1
Евреи	1 203	719	474	0,2	0,1	0,1
Грузины	365	540	437	0,0	0,1	0,1
Другие	4 304	4 636	3 652	0,5	0,6	0,6

Примечание. Источник: [О демографических].

Начиная с 1989 г. численность тринадцати национальностей РК превышает 1 тыс. человек, однако в составе этой группы в период 1989–2002 гг. произошли изменения – менее тысячи насчитывали к 2002 г. мордва и евреи, более тысячи – азербайджанцы и армяне. В 2010 г. численность национальностей, превышающих 1 тыс. человек, сократилась до одиннадцати за счет выбывших из этой группы чувашей и литовцев.

В 1989 г. насчитывалось 17 национальностей, численность которых превышала 500 человек, в 2002 г. таких национальностей было 18, а в 2010 г. – 15. В 1989–2002 гг. в группу наиболее многочисленных национальностей вошли грузины, а в 2002–2010 гг. грузины из нее выбыли, так же как немцы и евреи (их численность сократилась, соответственно, с 772 до 490 человек и с 719 до 474 человек) и молдаване, но доля их во всем населении республики осталась на уровне 2002 г.

Русское население является наиболее многочисленным (507,7 тыс. человек) и составляет 82,2% общей численности населения. По сравнению с 2002 г. численность русских в 2010 г. сократилась на 41,3 тыс. человек, но доля их во всем населении республики увеличилась на 5%.

Второе место по численности населения в республике традиционно занимают карелы. Начиная с 1989 г. численность карелов и их доля во всем населении сокращались.

Несмотря на то что белорусы остались к 2010 г. на третьем месте, их численность сократилась с 2002 г. более чем на 14 тыс. человек, что привело и к значительному уменьшению доли белорусов в общей численности населения республики (на 28%).

За период 2002–2010 гг. уменьшилась численность финнов (на 40%), поляков (на 39%), украинцев (на 34%), вепсов (на 30%), татар (на 28%). Сокращение численности этих групп наблюдается с 1989 г.

Несколько последних десятилетий постоянно увеличивалась численность армян и азербайджанцев: с 1989 до 2002 г. рост азербайджанцев – в 2,8 раза, армян – в 3 раза. В межпереписной период 2002–2010 гг. численность представителей этих национальностей увеличилась лишь, соответственно, на 2,2% и 0,4%.

Увеличилась численность постоянно проживающих в республике лиц, отнесших себя к узбекам (с 273 до 554 человек, или в 2 раза), таджикам (с 201 до 365 человек, или в 1,8 раза), киргизам (с 40 человек до 63 человек, или в 1,6 раза). Однако их совокупная доля среди населения составляет менее 0,2% населения.

Как и в 2002 г., число лиц шести наиболее многочисленных национальностей составляет чуть более 97% всего населения республики.

Соотношение мужчин и женщин среди многочисленных национальностей изменилось следующим образом (см. табл. 11).

Таблица 11

Соотношение мужчин и женщин в многочисленных национальных группах в Республике Карелия. 2002 г., 2010 г.

	На 1000 мужчин приходится женщин					
	городское и сельское население		городское население		сельское население	
	2002 г.	2010 г.	2002 г.	2010 г.	2002 г.	2010 г.
Все население	1161	1195	1183	1214	1097	1128
Русские	1159	1190	1184	1215	1073	1093
Карелы	1268	1378	1363	1464	1164	1274
Белорусы	1240	1459	1225	1434	1258	1459
Украинцы	981	1073	1028	1126	865	935
Финны	1240	1331	1274	1356	1139	1251
Вепсы	1481	1568	1592	1650	1286	1410
Татары	947	1138	930	1097	994	1269
Поляки	1512	1789	1584	1894	1413	1621
Азербайджанцы	569	591	583	593	409	557
Армяне	749	767	764	786	602	619
Цыгане	940	994	958	969	892	1063
Чуваши	1138	1337	1123	1325	1159	1357
Литовцы	849	981	791	849	941	1261
Узбеки	468	388	475	373	417	541
Мордва	1110	1363	1066	1371	1187	1347
Немцы	847	856	839	875	883	771
Молдаване	539	508	660	595	315	324
Евреи	887	919	866	916	1400	1000
Грузины	646	502	650	498	591	542

Примечание. Источник: [О демографических].

Наиболее неблагоприятное соотношение полов (высокая доля женщин) у белорусов, карелов, русских и вепсов. Значительное превышение численности мужчин над численностью женщин отмечается у следующих национальностей: узбеки, молдаване, азербайджанцы, грузины, армяне. Отчасти это связано с особенностями временной трудовой миграции, когда кормилец семьи, мужчина, уезжает на заработки, оставив семью на прежнем месте жительства.

Миграция и региональная идентичность

С усилением миграционного давления на развитые страны этнокультурная структура усложняется. Исследователи отмечают, что доверие между людьми не увеличивается, а уменьшается, по мере того как растет разнообразие [Малахов 2014: 91]. Это ставит на повестку дня вопрос об интеграции новоприбывших и ее форме [Малахов 2014: 84–85]. Готовность к ней зависит от отношения к территории проживания.

Результаты опроса приезжего и принимающего населения Республики Карелия 2006 г. [Пивоев, Бирин, Швец, Ижикова 2013: 12] показывают, что отношение респондентов к своему региону больше нейтральное («не хуже и не лучше других»). Таких ответов было 61,8%. При этом, характеризуя свое отношение к Карелии, респонденты отмечали два фактора: природный и человеческий. В качестве привлекательных моментов называли «красивую природу» и «доброту людей», а в качестве отрицательных их антипод – «суровый климат» и «неприветливость северян». Около 6% опрошенных выразили желание покинуть регион.

Интересно сравнить ответы респондентов на вопрос о тех, кого участники опроса считали «своими». Максимальную долю получили ответы «свои – это жители своего поселения» (48,4%), в то время как ответ «свои – это все жители республики» (12,7%) набрал невысокое значение. Не считали «своими» жителей Карелии 33,7% опрошенных, что свидетельствует о довольно низкой региональной сплоченности.

38,8% респондентов оценивали отношения переселенцев и коренного населения как «нормальные, хотя бывают недоразумения». Важно, тем не менее, указать, что настороженность в этом вопросе испытывали 26,5% участников опроса. На этом фоне 8% респондентов, сказавших, что испытывают этнодискриминацию в Карелии, выглядит тревожным фактом. 4,1% назвали себя «незащищенными в религиозной сфере».

Об отношении к переселенцам можно судить и по опросу, проведенному в Карелии, среди мигрантов в 2010 г. [О результатах]. Большая часть мигрантов – 62% – полагали, что частота возникновения напряженности между иностранными гражданами и местными жителями не изменилась или снизилась, а 24% – что увеличилась.

Эксперты-участники опроса о нелегальной миграции в РК [Результаты] (представители УФМС России по РК; МВД Карелии; УВД г. Петрозаводска; Государственного комитета РК по вопросам местного самоуправления; Министерства по вопросам национальной политики и связям с религиозными объединениями РК; Министерства экономического развития РК; Общества карельско-арабской дружбы) оценивали

влияние мигрантов на криминогенную обстановку как незначительную (доля таких ответов – 65 %).

Показательно сравнение мнений переселенцев и экспертов по вопросу о последствиях миграции. Почти полное единодушие они продемонстрировали в одном: «дешевое и качественное выполнение работ». В то же время по другим ответам заметны значительные отличия. Приезжим явно не импонировал тот факт, что они занимают рабочие ниши, не востребованные у местного сообщества, и что они лишь «поставщики дешевых товаров». Примечательно, что о привнесении этнического и культурного разнообразия в общество заявляли в основном мигранты, а не эксперты-аналитики (табл. 12).

Таблица 12

Результаты экспертного исследования масштабов незаконной миграции на территории РК, 2010 г.

Положительные последствия миграции	Мнение экспертов	Мнение мигрантов
Мигранты работают там, где не хотят работать местные жители	58 %	38 %
Поставка дешевых товаров и продуктов (ремонтируют квартиры, привозят дешевые товары и продукты)	16 %	4 %
Дешевое и качественное выполнение работ (дешево и качественно строят дома/дачи)	16 %	18 %
Привносят этническое и культурное разнообразие в общество	6 %	22 %
Улучшение демографической ситуации	6 %	12 %
Положительные последствия миграции отсутствуют	8 %	12 %

Примечание. Источник: [О результатах].

Подобные опросы, безусловно, полезны для выявления особенностей восприятия различных групп населения, стереотипов и психологических установок. Их ежегодные, сравнимые друг с другом результаты позволили бы осуществлять эффективный мониторинг и фиксировать изменения ситуации. Эта необходимость подчеркивается и в стратегических миграционных документах [Стратегия 2020].

Миграция – региональный ответ

В силу исторических обстоятельств и не без влияния миграций в Карелии сложился поликультурный социум с характерными формами сосуществования разных культур [Сердцем принять]. При этом мозаичность этого общества в последние 25 лет увеличилась.

Это происходило на фоне общего снижения численности населения, изменения состава переселенцев и собственно принимающего общества, изменения требований рынка труда. Оказывали влияние и вопросы занятости приезжего населения, часть которого не компенсировала убыль, а конкурировала за рабочие места с местным населением. Возникали вопросы отношения общества к проблемам интеграции мигрантов в Карелии. В условиях глобализации ориентация на право сохранения собственной идентичности усиливается. Переселенцы нередко демонстрировали это право, используя в публичной практике родной язык, строя религиозные здания и культурные центры, практикуя иные нормы поведения [Сердцем принять]. В условиях информационного общества изменилось и само общение людей, все больше протекающее при посредничестве новых средств коммуникации. Свойственная им высокая скорость передачи информации, возможность группового взаимодействия в сети сформировали новые формы сообществ, участниками которых часто становились и становятся люди с похожей культурой.

На этом фоне принимающее общество всерьез озаботилось вопросами сохранения региональной идентичности. Фиксируемые в социологических опросах в Карелии негативные стереотипы о «кавказцах» создали угрозу преувеличенных страхов и упрощенных решений и привели к проявлениям этнических конфликтов [Григорьев 2007; Милукова 2016]

Изменения демографической и миграционной ситуации в Карелии последних 25 лет; динамика состава населения; потребности экономики Карелии, заинтересованной, скорее, в «штучном» квалифицированном трудовом ресурсе; динамика региональной идентичности, развивающейся от бурной ревитализации коренных народов Карелии начала 1990-х гг., прошедшей «кондопожский кризис», к анализу социально-правовой совместимости и возможности сотрудничества мигрантов и принимающего населения в настоящее время, – все это весьма сложный клубок региональных обстоятельств, требующих решения.

Назрела необходимость децентрализации и регионализации решения вопросов трудовой миграции, которые не могут проводиться без постоянного и детального отслеживания изменяющейся ситуации в составе населения и его настроений, рынка труда и перспектив его развития.

Источники

ДЕ РК 2009 – Демографический ежегодник РК: Стат. сб. / Под ред. А. П. Окоротышева / Карелиястат. Петрозаводск, 2009. 120 с.

ДЕ РК 2015 – Демографический ежегодник Республики Карелия: Стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Карелия (Карелиястат). Петрозаводск, 2015. 107 с.

Единая – Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС) Государственная статистика. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.fedstat.ru/indicator/46162>.

Концепция – Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (пункт 7). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://pvsmd.ru/doc/kgmp.pdf>.

Национальный состав 2004 – Национальный состав и владение языками, гражданство. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. 1130 с. (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: В 14-ти т. / Федер. служба гос. статистики; Т. 4. Кн. 2).

Обзор изменений 62 – Обзор изменений Федерального закона от 31.05.2002 № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_80429/

Обзор изменений 115 – Обзор изменений Федерального закона от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76813/

Правительство РК – Правительство РК. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gov.karelia.ru/Leader/Document/Osnov/r26.html>.

Экономическое 1998 – Экономическое и социальное развитие городов и районов Республики Карелия / Госкомстат РК. Петрозаводск, 1998. 225 с.

Литература

Бальчионене Н. И. Некоторые характеристики миграционных процессов России и Республики Карелия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-harakteristiki-migratsionnyh-protsessov-rossii-i-respubliki-kareliya>.

Блог В. А. Тишкова. Республика Карелия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/kollektivn/na_puti_k_/respublika4.html.

Богоявленский Д. Рождаемость народов через призму детности. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0531/tema06.php>.

Григорьев М. С. Кондопога: что это было. М.: Европа, 2007. 216 с.

Из доклада О. Н. Колесникова «О миграционной ситуации в Республике Карелия» // Материалы Международного «круглого стола» «Миграционные процессы в Республике Карелия: ситуация и тенденции» / Составитель И. А. Крутикова. Петрозаводск: Острова, 2008. С. 4.

Из доклада А. А. Манина (Министр РК по вопросам национальной политики и связям с религиозными объединениями) «Роль и место социокультурной адаптации мигрантов в гармонизации межнациональных отношений» // Там же. 2008. С. 6–9.

Из ответа О. Н. Колесникова (начальник Управления федеральной миграционной службы России по РК) на вопрос на сайте «Карелия официальная»: Когда в России будет действовать «УМНАЯ» миграционная политика? 2007. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gov.karelia.ru/Leader/Admin/Question/quest2.html>.

Из приветственного слова Н. И. Левина (председатель Законодательного собрания РК) участникам Международного «круглого стола» «Миграционные процессы в Республике Карелия: современная ситуация и тенденции» // Материалы Международного «круглого стола» «Миграционные процессы в Республике Карелия: ситуация и тенденции» / Составитель И. А. Крутикова. Петрозаводск: Острова, 2008.

Когда в России будет действовать «УМНАЯ» миграционная политика? 2007. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gov.karelia.ru/Leader/Admin/Question/quest2.html>.

Малахов В. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. М., 2014.

Международная миграция и развитие // MIMUN 2016. Доклад эксперта. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://modelun.ru/reports/GA-Report.pdf>.

Милюкова И. А. Межнациональные отношения в Республике Карелия глазами учащейся молодежи // Северная Европа в XXI веке: природа, культура, экономика. Материалы междунар. конф., посвящ. 60-летию КарНЦ РАН. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2016.

О демографических и социально-экономических характеристиках населения отдельных национальностей Республики Карелия (по итогам Всероссийской переписи населения 2010 года). [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://krl.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krl/

О продолжительности проживания в месте постоянного жительства и жилищных условиях населения Республики Карелия (по итогам Всероссийской переписи населения 2010 года). [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.gks.ru.

О результатах экспертной оценки масштабов нелегальной миграции на территории Республики Карелия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gov.karelia.ru/Power/Antiterror/101025.html>.

Об итогах работы Общественно-консультативного совета при Управлении Федеральной миграционной службы по Республике Карелия в 2008 году. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gov.karelia.ru/Power/Office/Migration/otch08.html>.

Пивоев В. М., Бирин В. Н., Швец Л. П., Ижикова Н. В. Социокультурный портрет Республики Карелия. По результатам социологического исследования. 2-е изд. М.: Директ-Медиа, 2013. 156 с.

Политика интеграции мигрантов в России: вызовы, потенциал, риски. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://russiancouncil.ru/common/upload/wp_migration_413.pdf.

Результаты экспертного исследования масштабов незаконной миграции на территории Республики Карелия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gov.karelia.ru/Power/Antiterror/101025.html>.

Рязанцев С. В. Торговля людьми с целью трудовой эксплуатации и незаконная трудовая миграция в Российской Федерации: формы, тенденции, противодействия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.cbss.org/wp-content/uploads/2012/11/russian_report_RU_PFD.pdf.

Сердцем принять Русский Север: азербайджанцы, армяне, грузины, евреи, марийцы, поляки, татары, украинцы, эстонцы: [сборник / руководитель проекта Фарида Фадеева; редакционная группа: В. Н. Бирин и др.]. Петрозаводск: Острова, 2018. 107 с.

Стратегия 2020: Россия ждет самых лучших мигрантов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.migrant.ru/news.php?id=1100>.

Шумилова М. М. Об основных тенденциях демографического развития в Карелии, сложившихся в период экономических реформ // Социально-экономическое, духовное, культурное возрождение Карелии. Вторые Арсеньевские чтения. Петрозаводск, 2000. С. 104–108.

Шумилова Т. М., Шумилова М. М. Может ли Россия победить в конкуренции за трудовые ресурсы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: labourmarket.ru/conf12/content/reports/shumilova_shumilova.doc.

Этническая идентичность и толерантность молодежи Республики Карелия: Аналитический обзор / Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «КГПУ», Центр социальных исследований КГПУ. Петрозаводск, 2006.

Сведения об авторе. Кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе ИЯЛИ КарНЦ РАН.

Содержание

Предисловие	3
<i>Кочуркина С. И.</i> Археологические памятники и этнокультурные ареалы средневековой Карелии	9
<i>Жуков А. Ю.</i> Ребольский погост в XVI–XVIII вв. Самоорганизация крестьянского мира и формирование этнокультурной общности карелов: потенциал междисциплинарных исследований	36
<i>Ефимова В. В.</i> Этноконфессиональная политика имперского правительства и ее реализация в Олонецкой губернии в 1820-х гг.	74
<i>Пулькин М. В.</i> Православный приход как фактор межэтнического взаимодействия в конце XVIII – начале XX в. (по карельским материалам)	97
<i>Калинина Е. А.</i> Проблемы преподавания карельского языка в Олонецкой духовной семинарии в XIX в.	121
<i>Дубровская Е. Ю.</i> Карельское приграничье в провинциальной православной публицистике периода Первой мировой войны и в публицистических материалах национального движения северных карелов 1920 г.	134
<i>Витухновская-Кауппала М. А.</i> Гражданская война в карельских регионах России: проблемы и перспективы изучения	152
<i>Филимончик С. Н.</i> Общественные организации писателей Советской Карелии в 1920–1930-е гг.	185
<i>Такала И. Р.</i> Этнические аспекты государственной репрессивной политики в Советской Карелии 1920–1930-х гг.	211
<i>Танана А. Н.</i> Этнополитическая составляющая газетной пропаганды финских оккупационных властей в Карелии в 1941–1944 гг.	253
<i>Строгальщикова З. И.</i> Этнические процессы в Карелии в постсоветский период (особенности реализации этнонациональной политики)	273
<i>Нагурная С. В.</i> Электронная письменность на карельском языке	303
<i>Яловицына С. Э.</i> Миграционные процессы в Республике Карелия. 1990–2015 гг.	312

Научное издание

**ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ И ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ
ПРОЦЕССЫ В КАРЕЛИИ
ОТ СРЕДНИХ ВЕКОВ ДО НАШИХ ДНЕЙ**

STUDIA NORDICA

III

*Печатается по решению Ученого совета
Института языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН*

Редактор *Л. В. Кабанова*
Оригинал-макет *М. И. Федорова*
Обложка *А. Н. Соломец*

Подписано в печать 09.12.2019 г. Формат 60×84^{1/16}.
Гарнитура Times. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 21,3. Усл. печ. л. 19,76.
Тираж 300 экз. Заказ № 590.

Федеральный исследовательский центр
«Карельский научный центр Российской академии наук»
Редакционно-издательский отдел
185003, Петрозаводск, пр. А. Невского, 50